

**МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

**САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XXXIX

ВЫПУСК ИСТОРИЧЕСКИЙ

**САРАТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1954**

*МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР*

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XXXIX

ВЫПУСК ИСТОРИЧЕСКИЙ

САРАТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1954

*Печатается по решению Ученого
совета Саратовского государственного
университета имени Н. Г. Чернышевского
от 5.II-1954 г.*

Ответственный редактор доцент *С. С. Хохлов.*

Председатель редколлегии *И. В. Синицын*, члены
редколлегии: кандидаты исторических наук
Л. А. Дербов, И. С. Кашкин, С. М. Стам
и *В. А. Осипов.*

I. ИСТОРИЯ СССР

С. А. СОКОЛОВ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ХЛЕБ В 1918 ГОДУ

(По материалам Саратовской губернии)

Советская Россия весной и летом 1918 года испытывала острый продовольственный кризис. „Мы в трудном положении: Советская республика переживает, может быть, один из тяжелых своих переходов“¹, — говорил В. И. Ленин в начале июня 1918 года.

Англо-американские, французские, немецкие и японские империалисты, используя внутреннюю контрреволюцию и объединившись с ней, направили свои силы на захват основных продовольственных, сырьевых и топливных районов Советской России. Они захватили Украину, Среднее Поволжье, часть Сибири, отрезали от Советской республики Северный Кавказ. Иностранные интервенты пытались изолировать и ослабить пролетарское государство, свергнуть в России Советскую власть.

Делом жизни для социалистического государства стало немедленное проведение продовольственной политики, провозглашенной Коммунистической партией и Советским правительством. В стране была установлена продовольственная диктатура.

Юг России, в частности Царицын, оказался в 1918 году в центре продовольственной и военной борьбы Советской страны. Заготовка хлеба на юге России, а также в таких губерниях, как Саратовская, Самарская и другие, приобрела общегосударственное значение.

Когда контрреволюция отрезала от Советской республики Северный Кавказ и захватила Украину, Сибирь и Среднее Поволжье, партия и Советское правительство перенесли центр заготовок хлеба в Саратовскую и Самарскую губернии. В результате мер, принятых ЦК РКП(б) и СНК, в Саратовской

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 398.

губернии была восстановлена хлебная монополия и введены твердые цены, ранее отмененные оппортунистическим руководством местного Совета, реорганизован весь продовольственный аппарат губернии, установлена продовольственная диктатура.

В Саратовской и Самарской губерниях произошел резкий перелом в ходе заготовок хлеба. Саратовская губерния стала одним из важнейших в стране источников снабжения хлебом промышленных центров. Из урожая 1918 года здесь было заготовлено около 14 миллионов пудов хлебных продуктов. Саратовская и Самарская губернии сдали государству в 1918 году более трети всего заготовленного в стране хлеба.

Успех борьбы за хлеб имел тогда огромное значение для судеб страны. Изучению этого этапа борьбы за хлеб в Саратовской губернии и посвящается настоящая статья.

Октябрьская социалистическая революция уничтожила буржуазно-помещичий строй. Российский пролетариат взял в свои руки власть. Социалистическая революция поставила вопрос об уничтожении всякой эксплуатации, искоренении всех и всяких эксплуататоров.

„Особая роль Советской власти,—указывал И. В. Сталин,—объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что Советская власть должна была не заменить одну форму эксплуатации другой формой, как это было в старых революциях, а ликвидировать всякую эксплуатацию; во-вторых, тем, что ввиду отсутствия в стране каких-либо готовых зачатков социалистического хозяйства, она должна была создать, так сказать, на „пустом месте“ новые, социалистические формы хозяйства“¹.

Впервые, как хозяева земли, крестьяне, начали вкладывать в нее свой свободный труд. По данным статистического отдела Саратовского губпродкома, площадь посевов озимых хлебов в губернии в 1917 году составляла 114,3% к площади озимых 1916 года. В уездах она достигала: в Саратовском 122,6%, Вольском 126,1%, Камышинском 127,6%, Хвалынском 131,5%, Царицынском 133% и т. д.

Значительное увеличение посевной площади произошло за счет конфискации помещичьих земель и передачи их крестьянам.

В 1918 году ожидался хороший урожай. Общий сбор хлебов по республике, как отмечали делегаты V Всероссийского съезда Советов, должен был быть вполне удовлетворительным, а местами выше среднего и отличным“².

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 7.

² „Известия ВЦИК“ № 143, 10 июля 1918 г.

Надо было собрать 1 миллиард 246 миллионов пудов хлеба¹. Уборку предстояло осуществить в такое время, когда трудящиеся вели наиболее острую борьбу с внешней и внутренней контрреволюцией, в момент напряженнейшего продовольственного положения в стране.

2 августа 1918 года В. И. Ленин доложил СНК выработанные им „Тезисы по продовольственному вопросу“. Это был исчерпывающий план предстоящей уборки первого советского урожая и ссыпки хлеба государству.

По указанию В. И. Ленина, уборка урожая и сдача хлеба государству в 1918 году впервые были превращены нашей партией из дела „частного“, которое „только меня касается“, в величайшую, имеющую всемирно-историческое значение, борьбу социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности.

Правильное распределение хлеба, усиление производства его, строжайший учет и контроль над этим со стороны рабочих, — „это — уже не „общереволюционная“, а именно коммунистическая задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму“, — указывал В. И. Ленин в письме к питерским рабочим „О голоде“².

Ленинские „Тезисы по продовольственному вопросу“ явились не только исчерпывающим планом уборки первого советского урожая и ссыпки хлеба государству. В них была дана глубокая характеристика положения Советской республики в момент наиболее напряженного продовольственного кризиса и острой борьбы с внешней и внутренней контрреволюцией летом 1918 года.

„Чехословакам, белогвардейцам, кулакам, эсерам, меньшевикам удалось свергнуть Советскую власть в Поволжье летом 1918 года потому, что их поддержала значительная часть среднего крестьянства. То же самое было во время мятежей, организованных кулаками в центральной России“³.

События лета 1918 года требовали не только быстрого развертывания и осуществления заготовок хлеба. Они выдвигали неотложную задачу нейтрализации середняка в происходившей жестокой борьбе пролетариата с буржуазией, чтобы в дальнейшем привлечь среднее крестьянство на сторону Советской власти.

¹ „Известия Нар. Ком-та по продовольствию“ № 24—25, декабрь 1918 г., стр. 10, 12, 13. Валовой сбор хлебов (рожь, пшеница, просо, гречиха) в 1918 году по 25 губерниям, которые к осени 1918 г. входили в состав Советской Республики, составлял 803 449 тысяч пудов против 644 089 тысяч пудов в 1917 г., а кормовых (овес, ячмень) — 442 254 тысячи пудов против 308 326 тысяч пудов в 1917 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 360.

³ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 223.

Предлагая в „Тезисах по продовольственному вопросу“ повысить цены на хлеб, что было равнозначно понижению для крестьян цен на мануфактуру и другие промышленные товары, В. И. Ленин подчеркивал, что только эта система „...может помочь нам быстро увеличить ссыпку хлеба в ряде хлебных губерний (Симбирской, Саратовской, Воронежской и т. п.), может помочь нам нейтрализовать в гражданской войне наибольшее возможное число крестьян¹“.

Меры по уборке первого советского урожая и ссыпке хлеба государству, предложенные В. И. Лениным, послужили основой августовских (1918 г.) продовольственных декретов Советского правительства.

На заседаниях СНК с 3 по 6 августа 1918 года было разработано и принято ряд декретов и положений².

После опубликования декрета „О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций“ в продовольственной работе приняли активнейшее участие индустриальные рабочие. Крупным профессиональным объединениям, в том числе железнодорожным и фабрично-заводским комитетам, а также уездным и городским Советам было предоставлено право создавать свои продовольственные отряды.

Такой принцип организации рабочих продовольственных отрядов отличался от реквизиционно-продовольственных отрядов Продармии весны 1918 года. Тогда на заготовки хлеба были мобилизованы в основном армейские части, специально переформированные для „систематических военных действий по завоеванию, отвоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива“³. Эта перестройка „для войны за хлеб и на ведение такой войны—на 3 месяца: VI—VIII“⁴ и породила по-военному организованную Продармию. В нее и тогда входили рабочие продовольственные отряды, но как отдельные и количественно незначительные единицы.

Летом и осенью 1918 года быструю уборку нового урожая и ссыпку без промедления хлеба государству можно было осуществить не путем участия в заготовке хлеба отдельных рабочих отрядов, а лишь при помощи массового привлечения рабочих к продовольственному делу.

На рабочие отряды возлагались не только реквизиционно-продовольственные функции, как это было в Продармии, но и доставка хлеба в голодающие центры страны. Поэтому декрет „О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций“ Ленин называл еще декретом „о коллективных поездах“.

В декрете „Об уборочных и уборочно-реквизиционных от-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 28.

² Ленинский сборник XVIII, стр. 129—141.

³ Там же, стр. 93.

⁴ Там же, стр. 93.

рядах" были определены задачи этих отрядов. На них возлагалась уборка озимых с полей бывших помещичьих экономий, кулаков и богатеев, а также в прифронтовых местностях, содействие своевременной уборке всех хлебов вообще и ссыпке излишков в государственные склады.

Декрет поручал всем губернским и уездным советам, комитетам бедноты и профессиональным организациям совместно с органами Народного Комиссариата продовольствия и земледелия немедленно приступить к созданию уборочных и уборочно-реквизиционных отрядов. Для уборки урожая предлагалось использовать отряды рабочих и крестьян голодающих губерний, посланных для реквизиции хлеба, а также начать организацию и местных отрядов.

Обязанности и задачи заградительных реквизиционных продовольственных отрядов на железных дорогах и водных путях устанавливались „Положением о заградительных реквизиционных продовольственных отрядах“, принятым СНК 4 августа 1918 года.

„Декрет об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях“ относился в первую очередь к районам, располагавшим излишками сельскохозяйственных продуктов. К числу таких районов декрет относил и Саратовскую губернию.

Только деревенской бедноте, пролетарским элементам деревни (рабочим и мелким ремесленникам) и лицам свободных профессий, живущим заработной платой, разрешалось приобретать товары за деньги, но с тем условием, чтобы каждым уездом было сдано продовольственных продуктов на сумму не менее 85% стоимости товаров, отпущенных кооперативам.

Для организации товарообмена В. И. Ленин считал необходимым провести „...ряд самых экстренных мер по реквизиции всех продуктов городской промышленности...“¹.

В. И. Ленин и И. В. Сталин придавали особое значение установлению твердых цен на хлеб. И. В. Сталин, назначенный СНК общим руководителем продовольственного дела на Юге России, в первой телеграмме В. И. Ленину из Царицына от 7 июня 1918 года отмечал неразбериху во всех сферах местной хозяйственной жизни и указывал на необходимость добиться в городах Нижней Волги „введения карточной системы и твердых цен“².

В ленинских „Тезисах по продовольственному вопросу“ первые три тезиса были посвящены вопросу о твердых ценах на хлеб. Установление соответствующих твердых цен стало важнейшим звеном политики диктатуры пролетариата в годы гражданской войны.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 28.

² И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 116.

„Исход гражданской войны зависел во многом от того, куда колебнется середняк, какой класс сумеет привлечь к себе среднее крестьянство — пролетариат или буржуазия“¹. Повышение твердых цен на хлеб было одной из мер, привлекавших среднее крестьянство на сторону пролетариата.

8 августа 1918 года „Известия ВЦИК“ напечатали постановление Народного Комиссариата Продовольствия и ВСНХ о твердых ценах на хлеб урожая 1918 года. Эти цены устанавливались в стране до 1 декабря. За хлеб, сданный после 1 декабря 1918 года, делалась скидка на 25%, после 1 февраля 1919 года — на 35%, после 10 апреля — на 40% и после 15 июня — на 50%. Установление такой шкалы понижения цен на хлеб, сдаваемый с задержкой на несколько месяцев, было направлено против кулачества, стремившегося придержать зерно.

8 августа было опубликовано обращение Совета Народных Комиссаров ко всем трудящимся „На борьбу за хлеб“, в котором снова напоминалось, что: „Призываемые на героическую борьбу с голодом трудящиеся массы должны целиком осуществить на деле диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства в области продовольственного дела...“².

Укрепление продовольственной диктатуры было особенно необходимо в Саратовской губернии, поскольку оппортунистическое руководство местного Совета сначала всячески тормозило, а затем даже отменило хлебную монополию и введение твердых цен.

Августовские декреты СНК помогли осуществить реорганизацию продовольственного аппарата Саратовской губернии. Реорганизованный Губпродком был составлен из 4 представителей от центральной власти и 4 — от исполкома Совета и возглавлялся чрезвычайным комиссаром по продовольствию и председателем Чокпрода³, командированным из Царицына И. В. Сталиным.

Губпродком нового состава приступил к практической реализации августовских продовольственных декретов. Уборка первого советского урожая в Саратовской губернии была объявлена „основной и ближайшей задачей продовольственной политики“⁴.

Губернская партийная организация совместно с продовольственной коллегией создала специальный орган по руководству уборкой урожая и потребовали от Губземотдела немедленно начать необходимую подготовку. Было решено мобилизовать население на полевые работы, в первую очередь не-

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 223.

² Ленинский сборник XVIII, стр. 140.

³ Чокпрод — Чрезвычайный областной продовольственный комитет на юге России.

⁴ „Известия Саратовского Губпродкома“ № 2, 21 июля 1918 г.

трудовую часть, а также беженцев и безработных. Мобилизации подлежали также и перевозочные средства. Надо было организовать правильный государственный учет распределения рабочей силы, сельскохозяйственных машин и урожая, поставить контроль над выполнением установленных норм потребления, над ссыпкой хлеба и расходом финансов ассигнований на уборку, наладить руководство работой агентов и служащих зернохранилищ.

В уездах губернии начали работать специальные статистические отряды. Они переписывали наличные посевные площади, количество населения, живой инвентарь, выясняли размеры предполагаемых на будущий год площадей посева.

Статистическими отрядами и волостными учетными коллегиями руководили губернские и уездные продкомы.

Проведенный учет подтвердил предположение о предстоящем значительном сборе хлебов и окончательно разоблачил попытку бывшего оппортунистического руководства Губпродкома объявить Саратовскую губернию потребляющей хлеб, а не производящей. По уточненному учету размер валового сбора хлебов по Саратовской губернии был на 86592,5 пуда выше ранее предполагавшегося¹.

Партия и Советское правительство оказали необходимую помощь уездным советским продовольственным органам. В частности, Чрезвычайный областной продкомитет на юге России (Чокпрод) прислал из Царицына для снабжения крестьян баржу сельскохозяйственных машин, главным образом жаток.

Губернская партийная организация направила в уборочно-заготовительные и заградительные отряды 240 коммунистов. Губпродком командировал в уезды губернии 163 продовольственных работника, в большинстве своем коммунистов.

Для оказания помощи населению в уборке урожая Саратовский Губпродком располагал средствами в сумме 3 миллиона рублей. По указанию Наркомпрода губернские организации севера страны должны были ассигновать для проведения уборки в Саратовской губернии 6—7 миллионов рублей². Кроме того, государство ассигновало средства на наем сельскохозяйственных рабочих, необходимых для уборки урожая на бывших помещичьих землях.

Губернские партийные и советские организации предложили всем уездным продкомам и земельным отделам не только провести уборку нового урожая с бывших помещичьих земель, но и организовать немедленную молотьбу и ссыпку хлеба в государственные амбары.

В соответствии с указаниями ЦК РКП(б) и Советского правительства, бывшие помещичьи экономии необходимо было

¹ Саратовский Обл. Гос. Архив, далее СОГА, ф. 523, оп. 2, д. 3, л. 57.

² „Известия Саратовского губпродкома“ № 3, 26 июня 1918 г., стр. 17.

превратить в образцовые советские хозяйства. В решении этой задачи успешная уборка урожая играла большую роль.

В процессе осуществления августовских декретов правительства выяснилось, что некоторые уездные продовольственные комиссариаты плохо осведомили крестьян о новых твердых ценах на хлеб. Члены Губпродколлегии, выехав в уезды, разъясняли крестьянам значение продовольственных декретов, призывали сдавать государству все излишки хлеба по твердым ценам и объясняли, что шкала понижения цен направлена против кулачества, намеренно задерживающего хлеб.

Саратовская губерния была разделена на 19 хлебозаготовительных районов, с сетью ссыпных пунктов. В специальной листовке Губпродком широко обнародовал твердые цены на хлеб урожая 1918 года и адреса ссыпных пунктов, открываемых в губернии.

Благодаря перебазированию Чокпрода и его товарных фондов из Царицына в Саратов, губерния стала располагать значительным количеством промышленных товаров. Шестьдесят процентов сдаваемого хлеба обменивалось здесь на товары первой необходимости. В уездных продкомах были созданы отделы по товарообмену, ведавшие не только товарами, поступавшими извне, но и товарами местной выработки. При заготовительных районах губернии были организованы 22 товарообменных пункта, которые действовали параллельно с зернохранилищами и ссыпными пунктами. Оплата сдаваемого хлеба производилась в местах ссыпки. Сдатчикам вручались особые квитанции на право получения определенного количества товаров в местном товарообменном пункте. Товары выдавались только по предъявлении этих квитанций и не отдельному сдатчику, а обществу потребителей для распределения.

Трудящиеся крестьяне поддержали такой порядок товарообмена и сдачи хлеба государству. Он соответствовал их интересам и был направлен против кулачества, помогал Советской власти спасти от голода рабочих и крестьян центральных и северных районов страны, обеспечивал продовольствием Красную Армию.

Саратовский губпродком обратился с призывом к трудовому крестьянству сдавать хлеб государству.

Обращение Губпродкома вызвало среди крестьян подъем и усилило их активность в проведении уборки. Повышение твердых цен на хлеб и организация товарообмена вызвали у крестьян заинтересованность в быстром обмолоте хлеба и сдаче его государству. Против кулачества, злостно задерживающего хлеб, принимались строгие меры революционной законности.

Местные советские и партийные органы мобилизовали на уборку и заготовку хлеба нового урожая лучшие свои силы. В Аткарском, Петровском и других заготовительных районах заведующие и смотрители ссыпных пунктов, члены местных

Советов, все коммунисты разъясняли крестьянам порядок ссыпки хлеба, основы товарообмена, призывали крестьян выполнить свой гражданский долг перед государством.

В. И. Ленин просил систематически информировать его о ходе уборки и ссыпки хлеба в Саратовской губернии. Он требовал вести самый точный учет хлеба и промысленных товаров, обмениваемых на хлеб, привлекать к продовольственному делу деревенскую бедноту и поощрять крестьян тех волостей, которые окажутся передовыми в сдаче хлеба государству.

В. И. Ленин лично руководил деятельностью уполномоченных Совнаркома в Саратовской и других губерниях. В телеграмме одному из уполномоченных СНК по Саратовской губернии В. И. Ленин писал:

„Указанный Вами размер излишков явно преуменьшен. Соберите поточнее данные. Необходимо выделить образцовые, то есть с наилучшей организацией бедноты села и волости, чтобы, во-первых, определить без утайки количество излишков хлеба, а во-вторых, чтобы наградить крупной премией волости, давшие полную очистку и ссыпку всех без изъятия излишков хлеба. Передайте это всем продовольственникам и телеграфируйте ответ. Грузите скорее хлеб“¹.

Требование В. И. Ленина — грузить скорее хлеб — было основным лозунгом продовольственной работы в уездах.

Одним из лучших в уборке и сдаче хлеба государству оказался в губернии Петровский уезд. Здесь уборка была закончена 26 августа, тогда же началась и молотьба. Работали три молотильных отряда, созданных Губпродкомом из рабочих и бедноты. В первый же день молотьбы из Петровска был отправлен для голодающей Москвы маршрут продовольствия: 12 000 пудов муки, 3 000 пудов ржи, 60 голов рогатого скота, около 300 пудов солонины².

Уполномоченный СНК в Петровске доложил В. И. Ленину о том, что все силы в уезде мобилизованы на уборку и обмолот хлебов.

„Если все силы мобилизованы в вашем уезде, то ясно, что надо затребовать отсюда обмолотные отряды рабочих, ибо надо ускорить сбор хлеба во много раз“³, — ответил телеграммой В. И. Ленин. Одновременно он предлагал нанести удар кулачеству, сопротивляющемуся продовольственной диктатуре, рекомендуя продовольственникам Петровского уезда составить „поволостные списки богатейших крестьян, отвечающих жизнью за правильный ход работы по снабжению хлебом голодных столиц“⁴.

¹ Ленинский сборник XVIII, стр. 188.

² „Известия ВЦИК“ № 184 (448), 27 августа 1918 г.

³ Ленинский сборник XVIII, стр. 182.

⁴ Там же.

Конкретные указания В. И. Ленина помогли петровским коммунистам и продовольственным работникам успешно провести заготовку хлеба первого советского урожая.

Предложение В. И. Ленина о необходимости брать заложников — богачей, отвечающих за сбор и ссыпку излишков хлеба и доставку маршрутов с продовольствием в столицы, было осуществлено во многих других уездах. Эта мера полностью оправдала себя, сопротивление кулачества было ослаблено.

В горячие дни уборки ощущался недостаток транспортных средств для подвоза хлеба к ссыпным пунктам и элеваторам. В Петровске были мобилизованы все лошади и отправлены в деревню за хлебом. Но положение с транспортом продолжало оставаться напряженным. „Это архискандал, бешеный скандал, что в Саратове есть хлеб, а мы не можем свезти!!,— писал В. И. Ленин.— Не командировать ли на каждую узловую станцию по 1—2 продовольственников?“¹.

По настоянию В. И. Ленина в Саратовскую губернию для вывозки хлеба были посланы автомобили.

В наиболее богатых хлебом районах Заволжья не хватало рабочих рук для уборки. В Николаевском уезде Самарской губернии на уборку урожая были мобилизованы все нетрудовые элементы, безработные и учащиеся. „В одном только Ершове,— сообщали 14 августа „Известия ВЦИК“,— требуется 4000 рабочих для уборки“.

Один из первых уборочных отрядов, прибывших из Москвы в Саратов, был направлен 21 августа за Волгу, в Урбах. Московским рабочим предстояла жестокая борьба с кулачеством, организовавшим в Заволжье заговоры и саботаж ссыпки хлеба государству.

Тяжелое положение создалось и в Новоузенске. Город постоянно осаждали казаки и белогвардейцы. Контрреволюционеры стремились сорвать уборку хлеба. Кулачество бежало к белоказакам, увозило с собой уборочный инвентарь, угоняло лошадей. Середняки же и бедняки стремились спасти хлеб от белоказачков, которые нередко нападали на работающих в поле крестьян, жгли скошенный и оставленный в копнах хлеб.

Требовались оружие и боеприпасы, чтобы отбросить белоказачков и обеспечить крестьянам возможность убрать хлеб. Из Саратова В. И. Ленину была послана соответствующая просьба. В. И. Ленин ответил: „Сейчас буду по телефону говорить с военными о всех ваших требованиях“². Через полтора часа В. И. Ленин снова вызвал Саратов и передал: „...уже все делается... для высылки вам снарядов. Погрузка начинается сегодня, так что через 2—3 должна кончиться. Действуйте энергичнее против кулаков“³.

¹ Ленинский сборник XVIII, стр. 145.

² Там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 189.

Работники уборочно-реквизиционных и заготовительных отрядов, а также губернских продовольственных органов осуществили ленинское указание об энергичной борьбе с кулачеством. Соппротивление кулаков и белоказаков в Новоузенском и Николаевском уездах было сломлено. Первое зерно, убранное за Волгой, было погружено в 20 вагонов и отправлено в Москву.

Хорошо справился со своей задачей прибывший в Саратовскую губернию в начале августа продовольственный отряд из Петрограда. Отряд привез 15 вагонов различных товаров и несколько платформ с грузовыми автомобилями для транспортировки хлеба. В составе отряда были полурота вооруженных рабочих и пулеметный взвод. Губпродком отвел отряду район вверх по Волге до Екатеринограда¹, т. е. в поле его деятельности попали богатые зерном селения кулаков, обладавших запасами еще старого хлеба. Отряд прибыл в Екатериноград 5 августа. Ссыпка с первого же дня пошла успешно. К пристани, к которой причалили баржи отряда, потянулись на лошадях и верблюдах фуры с хлебом из соседних деревень и сел. В одну баржу, как в зернохранилище, ссыпали хлеб, другая баржа—лавка, заполненная привезенными товарами, вела продуктообмен. В отношении сопротивлявшихся кулаков действовали со всей строгостью революционной законности.

За первые десять дней работы отряда было ссыпано 40 000 пудов пшеницы, и 15 августа был отправлен пароход с первой баржей, засыпанной хлебом, вниз на Саратов, чтобы далее железной дорогой отправить зерно в Москву и Петроград. „Успех нашего дела,—рассказывали рабочие.—превзошел все наши ожидания, и мы имели право телеграфировать об этом в Петроград и Москву“².

17 августа 1918 года В. И. Ленин прислал в Екатериноград ответную телеграмму: „Приветствую успех. Телеграфируйте срочно и регулярно, сколько именно ссыпано и доставлено в Саратов и когда. Особенно важно не разбрасываться, а собрать полностью все излишки хлеба сначала в одной волости и дать ей громадную премию. Телеграфируйте исполнение“³.

Публикуя эту телеграмму в „Саратовской Красной газете“, члены отряда писали: „В этом направлении мы и начали работу, концентрируя усилия в одном районе. Постепенно наша баржа наливалась хлебом, а баржа-лавка пустела“⁴.

Выполняя указания В. И. Ленина, продовольственники добивались новых успехов. Соседние волости начали вторичную

¹ Ныне г. Маркс, Саратовской области.

² „Сарат. Красная газета“ № 164, 18 сентября 1918 г.

³ Там же. Телеграмма В. И. Ленина сверена с Ленинским сборником XVIII, стр. 185.

⁴ „Сарат. Красная газета“ № 164, 18 сентября 1918 г.; № 189, 18 октября 1918 г.

сдачу хлеба, теперь уже нового урожая. Была нагружена товарами еще одна баржа, которую поставили ниже по Волге для заготовки хлеба и товарообмена в дальних селах и деревнях. Работа отряда в двух пунктах, новом и старом, вскоре дала еще 40 000 пудов хлеба, отправленного в середине сентября в столицы. К 15 октября отряд заготовил 174 000 пудов хлеба.

Осенью 1918 года были созданы ссыпные пункты в Хвалынском уезде, только что освобожденном от мятежных чехословаков. Два продовольственных отрядов петроградцев по 1000 человек каждый были сведены в один и посланы туда организовывать новый хлебозаготовительный район¹. Этот отряд действовал в Саратовской губернии до поздней осени, а часть его — в количестве 40 человек — до конца 1918 года².

Крупный продовольственный отряд, насчитывающий 391 человека, прибыл в сентябре 1918 года из Кронштадта в г. Вольск³. Разделившись на 8 групп, кронштадтцы разъехались по ссыпным пунктам этого хлебозаготовительного района. Отряд организовал в деревнях комитеты бедноты, широко развернул агитационную работу. После освобождения Вольска и уезда от чехословацких мятежников отряд помог восстановлению и укреплению местной Советской власти и организации всей продовольственной работы.

Борьбой с контрреволюционерами начал свою деятельность в Сердобском уезде крупный продовольственный отряд, сформированный из 294 рабочих-ткачей городов Иваново и Кинешмы. Этот отряд заготовил 300 000 пудов хлеба и вскоре был отозван на продовольственную работу в Самарскую губернию⁴. В дальнейшем реализацию нового урожая в Сердобском уезде производил Шуйский продотряд из 145 человек, прибывший в Саратовскую губернию 9 сентября 1918 года⁵. Он распространил свою деятельность на 13 волостей уезда и по 16 ноября организовал ссыпку еще около 300 000 пудов хлеба. Рабочие-коммунисты, участники Шуйского отряда, наряду с продовольственной работой помогали созданию комитетов бедноты, боролись с кулачеством и контрреволюцией, активно вели организационно-партийную работу в уезде. В селе Куракино, Сердобского уезда, например, они организовали партийную ячейку и помогли ее оформлению⁶.

Партийная работа в волостях и селах была одной из самых важных областей деятельности коммунистов — членов продо-

¹ СОГА, ф. 523, ОП. 1, д. 218, л. 3.

² Там же, д. 96, л. 32.

³ „Известия Саратовского Совета“ № 191, 15 сентября 1918 г.

⁴ СОГА, ф. 523, ОП. 1, д. 17, л. 171.

⁵ Там же, д. 104, л. 78.

⁶ „Известия Саратовского Совета“ № 253, 29/XI-1918 г. и СОГА, ф. 523, ОП. 1, д. 218, л. 81.

вольственных отрядов. Число коммунистов в отрядах составляло 60—70%, а в некоторых отрядах доходило до 85%¹. Многие рабочие вступили в партию, находясь в продовольственных отрядах. Они закалялись здесь и проходили школу классовой борьбы и партийности.

На северной окраине Саратовской губернии, по соседству с Пензенской, в районе станции Саловка, Рязано-Уральской железной дороги, вела заготовку хлеба экспедиция Витебского губернского продовольственного комитета². Кроме того, по данным Центрального Военно-продовольственного бюро, в сентябре и октябре 1918 года в Саратовскую губернию были направлены продовольственные отряды: № 31, организованный Ярославским Советом рабочих депутатов, численностью в 50 человек; № 114 — от Коломенского завода в составе 133 человек; № 120 — Богородского уездного Совета в количестве 25 человек; № 121—128, командированные Иваново-Вознесенским губисполкомом и насчитывавшие 704 человека; № 100 — Ярославской мануфактуры в составе 45 человек и № 109 — Замоскворецкого трамвайного парка Москвы³.

Деятельность всех продовольственных отрядов изобилует примерами напряженной и самоотверженной работы, богата событиями, превращавшими каждый день их борьбы за хлеб в беззаветную борьбу за социализм.

Коммунистическая партия и Советское правительство опираются на инициативу и творчество народных масс. Трудящиеся массы творят историю, являются решающей созидательной силой общества. Высокая активность трудящихся масс послужила и залогом победы в борьбе за хлеб, за социализм.

По примеру московского и петроградского пролетариата создавали свои продовольственные отряды и рабочие предприятий Саратова.

Советское правительство специально указало советам и военным комиссариатам на необходимость принятия энергичных мер по формированию продовольственных отрядов из рабочих и беднейших крестьян на месте⁴. Саратовский губернский комитет партии и Саратовский Совет поручили организацию продовольственных отрядов Губернскому Совету профессиональных союзов.

В начале сентября 1918 года Губернский Совет профессиональных союзов приступил к созданию местных продовольственных отрядов и обратился ко всем союзам с призывом выделить для этого необходимое количество сознательных

¹ Журнал „Борьба классов“ № 7—8, 1935 г., стр. 180.

² „Красный архив“ № 4—5 (85—90) 1938 г., стр. 119. Станция „Садовка“ в журнале указана ошибочно. В документе речь идет о станции Саловка, РУЖД.

³ „Красный архив“ № 4—5 (89—90), 1938 г., стр. 129, 130.

⁴ „Известия ВЦИК“ № 171 (435), 11 августа 1918 г.

рабочих. Для руководства работой местных отрядов была учреждена специальная комиссия из 5 человек. От профсоюзов был послан постоянный представитель в Губернский Продовольственный Комиссариат¹.

Вооружением и обмундированием продовольственные отряды обеспечивал Военный Комиссариат. На местных продармейцев распространялись общие льготы в отношении зарплаты и сохранения за ними места работы. Им выплачивалась разница между красноармейским пайком и средним заработком.

Губернский Совет профсоюзов решил в недельный срок организовать Саратовский продовольственный отряд в составе 200 человек, из которых 140 должны были хорошо владеть оружием². Рабочие выполнили это обязательство. Отряд был создан. Районом заготовок для отряда установили Саратовский уезд.

Продовольственный отряд саратовских рабочих действовал отдельными подразделениями. Последние назывались также отрядами, но отличались по номеру. Одно из таких подразделений—8 продотряд в начале ноября выполнял задание по учету, обмолоту и сыпке хлеба в волостях и селах Саратовского уезда: Синенькие, Рыбушка, Сергиевка.

На основе произведенного ранее учета в селе Синенькие должно было быть 738 пудов излишков хлеба. Созданная отрядом вместе с комитетом бедноты учетная комиссия установила, что в селе имеется 10 200 пудов излишков. В учете хлеба отряду активно помогали беднота и местный учитель. Были открыты два отделения сыпного пункта. Вскоре началась массовая сыпка зерна. Крестьяне за 50 верст приезжали на пункт и сдавали хлеб государству. 3900 пудов зерна отряд оставил для неимущего населения села.

В селе Рыбушка продотряд проверил списки учета хлеба и действительное наличие зерна. Излишков оказалось 3378 пудов, определенных в соответствии с нормами, установленными Народным Комиссариатом по продовольствию. Норма высева принималась средняя по губернии, определяемая по данным Центрального Статистического комитета. На продовольствие оставлялось на год 12 пудов зерна или муки на душу и один пуд крупы. При запасах картофеля не менее 18 пудов на человека, норма хлеба понижалась до 9 пудов³.

Учтя местные потребности в зерне на семена, продовольствие и корм скоту, отряд назначил к вывозке из кулацких хозяйств села Рыбушки по 150—200 пудов хлеба со двора. Часть этого хлеба была оставлена бедноте для продовольствия.

¹ СОГА, ф. 568, д. 8, л. 43, 44; д. 1, л. 19.

² „Известия Саратовского Совета“ № 200, 26 сентября 1918 г.

³ „Известия ВЦИК“ № 173 (437), 14 VIII-1918 г.

Сергиевская волость дала 5200 пудов излишков, из них бедноте было оставлено 771 пуд.

Всего продовольственный отряд саратовских рабочих в трех волостях уезда вывез на сыпной пункт 14184 пуда хлеба¹. Хорошая организация и постановка учета дали отряду возможность значительно увеличить заготовку.

Рабочие продовольственные отряды несли в деревню идею советского государственного контроля и учета производства и потребления хлеба. Рабочие учили крестьян отказу от старого взгляда на производство хлеба как на частнособственное дело.

Помимо создания местных продовольственных отрядов, в деятельности которых рабочие участвовали с огромной энергией, саратовские профсоюзы взяли на себя важную обязанность учета и распределения продуктов питания среди трудящихся. Профессиональные союзы Саратова послали также своих представителей в Городскую продовольственную коллегия и в районные лавки в качестве заведующих. В каждом профессиональном союзе имелаась специальная комиссия, связанная с продовольственными органами и всеми промышленными предприятиями, контролировавшая правильное распределение продовольствия и товаров первой необходимости.

Перед рабочими организациями и профсоюзами была поставлена еще одна задача — создать из местных рабочих большой — в 500 человек — продовольственный отряд для работы на Северном Кавказе. Организация такого отряда в недельный срок поручалась Губпродколлегии и профессиональным союзам губернии. Это задание было успешно выполнено².

Более организованную форму приняла и контрольно-реквизиционная работа Губпродкома. Поскольку с новым урожаем увеличилось количество мешочников и спекулянтов, борьба с мешочничеством была резко усилена. Только за октябрь 1918 года контрольно-реквизиционный отдел Губпродкома реквизирует у мешочников и спекулянтов 925 пудов хлеба, а за одну неделю ноября — 318 пудов³. Попытки мешочников выехать из губернии пресекались реквизиционным отрядом на станции Тамала, Рязано-Уральской железной дороги. Для усиления борьбы со спекуляцией и мешочничеством, незаконным помолом и хищениями хлеба Губпродком создал в октябре продовольственный батальон из 240 человек. Служба в батальоне приравнивалась к военной.

Уездные продкомы организовали продовольственные отряды на местах по 30 человек в каждом. Все они включались в про-

¹ СОГА, ф. 523, ОП. 1, д. 91, л. 1, 2, 3.

² Там же, д. 8, л. 44.

³ Там же, д. 206, л. 14.

довольственный батальон Губпродкома и подчинялись штабу батальона, расположенному в Саратове¹.

К концу 1918 года при Губпродкоме был создан 1 Саратовский продовольственный полк, в состав которого вошли все продовольственно-реквизиционные отряды губернии.

Организация и деятельность продовольственных отрядов, их борьба за хлеб—исторический пример сознательного революционного творчества рабочего класса и крестьянской бедноты.

Когда передовые рабочие городов и промышленных районов двинулись в деревню на борьбу с кулачеством, на борьбу за хлеб, социалистическая революция развернулась вширь, как писал В. И. Ленин, „даже в наиболее захолустных русских деревнях“².

Рабочие шли на помощь деревенской бедноте, закрепляя с ней братские узы. Выступая на VI Всероссийском съезде Советов с речью о годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин назвал поход передовых рабочих в деревню летом 1918 года гигантским всемирно-историческим шагом социалистической революции в деревне.

Важнейшее значение имела, как и в настоящее время, экономическая помощь города деревне, рабочего класса крестьянству. Национализация промышленности, транспорта, банков укрепила почву для союза рабочего класса и крестьянства.

„Огромная помощь нашему крестьянству со стороны социалистического города, со стороны нашего рабочего класса, оказанная в деле ликвидации помещиков и кулачества, укрепила почву для союза рабочего класса и крестьянства, а систематическое снабжение крестьянства и его колхозов первоклассными тракторами и другими машинами превратило союз рабочего класса и крестьянства в дружбу между ними“³.

* * *

Крупная роль в борьбе за хлеб в 1918 году принадлежала комитетам бедноты.

Декрет о создании комитетов бедноты в деревне был одним из декретов 1918 года, устанавливающих продовольственную диктатуру. „Организация комитетов бедноты являлась дальнейшим этапом в развертывании социалистической революции в деревне. Комбеды являлись опорными пунктами диктатуры пролетариата в деревне“⁴.

Создание местными Советами комитетов бедноты в волостях и селах происходило, как предусматривал декрет СНК от 11

¹ „Известия Саратовского Совета“ № 210, 9 октября 1918 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 122.

³ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 26.

⁴ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 212.

июня 1918 г., при обязательном участии продовольственных органов и под общим руководством Народного Комиссариата продовольствия и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов¹.

Для успешного проведения хлебной монополии — основы советской продовольственной политики — нужны были зоркие глаза бедноты, её активность в борьбе за хлеб, в разгроме кулачества. Кулака необходимо было одолеть прежде всего в борьбе за хлеб.

Комбеды явились острым оружием борьбы с кулачеством. Они перераспределяли конфискованные земли и хозяйственный инвентарь, изымали излишки продовольствия у кулаков. В результате деятельности комбедов „50 миллионов гектаров кулацкой земли перешло в руки бедноты и середняков. Была конфискована у кулачества значительная часть средств производства в пользу бедноты“².

Кулачество отчаянно сопротивлялось. В июле 1918 года „кулацкое восстание пробежало по всей России“³.

Летом 1918 года контрреволюционные мятежи охватили и Поволжье. Занятие контрреволюционерами и мятежными чехословаками Вольска, Хвалынска, Сердобска и Кузнецка послужило сигналом для кулачества губернии. Кулацкие восстания вспыхнули в ряде волостей Вольского, Хвалынского, Сердобского и Саратовского уездов. Поднялись против Советской власти также кулаки в Петровском, Аткарском, Камышинском и Новоузенском уездах⁴.

В. И. Ленин назвал кулацкие восстания в Советской России в июле 1918 года „июльским кризисом“. „Июльский кризис“ закончился тем, что в деревнях повсюду поднялись трудовые эксплуатируемые элементы, поднялись вместе с пролетариатом городов“⁵ и дали отпор кулачеству.

С организацией комитетов бедноты в каждом селе борьба с кулачеством становилась более решительной и острой.

Из Саратовской губернии сообщали, что „среди деревенской бедноты проявляется ясное понимание своих классовых задач и самостоятельности в деле организации деревенских комитетов бедноты“⁶.

Вначале создание комитетов бедноты в губернии шло медленно. На запрос из Саратова о ходе организации комбедов в июле ответили лишь четыре уезда: Аткарский, Петровский, Камышинский и Новоузенский. В Аткарском уезде с 7 июля по 18 августа было организовано 65 комбедов, большинство

¹ Декрет от 11 июня 1918 г (СОГА, ф. 523, ОП. 1, д. 4, л. 82).

² История ВКП(б), Краткий курс, стр. 212.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 123.

⁴ „Известия Сар. Совета“ № 267, 15 декабря 1918 г.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 123.

⁶ „Известия ВЦИК“ № 146 (140), 13 июля 1918 г.

из них волостные, в Петровском только 10. Камышинский и Новоузенский уезды ответили неопределенно: „создаются комбеды“¹.

Необходимо было оживить в губернии всю партийно-политическую и хозяйственную работу, чтобы быстро добиться коренного перелома в организации комбедов и руководстве ими со стороны местных партийных и советских организаций.

В конце июля губернский комитет партии получил письмо из ЦК РКП(б), содержавшее указание на необходимость оказать скорейшую помощь сельским коммунистам в организации партийной работы на местах. В письме отмечалось, что „организация деревенской бедноты для борьбы с кулачеством становится важнейшей задачей партийной работы в деревне“².

Центральный Комитет партии направил деятельность партийных и советских органов Саратовской губернии на улучшение дела организации деревенской бедноты.

Балашовский уездный комитет РКП(б) открыл в сентябре 1918 г. двухнедельную школу для подготовки инструкторов-организаторов деревенской бедноты. В школе изучались не только вопросы организации бедноты, но и советская продовольственная политика, роль и значение Красной Армии и партийно-организационные вопросы. Необходимость в такой школе ощущалась остро: в уезде работало всего лишь два агитатора. Балашовский исполком ассигновал на школу из сумм продовольственного отдела 10 000 рублей ежемесячно³.

Школа организаторов деревенской бедноты при Балашовском уездном комитете партии выпустила группу работников, которые были направлены в волости и села уезда для оказания практической помощи комбедам⁴.

Партийная организация Кузнецкого уезда в августе послала в села коммунистов-агитаторов. Помогая созданию комитетов бедноты, агитаторы уездного комитета партии вели работу по заготовке хлеба государству⁵.

В Сердобском уезде к середине сентября было организовано 25 волостных и 26 сельских комитетов бедноты. Уком партии помогал работе комитетов, направлял туда докладчиков и политическую литературу. В результате укрепления комитетов бедноты в Сердобском уезде усилилась ссыпка хлеба.

Во всех уездах губернии организация комитетов бедноты принимала все более широкие размеры.

В конце августа 1918 года рабочие и крестьяне, все советские люди были глубоко возмущены подлым покушением

1 „Известия Сарат. губпродкома“ № 13, 6 октября 1918 г., стр. 16.

2 Саратовский Облпартархив, ф. 605, д. 60, л. 14.

3 Сар. „Красная газета“ № 159, 12 сентября 1918 г.

4 СОГА, ф. 692, д. 21, л. 315, 317, 319.

5 Там же, л. 179.

эсеров на жизнь Владимира Ильича Ленина. 1 сентября партийные и советские губернские организации опубликовали обращение, в котором призывали трудящееся население „к еще большему сплочению сил, к еще более энергичному вооружению и созданию боеспособной армии, к еще сильнейшему отпору и разгрому наших классовых врагов“¹.

Подлое злодеяние врагов народа вызвало бурный рост политической активности трудящегося крестьянства. Значительно ускорилось создание новых комитетов бедноты. Так, в Камышинском уезде Саратовской губернии количество комбедов в сентябре увеличилось с 22 до 63, т. е. почти в три раза². Повысилась активность ранее созданных комбедов.

На общих собраниях и сходках крестьяне принимали резолюции, в которых выражали свою преданность Коммунистической партии и готовность беспощадно бороться с врагами партии и Советской власти.

Из деревни Ключевка, Сердобского уезда, крестьяне писали в Саратовский Совет: „Для правильной и организованной борьбы с контрреволюционерами, кулаками и всякими паразитами, мы создали комитет бедноты, через который и будем проводить все декреты и постановления центральной Советской власти.

Приветствуем нашего великого вождя товарища Ленина и желаем ему скорого выздоровления“³.

Горячо и единодушно выразило общее собрание крестьян Пяшинской волости, Сердобского уезда, свое доверие Коммунистической партии. Крестьяне писали: „Мы верим, что окончательное освобождение наше из-под гнета капитала несет партия большевиков-коммунистов, единственная выразительница интересов бедноты“⁴.

Смординский волостной Совет, Камышинского уезда, прислал в Саратов свою резолюцию, принятую 7 сентября 1918 г. В ней говорилось: „Мы единогласно постановили: организовать комитет бедноты, чтобы хлеба ни одного пуда не попало в руки спекулянтов, а лишь для рабочих Петрограда и Москвы, и нашим братьям, находящимся на фронте...“⁵.

Комбеды повсеместно вели под руководством партии ожесточенную борьбу с кулачеством и содействовали разгрому контрреволюции. Кулачество, пытавшееся сорвать советскую продовольственную политику, лишить промышленные города хлеба, стремившееся противодействовать развертыванию социалистической революции в деревне, получило сокрушитель-

¹ Известия Саратовского Совета № 179, 1 сентября 1918 г.

² Там же, л. 252.

³ Там же, л. 25 — протокол общего собрания крестьян от 28/IX-1918 г.

⁴ Там же, л. 25.

⁵ Там же, д. 41, л. 248.

ный отпор. С осени 1918 года „в настроении массы среднего крестьянства наступил поворот в сторону Советской власти. Крестьянство увидело, что победа белых ведет за собой восстановление власти помещиков, отобрание земли у крестьян, грабежи, порку и истязание крестьян. Перемене в настроении крестьянства способствовала также деятельность комитетов бедноты, разгромивших кулаков“¹.

Комитеты бедноты очищали волостные и сельские Советы от кулаков, пробравшихся туда, и укрепляли Советы за счет своих представителей. Так, по постановлению комитета бедноты Сергиево-Крутовской волости был переизбран местный волостной Совет. В результате деревенская беднота взяла руководство в свои руки. В соответствии с декретом об обязательном товарообмене были составлены списки имущих и неимущих граждан волости с тем, чтобы обеспечить бедноту товарами².

В селе Старо-Захаркино, Петровского уезда, в первый день деятельности комитета бедноты все кулаки были обложены контрибуцией за попытку поднять восстание. Из 107 631 рубля контрибуции, собранных с кулаков, 96 000 рублей было сдано в Петровский Совет. Остальная сумма оставлена на нужды комбеда. Комитет немедленно произвел учет всего хлеба, скота³.

На призы партии и Советского правительства сдать все излишки хлеба государству, трудящееся крестьянство ответило массовой ссыпкой хлеба. В Саратовской губернии с 20 августа по 9 сентября было заготовлено 655 000 пудов хлеба.

Деятельность рабочих продовольственных отрядов, жестокая борьба с врагами народа, красный террор против буржуазии, объявленный в ответ на покушение на жизнь В. И. Ленина, разгром комбедами кулачества — все это способствовало тому, что с каждым днем сдача хлеба государству в Саратовской губернии непрерывно возрастала.

7 сентября было сдано 83 000 пудов хлеба, 10 сентября — 111 000, 12 сентября — 124 000, 14 сентября — 127 000. 17 сентября в зернохранилища губернии было ссыпано 159 000 пудов хлеба, 18 сентября 149 000, 19 сентября—139 000, 20 сентября—127 000, 21 сентября—166 000 пудов⁴. 30 сентября приток хлеба составил 303 000 пудов⁵.

Сдача хлеба государству продолжалась. Крестьяне впервые убирали хлеб без помещиков. Свободный труд на своей советской земле был вознагражден хорошим урожаем. Качество ржи и пшеницы нового урожая Губпродком признал высоким.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 223.

² Сар. „Красная газета“ № 159, 12 сентября 1918 г.

³ „Известия Сар. Совета“ № 206, 4 октября 1918 г.

⁴ Там же, № 188, 194, 200, от 12, 19, 26/IX-1918 г.

⁵ „Юбилейн. сборн. Губпродкома“, Саратов 1919, стр. 69.

Влажность и сорность были ниже нормы, и поэтому к установленным твердым ценам приходилось доплачивать за высокое качество в среднем от 1 рубля до 1 руб. 50 коп. за пуд¹.

Приток хлеба для спасения Родины от голода с каждым днем возрастал. Плановый наряд на сентябрь в полтора миллиона пудов Саратовской губернией был выполнен в срок.

Новоузенский и Николаевский уезды дали к 30 сентября 1 004 138 пудов пшеницы и 146 808 пудов ржи².

Октябрьские плановые наряды на ссыпку хлеба государству Саратовской губернией были выполнены 22 октября. В последнюю неделю октября в губернии выполнялся уже ноябрьский план ссыпки хлеба, дневная сдача достигала 200 000 пудов³.

В дни празднования первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции коллективы ссыпных пунктов губернии работали с особым подъемом. К празднику из Саратова в Москву было отправлено 50 000 пудов отсевой пшеничной муки. Первый праздничный маршрут в 30 вагонов саратовцы отправили 30 октября, второй — 2 ноября⁴. Инициатором посылки этих маршрутов была губернская партийная организация.

Губком РКП(б) осенью 1918 года призвал трудящихся города и деревни к напряжению всех сил для успешного выполнения и перевыполнения плана сдачи хлеба государству. Уездные партийные комитеты усилили свою работу по руководству и помощи комбедам, налаживанию деятельности местных органов Советской власти, чтобы выполнить директивы правительства и ЦК РКП(б) о заготовке продовольствия.

На Аткарской уездной партийной конференции в конце декабря 1918 года представитель ячейки РКП(б) Софьинской волости докладывал, что их партийная организация разъяснила населению, что только выполнение декретов центральной власти о хлебе „может довести социалистическую революцию до конца“⁵.

Идейно и организационно окрепла в борьбе с местным кулачеством партийная ячейка села Лох, Саратовского уезда. Она возглавила всю политическую и организационную работу на селе. Сплотив бедноту, сельские коммунисты сломали сопротивление кулаков против ссыпки хлеба, создали из бедноты боевую дружину. Проведя тщательный учет излишков хлеба, дружинники заставили кулаков везти хлеб на ссыпной пункт без промедления⁶.

¹ СОГА, ф. 523, ОП. 1, д. 213, л. 7.

² „Известия ВЦИК“ № 212 (476) 1 октября 1918 г., 225 (489) 16/X-1918 г.

³ „Известия ВЦИК“ № 231 (495), 23 октября 1918 г.

⁴ СОГА, ф. 523, ОП. 1, д. 218, л. 57.

⁵ Саратовск. Облпартархив, ф. 27, д. 8, л. 59, 60.

⁶ „Сарат. Красная газета“ № 212, 16 ноября 1918 г.

В напряженные дни, когда дожди и распутица грозили замедлить ссыпку хлеба государству, Сердобский уездный комитет партии направил $\frac{3}{4}$ всех коммунистов Сердобска в деревни и села для оказания помощи волостным партийным организациям в проведении заготовок и для организации волостных съездов Советов ¹.

Петровская уездная партийная организация добилась того, что уезд в 1918 году стал передовым в губернии по организации заготовок хлеба государству. Петровская партийная организация настойчиво боролась против местничества и сепаратизма Саратовского Губернского Совета, проявленных им в ряде вопросов, в том числе и продовольственном. Тесная сплоченность, высокая сознательность и дисциплинированность петровских коммунистов помогли им успешно выполнить директивы В. И. Ленина об уборке и отправке хлеба Москве и Петрограду.

К первой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции Петровский уезд дал государству более 92 000 пудов ржи, около 12 000 пудов пшеницы, 253 000 пудов подсолнечных семян, 2421 пуд ржаной муки ².

Партийной организации Саратовской губернии принадлежит инициатива в проведении „продовольственных дней“, т. е. дней усиленной сдачи хлеба государству и сбора продовольствия для голодающих детей Москвы и Петрограда. „Продовольственные дни“ особенно успешно прошли в Заволжье. Только по двум заволжским уездам — Пугачевскому (Николаевскому) и Новоузенскому ссыпка хлеба в такие „дни“ достигла 50 000 пудов ³.

Помощь голодающим детям Москвы и Петрограда была организована по инициативе Я. М. Свердлова. В июне 1918 года он обратился в исполком Саратовского Совета с призывом оказать помощь детям Петрограда, подыскать в губернии помещения для создания детских колоний и начать сбор продуктов питания ⁴.

Все уезды губернии откликнулись на этот призыв. Балашовский Упродком совместно с учительскими курсами провел „день голодных детей Петрограда и Москвы“ по сбору пожертвований деньгами и продуктами. Население села Широкое, Аткарского уезда, пожертвовало голодающим детям столиц два вагона хлеба ⁵.

Базарно-Карабулакский Совет собрал для голодающих детей рабочих Петрограда 1000 пудов ржаной пеклеванной муки. Население Лысогорской волости пожертвовало 3000 пудов

¹ Саратов. Облпартархив, ф. 27, д. 8, л. 41, 42, 43.

² „Известия Саратов. Совета“, № 246, 21 ноября 1918 г.

³ СОГА, ф. 523, ОП. 1, д. 17, л. 93.

⁴ СОГА, ф. 523, ОП. 1 д. 2, л. 223.

⁵ „Известия Саратов. Совета“ № 238, 12 ноября 1918 г.

размольной муки для детей Москвы. Из Тамалы было отправлено голодающим детям Петрограда 200 пудов муки¹.

Сбор хлеба и продовольствия голодающим детям проходил в форме пожертвований. Отбираемый у кулаков в порядке конфискации хлеб шел только в плановый фонд Наркомпрода. Мука, хлеб в зерне, крупа, картофель, яйца, жертвуемые детям, являлись внеплановыми заготовками. Это продовольствие специальными маршрутами, сопровождаемыми представителями волостных и сельских Советов, доставлялось голодающим детям Москвы и Петрограда.

Осенний период заготовительной кампании, по ноябрь включительно, дал по губернии 11 431 000 пудов хлеба, или более 80% всего заготовленного хлеба в 1918 году². „Хлеб шел на пункты добровольно, без какого-либо давления“, — отмечали продовольственные работники, подводя итоги заготовок³.

* * *

Борьба за хлеб в Саратовской губернии, составлявшей в 1918 году один из основных районов страны, производящих хлеб, развивалась как неотделимая часть сознательной, беззаветной борьбы за социализм рабочих и трудящихся крестьян всей Советской республики, руководимых Коммунистической партией.

Борьба за хлеб, за социализм в 1918 году — яркий пример того, как неизмеримо росла в эпоху социалистической революции и строительства социализма роль народных масс, как ширилось сознательное участие их в глубочайшем перевороте, открывшем собою новую эру в истории человечества.

Борьба за хлеб происходила в сложной обстановке битвы за Царицын, за Юг России, обороны южной части Саратовской губернии. Здесь шла основная линия фронта гражданской войны в 1918 году.

В результате постоянного руководства и неослабевающей помощи Центрального Комитета партии и Советского правительства партийная организация Саратовской губернии мобилизовала и направила усилия рабочих и трудящегося крестьянства губернии на успешное проведение уборки первого советского урожая и заготовок хлеба государству. Успеху ссыпки хлеба во многом содействовали практика товарообмена и экстренные меры по мобилизации всех продуктов городской промышленности для организации продуктообмена.

Трудящиеся Саратовской губернии самоотверженно выполнили задание партии и правительства о превращении Саратов-

¹ „Известия Саратов. Совета“ № 180, 3 сентября 1918 г.

² Юбилейн. сборн. Саратов. Губпродкома, Саратов 1919 г., стр. 69.

³ Там же.

ской и Самарской губерний в центр заготовок хлеба. Продовольственные отряды и комитеты бедноты, во многом обеспечив успешную борьбу за хлеб в губернии, „упрочили Советскую власть в деревне и имели огромное политическое значение для завоевывания крестьянина-середняка на сторону Советской власти“¹.

Огромный опыт борьбы за хлеб и борьбы с контрреволюцией, приобретенный рабочими и крестьянской беднотой Саратовской губернии, местными партийными организациями, Советами и продовольственными органами в 1918 году, послужил основой дальнейших успехов и побед трудящихся губернии в войне против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 212.

Э. Э. ГЕРШТЕЙН

Н. В. ШЕЛГУНОВ — СОРАТНИК Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО¹

(Годы революционной ситуации)

I

60 годы XIX века были переломным моментом в истории нашей Родины. Они положили начало тому периоду новой истории России, когда в силу особенностей пореформенного развития капитализма в стране быстро нарастали условия для ведения пролетариатом и крестьянством двух социальных войн, следовательно, для решения задач борьбы не только против остатков феодализма, но и против капиталистического строя в целом.

Общественная мысль России в 60-х гг. знаменовала высшую ступень развития домарковского социализма и получила свое выражение в трудах таких предшественников русской социал-демократии, как Герцен, Чернышевский, Добролюбов.

Идеи, боевой демократизм революционеров 60-х гг. способствовали созданию условий для восприятия и распространения в России самой передовой науки об обществе — марксизма.

Все это объясняет неослабевающий интерес советских историков к эпохе и революционному движению 60-х гг.

К славной плеяде деятелей революционно-демократического лагеря этих лет принадлежал и Н. В. Шелгунов.

В литературе о Н. В. Шелгунове ярко отражены три концепции, по-разному оценивающие эпоху и деятельность революционеров 60-х гг. XIX века: либерально-буржуазная, народническая и марксистская.

Статьи о Шелгунове, опубликованные в буржуазной печати большей частью после его смерти, еще раз подтверждают известное марксистское положение о том, что фальси-

¹Статья написана по материалам кандидатской диссертации, защищенной автором в 1948 году.

фикация истории является одним из методов борьбы эксплуататоров против эксплуатируемых. В интересах этой борьбы искажается история внутренней и внешней политики, история освободительного движения, образы его идеологов и вождей.

В. И. Ленин дал замечательную по глубине и яркости характеристику отношения угнетающих классов к революционерам. „Угнетающие классы, — писал В. И. Ленин, — при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для „утешения“ угнетенных классов и для одурачивания их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его“¹.

Слова В. И. Ленина в полной мере относятся к буржуазной историографии о великих русских мыслителях и революционерах: Белинском, Герцене, Чернышевском и Добролюбове, а также об их верном последователе — Н. В. Шелгунове.

Царское правительство, при полном одобрении либералов, жестоко расправлялось с революционерами 60-х гг. Один из них — Н. Шелгунов — пробыл в крепости и ссылке около 20 лет.

При жизни на него со злобой обрушивалась реакционная печать, утверждая, что „нигилист Шелгунов“ своими статьями, вслед за Добролюбовым и Писаревым, продолжает „развращать молодежь“². Непрерывно атаковала его либеральная „Неделя“, давила „внутренней“ цензурой „Русская мысль“.

Но после смерти Н. В. Шелгунова либералы разных оттенков заговорили совсем иным тоном.

Я. Абрамов, наиболее яркий представитель выродившегося народничества 80-х гг., который в своих пошлых статьях на страницах „Недели“ постоянно преследовал Шелгунова, также был в числе тех, кто посвятил некролог памяти старого демократа. Но в этом некрологе нет ни грана истины. Освободительные идеи, по утверждению Абрамова, Шелгунов вывез из-за границы, где бывал „по казённой командировке“. Не „Очерки русской жизни“, в которых не раз развенчивалась „теория“ малых дел Абрамова, а незначительные статьи Шелгунова — „Заметки провинциального философа“ — названы лучшей частью его публицистики. Конец статьи Абрамова может служить образцом туманных рассуждений либерала, озабоченного тем, чтобы скрыть истину. „Вообще, — писал Аб-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 357.

² Л. Н., Моралисты новой школы, „Русский вестник“ № 7, 1870 г., стр. 359—360 (как сообщает И. Ф. Масанов, Л. Н. — псевдоним Германа Августовича Ларош, словарь псевдонима, т. 1, стр. 531).

рамов,—Шелгунов был очень сложной, интересной, выдающейся личностью, но составить о нем верное представление довольно трудно¹. О высоких идеалах Шелгунова, его прогрессивных идеях толковали либералы В. Гольцев², М. Протопопов³ и ряд других, не раскрывая, понятно, сущности этих идей. П. Струве — идеолог русского либерализма в статье о Шелгунове, написанной в 1901 году, настаивает, что в 80-х гг. последний повернул в сторону западничества и много писал о новом экономическом фундаменте. Весь ход рассуждений Струве направлен к тому, чтобы изобразить Шелгунова идейным предшественником легального марксизма 90-х гг.⁴

Либеральные народники Яковенко⁵, Южаков⁶, Михайловский так же, как и буржуазные либералы, не в состоянии были определить место и роль Н. Шелгунова в революционном движении. Народники, особенно Н. Михайловский, пытались доказать наличие прямой связи и идейной преемственности между либеральным народничеством 80-х гг. и революционными просветителями. Н. К. Михайловский в статьях 1891 и 1895 гг., т. е. в годы наивысшего усиления борьбы марксизма против народничества, настойчиво протаскивает мысль, что Н. Шелгунов якобы всегда оставался сторонником самобытности русского экономического строя, что последнее и есть главное в „идейном направлении 60-х гг.“. Чтобы подтвердить этот тезис, Н. Михайловский воспроизводит в предисловии к сочинениям Шелгунова положения из введения к его статье „Рабочий пролетарий в Англии и Франции“, вычеркнутые Шелгуновым при подготовке издания в 1890 году. Н. К. Михайловский утверждает, что Н. В. Шелгунов исключил части введения, трактующие о самобытности русского экономического строя, в интересах полемики с Абрамовым⁷. Это неверно и противоречит взглядам Шелгунова, высказанным им на страницах журналов „Русское слово“ и „Русская мысль“. Не в интересах полемики Шелгунов исключил положение о самобытности русского экономического строя, а Михайловский в интересах борьбы против марксизма их воспроизводил в 1891 и 1895 гг.

Прямым выпадом против марксизма являются у Михайловского те места его предисловия к сочинению Шелгунова, где он пространно говорит о наступившем „трудном времени...,

¹ Н. В. Абрамов, „Н. В. Шелгунов“, „Неделя“ № 6, 1891 г.

² В. Гольцев, „Памяти Н. Шелгунова“, „Русская мысль“ № 10, 1901 г.

³ „Русская мысль“ № 7, 1891 г.

⁴ П. Струве, „Н. В. Шелгунов“ „Мир божий“, июнь, 1901 г.

⁵ Д. Яковенко, „Публицист трех поколений“. „Неделя“ № 3, 1891 г.

⁶ С. Южаков, Хроника внутренней жизни, „Русское богатство“ № 10, 1894 г.

⁷ Н. К. Михайловский, „Предисловие к сочинениям Н. В. Шелгунова в 2-х томах, СПб. 1895 г.

когда неосмотрительно рвут все литературные традиции¹ в русской общественной мысли.

Народнические утверждения о разрыве русских марксистов с лучшими традициями революционной борьбы, об отказе от классического наследия В. И. Ленин относил к числу „выдумок“, направленных к дискредитации марксизма².

Петербургские рабочие, члены первых марксистских кружков, своим отношением к Шелгунову показали уже тогда, на заре нового этапа русского освободительного движения, что только пролетариат, составляющий самую революционную часть каждой нации, способен правильно оценить борцов за дело освобождения угнетенных и определить их место в истории.

Адрес, преподнесенный рабочими Шелгунову в 1891 году, говорит об их глубоком уважении к нему. Рабочие писали в адресе, что литературная деятельность Шелгунова способствовала пробуждению политического сознания масс.³

Краткие упоминания о Шелгунове в письмах В. И. Ленина к родным позволяют сказать, что он хорошо его знал и высоко оценивал публицистику старого демократа. В 1895 году В. И. Ленин писал М. И. Ульяновой: „Насчет Шелгунова я с тобой согласен, что некоторые вещи у него устарели. Какие у него статьи тебе нравятся? По русским вопросам или историческим? Экономические или философские?“ В январе 1896 г. в письме В. И. Ленина к А. И. Елизаровой мы вновь встречаем упоминание о Шелгунове: „Перечитываю с интересом Шелгунова“⁴.

Советские историки, вооруженные марксистско-ленинской методологией, положениями В. И. Ленина о сущности революционной демократии и месте ее в освободительной борьбе русского народа, создали подлинно научные труды о революционерах 60-х гг.

В советской исторической литературе опубликован ряд статей, в которых дается общая характеристика мировоззрения Шелгунова и оценка его революционной деятельности. Наиболее ценными среди ранних работ советских авторов являются статьи А. Шилова, Б. Козьмина, Я. Эльсберга⁵, Б. Нейштадта⁶.

¹ Н. К. Михайловский, Предисловие к сочинениям Н. В. Шелгунова в 2-х томах, СПб 1895 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 462.

³ „Красный архив“, т. VI, 1924 г.

⁴ Письма к родным, 1894—1919, Партиздат, 1934 г., стр. 4, 21.

⁵ А. Шилов, Предисловие к „Воспоминаниям“ Шелгунова, 1923 г.; Б. П. Козьмина, „Н. В. Шелгунов“, „Большевистская печать“ № 9, 1941; Я. Эльсберг, „Н. В. Шелгунов“, „Литературное обозрение“ № 10, 1941 г.

⁶ Б. Нейштадт „Критика Н. Шелгуновым буржуазной политической экономии“, Ученые записки Казахского педагогического института, 1941 г.

В последние годы опубликованы статьи М. Пеуновой¹ и А. Слабкого².

Изучению деятельности Шелгунова посвящены кандидатские диссертации³. Все названные авторы характеризуют Шелгунова как революционера-демократа, материалиста в области философии, подлинного патриота Родины. Но лишь в работах Н. В. Киреева (как можно судить по автореферату) и частично А. П. Бущик исследуется вопрос о деятельности Шелгунова в годы первой революционной ситуации в России.

II

Кризис феодально-крепостной системы в России, назревавший в течение ряда десятилетий, был углублен Крымской войной и со всей силой проявился к концу 50-х гг. XIX века.

Противоречия между развивавшимися в недрах старого строя производительными силами капитализма и господствующими феодальными производственными отношениями достигли к этому времени исключительной остроты. Это выразилось в ожесточенной классовой борьбе, ослабившей царизм, а также в невиданной до тех пор в истории России активизации всей политической жизни в стране.

Политическое положение в России 1859—1861 гг. В. И. Ленин характеризовал, как один из исторических примеров революционной ситуации. В ленинской характеристике революционной ситуации в России, в рассматриваемый нами период, указаны конкретные проявления общенационального кризиса, затрагивавшего как господствующие, так и угнетенные классы. Отсюда наряду с главным фактором — массовым крестьянским движением — „требование политических реформ всей печатью и всем дворянством“. Действие объективных условий революции, как это показал В. И. Ленин, дополнялось такими субъективными факторами, как передовые идеи и практическая деятельность революционеров.

„...Распространение по всей России „Колокола“, — писал В. И. Ленин, — могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых „очень часто“ приходилось с помощью военной силы и с

¹ М. Пеунова, „Общественно-политические взгляды Н. Шелгунова“, „Вопросы философии“, 1951 г., № 5.

² А. С. Слабкий, Н. В. Шелгунов — представитель русской революционной демократии, Ученые записки Академии общественных наук при ЦК КПСС № 15, 1952 г.

³ А. П. Бущик, „Н. В. Шелгунов“; Г. Ф. Голованов, „Общественно-политические взгляды и деятельность Шелгунова в 70—80 гг. (автореферат)“, 1950 г.; Н. В. Киреев, „Общественно-политические взгляды Н. В. Шелгунова в шестидесятых годах XIX в. (автореферат)“, 1951 г.

пролитием крови *заставлять* принять „Положение“, обдирающее их, как липку, ...студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьёзной¹.

Опасность крестьянского восстания, угрожавшая снести вместе с крепостным правом все здание феодальной монархии, заставила царское правительство начать, а затем ускорить разработку проектов, „освобождения“ крестьян.

Перед Россией 60-х годов была возможность развития лишь по буржуазному пути. Но формы этого развития, — как неоднократно писал В. И. Ленин, — могут быть двойки: „...и путем преобразования помещичьих хозяйств и путём уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции“. Крестьянство боролось за революционный путь развития — за „уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения“².

Защитниками интересов крестьянства, идеологами и страстными пропагандистами крестьянской революции выступили революционные демократы 60-х гг. „Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров, стоял Н. Г. Чернышевский“³.

К этому немногочисленному кругу принадлежал и Н. В. Шелгунов.

Процесс формирования общественно-политических взглядов Н. В. Шелгунова является одним из ярких примеров того, как под влиянием русской действительности 40 и 50-х гг. XIX века передовая часть разночинной интеллигенции восприняла идеи и принципы революционного демократизма.

Николай Васильевич Шелгунов родился 24 ноября 1824 года в Петербурге. Суровая действительность кадетского корпуса, где воспитывался сын офицера — сирота Н. Шелгунов, а затем и обстановка в Лесном институте, жестокость, с какой администрация этих учреждений проводила в жизнь учебную и военную систему Николая I, как в фокусе отразили политический режим империи крепостников⁴. Вопреки стараниям администрации Лесного института в классы проникали вести о крупнейших событиях в стране и о деятельности лучших людей России. От учителей русского языка Комарова и Сорокина, вскоре изгнанных из института, воспитанники узнали о Белинском, о Пушкине.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26.

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 215, 216.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

⁴ Об этом периоде своей жизни Н. В. Шелгунов подробно рассказывает в „Воспоминаниях“, М.—П. 1923 г., стр. 46—60.

Первые впечатления, глубоко поразившие 13-летнего Шелгунова и давшие повод к размышлениям на политические темы, были связаны с гибелью А. С. Пушкина. Толчком к таким же размышлениям послужили новости, принесенные группой воспитанников-поляков, влившихся в институт в 30-х годах XIX века.

В 1841 году Шелгунов окончил Лесной институт и был определен на службу в Лесной департамент, в 1849 году его направили в Самарское лесничество. В Самаре Шелгунов застал группу молодых людей, недавно окончивших университеты в Казани и Москве. Это были представители выросшей в России разночинной интеллигенции, по выражению Шелгунова—люди с новыми стремлениями.

Самарский период жизни Шелгунова отчасти отражен в его дневнике (записи с мая 1848 г. по март 1849 г.),¹ а также в мемуарах жены Шелгунова². Дневник свидетельствует о переломных взглядах Шелгунова на труд, семью. Там же имеются записи о продолжительных беседах с единомышленником Пекарским на любимые темы³. В более поздних воспоминаниях Шелгунов писал, что уже в этот период его не удовлетворяла деятельность в Лесном ведомстве, что он искал ответы на волнующие его вопросы общественной жизни, желал определить свое место в борьбе за изменение положения народа—крестьян.

В 1853—1859 гг. Н. В. Шелгунов служил в Лесном департаменте (он был таксатором, ученым лесоводом, начальником отделения департамента, профессором Лесного института, дослужился до чина полковника). Шелгунов много ездил по России в качестве участника ревизии лесного ведомства⁴. Он видел ужасающее положение крепостных, был непосредственным свидетелем крестьянского движения в ряде районов и нарастания общего подъема его по всей России.

Работа в Лесном департаменте помогла Шелгунову ближе познакомиться еще с одной отвратительной стороной николаевской России—с тупой, жестокой бюрократией государственного аппарата, с коррупцией, казнокрадством министров Муравьевых и Адлербергов. Он писал жене, что его окружают не люди, а „...чиновные машины, эполеты и звания на ходулях“⁵.

¹ „Мир божий“, 1898 г., № 11—12. Рукопись хранится в архиве института литературы Академии наук СССР.

² Л. П. Шелгунова, Из далекого прошлого, СПб 1901 г.

³ П. П. Пекарский служил в Самаре, был очень близок с Шелгуновым.

⁴ Шелгунов побывал в Костромской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Рязанской губерниях, в Белоруссии и Литве.

⁵ Л. П. Шелгунова, Из далекого прошлого, стр. 74—75.

Не малое значение для формирования мировоззрения Шелгунова имели итоги Крымской войны, которую он, в отличие от войны 1812 года, определяет как „ненародную“¹. Совершенно верно передаёт Шелгунов настроения своих современников, оценивших падение Севастополя как проявление несостоятельности всей экономической и политической системы крепостной России и убеждённых в необходимости ликвидировать её. „Тогда,— писал Шелгунов,— все чувствовали, что порвался какой-то нерв, дорога к старому закрылась“.

Из писем Шелгунова к жене в 1856 году видно, что все время его не покидают мысли о положении Родины, о судьбе народа — крепостного крестьянства. „У нас,— писал он,— не знают положение своей страны... судьба итальянского герцога нам ближе и знакомее дел России... в России нет печати, которая осведомляла бы людей, и приходится читать непечатную книгу,—жизнь русскую и самого русского человека“². И Шелгунов, читая эту великую и скорбную книгу русской жизни, пытается определить своё место в борющихся лагерях. „Чем больше живу,— пишет он жене,— тем больше убеждаюсь, что только человек будущего может быть счастлив в настоящем“³.

Нужно думать, что во имя этого будущего Шелгунов решил просить назначения в Лесной институт. Из писем видно, что он мечтает стать профессором, а в лекциях изложить результаты своих научных наблюдений. Шелгунов убеждён, что содержание его курса будет прямо противоположно господствующему в Лесном институте „тупоумию немецких и русско-немецких лесничих“. Его не страшат трудности борьбы, он убеждён в победе нового над отжившим, „их учение умерло, а умершие не воскресают“. Но его курс станет для него также формой проповеди среди юношества, он откроет ему глаза на окружающий мир и укажет на долг перед родиной.

„Лесничий должен стать человеком и гражданином“— вот главное в этом курсе. Перефразировав известные строки Некрасова, он пишет, что девизом курса будет: „Лесоводом можешь и не быть, а гражданином быть обязан“⁴.

Н. В. Шелгунов в 1859 году стал профессором Лесного института, но он ошибся, предполагая, что ему удастся победить косность официальной науки, господствовавшей там. К тому же, ряд интриг, хитро сплетённых рутинерами против новатора-Шелгунова, заставил его вскоре оставить преподавательскую деятельность.

В эти годы Шелгунов много читал, проводя все свободные часы в публичной библиотеке. Он близко сошелся с

¹ Н. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 25.

² Л. П. Шелгунова. Из далекого прошлого, стр. 102.

³ Там же, стр. 99.

⁴ Там же, стр. 106.

М. И. Михайловым и часто встречался с Н. Г. Чернышевским¹. Шелгунов писал, что к 1859 году в его взглядах произошли большие перемены².

Л. П. Шелгунова в своих записях сообщает, что с зимы 1859 года их круг знакомых расширился, что бывал у них Чернышевский, который познакомил Шелгуновых с Серно-Соловьевичами³.

Знакомство с Н. Г. Чернышевским, М. И. Михайловым, А. И. Герценом оказали решающее влияние на формирование мировоззрения Шелгунова. От абстрактных рассуждений о своем желании служить народу, от абстрактного гуманизма Шелгунов приходит к революционному демократизму.

Мысли, высказанные Н. Шелгуновым в письмах, дружба с Михайловым, даже скудные сведения о постоянном общении с Н. Г. Чернышевским, Николаем и Александром Серно-Соловьевичами позволяют с полным основанием предположить, что к концу 1858 года Шелгунов являлся единомышленником Чернышевского.

Только исходя из этого положения, можно будет объяснить роль Шелгунова в годы революционной ситуации.

За время с 1856 до 1861 года Шелгунов трижды побывал за границей. Он был командирован туда для ознакомления с практикой лесоводства. Но не это составляло главное в его занятиях в Германии и Франции. Его интересовала практика освободительного движения народов. В воспоминаниях о поездке Шелгунов рассказал прежде всего, что в Европе того времени были живы следы недавних революций, что, несмотря на неудачи, многие верили в их будущее.

В 1856 году за границей он познакомился с сочинениями А. И. Герцена⁴. Личное знакомство Шелгунова с Герценом и Огарёвым состоялось в марте 1859 года в Лондоне, куда он приехал вместе с Михайловым.

В своих мемуарах „Былое и думы“ Герцен не пишет о встрече с Михайловым и Шелгуновым, как нет и записи о приезде Чернышевского в Лондон. М. В. Нечкина справедливо объясняет последнее условиями конспирации. Этим же можно

¹ В 1851 году Пекарский познакомил Шелгунова с Н. Г. Чернышевским и М. И. Михайловым. „С Михайловым, — писал Шелгунов, — к концу Крымской войны мы уже были знакомы очень близко“ (см. „Воспоминания“, стр. 94). Более тесное знакомство Шелгунова с Чернышевским, относящееся к 1855 г., можно подтвердить таким фактом: среди небольшого списка лиц, которых Чернышевский желал пригласить на свой диспут (защиту магистерской диссертации), было имя Шелгунова (см. „Красный архив“, т. VI (91, 1938, стр. 280).

² Н. В. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 82.

³ Л. П. Шелгунова, „Из далекого прошлого“, стр. 112.

⁴ Жена Шелгунова в своих воспоминаниях сообщает, что в Эмсе, где она лечилась, доктор Ловцов дал ей „Былое и думы“, затем она перечитала все издания Герцена. В мае 1856 года, когда приехал Шелгунов, она дала ему все имевшиеся у нее книги Герцена. См. там же, стр. 64.

объяснить и отсутствие упоминания о приезде Шелгунова и Михайлова.

Как сообщает бывшая вместе с ними Л. П. Шелгунова, А. И. Герцен принял их очень радушно, затем сам заходил к ним, знакомил их с Лондоном. Шелгуновы и Михайлов, в свою очередь, часто посещали Герцена.

В воспоминаниях Шелгунов записал восторженный отзыв о Герцене, но тут же отметил, что под влиянием поражения революции 1848 года произошли изменения в его мировоззрении. Шелгунов—социалист домарксовой эпохи—не мог понять глубокие корни скептицизма, „духовного краха“ Герцена, вызванные поражением революции 1848 г.

Н. В. Шелгунов рассказывает о продолжительных беседах в квартире Герцена, во время которых „...распределяясь должно быть по тяготениям, я (т. е. Шелгунов) всегда рядом с Огаревым, а Михайлов с Герценом“¹.

Нет сомнения, что в беседах, о которых рассказывал Шелгунов, никто из участников не скрывал своих политических взглядов, программных, тактических позиций.

Так как в 1859—1861 гг. Огарев работал над планом создания тайной организации в России, её программой, тактикой², то нужно думать, что во время упомянутых Шелгуновым бесед, его как и Михайлова посвятили в содержание этих планов.

Что же касается „взаимных тяготений“, о которых писал Шелгунов, то они, возможно, связаны с тем, что Огарев и Шелгунов стояли ближе к революционно-практической деятельности.

В Англии, как и в других странах, Шелгунов стремился изучить положение трудящихся масс. В Лондоне он осматривал грязные рабочие кварталы, ночлежные дома и увидел созданную капитализмом вопиющую нищету. Это произвело на него глубокое впечатление. Лондон, где, как писал А. И. Герцен, „...100 тысяч человек всякую ночь не знают, где прислонить голову, и полиция нередко находит детей и женщин, умерших от голода“³, послужил для Шелгунова великолепной иллюстрацией того, что он называл „оборотной стороной медали“ буржуазной цивилизации. Лондонские наблюдения Шелгунова дали ему возможность впоследствии изложить со знанием дела на страницах „Современника“ ряд положений из книги Ф. Энгельса „Положение рабочего класса в Англии“.

Шелгунов не отрицал прогрессивности капиталистической системы перед крепостнической, но он видел, что и данный

¹ Н. В. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 109.

² См. „Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.)“, Статья и публикация М. В. Нечкиной, „Литературное наследство“, т. 61, 1953 г.

³ А. И. Герцен, „Былое и думы“, т. IV, 1938, стр. 14.

общественный строй не избавляет народные массы от нищеты и угнетения. Шелгунов надеялся, что Россия минует этот этап исторического развития. Как и Чернышевский, Шелгунов был социалистом-утопистом „который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину“¹. Ряд косвенных данных, подтверждающих это, мы находим уже в письмах Шелгунова к жене весной 1859 г.² и в его записях бесед с французскими лесничими.

В письмах имеются также высказывания, характеризующие еще одну черту мировоззрения просветителей 60-х гг., присущую и Шелгунову. Это—горячая защита самоуправления, просвещения. „Мне кажется,—писал Шелгунов,—что Россия больше всех способна и имеет больше всех начал самоуправления. Дайте нам только образование“. Во всех письмах к жене Шелгунов в той или иной форме ставит общественно-политические вопросы. Он иронически называет свои письма „скучными“ и указывает, что ему „...не надо писать писем, когда в голове нет ничего, кроме политики“³.

Записи в воспоминаниях и письмах Шелгунова этого периода его жизни дают основание считать, что к концу 1859 года у него сложились социально-политические взгляды, типичные для революционера-демократа.

Свое настроение по возвращении из-за границы в Петербург он характеризовал так: „У меня тогда не было других мыслей и желаний, кроме желания переделать Россию сверху до низу и превратить ее в рай“⁴.

Чтобы осуществить эту мечту, по мнению Шелгунова, следует оставить государственную службу и посвятить себя литературной деятельности. Для Н. В. Шелгунова это означало посвящение себя революции. Известно, что такой ход мыслей и такие поступки были характерны для целой плеяды революционеров-разночинцев (Н. Серно-Соловьевич, В. Обручев и др.).

С 1859 года Н. В. Шелгунов начинает свою публицистическую деятельность⁵.

III

Место Н. В. Шелгунова в истории русского освободительного движения может быть определено, прежде всего, на

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

² Это письма, которые Шелгунов посылал в пути при возвращении из-за границы в Петербург. Он ехал через юг России: был в Крыму, Николаеве, Одессе, Киеве, Курске, Орле. У нас нет никаких указаний о каких-либо политических целях такого путешествия. Сам Шелгунов писал, что он решил познакомиться с югом России, которого до тех пор не знал.

³ Л. Шелгунова, Из далекого прошлого, стр. 105.

⁴ Н. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 92.

⁵ В 12-й книжке журнала „Русское слово“ 1859 г. напечатана статья Шелгунова „Одна из административных каст“. „Эта статья,—писал он,—была моей лебединой песней в лесоводстве и первой статьей, с которой я вступил в общую журналистику“ („Воспоминания“, стр. 112).

основе оценки его деятельности в годы революционной ситуации.

Выяснение этого вопроса невозможно вне связи с характером и формами борьбы русской революционной демократии в названный период.

Все формы деятельности революционных демократов в годы революционной ситуации В. И. Ленин расценивает как „натиск революционной партии“¹ и поясняет, что слово „партия“ в данном случае не следует трактовать в современном понимании, а учитывать исторические условия освободительного движения 60-х гг.

Вопрос о том, существовала ли в России тайная организация революционеров-разночинцев до „Земли и Воли“ 1862 года, в исторической литературе до сих пор остается не решенным и требует еще дополнительного исследования и розысков соответствующих документов. Разумеется, мы не претендуем на решение этого вопроса в данной статье.

М. В. Нечкина неоднократно выдвигала ряд обоснованных предположений в пользу наличия такой организации в 1859—1861 г.² Существование такой организации предполагает и Р. А. Таубин³.

Н. Н. Новикова в автореферате „Великорусс“ и его место в демократическом движении периода революционной ситуации 1859—61 гг.“, пишет, что „...накануне объявления „Положения“ 19 февраля — вокруг Н. Г. Чернышевского стала складываться революционная организация, создавшая прокламацию „Барским крестьянам““⁴.

Однако все приводимые авторами документы все же являются неоспоримым доказательством лишь подготовки в 1859—1861 гг. такой организации двумя центрами революционного лагеря — „Современником“ в России и „Колоколом“ в Лондоне. Такое положение не исключает того, что вокруг „Современника“ Чернышевского, на основе идейных позиций последнего, сплотилась группа выдающихся революционеров-демократов, считавших себя, в силу общих убеждений, людьми одной „партии“, начавших революционно-практическую

¹ В. И. Ленин, т. 5, стр. 26.

² Статьи М. В. Нечкиной: Вопрос о русской революционной организации и плане открытого выступления в конце пятидесятых—начале шестидесятых гг., „Литературное наследство“, т. 61, 1953 г.; Н. Г. Чернышевский в борьбе за сплочение сил русского демократического движения в годы революционной ситуации (1859—1861 гг.), „Вопросы истории“, 1953 г., № 7; Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации, „Исторические записки“, т. 10, 1941 г.

³ См. Р. А. Таубин, К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании „революционной партии“ в годы революционной ситуации, „Исторические записки“, т. 39, 1952 г.

⁴ Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М. 1953 г., стр. 9.

деятельность до оформления тайной организации. Это также не исключает, а предполагает налаживание этой группой связей с имевшимися кружками в Петербурге и других городах страны¹. К данной группе революционеров в Петербурге принадлежали Н. В. Шелгунов и М. И. Михайлов.

Из воспоминаний Н. В. Шелгунова видно, что он примкнул к этому кружку в 1859 г. „С этого года, — пишет он, — мои воспоминания получают другой характер. Я вступаю в сношения с людьми, память о которых связана с лучшими годами моей жизни“².

Эта группа составила тот центр революционной работы, откуда вышли и первые прокламации. Она же, как видно из документов и материалов, вела работу по выявлению единомышленников, по подготовке обширной организации, искала пути связи с народом. В кругу этих людей не только разрабатывались планы будущей организации, но горячо обсуждались пути подготовки крестьянской революции и вопросы будущего политического устройства России. Эти же вопросы, умело обходя цензуру, Чернышевский и его соратники ставили и в „Современнике“ — „учебнике жизни“, по выражению Н. В. Шелгунова³.

Впоследствии он так описал тот широкий круг вопросов, который был поднят перед читателями: „Разобраны были все общественные теории всех времен и всех народов, политические формы государств древнего и нового мира; проверены средства, которыми создавалось благо и благополучие нации, — и все это было взвешено, исследовано, обсуждено и предложено как материал для мышления русскому обществу, желавшему начать жизнь на новых началах“⁴.

Перед революционерами 60-х годов неизбежно должна была встать проблема связи с народом. Они должны были решить, как осуществить эту связь, каким путем обратиться к крепостному крестьянству, чтобы заявить о себе, чтобы оно поверило в правоту этих слов и пошло за революционной интеллигенцией.

События, предшествовавшие реформе (крестьянское движение 1858 года, движение против винных откупов 1859 г.), не могли не усилить стремление революционных кружков связаться с народом. Но для того чтобы миллионы крестьян в 60-х годах восприняли призыв к открытой борьбе против самодержавия, с которым обратятся к ним революционные демократы, несомненно, нужен был исторический опыт самих масс.

¹ С. А. Рейсер, К вопросу о революционных связях Н. А. Добролюбова, „Известия Академии наук СССР“, серия истории и философии, т. IX, № 1, 1952 г.

² Н. В. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 82.

³ Н. В. Шелгунов, „Внутреннее обозрение“, „Дело“, 1881 г. № 3, стр. 160—161.

⁴ Там же.

Нельзя было в 1859—60 гг. рассчитывать на успех прокламаций, в которых излагались бы мысли, понятные пока лишь крайне незначительному меньшинству, т. е. мысли о том, что царь не даст ни земли, ни воли и что самодержавие, со всеми его крепостническими чертами, останется нетронутым после осуществления подготавливаемой сверху реформы.

Реформа 19 февраля 1861 года и могла явиться таким наглядным опытом, уроком для масс, осознание которых способно было повысить политическую зрелость крепостных крестьян, подготовить их к восприятию лозунгов, направленных не только против помещиков, но и против самодержавия.

Следующие слова из прокламации Шелгунова, нам кажется, подтверждают высказанную мысль: „Момент освобождения велик, — читаем мы там, — потому, что им посажено первое зерно всеобщего неудовольствия“¹.

Н. В. Шелгунов писал, что составители прокламации „...вероятно имели в виду... пропагандировать известные идеи или выяснить народу условия и обстоятельства предстоящего ему освобождения. Такой, вероятно, и была прокламация „К народу“².

Как ни осторожно формулирует Н. В. Шелгунов в подцензурном варианте „Воспоминаний“ цели прокламаций, в его записи они частично определены.

Известно, что в двух вариантах „Воспоминаний“ Шелгунова по-разному сформулирован вопрос о центре, издававшем прокламации. В первом варианте, написанном в 70-х годах, но не опубликованном тогда, мы читаем: „Все они (прокламации.—Э. Г.) принадлежали очень небольшому кружку людей, действовавших отдельно и в глубокой тайне“³.

В „Воспоминаниях“, опубликованных в „Русской мысли“, вопрос о „кружке“, издавшем прокламации, совсем снят. Тут Шелгунов пишет, что у составителей прокламаций не было „ни общего центра, ни общего руководства... Это были скорее партизанские действия неизвестных отдельных кружков, не имевших никакой связи“⁴.

Эти противоречивые записи, понятно, вызваны условиями цензуры, но они так же объясняются положением Чернышевского и Шелгунова. Первый находился в то время в астраханской ссылке, другой вторично отбывал ссылку в Воробьеве.

Шелгунов указывает, что прокламации были написаны зимой 1861 года. Излагая события зимы 1861 г., он записывает: „В ту же зиму я написал прокламацию „К солдатам“, а Чернышевский прокламацию „К народу“ и вручили их для печата-

¹ Н. В. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 289.

² Там же, стр. 136.

³ Там же, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 135.

ния Костомарову¹. Там же у Шелгунова читаем: „В ту же зиму я написал прокламацию „К молодому поколению“, но мы решили печатать ее в Лондоне, в русской печатне. Об этой прокламации никто не знал, кроме меня и Михайлова“².

В подцензурных „Воспоминаниях“ Шелгунов, разумеется, не мог писать о том, как выполнялось решение печатать прокламацию в „Лондоне, в русской печатне“.

Шелгунов только рассказывает, что летом 1861 года они с Михайловым уехали за границу, сначала в Наугейм, на воды, затем он отправился в Париж, а Михайлов в Лондон. „Из-за границы Михайлов вернулся месяцем раньше меня. Я приехал только к сентябрю, к началу лекций“³.

Письма Н. В. и Л. П. Шелгуновых к Н. В. Гербелю⁴, который также был летом 1861 года за границей, говорят о том, что Шелгунов направился в Лондон вместе с Михайловым, но по каким-то соображениям вернулся из Кельна в Наугейм.

22 июня 1861 года Л. П. Шелгунова писала Гербелю из Наугейма: „...Ник[олай] Вас[ильевич] уехал сегодня в Голландию и оттуда в Англию с тем, чтобы Н. В. возвратился из Лондона за мной и затем в Париж... Михайлов так соскучился за границей, что через месяц уже едет в Россию“. Шелгунова писала, что она еще не совсем здорова, и просила Гербеля заехать за ней с тем, чтобы вместе отправиться в Париж, тогда Н. В. Шелгунов сможет, не заезжая в Наугейм, прибыть туда же⁵.

Из второго письма Шелгуновой к Гербелю от 25 июня 1861 г. мы узнаем, что Н. В. Шелгунов вернулся в Наугейм: „...пишу потому, что дело кончилось тем, что Николай Васильевич, соскучившись, вернулся из Кельна и мы едем вместе в Париж 3-го июля“. Вторая часть письма написана Шелгуновым. В нем он не упоминает о своей поездке в Голландию, но пишет, что „Мих[айлов] сегодня в Амстердаме в Голландии“. 27 июня 1861 г. в письме Гербелю Шелгунов опять вспоминает Михайлова: „А Мих[айлов] не кланяется по той же причине, как и в первый раз—он сегодня на пароходе из Роттердама в Лондон. Так я думаю“⁶. Наконец в письме от 19 июля 1861 г. Л. П. Шелгунова сообщала Гербелю, что они уже не

¹ Н. В. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 33, А. А. Шилов и Б. П. Козьмин установили, что провокатор В. Костомаров был в Петербурге в феврале 1861 г.

² Там же, стр. 33.

³ Н. В. Шелгунов „Воспоминания“, стр. 136.

⁴ Письма Шелгуновых к Гербелю опубликованы Е. П. Казанович в „Историко-литературном сборнике“, посвященном В. И. Срезневскому. Изд. отделения языка и словесности Российской Академии Наук, Ленинград 1924 г.

⁵ См. Названный сборник, стр. 226.

⁶ Там же, стр. 227—228.

в Париже, а в Трувилле, где останутся до 15 августа, что „...Михайлов уехал в Питер“¹.

Приведенные нами выдержки из писем говорят о том, что Шелгунов непрерывно следил за продвижением Михайлова в Лондон. Это нельзя объяснить лишь дружескими чувствами к Михайлову. Дело в том, что Михайлов выполнял задание революционного лагеря, когда вез в Лондон прокламацию для напечатания. Слова Л. П. Шелгуновой в письме от 22 июня „Михайлов соскучился и через месяц вернется в Россию“, конечно, не объясняют истинных причин быстрого возвращения Михайлова. Как не объясняют ее слова — „Николай Васильевич соскучился“ причин возвращения Шелгунова из Кельна в Наугейм. В письмах Гербелю Шелгуновы не раскрыли цель поездки Михайлова в Лондон и причины поспешного отъезда его в Россию.

Что же касается возвращения Шелгунова из Кельна, вместо того, чтобы следовать в Лондон, то это может быть было продиктовано условиями конспирации, опасением привлечь внимание заграничных агентов 3-го отделения приездом к Герцену из России сразу двух представителей революционного лагеря.

Известно, что в Лондоне прокламация „К молодому поколению“ была напечатана. По формату она напоминает „Колокол“. Под заглавием прокламации написано: „напечатано безцензурно в С.-Петербурге в сентябре“. На самом деле она была напечатана в июле — начале августа, так как 15 августа Шелгунова писала Гербелю, что Михайлов уехал в Россию, а 3—4 сентября 1861 г. прокламация уже распространялась в Петербурге.

Н. В. Шелгунов, как было уже замечено, писал, что о прокламации „К молодому поколению“ никто не знал, кроме него и Михайлова.

Можно сомневаться в точности этих слов Шелгунова. Молодому поколению, — речь идет о революционной интеллигенции, — в кружке Чернышевского придавали огромное значение. Её считали той организующей силой, которая станет во главе восставшего народа. Трудно представить, что революционные демократы зимою 1861 г., после реформы, вызвавшей подъем массового крестьянского движения, призывая крестьянство готовиться к восстанию, а солдат — поддерживать его, не обратились бы одновременно к интеллигенции. Запись эта, нам кажется, также сделана в целях конспирации.

То обстоятельство, что прокламация была напечатана за границей, дало повод утверждать, что Чернышевский не знал о прокламации, а затем, познакомившись с содержанием, не

¹ Названный сборник, стр. 228.

оправдывал его и изменил отношение к Михайлову, которого считали автором всей прокламации¹.

Содержание и литературный стиль прокламации позволяют сказать, что большая ее часть принадлежит перу Н. В. Шелгунова. Сам Шелгунов дважды заявляет в „Воспоминаниях“, что он автор прокламации².

На допросе М. И. Михайлов назвал себя автором только одной части прокламации „К молодому поколению“, причем он указал на ту часть, которая по своему содержанию больше всего может угрожать ее составителю. Эту же часть прокламации Шелгунов передает в своих „Воспоминаниях“, как написанную им.

Мысли, высказанные в прокламации об особом историческом пути России в прошлом и будущем³, вытекающие из ошибочных исторических и социальных взглядов Шелгунова, приведены им также во введении к статье „Рабочий пролетариат в Англии и Франции“. Отчасти эти мысли мы находим в его статьях: „Общественные вопросы“; „Россия до Петра Первого“⁴. Примеры из истории Китая, содержащиеся в прокламации, встречаются и в более поздних работах Шелгунова⁵. По форме изложения значительная часть прокламации—типичное произведение для Шелгунова 60-х гг. (отступления в процессе изложения программы, частые переходы от настоящего к прошлому)⁶.

Прокламация, как видно из содержания, написана после 19 февраля 1861 г. Печатание ее за границей вызвано было не разногласиями с Чернышевским, а техническими обстоятельствами (московский станок был загружен прокламациями Чернышевского „Барским крестьянам“ и Шелгунова „К солдатам“).

Прокламация „К молодому поколению“, как и „К солдатам“, одна из задуманных революционным центром. Она преследовала задачи:

1) Разъяснить грабительский характер реформы 19 февраля 1861 года.

¹ Подробно об отношениях Чернышевского и Михайлова в связи с прокламацией см. в статье Б. П. Козьмина „Н. Г. Чернышевский и М. И. Михайлов“, „Вопросы истории“ № 7, 1946 г.

² Н. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 33.

³ Прокламация „К молодому поколению“ в приложении к „Воспоминаниям“ Шелгунова, стр. 293.

⁴ Шелгунов, Соч., т. 1, 1891; журнал „Век“, № 7—8, 1862 г.

⁵ Статьи „Прошедшее и будущее европейской цивилизации“ и „Цивилизация Китая“, Н. Шелгунов, Соч., т. 1, 1895 г.

⁶ Следующее предложение в прокламации также мог написать только Шелгунов: „...и нисколько не плениаясь немецкими садиками и рощами, хотим разделить свое поле **не по немецкой методе**“ (стр. 293) — почти дословное повторение его записей о Саксонии, где он был в 1856 году.

2) Разрушить веру в царя, рассеять иллюзии о лучшем будущем крестьян России при сохранении данного политического строя.

3) Раскрыть цели борьбы, т. е. объявить программу революционного центра.

4) Призвать к подготовке всеобщего восстания.

Прокламация „К молодому поколению“ написана красочным, боевым языком. По объему и количеству затронутых вопросов она носит характер скорее острой полемической статьи. Если Н. Г. Чернышевский в прокламации „Барским крестьянам“ излагает только положительную программу, то Шелгунов в прокламации, рассчитанной на интеллигенцию, приводит доводы за и против высказанных положений, критикует буржуазных социологов.

Взятая эпиграфом выдержка из стихотворения Рылеева „Гражданин“ подчеркивает преемственную связь между двумя поколениями революционеров.

Прокламация Шелгунова и Михайлова, как и Чернышевского, начинается критикой реформы 19 февраля 1861 года. Реформа ничего не дала народу.

„...Государь обманул ожидания народа, дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна“. Правительство, которое дало такую реформу, не нужно народу. „Долой Романовых“—так заключают авторы эту часть прокламации. Но они не ограничиваются одним лозунгом, их задача доказать, обосновать необходимость свержения Романовых. От деспотизма в России,—говорит Шелгунов,—ждать больше нечего. „Императорская Россия разлагается“ и правительство, давшее „освобождение“ крестьянам, подтверждает это. Ничего не изменилось: „Все та же сиятельная тупость и подлость окружает царя; все те же казнокрады Адлерберги и Муравьевы стоят во главе правительства“.

Как бы полемизируя с незримым оппонентом, Шелгунов напоминает, что можно бы допустить, что правительство, идя навстречу требованиям момента, пообещает уступки, но он не верит этому. „И кто это выдумал, что правительство сумеет сделать что-нибудь нужное само по себе. Откуда ваши надежды... Откуда это предательское усыпляющее чувство“¹, когда речь идет о „ватаге негодяев, называемых русскими министрами и русским правительством“, для которых ничего не значит счастье 60 миллионов!

„Нам нужен не царь, не император, не помазанник божий, не горностаевая мантия, прикрывающая наследственную неспособность; мы хотим иметь главой простого смертного человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший,

¹ Эти же слова мы встречаем в статье Шелгунова „Русское слово“—Разбор ее дан ниже.

получающий за свою службу жалование“. Власть должна быть выборной и ограниченной.

В России, указывает Шелгунов, надо немедленно осуществить следующее:

1) Полностью ликвидировать помещичье землевладение и передать землю общинам, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране, чтобы у каждой общины был свой надел и чтобы личные землевладельцев не существовало, чтобы землю нельзя было продавать. Дворянских людей надо наделить землей и немедленно уничтожить переходное состояние. „Мы хотим полного уничтожения следов крепостного права... полного обновления страны“.

2) Дать свободу печати („освободить от цензуры“).

3) Развить уже существующее в народе самоуправление.

4) Отменить все сословные привилегии. Все общественные должности — выборные, их занимают по способностям.

5) Суд сделать открытым, отменить телесные наказания.

6) Сократить срок службы в армии до 3—5 лет, дать солдату жалование.

7) Сократить расходы на армию, которую из императорской гвардии надо превратить в народную армию.

8) Дать амнистию всем политическим заключенным.

9) Пересмотреть и изменить законы, действующие в России.

Перед нами программа буржуазно-демократической революции.

Намеченную программу осуществит „народная партия из молодого поколения всех сословий, затем все угнетенные, все, кому тяжело нести крестную ношу русского произвола“. Все свои надежды автор возлагает на народ. Дворянство им сброшено со счетов прогрессивных классов.

Автор прокламации допускает, что такую программу можно бы осуществить и мирным путем, но он убежден, что это не произойдет. Без применения насилия нельзя решить такие задачи.

„И если нельзя иначе, мы не только не отказываемся от него (т. е. насилия — Э. Г.), но мы зовем охотно революцию на помощь народу“.

Шелгунов предвидит, что его будут обвинять в оправдании насилия. Революция означает насилие по мнению „сторонников настоящего порядка“, но Шелгунов напоминает, что обращение 20 миллионов в крепостных — вот исторический пример насилия, с которым, однако, мирились и которое оправдывали „сторонники современного порядка“.

Путь к цели, поставленной в прокламации, лежит через борьбу, которая не будет бескровной. Но жертвы будут ничтожны в сравнении с тем, что приобретет народ. Россия ничего не потеряет, если будут уничтожены помещики. Если

для достижения цели, — пишет он, — „пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы этого и это вовсе не так ужасно“.

Выступая в прокламации сторонником республики, крестьянской революции, в чем видна полная солидарность с Чернышевским, в экономической части объявленной им программы Шелгунов делает некоторое отступление от взглядов Чернышевского. Как и Чернышевский, Шелгунов — сторонник сохранения в России общинного владения землей. Он против „немецкой методы“ разделения полей¹.

Известно, что Чернышевский условно принимал общину. Он указывал на то, что особую роль в социальном переустройстве России она может сыграть только теперь, пока в России еще не развит капитализм. После того как это случится, община не сможет осуществить возлагаемые на нее задачи, но она их выполнит в случае победы революции в России в 60-х годах. Тогда Россия пойдет прямым путем к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Шелгунов разделял этот взгляд, но в отличие от Чернышевского он, как и Герцен, преувеличивал роль и значение общины не только для России. Он писал, что социальное устройство общества на основе общинного владения землей Европа еще позаимствует у России.

В прокламации мы находим и ошибочные строки о спасительном значении общины для защиты крестьянства от пролетаризации.

Содержание прокламации Шелгунова и Чернышевского свидетельствует об общности их политических взглядов (одинаково резко отрицательное отношение к реформе, к самодержавию, оба выступают сторонниками республики). Отличными от взглядов Чернышевского являются лишь отдельные строки об исторической миссии крестьянской общины.

Рассматриваемые нами положения о крестьянской общине дали повод М. Лемке и Б. П. Козьмину расценивать прокламацию как один из первых документов народничества² и подчеркнуть этим отличие во взглядах Чернышевского и Шелгунова. В. И. Ленин указывал, что черты народничества были присущи и Чернышевскому. „Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, — писал В. И. Ленин, — стало народничество... Но Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал

¹ Шелгунов был в Германии в 1856 году, и знакомство с прусским Junkерским типом капитализма в сельском хозяйстве не могло не вызвать отрицательного отношения демократа к новой форме закабаления крестьян.

² М. Лемке, „Общественное движение 60-х гг.“, М. 1923 г., Б. Козьмин, Артельный журнал „Век“ (в кн. „Русская журналистика, 60-е годы“), М.—Л. 1930 г.

громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом¹.

Следовательно, В. И. Ленин различие во взглядах Герцена и Чернышевского усматривает не в отношении к общине, а в степени последовательности демократизма. Содержание прокламации, как и другие документы, принадлежащие перу Шелгунова, дают полное право считать его последовательным демократом, единомышленником Чернышевского.

Прокламация „К молодому поколению“ была широко распространена в Петербурге и попала также на периферию. В Петербурге, где в сентябре нарастало массовое студенческое движение, она оказала непосредственное революционное воздействие².

Перу Шелгунова принадлежат также две прокламации „К солдатам“. Для тех, кто готовился возглавить всеобщее крестьянское восстание, было ясно, что от поведения армии во многом зависит судьба революции. Солдатам уделяет немало строк в своей прокламации Чернышевский. Разъяснять солдатам их задачи по отношению к народу, — требует от молодого поколения Шелгунов.

Прокламация „К солдатам“ дошла до нас в двух редакциях: первая — „Русским солдатам от их доброжелателей поклон“ — была вручена В. Костомарову для напечатания в Москве в феврале 1861 г., но он, вместе с прокламацией Чернышевского, доставил ее в третье отделение; вторая — „К солдатам“ — дошла до нас в рукописном и печатном виде.

О первой, написанной зимой 1861 года, сообщил Шелгунов³. О ней же говорил в своих доносах Костомаров⁴. На вопрос о том, кто был инициатором воззвания к солдатам, он ответил: „Я полагаю, что мысли сочинить воззвание никто не мог подать первый: инициатива этого манифеста, бесспорно, должна была принадлежать всем, кто так или иначе прини-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

² Л. Пантелеев в „Воспоминаниях о прошлом“ сообщает, что в глухой Вологде было 6 экземпляров прокламации „К молодому поколению“. Он же пишет, что в Петербурге ее передавали из рук в руки. Н. Николадзе („Воспоминания о шестидесяти годах“, журнал „Каторга и ссылка“ № 33, 1927 г.), тогда студент Петербургского университета, близко знакомый с Чернышевским, писал об огромном впечатлении, которое произвела прокламация. „Появилась неведомая дотоле в России вещь, первая печатная прокламация „К молодому поколению“, ее обнаружили в шинельной, и студент, взявший прокламацию, прочел ее перед всеми присутствующими в актовом зале“. Николадзе пишет далее: „Известно из документов процесса Михайлова, что прокламация была разослана в большом количестве экземпляров по почте, а также ряд лиц разносил ее по домам“. Штакеншнейдер в своем дневнике записала, что в конце августа к ним в дом принесли прокламацию, автором которой, как оказалось потом, был Михайлов (Штакеншнейдер, „Дневник и записки“, М. 1934, стр. 243).

³ Н. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 33.

⁴ „Процесс Чернышевского“, Саратов 1939, стр. 117, 161.

мал участие в составлении манифеста „К крестьянам“¹. Вместе с тем Костомаров утверждал, что автором ее был Шелгунов.

О второй прокламации Костомаров не знал. О ней также ничего не сообщил и сам Шелгунов. Прокламация написана после апрельских событий в Бездне и в ней впервые в известной нам нелегальной литературе 60-х гг. упоминается это крестьянское восстание².

Первая прокламация не только по содержанию, но и по форме изложения — там, где речь идет о реформе, — повторяет прокламацию Чернышевского. Автор разъяснял солдатам сущность реформы 19 февраля и указывал на их обязанности перед народом: не стрелять в народ, который не пожелает принять „кабалу“ и выступить против помещиков.

В этой же прокламации автор выражает отношение революционных демократов к войнам, защите Отечества. Он напоминает о героизме русских солдат в Крымской войне. „...Мы крепко стояли за свою землю и это дело было святое“, а турки, англичане и французы, которые „осаждали нас, делали проклятое дело“.

Большое место в прокламации занимает разъяснение отношения к Польше (полторы страницы из четырех уделены этому вопросу). Шелгунов пишет, что солдаты не должны идти против Польши. „Всякий народ должен быть вольный, пусть освобождаются... Помогите и вы им, братцы“³.

Внимание, которое уделено в прокламации польскому вопросу, — еще одно свидетельство симпатий и сочувствия русской революционной демократии польскому народу. Оно же напоминает о наличии связей с польскими демократами и о расчетах на общее выступление.

Вторая прокламация „К солдатам“ — краткая (немногим больше страницы). Она подчинена одной задаче: призвать солдат не выполнять приказы о выступлениях против народа. Автор разъясняет, что солдат дает присягу служить Родине и русскому народу, а не исполнять „...несправедливые преступные приказания царя“. Ряд положений в прокламации имеет целью подорвать у солдат доверие к царю. Как пример преступных приказов и проклятого дела, названа Бездна. „Грешно убивать безоружный невинный народ, как это было в Бездне“.

¹ „Процесс Чернышевского“, Саратов 1939, стр. 176.

² Нам не удалось установить, где была напечатана вторая прокламация. М. Лемке сообщает, что она распространялась осенью 1861 года в Петербурге, Москве, Казани, Н. Новгороде и Владимире (см. „Политические процессы 60-х гг.“, стр. 152). М. Лемке в примечаниях к XV т. соч. А. И. Герцена (стр. 124) писал, что в 1898 г. Л. П. Шелгунова сообщила ему, что уцелевший у нее экземпляр прокламации „К солдатам“ в напечатанном виде передан ею П. Я. Дашкову, у которого М. Лемке и взял его.

³ Н. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 304.

Во второй прокламации говорится о положении русского солдата, отбывающего 25-летний срок службы, и указано, что можно сделать, чтобы изменить его.

Все прокламации Шелгунова носят ярко выраженный анти-царистский, антипомещичий характер. Выдвинутые им вопросы о подготовке к восстанию, о земле, о положении крестьян после реформы, о будущем политическом строе России дают право считать эти прокламации важнейшими документами нелегальной литературы 60-х гг., характеризующими позиции революционно-демократического лагеря. Они же свидетельствуют о той значительной роли, которую в этом лагере играл Шелгунов.

IV.

1861 год был началом систематической публицистической деятельности Н. В. Шелгунова. В этом году в „Современнике“ была опубликована его обширная статья „Рабочий пролетариат в Англии и Франции“¹. Непосредственным поводом к написанию работы явилось издание в 1860 г. книги вульгарного буржуазного экономиста Бруно Гильдебранда „Политическая экономия настоящего и будущего“. Перевод и предисловие принадлежали Н. П. Щепкину. Книга впервые была издана в Германии в 1848 году, т. е. в период революции в Австрии, Германии, Франции. Книга не представляет оригинального труда. В ней автор с буржуазных позиций дает обзор политико-экономических систем от Адама Смита до Энгельса и социалистических теорий от Оуэна до Энгельса. Автор книги поставил себе целью развенчать социалистические теории, особенно марксизм, в котором буржуазия увидела своего главного врага.

Около трети книги Гильдебранд отвел критике социальных взглядов Ф. Энгельса. Все свое внимание автор сосредоточил на опровержении фактов и выводов, изложенных Энгельсом в книге „Положение рабочего класса в Англии“. Причина этой злобной атаки Гильдебранда станет понятнее, если вспомнить, как отзывался о своей книге сам Энгельс: „Я составлю англичанам славный перечень их грехов. Перед лицом всего

¹ „Современник“ IX, X, XI за 1861 год. О значении этой статьи Шелгунова имеются сообщения в работах ряда историков: В. Шульгин, К вопросу о проникновении марксизма в Россию в 40—60-х гг. XIX в. („Историк-марксист“ № 5—6, 1939 г.); в названных уже статьях М. Н. Печуковой и С. А. Слабкого. А. Гагарин в статье „Проникновение идей марксизма в Россию до 1883 года“ (в сборнике „Из истории русской философии XVIII—XIX вв.“, изд. Московского университета, 1952 г.) пишет: „В сентябрьском номере „Современника“ за 1861 год Чернышевский напечатал сокращенный перевод работы Энгельса „Положение рабочего класса в Англии“ за подписью Шелгунова“... (стр. 308). Это неверно. Авторство Шелгунова никогда никем не оспаривалось, а статья не представляет сокращенного перевода.

мира я обвиню буржуазию в массовых убийствах, грабежах и других преступлениях"¹.

В специальном разделе: „Разбор энгельсовой книги о положении рабочих классов в Англии, как основание коммунистических теорий“² Гильдебранд пытается доказать, что Энгельс пишет лишь о теневых сторонах капитализма. Однако, не имея возможности опровергнуть факты, приведенные Энгельсом, Гильдебранд заключает: „Все частности верны, а общее ложно“, в силу чего он, мол, и выступает в защиту „современной цивилизации“. Вся эта защита заключается в тенденциозном изложении ограниченного буржуазного законодательства и филантропии, направленных будто бы к улучшению быта рабочих в Англии. Факты, приведенные Энгельсом, автор считает уже отошедшими в область истории. Уместно напомнить, что не только в 1845 или 1860 гг. факты эти не устарели, но и сейчас, через сто с лишним лет, положение рабочих в современных капиталистических странах полностью подтверждает наблюдения и выводы Ф. Энгельса. Что же касается социалистических теорий, Гильдебранд называет их „утопиями“, которые неосуществимы в силу различий в истории народов и стран. Если и осуществить „утопии“, то „не найти такого уравнительного закона распределения наслаждений и благ“.

Как видим, апологет буржуазии и не допускает мысли об объективном характере экономических законов, под влиянием которых идет историческое развитие народов и стран. Еще в меньшей мере способен он допустить возможность справедливого распределения материальных благ в обществе, где не будет частной собственности.

Содержание книги: защита буржуазного строя, восхваление частной собственности, злобные нападки на самую идею социализма, особенно научного, наконец, буржуазная трактовка „рабочего вопроса“ — объясняет нам причины издания русского перевода и живой отклик на нее в русской журналистике обоих борющихся лагерей в 1861 г.

Отклики на книгу Гильдебранда дали возможность русским публицистам заявить о своем отношении к классическому произведению марксизма, против которого обрушивался автор „Политической экономии настоящего и будущего“, и заявить о своем отношении к капитализму и перспективам экономического развития России.

Все эти вопросы в большей или меньшей степени отражены в рецензиях русских журналов 1861 года³.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 12.

² Гильдебранд, „Политическая экономия настоящего и будущего“, стр. 140—146 и др. Работа Ф. Энгельса вышла в 1845 г. и написана по материалам 1844 и 1845 гг.

³ Подробно об откликах на издание Гильдебранда см. А. Реуэль „Положение рабочего класса в Англии“ Ф. Энгельса в оценке русской журналистики“ („Вопросы истории“, 1948 г., № 5).

Исключительный интерес представляет рецензия Н. Г. Чернышевского на названную книгу, опубликованная в мартовской книжке „Современника“ за 1861 год¹.

Рецензент выступает главным образом против той части книги, где Гильдебранд критикует социалистов. Чернышевский мастерски опровергает „ученые“ доводы буржуа о несбыточности идей социализма. Что же касается экономических теорий, то Чернышевский их не разбирает, он просто считает их не заслуживающими внимания.

Автор рецензии не оставляет без ответа и весьма важный вопрос, затронутый Гильдебрандом, — о законе распределения благ в будущем обществе. По Гильдебранду, такой закон трудно найти, а если он и будет найден, „то где взять силу, поддерживающую этот закон?“ По мнению рецензента, закон будет найден, его подскажет и усовершенствует опыт людей, так как общество, где будет осуществлена „утопия“, не застынет в одной форме. „Люди будут довольны своим положением и для удержания их в таком состоянии сила не потребуется“. Автора рецензии больше занимает вопрос: „Где берется сила поддерживать худой порядок вещей, как теперь сносят люди совершенное уничтожение своей личности?“²

Рецензия свидетельствует о том, что в кругу „Современника“ 60-х годов обдумывали и пытались решить сложнейшие социальные проблемы. Автор ее делает попытку заглянуть в будущее и поставить вопрос о законе распределения благ в социалистическом обществе. Н. Г. Чернышевский — социалист домарковского периода не мог, естественно, дать научную теорию распределения при социализме, но важно, что он решительно отбрасывает измышления буржуазных экономистов о невозможности якобы найти закон распределения в будущем обществе.

Статья Шелгунова „Положение рабочего пролетариата в Англии и во Франции“ была написана не только с целью участия в полемике по рассматриваемому вопросу. Это было выступление, связанное с революционной практикой и злободневными вопросами эпохи — вопросами о путях развития России.

Рецензия Н. Г. Чернышевского имела целью опровергнуть Гильдебранда в той части, где он критикует теории социалистов. Шелгунов в своей работе поставил во всей широте рабочий вопрос и сосредоточил внимание на опровержении фальшивых доводов Гильдебранда о благосостоянии рабочего класса на Западе. Издание книги, рисующей в „розовых тонах“ положение рабочих, Шелгунов рассматривает как защиту интересов определенной партии, которая стремится создать пролетариат в России.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. XVI.

² Там же, стр. 661, 662.

Н. В. Шелгунов в самом начале статьи выражает свое глубокое уважение и симпатии к автору „Положения рабочего класса в Англии“. „В числе писателей, на которых нападает Гильдебранд, — пишет он, — есть и Энгельс, один из лучших и благороднейших немцев. Имя это у нас совсем неизвестно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего“¹.

Шелгунов пишет, что, в противовес Гильдебранду, он познакомит читателей полнее с бытом „наибольшей массы населения счастливой и могучей Англии и блаженствующей Франции“, он покажет „другую сторону медали“ буржуазной цивилизации, а для этой цели нельзя было придумать ничего лучшего, чем изложить содержание книги „Положение рабочего класса в Англии“. „На книгу Энгельса, — указывал В. И. Ленин, — стали всюду ссылаться, как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса“².

Работа Шелгунова состоит из двух частей. В первой он пишет о положении рабочих в Англии. Эта часть содержит в основном фактический материал книги Энгельса, но с дополнением цифр, характеризующих положение рабочих в 1857 г., и с выводами Шелгунова. Вторая часть — о положении рабочих во Франции — является самостоятельным исследованием Шелгунова. Следуя методу Энгельса, он использует официальные документы и факты, не только опубликованные в различных статистических сборниках, но также высказанные в речах таких политических деятелей Франции, которых никто не заподозрит в „неблагодинамеренности“. Материалы о положении рабочих Франции Шелгунов располагает в том же порядке, как это сделано в книге Энгельса (описание фабричной системы, рабочих кварталов, отдельных жилищ, убогого рабочего законодательства в буржуазных странах).

Во введении к статье, напечатанной в „Современнике“ и в первом издании сочинений³, Шелгунов повторяет взгляды об особом историческом пути развития России, уже высказанные им в прокламации „К молодому поколению“. Впоследствии Шелгунов отказался от такой точки зрения, чем и объясняется отсутствие этого введения в подготовленном им в 1890 г. втором издании сочинений.

Работа Шелгунова — не обычный перевод. Давая изложение основных фактов и выводов, он постоянно высказывает

¹ Н. Шелгунов, Соч., т. II, изд. 1895, стр. 1.

² В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 9.

³ Первый том первого издания сочинений Шелгунова вышел в 1871 году.

свое отношение к ним. Поставленные им вопросы о роли конкуренции, о минимуме зарплаты, средней зарплате и др. свидетельствуют о его принадлежности к экономической школе Чернышевского.

Мы изложим сделанные нами сопоставления книги Энгельса и статьи Шелгунова лишь по трем, как нам кажется, важнейшим вопросам:

1. Значение промышленного переворота и его главный результат.

2. Историческая роль пролетариата.

3. Каким путем надо изменить современное положение пролетариата.

По этим вопросам Ф. Энгельс приходит к таким выводам.

1. Техническая революция имела огромное значение для Англии. „При нормальном социальном строе все эти улучшения можно было бы только приветствовать“, но при капитализме все выгоды присвоили себе отдельные лица, а большинство лишено средств к существованию. „Каждое улучшение в машине отнимает у рабочих кусок хлеба, и чем важнее улучшение, тем больше рабочих остается без работы“¹.

У Энгельса следует за этим огромный фактический материал, подтверждающий эту мысль. Рассматривая результаты промышленного переворота, Энгельс приходит к выводу, что самый главный из них—образование промышленного пролетариата. „Самостоятельный класс с собственными интересами и принципами, с собственным мировоззрением, класс, противоположный всем имущим классам и хранящий в себе силы нации и способность к их дальнейшему развитию“. И эти качества приобретены им в силу его „позорного экономического положения“².

Энгельс показывает, что экономическое положение рабочих заставляет их бороться за окончательное освобождение. Больше того, оно же делает рабочего самым революционным классом общества. „Буржуа по уши погряз в своих классовых предрассудках... он по существу консервативен, хотя бы в либеральной форме; его интересы неразрывно связаны с существующим строем; и он для всякого движения вперед человек мертвый. Мало-помалу он перестает стоять во главе исторического развития и его место — сначала юридически, а со временем и фактически—займет рабочий класс“³.

2. Энгельс рассказывает, что система буржуазного образования для рабочих направлена к воспитанию смирения, пассивности. Но рабочие предпочитают посещать пролетарские читальни и заниматься обсуждением вопросов, непосредственно

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 425.

² Там же, стр. 520.

³ Там же, стр. 519—520.

касающихся собственных интересов. Несмотря на низкий жизненный уровень и малое образование рабочих, „наиболее замечательные произведения новейшей философии, политической и поэтической литературы читаются почти исключительно рабочими... Шелли... и Байрон... имеют больше всего читателей среди рабочих“¹.

3. а) Свое положение изменяют сами рабочие. В сложившемся самостоятельном рабочем движении Энгельс видит важнейшее достижение английских рабочих. Упорство и настойчивость пролетариев в борьбе против отдельных буржуа вселяют уверенность, что эти люди сумеют бороться против всего враждебного им социального строя;

в) рабочие дома, приюты, всякая другая благотворительность—сплошное лицемерие буржуазии. „Филантропия — удар по воде“.

с) буржуазия неспособна изменить положение, а если это так — „пусть буржуазия уступит свое место пролетариату“. Но этого не произойдет, поэтому приходится действительно оставить все надежды на мирное разрешение социального вопроса в Англии. Единственно возможным выходом остается насильственная революция².

Шелгунов излагает эти вопросы следующим образом:

1. Вслед за Энгельсом он излагает историю промышленного переворота в Англии и указывает на прогрессивное значение происшедшей технической революции для человечества. „Этот новый порядок (речь идет о системе, созданной машинным производством) был бы, разумеется, вполне отрядным явлением; он и должен привести к чему-нибудь хорошему; но пока еще мы дождемся этого отдаленного будущего, все новые улучшения в производстве, рядом с наибольшим добром, влекут за собой гораздо больше зла, каждое улучшение в машинном производстве лишает рабочего хлеба и чем улучшение значительнее, тем больше лишних людей оно создает“.

Переворот, его результаты огромны. „...Главнейший и самый важнейший плод экономического переворота составляет, разумеется, английский пролетариат, которого старая Англия не знала“. В другом месте Шелгунов, развивая эту мысль, пишет, что „пролетариат сложился в целое, стал чувствовать свою силу“³. Шаг за шагом, вслед за Энгельсом, Шелгунов дает точный перевод всех материалов о быте рабочих, характеризующих страшную нищету миллионов людей. Все это Шелгунов заканчивает своими выводами: „И это последнее слово европейской цивилизации, и это экономический порядок, воз-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 417.

² Там же, стр. 538.

³ Н. Шелгунов, Соч., т. II, изд., 1895 г., стр. 42.

веденный в закон теоретиками! Есть чем гордиться, чему завидовать и чему учиться“¹.

2. „В моральном отношении положение рабочего тоже не лучше. Средства на народное образование... весьма слабы... Воскресные школы, учреждаемые для рабочих... вообще дурны“.

В школах ребенку „...набивают голову непонятными для него теологическими определениями... На все, что касается развития способностей и нравственного воспитания, обращается самое слабое внимание“... „Для образования рабочих сделано не слишком много. Но обстоятельства, в которых живет рабочий, дают ему практическое образование такого рода, что влияние школьного учения делается совершенно безвредным и *становит рабочего во главе национальных движений страны* (подчеркнуто мною.—Э. Г.). Нужда учит и думать и действовать“².

3. а) Движение рабочих является попыткой подняться из этого униженного положения—стачки рабочих в Манчестере, пятимесячная забастовка горняков в 1844 г. говорят о воле и решимости в рабочих. Стачки описаны подробно, с большой симпатией к рабочим, к их организованности (изложен материал из книги Энгельса).

в) Ни благотворительностью, ни железными дорогами, омнибусами и библиотеками „не залечить болезнь. Во Франции непрерывно росли благотворительные общества, но еще быстрее росло количество бедняков, которым общество оказывало помощь иногда по одному франку в год.

Не поможет и бережливость—рабочему нечего беречь. Он получает столько, „сколько нужно, чтобы не умереть с голоду“. „Он поедает то, что заработал вчера“.

с) В таком случае надо идти другим путем, и если ни буржуазия, ни благотворительность не могут выдумать ничего сами, „*пусть они уступят свою роль народу*. Наука разрешила вопрос, на чьей стороне правда“³. Рабочие изберут путь такой, какой смогут. И уж совсем не по Энгельсу Шелгунов заканчивает: „Пролетариат пытался разрешить свой вопрос не только путем стачки и восстания, но и путем мирным, путем медленного прогресса. Это путь старый, простой—ассоциации,

¹ Н. В. Шелгунов, Соч., т. II, изд. 1895 г., стр. 49.

² Там же, стр. 42.

В статье „Деликатности науки“ (1861 г.) Шелгунов еще раз пишет о пролетариате, как о новом классе. „Пролетариат и пауперизм не одно и то же. Нищий, бедняк бессилен добыть себе средства... Пролетариат—другое. У него есть сила работать, он не ленив, а все-таки не имеет средств существования... Пролетариат знает, почему он беден, он знает, кто его экономический враг; он держит голову гордо и готов всегда вступить в открытую борьбу с людьми, которых он считает причиной своего бедственного положения“ („Современник“ № 12, 1861 г., стр. 149).

³ Н. В. Шелгунов, Соч., т. II, стр. 98, 118, изд. 1895 г.

которые должны соединить усилия, для действия в общих целях“.

Положение, высказанное Энгельсом о насильственной революции, которую совершит пролетариат в своих и общечеловеческих интересах, Шелгунов не переводит. Учитывая политические взгляды Шелгунова — автора прокламации „К молодому поколению“, можно допустить, что он не сделал этого по цензурным условиям. Но и добавление от себя мысли о медленном прогрессе, об ассоциациях естественны для социалиста-утописта.

В рассмотренной нами статье Н. В. Шелгунова выражены взгляды русской революционной демократии на рабочий вопрос.

Краткое сопоставление работы Ф. Энгельса и статьи Шелгунова дает основание к следующим выводам:

1. Н. В. Шелгунов правильно понимал прогрессивное значение промышленного переворота, признавал все выгоды машинного производства, видел в нем предпосылку для „блестящего экономического будущего человечества“.

2. Причину нищенского жизненного уровня „огромных масс населения“ (рабочих) при капитализме он видит не в совершившейся технической революции, а в буржуазном строе Англии¹.

3. Шелгунов, вслед за Энгельсом, отметил, что важнейшим результатом промышленного переворота является создание особого класса — пролетариата, противоположного по своим интересам буржуазии. Английский рабочий... „имеет другие понятия, другие нравы, другую политику, чем буржуазия“².

4. Вслед за Энгельсом он высказал, как свое убеждение, мысль о том, что рабочий класс — самостоятельная политическая сила не только в настоящем, но „обстоятельства“ ставят рабочего „во главе национальных движений страны“.

5. Положение рабочих не изменит ни буржуазия, ни филантропия. Шелгунов не отвергает идеи насильственной революции пролетариата, но в отличие от Энгельса указывает и на ассоциации, как на возможный путь для изменения положения пролетариата.

Все сказанное о пролетариате Шелгунов относит к западноевропейским странам, где капитализм уже победил. Что же касается России, то в значительной мере статья должна была

¹ В 1865 г. в ст. „Женское безделье“ Шелгунов писал: „В том, что положение рабочего ухудшилось, машины, как я уже сказал, не виноваты. В машинах все-таки выразилась сила человеческого стремления к облегчению труда и промышленная изобретательность. Машины будут появляться все более и более, вытесняя ручной труд и подготавливая человечеству то блестящее экономическое будущее, осуществление которого пока еще невозможно“, Соч., т. II, стр. 252, 1895 г.

² Н. В. Шелгунов, Соч., т. II, стр. 41.

показать „другую сторону медали“ буржуазной цивилизации и подтвердить возможность некапиталистического пути развития в России.

В статьях Шелгунова по рабочему вопросу в последующие периоды его жизни мы неизменно обнаруживаем черты влияния работы Ф. Энгельса. Сюда относится и статья „Деликатности науки“, опубликованная в „Современнике“ в декабре 1861 г.

Заслуга Шелгунова состоит в том, что уже в 1861 г. он познакомил русских читателей с одним из лучших произведений мировой социалистической литературы¹. Впоследствии, в 1884 году, первые четыре главы книги Энгельса были напечатаны в литографированном подпольном сборнике „Социалистическое знание“ (журнал № 1, Москва 1884 г., подпольное издание „общества переводчиков и издателей“)².

Полный перевод книги Энгельса „Положение рабочего класса в Англии“ вышел в России в 1905 г. Характерно, что и с этой работой основоположника марксизма, хотя и частично, в России познакомились раньше, чем в других странах. В Англии, например, книга вышла в издании „Социалистическая серия“ только в 1892 году; в Америке в 1887 г.; на французский язык она была переведена и издана через два года после смерти Энгельса; в Италии вышла в 1899 году³.

V.

События 1861 года знаменуют самый напряженный период революционной ситуации в России. Размах крестьянского движения, студенческое движение, особенно студенческая демонстрация 25 сентября 1861 г.⁴, оппозиционные выступления либерального дворянства — все это убеждало в возможной бли-

¹ Из воспоминаний рабочих, участников первых марксистских кружков в Петербурге и из адреса рабочих мы узнаем, что по статье Шелгунова они знакомились с книгой Энгельса.

² Сборник хранится в библиотеке ИМЭЛС. Об обществе, издавшем сборник, опубликована статья в журн. „Каторга и ссылка“ № 3 (100), 1933 г. Оно состояло преимущественно из студентов Московского университета. Эта группа была связана с революционной эмиграцией, через Евгению Паприц, которая по поручению группы вела переписку с Энгельсом. Энгельс в письме от 26/V-1884 г. писал Е. Паприц, что о сборнике (литографированной газете) ему известно, хотя не удалось еще видеть ни одного экземпляра (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 389).

³ Сведения получены нами в ИМЭЛС.

⁴ Сведения о студенческом движении, содержащиеся в „Воспоминаниях“ Шелгунова, Пантелеева, Николадзе, а также официальные документы говорят о том, что события захватили большинство студенческой молодежи. Учитывая роль, которую отводили интеллигенции в предстоящей революции в кругу „Современника“, станет понятным, что это движение могло стать еще одним доводом в пользу мнения, утверждавшего, что революция близка.

зости революции, которой желала „партия“ Чернышевского и смертельно боялись царское правительство и либералы.

В очередном докладе императору шеф жандармов Долгоруков в обзоре внутренних событий конца 1861 и начала 1862 гг. писал: „Одно из важнейших и опаснейших явлений последнего времени в нашем отечестве есть почти всеобщее недовольство и недоверие к правительству. Сначала это движение можно было отнести к желаемым преобразованиям, теперь же к посягательству на изменение существующего образа правления и стремлению к государственному перевороту“¹.

Известно, что в 1861 г. русским и заграничным революционными центрами велась усиленная подготовка к созданию тайной организации, которая должна была возглавить революцию. Об этом говорят уже упомянутые нами документы Н. П. Огарева, мемуарная литература.

Установлено, что организация „Земля и Воля“ была создана к марту—апрелю 1862 г. Основным ядром ее был тот круг революционеров, который Н. Г. Чернышевский объединил вокруг „Современника“.

В известной нам литературе о деятельности „Земли и Воли“ нет прямых указаний на то, что Н. Шелгунов был членом общества и входил в какую-либо из пятерок, о которых пишет М. Слепцова². Но косвенные данные дают основание предположить, что Шелгунов не только знал о созданном обществе, но входил в его состав, на него в обществе рассчитывали, как на активного участника.

А. А. Слепцов, как сообщает М. Лемке, указывал, что Сибирь была поручена Шелгунову: „Сибирь не затрагивали. Сибирь нам должен был осветить Шелгунов, намеревавшийся еще до окончательного осуждения своего друга Михайлова следовать за ним“³.

Кроме указания Слепцова, А. Пантелеев пишет о встрече Шелгунова с активным деятелем „Земли и Воли“ Н. Утиным и указывает, что весной 1862 г. Шелгунов принес Утину прокламацию⁴.

Наряду с подпольной организацией были созданы такие легальные центры революционного подполья, как шахматный

¹ Цитир. по книге „Процесс Чернышевского“, Саратов 1939 г., стр. 119.

² М. Слепцова, „Штурманы грядущей бури“, изд. „Звенья“, 1934 г.

³ Примечания М. Лемке к XVI т. полного собрания соч. А. И. Герцена.

⁴ А. Пантелеев, „Из воспоминаний прошлого“, 1934 г. В примечании к книге сообщается, что это была прокламация „К офицерам“. О воззвании „К офицерам“ упоминает в цитированном нами докладе царю шеф жандармов Долгоруков в апреле 1862 г. В докладе сообщается о появлении „в последнее время нового воззвания“, т. е. прокламации „К офицерам“, и что автор неизвестен. Эта прокламация была распространена в большом количестве и очень смело разложена на креслах в театре.

клуб, книжный магазин Н. Серно-Соловьевича. Революционеры-разночинцы были организаторами и преподавателями воскресных школ в Петербурге, в которых велась и политическая работа. Наконец, был создан еще один легальный орган революционной демократии—артельный журнал „Век“¹.

Кратко об истории возникновения журнала „Век“ сообщает в своих „Воспоминаниях“ Н. В. Шелгунов. Б. П. Козьмин пишет, что артель литераторов—участников „Века“ сложилась еще в 1861 году. Она собиралась издавать газету „Мирский толк“, но, получив отказ, купила у В. И. Вейнберга журнал „Век“².

Артель, как сообщал Шелгунов, объединяла 32 сотрудников—людей весьма разных в политическом отношении. В состав артели входили братья Н. и А. Серно-Соловьевичи, братья Курочкины, Елисеев (редактор), Н. В. Шелгунов, Щапов, Энгельгард, но тут же был и буржуазный либерал Арсеньев, будущий редактор „Вестника Европы“.

Сообщения Шелгунова позволяют заключить, что основное ядро журнала преследовало далеко идущие цели. Н. В. Шелгунов подчеркивает, что журнал „Век“ собрал прекрасные литературные силы. „Но вопрос,—пишет Шелгунов,—заклучался не в силах, а в единстве сил, а его-то и не было“³. Единство сил отсутствовало с самого начала. В первоначальном варианте „Воспоминаний“ Шелгунова мы находим указание на то, какой характер стремились придать журналу различные группы сотрудников. Оказывается, одна группа (к ней принадлежали Елисеев и братья Курочкины) желала повторять „Современник“. „Елисеев хотел, чтобы руководящее главенство оставалось за „Современником“, „Век“ только повторял его“. „Другие хотели идти дальше „Современника“ и сделать „Век“ органом крайних“. Во главе левой группы стоял Н. Серно-Соловьевич.

В связи с указанием Шелгунова на то, что „крайних“ не удовлетворял „Современник“, что они хотели идти дальше, напрашивается следующий вопрос: не ушли ли из „Современника“ и, следовательно, отошли от Чернышевского, братья Серно-Соловьевичи, Шелгунов и некоторые другие?

Факты подтверждают, что это не так. Разногласия возникли не в „Современнике“, а в артели писателей, собравшихся

¹ И. В. Володарский, „Революционный демократ Николай Серно-Соловьевич“, „Вопросы истории“ № 10, 1946 г.

² Б. П. Козьмин, Артельный журнал „Век“ в кн. „Русская журналистика. Шестидесятые годы“, М.-Л. 1930. Нам кажется знаменательным, что артель собиралась издавать газету, а не толстый журнал. Газета рассчитана на более широкий круг читателей, более доступна по содержанию и условиям подписки. Это в некоторой степени соответствует задачам, которые ставило перед этим органом основное ядро артели (Н. и А. Серно-Соловьевичи, Шелгунов и др.).

³ Н. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 145.

издавать „Век“. Шелгунов, Н. Серно-Соловьевич остались вместе с Чернышевским и писали для „Современника“ и после того, как вошли в „Век“¹. Оба, как увидим дальше из сообщения агентов III отделения, очень часто бывали в начале 1862 года у Чернышевского.

Нам кажется, что слова Шелгунова: „итти дальше „Современника“ не означали, что надо итти дальше программы „Современника“, а лишь выражали стремление более откровенно сказать на страницах „Века“ то, о чем „Современник“ не говорил из опасения вызвать гнев цензуры, готовой воспользоваться любым поводом для репрессии против журнала.

Можно также предположить, что революционная демократия стремилась создать орган, доступный более широкому кругу читателей, чем „Современник“.

Первый номер журнала „Век“ вышел 18 февраля 1862 года. Он открывается статьей „Петербург 18 февраля“². Статья посвящена роли сословий в России после реформы, в ней изложены мысли, не раз встречающиеся в статьях революционных демократов о дворянстве и о народе, который до сих пор ошибочно считают неспособным участвовать в обсуждении вопросов преобразования России. Если считать статью редакционной, то „Век“ выступал за ликвидацию сословных прав, за решение задач, стоящих перед пореформенной Россией, самим народом. В последующих номерах продолжалась критика реформы.

В „Современнике“ с конца 1859 года не помещались статьи по крестьянскому вопросу. „Век“ же постоянно пишет об этом. Без каких-либо комментариев печатает он сведения о крестьянских волнениях. В разделе „Современная летопись“ сообщается о волнениях крестьян в Киевской губернии, в связи с нежеланием принимать уставные грамоты, о том, что в Орловской губернии крестьяне получили плохие земли и плохие покосы, что установлены неудобные для них сроки оброка³. В семнадцатом и последнем номере „Века“ опубликованы заметки под многозначительным названием: „Почему крестьяне ждут новой воли“?

Как уже говорилось, с самого начала обнаружилось отсутствие единства между сотрудниками „Века“, в том числе

¹ Статья Шелгунова „Русское слово“, о которой мы скажем ниже, была написана для „Современника“ и направлена в одной части против Щапова, занимавшего видное место в „Веке“.

² Статьи под таким названием и без подписи, представляющие своеобразный обзор внутренних событий, встречаются во всех вышедших номерах „Века“. По формату „Век“ напоминал „Колокол“ и печатался в две колонки на тонкой бумаге. Он выходил два раза в месяц. Преобладали короткие статьи. Исключение в этом смысле составляли порой статьи Щапова и Шелгунова. Комплект „Века“ находится в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

³ „Век“, 1862, № 7—8, стр. 15—16.

между теми из них, кто своими статьями давал направление журналу, главным образом, — между Елисеевым — Щаповым, с одной стороны, и Н. Серно-Соловьевичем — Шелгуновым, с другой.

Расхождения касались методов революционной борьбы, формы их пропаганды в журнале и взглядов на будущее политическое устройство России.

Политическая физиономия журнала должна была точнее определиться в зависимости от того, какую точку зрения примет большинство.

В каждом номере журнала А. П. Щапов печатал обычно одну-две статьи. Здесь были опубликованы такие работы Щапова, как „Сельская община“, „Земство“, „Сельский мир и мирской сход“, „Городские мирские сходы“, „Земские соборы XVII столетия“, „Собор 1642 г.“ В этих работах, по справедливому замечанию Б. П. Козьмина, Шелгунов „усматривал опасную идеализацию старорусских порядков“¹, некритическое отношение к древнерусским юридическим учреждениям и методам борьбы, к которым прибегал народ во времена раскола.

Повидимому, кроме указанных статей, концепция Щапова была известна другой группе сотрудников журнала из личных бесед. Речь идет о таких вопросах, как роль раскольников в борьбе и восстании, о характере будущих политических учреждений России².

Шелгунов выступил в „Веке“ с рядом статей. Как и в прокламации „К Молодому поколению“, в его статьях, помещенных в „Веке“, Б. П. Козьмин видит ранние документы народничества, влияние Герцена, но не замечает основных черт мировоззрения Шелгунова — единомышленника Чернышевского.

В двух больших статьях — „Общественные вопросы“, написанных по поводу издания на русском языке „Руководства к сравнительной статистике“ Г. Р. Кольба³ и „Артели рабочих для основания фабрик или мастерских“⁴, Н. В. Шелгунов ставит вопросы о пути развития России после реформы 1861 года.

Он попрежнему настаивает на возможность для России миновать капитализм и утверждает, что развитие производительных сил общества, вопреки мнениям некоторых ученых, может происходить успешно без конкуренции, путем объединения работников в ассоциации. Эти положения еще раз

¹ Б. П. Козьмин, артельный журнал „Век“, 1862 г. (в книге „Русская журналистика 60-х годов“), Академия, 1937, стр. 31.

² Это предположение вытекает из анализа статьи Шелгунова „Русское слово“, которая рассматривается ниже.

³ „Век“ № 7—8, 25 февраля 1862 г.

⁴ „Век“ № 12, статья за подписью Б. П., Б. Козьмин высказал предположение, что это псевдоним Шелгунова. Содержание статьи оправдывает такое предположение.

характеризуют Шелгунова как социалиста-утописта. Он ошибочно утверждает, что в России системы „соперничества“, иными словами капитализма, тогда еще и не было. Впоследствии, в начале 70-х годов, Шелгунов сам убедился в том, что это не так, и писал о наличии капитализма в России.

Но не эти статьи Шелгунова определяли на том этапе ближайшие цели левой части „Века“ и не они вызвали те разногласия в журнале, которые вскоре привели к расколу.

Н. В. Шелгунов, имея в виду первый период сотрудничества в „Веке“, писал: „Вначале споры бывали, хотя и горячие, однако бури еще не предчувствовалось“¹. Он же сообщает, что она разразилась позже, на собрании сотрудников журнала. Речь идет о заседании 27 марта 1862 года по поводу отказа Елисеева печатать статью Энгельгарда об И. С. Аксакове, выступившем в журнале „День“ против приема женщин в университет, и статью Н. Серно-Соловьевича².

Споры, вызванные поведением Елисеева, и послужили поводом к расколу. В этих спорах каждая из сторон четко заявила свое мнение. Елисеев настаивал на умеренном направлении журнала. Эту точку зрения поддерживали братья Курочкины. „Собрание было бурное и горячее. Запальчивее всех говорил Серно-Соловьевич, настаивавший на том, что нам нужно иметь свой орган. Когда Елисеев спросил, для чего нам нужен свой орган, Серно-Соловьевич ответил: „Для того, чтобы во всякую минуту, когда в нем будет нужда, он был готов“³. В первоначальном наброске „Воспоминаний“, который не был опубликован, Шелгунов более точно передает ответ Н. Серно-Соловьевича на вопрос Елисеева: „...Серно-Соловьевич ответил, что он (т. е. „Век“) нужен нам на случай восстания“⁴.

После собрания большая группа сотрудников покинула журнал. Ушли Н. Серно-Соловьевич, Энгельгард, Шелгунов, Европеус и др.

В связи с расколом в журнале „Век“ большой интерес представляет запрещенная цензурой статья Шелгунова „Русское слово“, написанная в феврале 1862 года для „Современника“⁵.

¹ Н. В. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 34.

² И. В. Володарский в упомянутой нами работе высказал предположение, что этой статьей были „Мысли вслух“. Статья была написана Н. Серно-Соловьевичем для журнала „Век“, но не была опубликована.

³ Н. В. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 146.

⁴ Там же, стр. 34.

⁵ Впоследствии эта статья явилась одним из главных документов обвинения Шелгунова. Оригинал статьи был обнаружен М. Лемке в делах следственной комиссии, но название статьи Лемке истолковал как адрес журнала—„Русское слово“. Лемке не обратил внимания на подпись на обороте корректуры, из которой можно установить, что статья предназначалась для „Современника“. Надпись гласит: „Федору Павловичу Еленеву (член цензурного комитета), „Современник“, типография Карла Вульвера“.

Статья „Русское слово“ не вошла ни в одно из собраний сочинений Шелгунова.

Первое упоминание об этой статье имеется в письме Шелгунова к жене от 18 сентября 1866 года. Там он пишет о запрещенной статье, послужившей главным поводом для обвинения¹.

Статья была опубликована М. Мартыновым в 1926 году².

Цензор, читая эту статью, вначале вычеркивал отдельные места, затем целые страницы, а в итоге сделал на статье надпись: „Эти два с половиной листа (он читал весь материал к очередному номеру „Современника“—Э. Г.) по определению цензурного комитета запрещены“. Во время следствия по делу Шелгунова цензурный комитет так ответил на запрос комиссии военного суда о причинах запрещения статьи: „Запрещена, как противная в целом её составе коренным государственным установлениям“³.

Статья дает возможность выяснить, какие вопросы занимали больше всего революционеров зимою 1861—1862 гг.⁴ Она также в определенной мере направлена против А. П. Щапова, который, по мнению Шелгунова, пытается решить задачи будущего, используя опыт и примеры прошлого русской истории и идеализируя её.

Время появления статьи Шелгунова—февраль 1862 года, когда литературная полемика в связи с выходом работы А. П. Щапова в 1859 году уже прошла⁵. В 1859 году на указанную работу появилась рецензия в девятом номере „Современника“. Это была статья Антоновича „Что иногда открывается в либеральных фразах“. Следует отметить, что в рецензии Антоновича нет научно-объективного подхода к работе А. П. Щапова. Он, видимо, охвачен одним стремлением—показать несостоятельность таких методов борьбы, какими пользовались раскольники.

В этом же 1859 году рецензии на работу Щапова появились в „Русском Вестнике“ и „Отечественных записках“.

Зачем же понадобилось Шелгунову теперь, в феврале 1862 года, опять поднять вопрос о расколе, об истории ряда русских юридических учреждений, о месте народа в истории России, о путях дальнейшего развития страны?

¹ Л. П. Шелгунова, Из далекого прошлого, СПб 1901, стр. 196.

² „Красный Архив“, т. 14 (1), 1926 г.

³ Цитир. по журналу „Красный Архив“, т. 14 (1), 1926 г., стр. 129.

⁴ Статья Н. В. Шелгунова „Русское слово“ по времени написания совпадает со статьёй Н. Г. Чернышевского „Письма без адреса“, предназначавшейся для февральской книжки „Современника“ 1862 года и запрещенной цензурой.

⁵ А. П. Щапов, „Русский раскол старообрядничества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII в. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола“, Казань 1859 (диссертация А. П. Щапова).

Ответ можно найти в настроении, царившем в революционном лагере в феврале 1862 г., которое Шелгунов характеризует очень ясно: „Мы серьезно считали себя „накануне“¹.

Тайная революционная организация 1862 года устанавливала сроки восстания и предполагала, что условия для него созреют вполне к 1863 году. В такое время особенно важно было установить общие взгляды на будущее и, в первую очередь, на тактику в борьбе за достижение этого будущего. Все эти вопросы поставлены Шелгуновым в статье „Русское слово“.

Статья направлена: 1) против утверждений о народности управления Русью в XVII веке, об участии народа в земских соборах и в составлении уложений, против идеализации самих юридических учреждений XVII века, против идеализации раскола, преувеличения в нем демократических тенденций и неправильного толкования демократизма вообще; 2) против пассивных форм сопротивления, которыми пользовались раскольники, против сентиментальной, либеральной болтовни о народе. 3) Статья Шелгунова выходит далеко за рамки рецензии, в ней поставлены общие задачи революционного лагеря тех лет².

В показаниях на следствии Шелгунов объяснял, что написать эту статью его побудили отзывы в „Отечественных записках“ и других журналах на труды Щапова и о расколе вообще, в которых слишком приукрашивалась сила земства и развития самоуправления до Петра. На самом же деле статья, написанная эзоповским языком, направляет внимание читателя к положению России в 60-х гг. и в значительной части затрагивает вопросы, не имеющие отношения к расколу.

Статья начинается утверждением, что ни один народ не должен думать, что ему нужно сохранять всегда одни и те же формы исторической жизни. В человеческом обществе нет раз навсегда данных общественных форм и неизблемых принципов государственного устройства, нет вечных истин. Шелгунов приводит примеры из истории различных стран (Египет, Греция, Китай) и заключает: „Климат, географическая среда не объясняют причин умственного развития народов и их общественного устройства“. Первое, как и второе, порождают „обстоятельства“. Но обстоятельства создаются людьми. „Обстоятельства не каменный дождь, падающий неизвестно откуда. Они придумываются и создаются людьми“³.

Говоря об „обстоятельствах“, Шелгунов не имеет в виду условия материальной жизни общества, определяющие его идеи и политические учреждения. Некоторые факты грече-

¹ Н. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 34.

² Ст. „Русское слово“ в журн. „Красный Архив“, т. 1 (14), 1926 г., стр. 131—133.

³ „Красный Архив“, т. 14 (1), 1926 г., стр. 140.

ской истории Шелгунов выводит из „силы национального духа“, так как не в состоянии объяснить истинные причины происходивших явлений. В решающих вопросах философии он оставался на позициях идеализма, хотя отдельные события в мировой и русской истории понимал правильно и раскрывал их действительный характер. Это относится не только к такому крупному факту, как крестьянская реформа 1861 года, но и к ряду вопросов истории России и западноевропейских стран, затронутых им в статьях во второй половине 60-х гг.

В своей критике работы Шапова „Земство и раскол“ Шелгунов прежде всего опровергает утверждения Шапова, будто народ Руси в XVII в. энергично боролся против насилия и произвола, не мирился с этими явлениями.

Шелгунов приводит слова Шапова: „Мощь, энергия юной кипучей, свободной жизни народа не терпела насилия произвола“¹. Он не согласен с ним, так как это не соответствует действительному положению в XVII в. Люди не боролись тогда. „...одно, что терпели и вопили обо всем и против всего: и против взяток царских дьяков и приказных, и против воевод, против лежачей жизни патриархов, архиереев и монахов, и против царских приказчиков...“ Вопль был большой и повсеместный,—говорит Шелгунов,—но никакой „силы, энергии и мощи юной жизни“.

Вот почему он считает, что Шапов искажает действительность. В таком изображении Шапова нет правды, а там, где нет правды, а только „идеализация, там нет исторической силы и даже веры в свои собственные слова“².

Шелгунов считает, что надо сказать правду о Руси XVII века, как бы неказисто эта правда ни выглядела. Раскол,—по справедливому мнению Шелгунова,—есть более низкая ступень народного протеста, чем восстания в Москве или Степана Разина. „Это движение (т. е. раскол.—Э. Г.) не создало нового мирозерцания, не придумывало новой формы гражданского порядка“.

Шелгунов противник таких методов борьбы, как удаление в леса, жизнь в скитах или самосожжение. Он считал, что эти методы не лучше „японской ширикери (хара-кири)“. Не таким путем надо искать свободу.

Такое внимание к историческим работам А. Шапова о расколе не случайное явление. Известно, что в документах Н. П. Огарева о подготовке восстания также отведено определенное место раскольникам. Шелгунов же, как видно из статьи, не возлагает на них надежды.

¹ А. П. Шапов, Собр. соч., т. 1, стр. 452.

² „Красный Архив“, т. 14 (1), стр. 140.

В „Воспоминаниях“, там, где он пишет о встрече с раскольниками в Сибири, он весьма скептически отзываясь о них¹.

Шелгунов резко критикует Шапова за то, что последний восхваляет земские соборы, видит в них начала исконной русской земственности и участия народа в управлении государством.

Он иного мнения. Собор, уложение ничего не дали народу, не остановили его возмущения, которое в итоге приводит к восстаниям в Москве, в Сольвычегодске, Устюге и, наконец, к восстанию под руководством Разина. Эти события Шелгунов считает очень важными, и методы действия людей в них он находит более правильными.

Шелгунов не в состоянии вскрыть причины поражения крестьянских движений. Он видит их в том, что действовала сила только физическая, а „...участие нравственного элемента было не особенно велико“.

Образно, как художник, рисует он силу народа, сравнивая её с силой льва, и вместе с тем указывает на беспомощность из-за отсутствия „нравственного элемента“. „И у льва много силы, и когти и зубы страшны и сильно рвет он тенета, в которые он попался; но тенета крепки, и уходится и обессилеет лев, видя, что он не может перервать тенет, и лежит потом измученный, повесив голову и позволяет издеваться над собой малым ребятишкам, а лисица прогрызет себе маленькую норку, да и пролезет“². Чтобы силы „льва“—народа не тратились „без толку“, нужно объединить их с силами революционной интеллигенции, или, как сказано в подцензурной статье, соединить „физические и нравственные силы“.

На Руси XVII века не было этой „нравственной силы“. Теперь она есть и знает, что нужно России. „России,—пишет Шелгунов,—нужно материальное довольство, образование, порядок“. Чтобы осуществить это, *„не слово нам нужно, а дело“* (подчеркнуто цензором—Э. Г.). Но если и нужно слово найти, то искать его надо в народе: *„...скажет его весь русский народ, вся страна, а не три-четыре ученых, которые думают найти его в спорах, бумагах или архивной пыли“*³.

Многие положения этой статьи перекликаются с мыслями, высказанными в таких программных документах эпохи революционной ситуации, как „Распространение общества трезвости“ и „Не начало ли перемены?“. В первом Н. А. Добролюбов писал в 1859 году о неизбежности русской революции: „...есть предел, за которым оно (народное недовольство — Э. Г.) должно ярко обозначиться, и тогда без всяких книг, без всяких отвлеченных соображений, не говоря никаких

¹ Н. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 154—155.

² „Красный Архив“, т. 14 (1), стр. 142—143.

³ Названная статья, стр. 147. Подчеркнутая фраза выделена военным судом, как доказательство вредного образа мыслей Шелгунова.

фраз, даже не принимая особого имени для себя, оно проявится на самом деле"¹.

Рассуждения Шелгунова о том, что „слово скажет народ“, о „нравственной силе“, которая есть уже в России, и т. д., являются непосредственной пропагандой теории крестьянской революции, условий её победы, которая полнее всего изложена Чернышевским в работе „Не начало ли перемены?“. В ней Чернышевский, умело обходя цензуру, доказывал, что развитие происходит путем революционных скачков, что революция в России неизбежна и что совершит её народ. Но для того, чтобы народ победил в революции, „нужна искусная сильная рука“, которая даст ему направление².

Известно, что те места, где Н. Г. Чернышевский в форме аллегорий высказал эту мысль, цензура не допустила к печати. Повторение Шелгуновым мыслей Чернышевского—еще одно доказательство как общности их взглядов, так и революционной практической деятельности.

Шелгунов поставил в статье еще два, чрезвычайно важных вопроса, которые стояли в центре внимания революционной демократии: 1) пути связи интеллигенции с народом, 2) знание народа и правильное суждение о нем.

Шелгунов считает излишним преувеличением разговоры о сближении с народом и изучении его и убежден, что он сам, как и другие разночинцы, отнюдь не чужеродное тело в народе. Шелгунов против тех, кто, не зная народа, говорит о нем сентиментальными фразами, чем „...унижают народ, стараясь возбудить к нему чувство сожаления, возбудить участие его беспомощностью“. Унижать народ—значит унижать самих себя. „Поймите, что все мы—дети одной страны, народ для нас не особняк, не отдельный предмет, не „он“, а „мы“, и не будем тогда тратить свое время на пустую болтовню о каком-то сближении с народом и *отыскивать напрасно какое-то русское слово; скажется оно само* (подчеркнуто цензором—Э. Г.).

Подобные мысли мы находим в упомянутой уже статье Чернышевского „Не начало ли перемены?“. „Не следует делать какие-то фантастические фокусы-покусы для сближения с народом“,—пишет он. Такие же соображения высказывает в эти годы М. Е. Салтыков-Щедрин: „Чтобы понять, что нужно народу,... необходимо поставить себя на его точку зрения, а для того не требуется ни нагибаться, ни кокетничать“³.

Вопросы, поставленные Шелгуновым в статье „Русское слово“, позволяют оценить её, как один из важнейших документов эпохи революционной ситуации 60-гг. Следуя

¹ Н. А. Добролюбов, Соч., т. IV, 1937 г., стр. 109.

² Н. Г. Чернышевский, полн. собр. соч., т. VII, стр. 881—882.

³ М. Е. Салтыков-Щедрин, Соч., т. II, 1889 г., стр. 308.

Н. Г. Чернышевскому, он разоблачает клеветнические измышления крепостников о русском народе и доказывает способность народа к самостоятельному историческому творчеству, выражает глубокую веру в его революционные силы и доказывает, что в России есть условия для победы революции.

Не без основания комиссия военного суда заявила об общности взглядов, высказанных Шелгуновым в статье „Русское слово“, с мыслями, высказанными Чернышевским в прокламации „К крестьянам“¹.

Статья Шелгунова, написанная в феврале 1862 года, к годовщине пресловутой реформы 1861 года, безусловно выражает общее настроение в революционном лагере, который готовился возглавить предполагаемое в 1863 году всеобщее крестьянское восстание. Она с исключительной полнотой говорит об общности идейных и тактических взглядов Шелгунова и Н. Г. Чернышевского.

VI

Крестьянское движение, усилившееся после реформы 1861 года, активная деятельность революционной демократии, оппозиционные выступления либерального дворянства показали самодержавию, что реформа не ликвидировала угрозы революции.

Шеф жандармов Долгоруков в докладе царю за 1861 год, кроме обзора состояния империи, изложил план подавления крестьянского движения и разгрома революционного центра².

К докладу был приложен список лиц, у которых предполагалось сделать строжайший обыск. На первом месте в списке был Н. Г. Чернышевский, на втором — полковник Шелгунов, третьем — полковник Обручев, затем два брата Серно-Соловьевича и еще 46 человек³.

Многочисленные аресты и репрессии против революционеров начались уже в сентябре 1861 года. Был арестован и сослан на каторгу Михайлов, за ним В. Обручев. После осуждения М. И. Михайлова Н. В. Шелгунов вышел в отставку и 10 мая 1862 года вместе с семьей выехал в Сибирь⁴.

¹ „Красный Архив“, т. 14 (1), 1926 г., стр. 130.

² Доклад Долгорукова опубликован в книге „Процесс Чернышевского“. Саратов 1939 г.

³ Там же, стр. 27 — 28. В агентурных сведениях III отделения с октября 1861 г. до июля 1862 г. имя Шелгунова постоянно встречается рядом с именем Чернышевского.

⁴ Н. В. Шелгунов не получил отставки в 1859 г.; в 1861 г. после ареста Михайлова „были рады случаю выпроводить его со службы“. (Л. П. Шелгунова, „Из далекого прошлого“, стр. 116). Она же сообщает, что Чернышевский понимал состояние его духа. Нужно думать, что речь идет о чувстве моральной ответственности Шелгунова перед Михайловым, объявившим себя автором всей прокламации, принадлежавшей также и Шелгунову.

А. А. Слепцов¹ и В. Пантелеев в своих воспоминаниях утверждают, что Шелгунов поехал в Сибирь, чтобы организовать побег Михайлову за границу.

Еще до ареста Чернышевского III отделение 25 июня 1862 года заинтересовалось местом пребывания Шелгунова.

28 июня 1862 года III отделение сообщило генерал-губернатору Восточной Сибири в дополнение к ранее посланным сведениям о Шелгунове, что он отправился в Сибирь, вероятно, с целью увидеться с „государственным преступником“ Михайловым, и просило „учредить за Шелгуновым и действиями его бдительное наблюдение“².

25 июля 1862 года III отделение снова напомнило о необходимости учредить строгий надзор за Шелгуновым. В той части сообщения, в которой объяснялась цель поездки, теперь фигурировало указание не только на свидание с Михайловым, но и с В. Обручевым. Дело в том, что Шелгунов, проезжая через Тобольск, посетил там острог, где встретился с В. Обручевым³.

На объяснении Лесного департамента, присланном III отделению 8 июля 1862 года, в котором сообщалось, что местожительство Шелгунова им неизвестно, имеются две надписи, сделанные карандашом на полях: 1) „Об этом можно (месте) узнать другими путями“, 2) „Узнать можно от Чернышевского, если окажется нужным“⁴.

30 июля 1862 года учрежденная в Петербурге следственная комиссия просила отдать распоряжение о наблюдении за Шелгуновым, так как он „навлекает на себя подозрение в участии с содержащимся ныне под арестом надворным советником Николаем Серно-Соловьевичем в противозаконных его действиях“⁵.

14 августа 1862 года председатель следственной комиссии князь Голицын писал Долгорукову, что свидание Шелгунова с Михайловым нельзя рассматривать единственной целью его поездки в Сибирь. „...Предприняв столь дальнюю поездку, он, конечно, имеет и другие цели... и пребывание Шелгунова в местах, населенных ссыльными преступниками, может сопровождаться вредными последствиями“. Голицын указывает, что „...долгом поставил довести о сем до высочайшего сведения

¹ А. И. Герцен, Соч., т. XVI, стр. 75.

² Центральный Государственный Исторический архив, Дело III отделения собственной его императорского величества канцелярии „О революционном духе народа России и о распространении по сему случаю возмутительных воззваний“, № 230, ч. 28, л. 2, 4.

³ Центральный Государственный Исторический архив, Дело 230, ч. 28, л. 2.

⁴ Центральный Государственный Исторический архив. Сопоставляя надписи с имеющимися в деле автографами Долгорукова, можно предположить, что вторая сделана его рукой.

⁵ Там же, лист 5.

и государь император на всеподданнейшей докладной записке моей „собственноручно“ написал: „Его следует арестовать и по смотре его бумаг и снятии допроса решу его участь“¹. Как видно из находящихся в деле материалов, Долгоруков отдал распоряжение об аресте Шелгунова 13 августа, т. е. за день до получения этого письма Голицына².

Но местопребывание Шелгуновых не сразу было установлено. Поиски их по Сибири были довольно продолжительные и лишь в конце сентября 1862 года Шелгуновых нашли на Козаковском прииске в доме брата М. И. Михайлова — Петра Илларионовича, служившего инженером на прииске. За несколько дней до ареста, как сообщает Л. П. Шелгунова, незнакомый им человек предупредил их об этом эстафетой, присланной казенным вестовым³.

Шелгуновы успели пересмотреть свои бумаги в ожидании обыска. 28 сентября 1862 г. полковник Дувинг прибыл на Козаковский прииск и предъявил две бумаги на арест: по одной из них арестовывался Шелгунов, а по другой — его жена. Через несколько дней они выехали в Иркутск, где оставались под домашним арестом до 19 января 1863 г., затем Шелгунов был отправлен в Петербург. 15 апреля 1863 г. III отделение сообщило следственной комиссии, что Шелгунов доставлен и отправляется для содержания в Алексеевском равелине⁴.

18 апреля 1863 года состоялся первый допрос Шелгунова в следственной комиссии.

В судьбе целой группы революционеров 60-х годов, в том числе и Шелгунова, зловещую роль сыграл провокатор Всеволод Костомаров. В своих воспоминаниях Шелгунов и Михайлов дают описание встречи и знакомства с Костомаровым,

¹ Центральный Государственный Исторический архив, лист 7, 10.

² В распоряжении III отделения от 13 августа 1862 г. № 2207 сказано: „Государь-император, вследствие постановления комиссии высочайше утвержденной, ...изволили повелеть отставного полковника Шелгунова и жену его арестовать в месте настоящего их пребывания“ (там же, л. 9). М. Лемке в книге „Политические процессы 60-х гг.“ сообщает, что поводом к аресту Шелгуновых были письма к Серно-Соловьевичу и Авдееву, в частности последнее, поступившее будто в комиссию 14 августа. Материалы дела, о котором мы говорим, свидетельствуют о том, что распоряжение об аресте было дано раньше и поводом к докладу Голицына Александру II о Шелгунове послужило не только перлюстрированное письмо к Авдееву.

³ Л. П. Шелгунова, Из далекого прошлого, СПб 1901, стр. 118.

⁴ Центральный Государственный Исторический архив, дело III отделения № 230, ч. 28, л. 79; там же, л. 84—85. На рапорте коменданта крепости на полях надпись: „Государь-император изволил читать 16 апреля“. Как видно из имеющейся переписки в деле, Александр II вникал во все мельчайшие подробности процесса Чернышевского и лиц, связанных с ним, вплоть до вопроса о предоставлении права свидания в каждом отдельном случае. В деле имеется длительная переписка между Суворовым (генерал-губернатором Петербурга), III отделением и следственной комиссией, а также доклады Александру II, связанные с просьбой о свидании для Шелгунова с женой и сестрой.

личную характеристику и сообщают о передаче ему прокламаций¹.

Шелгунову было предъявлено обвинение в сношениях с государственными преступниками Михайловым и Обручевым с противозаконной целью, в составлении воззвания „К солдатам“ и чтении его некоторым из них, в участии совместно с Чернышевским в составлении другого воззвания „Барским крестьянам“. Из сопоставления вопросов Чернышевскому на допросе 16 марта, Костомарову 13 и 14 марта, Шелгунову 18 и 19 апреля видно, что следственная комиссия пыталась обнаружить нити, связывающие деятельность всей группы лиц, арестованных или уже осужденных в 60-х годах за революционную деятельность. Допрос был сосредоточен вокруг двух главных вопросов: характера знакомства между арестованными, выяснения авторов и соавторов прокламаций и степени осведомленности каждого из допрашиваемых о подготовке к изданию воззваний.

Шелгунов во время следствия придерживался той же тактики, что и Чернышевский, т. е. не признавал себя виновным ни в одном из пунктов предъявленного ему обвинения. Известно, что Чернышевский не оправдывал поведения Михайлова, назвавшего себя автором прокламаций, считая это совершенно ненужной откровенностью². Спустя 20 лет после процесса, когда Шелгунов снова находился под следствием, он также не считал нужным давать показания, которые бы правдиво излагали сущность даже самого невинного вопроса, так как знал, что ничего не добьется этим для пользы дела. В неопубликованных воспоминаниях он записал по этому поводу следующее: „Я помню, как Герцен смеялся над Петрашевским, который вздумал убедить власть, что его судили неправильно (незаконно)“³.

Материалы следствия по делу Шелгунова говорят о той же беззастенчивой подтасовке документов обвинения, как и в деле Н. Г. Чернышевского.

Как видно из переписки между комиссией военного суда⁴, III отделением и следственной комиссией, не сразу была найдена формула обвинения Шелгунова. Приведенный ниже документ говорит о том, что военный суд вынужден был обратиться за помощью к III отделению.

13 июня 1863 года генерал Тимашов, председатель комиссии военного суда, учрежденной при С.-Петербургском Ординанс-

¹ Н. В. Шелгунов, „Воспоминания“, стр. 32.

² Уместно напомнить, что в документах Н. П. Огарева, опубликованных М. В. Нечкиной, имеется такая запись: „Центральные члены обязуются под пыткой не выдавать друг друга“ (См. „Литературное наследство“, т. 61, 1953 г., стр. 511).

³ Институт литературы Академии Наук СССР, Н. В. Шелгунов, Неопубликованные „Воспоминания об аресте и тюрьме“, 1884 г. 27 ноября, л. 7.

⁴ Шелгунова, как военного, судил военный суд—генерал-аудиториат.

Гаузе, обратился в III отделение (к Долгорукову) с рапортом, в котором ссылаясь на отношение следственной комиссии к ше-фу жандармов о том, что полковник Шелгунов известен про-тивоправительственным направлением. Тимашов просил отве-тить, в чем именно „проявилось это противоправительствен-ное направление у Шелгунова, в каких его действиях и со-чинениях, кроме приложенной к делу о нем статьи „Рус-ское слово“, запрещенной цензурой 15 февраля 1862 г., и не было ли Шелгунову за эту статью сделано какое-либо взыска-ние“. Кроме того, председатель комиссии военного суда спрашивал, были ли распространены воззвания „Барским кре-стьянам“ и „К русским солдатам“, известно ли III отделению, кто такой Николай Иванович Соколов, которому Костомаров писал из Тулы.

Ответ военному суду был дан из следственной комиссии, куда III отделение, очевидно, направило рапорт генерала Тимашова.

Не без раздражения Голицын писал 18 июня 1863 г.: „...к разъяснению вопросов военного суда относительно Шел-гунова служат заключающиеся в деле о сем сведения, а именно: 1) Письма жены Шелгунова к капитану Авдееву, 2) Письма В. Костомарова к Соколову и ответы Костомарова выясняют от-ношение Шелгунова к воззваниям, 3) Кто такой Соколов, объяс-нил Костомаров и его можно дополнительно расспросить, 4) Получил ли Шелгунов взыскание за статью „Русское слово“, запрещенную цензурой 15 февраля 1862 г.; если не все ясно, можно войти в сношения с Петербургским цензурным коми-тетом“¹.

Но улики, представленные Костомаровым, в военном суде все же сочли не вполне основательными. Военный суд нашел их в статье „Русское слово“, на которую следственная комис-сия обратила меньше внимания. Комиссия военного суда усмотрела в ней „в высшей степени вредный образ мыслей“. Однако совокупность преступлений Шелгунова комиссия все же не могла сформулировать. Генерал-аудиториат лишил „от-ставного полковника корпуса лесничих Шелгунова права на пенсию и ношение в отставке мундира“. Одновременно распо-ряжением министра внутренних дел он высылался на житель-ство в одну из отдаленных губерний с подчинением на месте строгому полицейскому надзору. 26 октября 1864 года это решение было утверждено царем².

* * *

В. И. Ленин, оценивая место и значение революционеров 60-х гг. в истории России, писал: „Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное пора-

¹ Центральный Государственный Историч. архив, дело III отделения, № 230, ч. 28, л. 107—108.

² Там же, Дело № 230, ч. 28, л. 184.

жение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов¹.

К этим великим деятелям эпохи 60-х гг. и принадлежал Н. В. Шелгунов.

В период революционной ситуации 1859—1861 гг. Шелгунов был одним из ближайших соратников Чернышевского, сторонником и пропагандистом идей крестьянской революции. Его перу принадлежали лучшие документы революционного подполья тех лет. Его публицистика и революционно-практическая деятельность служили общему делу революционного натиска против самодержавия.

В статьях, прокламациях, написанных Шелгуновым в годы революционной ситуации, отчетливо выражена глубокая вера в революционные силы народа, „мужицкий демократизм“, все то, что коренным образом отличает революционеров-разночинцев от их предшественников—дворянских революционеров.

В 60-х гг. Шелгунов, вслед за Чернышевским, выступил как один из замечательных русских критиков капитализма, сумевших и в этом вопросе встать выше всех предшественников Маркса и Энгельса.

Шелгунов, как и Чернышевский, не понимал всемирно-исторической роли рабочего класса, однако, в отличие от западноевропейских социалистов-утопистов, видел в нем не только „страдающий“ класс, но и самостоятельную общественную силу, способную вести борьбу за свое освобождение, силу, которая становится во главе „национальных движений“ в капиталистических странах, которая является „важнейшим современным историческим двигателем“.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 100.

И. В. ПОРОХ

ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА

Движение декабристов занимает видное место в истории нашей Родины. Лучшие люди из дворян — декабристы были пионерами революционного движения в России: именно с их именами связано начало героической борьбы с самодержавием и крепостничеством, борьбы, опыт которой был использован следующими поколениями революционеров. Начав борьбу с самодержавием оружием критики, декабристы закончили деятельность своих тайных организаций попыткой критики существующего строя оружием.

Декабристская тематика вошла в советскую историческую науку как политически актуальная, боевая, полная глубокого патриотизма часть отечественной истории. На основе марксистско-ленинской методологии советские ученые создали фундаментальные исследования по различным вопросам движения дворянских революционеров. Однако богатейшее документальное наследие, оставшееся от декабристов, далеко еще полностью не изучено. Ряд важных моментов движения еще не получил достаточного освещения в специальной литературе, а если некоторые из них и были ранее предметом изучения, то в настоящее время научный уровень этих работ не может удовлетворить возросшие требования советского декабристоведения. Одним из таких, на наш взгляд, слабо освещенных моментов движения декабристов является революционное выступление Черниговского пехотного полка.

Настоящая работа посвящена выяснению действительного хода событий, связанных с восстанием Черниговского полка, установлению взаимосвязи между восстанием и всей предыдущей деятельностью руководителей Южного общества, определению места и значения этого восстания в истории движения декабристов¹.

¹ Статья представляет собою предварительный очерк подготавливаемого к печати монографического исследования на эту тему.

Методологической основой изучения деятельности дворянских революционеров является классическая концепция революционного движения в России, созданная В. И. Лениным. В этой концепции В. И. Ленин дал глубокий по содержанию и богатству мыслей анализ деятельности и классовой сущности движения декабристов. В. И. Ленин в своих произведениях неоднократно останавливался на декабристах, посвящая им развернутые и многогранные характеристики, пользовался этим материалом для проведения исторических параллелей и сопоставлений.

С особой яркостью и четкостью В. И. Ленин определил место декабристов в развитии освободительного движения в России. Он высоко оценил героический подвиг декабристов, восстание которых поставил у истоков русского революционного движения. „В 1825 году,—писал Владимир Ильич,—Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами“¹. Великий продолжатель дела Ленина И. В. Сталин назвал восстание декабристов в числе величайших революционных событий, пережитых Россией².

Революционность декабристов В. И. Ленин и И. В. Сталин видели в их борьбе против самодержавия и крепостничества. Вместе с республиканизмом дворянских революционеров В. И. Ленин с особой силой подчеркивал их горячий патриотизм, а также национальную самобытность движения декабристов, выросшего на русской почве и представлявшего отпор тем насилиям, гнету и издевательствам, которым подвергали нашу прекрасную Родину царские палачи и помещики³.

Считая движение декабристов революционным, В. И. Ленин одновременно отмечал его классовую дворянскую ограниченность. „Узок круг этих революционеров,—писал Владимир Ильич о декабристах.—Страшно далеки они от народа“⁴. Эта оторванность от народа, непонимание роли масс в истории, обусловившие известную боязнь массового движения и неумение привлечь народ к активной революционной деятельности—составляют характернейшие черты классовой ограниченности дворянских революционеров. Протест же ничтожного меньшинства дворян-декабристов был бессилён без поддержки народа⁵.

Классовая ограниченность дворянских революционеров и особенности исторических условий их эпохи определили выбор

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 234.

² И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 110.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 294.

декабристами тактики военной революции для организации государственного переворота в России. Восстание декабристов было попыткой осуществления этой тактики. В. И. Ленин охарактеризовал открытое выступление декабристов, как военное восстание, не связанное непосредственно с массовым движением¹.

Большевики высоко оценили героическую борьбу декабристов против самодержавия и крепостничества. Призывая в 1903 году передовую часть офицерства царской армии выступить на защиту интересов угнетенного народа, ленинская „Искра“ пророчила им на этом поприще „почетную славу сподвижников Пестеля и Бестужева“².

Рассматривая движение дворянских революционеров в исторической перспективе, В. И. Ленин связывал его с последующими этапами революционного движения в России. „Самыми выдающимися деятелями дворянского периода,— писал он,— были декабристы и Герцен“³. Историческую значимость движения дворянских революционеров В. И. Ленин видел не только в том, что декабристы первые начали революционный штурм твердынь самодержавия, но и в том, что „декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию“, которую „подхватили, расширили, укрепили, закалили“ последующие поколения революционеров⁴.

Несмотря на поражение восстания декабристов, дело их не пропало. Они помогли разбудить народ. В этом величайшая заслуга декабристов в русском революционном движении.

Суровые уроки поражения декабристов были учтены на последующих этапах революционного движения, когда в центре внимания практической деятельности революционеров встал народ — как основная движущая сила революции.

Историография декабристов имеет более чем двадцатипятилетнюю давность. Однако дворянская и буржуазная историография не только не смогла в силу своей классовой ограниченности и предвзятости дать подлинно научное исследование движения дворянских революционеров, но умышленно обходила молчанием наиболее острые вопросы деятельности декабристов и в первую очередь их революционную практику. Восстание Черниговского полка не стало предметом специального исследования дворянских и буржуазных историков. В общих курсах русской истории это восстание или вовсе обходили молчанием (Н. О. Устрялов, В. О. Ключевский), или давали его искаженное и тенденциозное описание, как случайного бунта кучки мятежников (Н. К. Шильдер). Даже в специальных монографиях наиболее видных буржуазных иссле-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 237—238.

² „Искра“ № 37, 11/IV-1903 г., Партиздат, вып. 4, стр. 160.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 223.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14.

дователей декабризма: В. И. Семевского,¹ М. В. Довнар-Запольского,² Н. П. Павлова-Сильванского³ вопрос о восстании Черниговского полка был обойден молчанием.

Начало подлинно научной историографии декабристов связано с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Получив широкий доступ к архивным материалам, советские историки сумели в короткое время не только наметить основные пути научного изучения движения дворянских революционеров, но и создать ряд ценных исследований.

При этом следует отметить, что на первом этапе развития советской исторической науки большой вред изучению движения декабристов принесла антиленинская, вульгаризаторская концепция М. Н. Покровского и его „школы“. Прикрываясь фразами о „марксистском“ мировоззрении и „марксистской“ методологии, М. Н. Покровский и его „школа“, совершенно игнорируя ленинскую концепцию первого этапа революционного движения в России, создали свою насквозь лживую и вредную „теорию“ классовой сущности движения декабристов. Находясь на позициях „экономического материализма“, М. Н. Покровский и его последователи видели истоки движения декабристов в росте хлебных цен на мировом рынке (что фактически неверно, так как цены на хлеб в 20-е годы падали), а главную цель движения усматривали в стремлении декабристов добиться посредством революционного переворота новых экономических благ для дворянства. М. Н. Покровский старательно замалчивал борьбу декабристов против крепостничества и самодержавия, лишая их тем самым подлинной революционности.

М. Н. Покровский также искажил и запутал вопрос о революционной сущности восстания Черниговского полка, дав совершенно неправильное освещение деятельности С. Муравьева-Апостола в восстании. М. Н. Покровский осветил своим „авторитетом“ тенденциозное утверждение „Записок И. И. Горбачевского“ о том, что решающую роль в восстании Черниговского полка играли Славяне. „Восстание Черниговского полка,— писал М. Н. Покровский,— было подготовлено, было возможно только благодаря Соединенным славянам“⁴. Отдельные высказывания М. Н. Покровского о революционном характере восстания Черниговского полка не имеют достаточного обоснования и тонут в его общей оценке декабристов, как движения, лишённого революционности.

¹ В. И. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, СПб 1909.

² М. В. Довнар-Запольский, Тайное общество декабристов. М. 1906 г.

³ Н. П. Павлов-Сильванский, Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом, „Былое“, 1906, кн. II, III, IV, V.

⁴ М. Н. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX—XX вв., М. 1924, стр. 29.

В советской историографии имеется по существу единственная специальная работа, посвященная восстанию Черниговского полка—статья М. В. Нечкиной¹, написанная в тот период, когда она находилась еще под непосредственным влиянием взглядов М. Н. Покровского². В свое время статья М. В. Нечкиной сыграла положительную роль в изучении вопроса о восстании Черниговского полка, так как ввела в научный оборот некоторые новые факты, восстановила карту движения восстания и карту разъездов бывших членов общества Соединенных Славян, желавших организовать помощь черниговцам, а также ряд других данных. Но по своим теоретическим установкам статья была глубоко ошибочной. Это положение объясняется главным образом тем, что М. В. Нечкина подменила ленинскую концепцию движения декабристов анализом внутренней борьбы между противоречивыми силами восстания.

Существенным недостатком статьи М. В. Нечкиной является некритическое отношение ее к „Запискам И. И. Горбачевского“. Веря на слово мемуаристу даже в тех случаях, когда документальный материал явно свидетельствует об ошибочности этих данных, М. В. Нечкина еще более углубила и развила основное положение „Записок“ о том, что восстание Черниговского полка—дело рук Соединенных Славян³. М. В. Нечкина совершенно лишила С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина руководящей роли в восстании и приписала руководителям Васильковской управы несвойственные им отрицательные качества и поступки.

В результате своих ошибочных установок М. В. Нечкина пришла к выводу, что основной причиной поражения восстания Черниговского полка является „отсутствие внутреннего единства деятелей“ и „тяжкая борьба внутренних противоречий, погубивших его“⁴. Таким образом, статья М. В. Нечкиной о восстании Черниговского полка не дала правильного ответа на вопрос о существе и характере революционного выступления декабристов на Юге.

Однако, если советская историография декабризма крайне бедна специальной литературой о восстании Черниговского

¹ М. В. Нечкина, Восстание Черниговского полка, „Каторга и ссылка“ № 8 (21), 1925 г. Позднее с незначительными изменениями эта статья вошла VI главой в монографию М. В. Нечкиной „Общество Соединенных Славян“, М. 1927.

Статья Л. П. Добровольского „Повстання Чернігівського полку“, опубликованная в сборнике „Повстання декабристів на Україні“, Харків 1926 г., стр. 3—43, является лишь простой сводкой данных о восстании, заимствованных, главным образом, из дореволюционной литературы.

² М. В. Нечкина, Восстание декабристов в концепции М. Н. Покровского. Сб. „Против исторической концепции М. Н. Покровского“, М.—Л. 1939 г., стр. 334.

³ „Каторга и ссылка“ № 8 (21), стр. 111—112.

⁴ Там же, стр. 95.

полка, то советские историки располагают большим количеством ценнейших источников по этому вопросу.

Основной и важнейший первоисточник по истории декабристского движения — следственные дела, опубликованные в восьми томах серии „Восстание декабристов“¹. Из них первое место среди документов, посвященных событиям на Юге, и по объему и по значению занимают материалы, вошедшие в IV, V, VI, IX тома этого издания.

Предистория восстания Черниговского полка и напряженная деятельность руководителей Южного общества в тревожные дни междоусобицы получают освещение в показаниях П. Пестеля, С. Муравьева-Апостола², М. Бестужева-Рюмина, М. Муравьева-Апостола³, С. Трубецкого, Н. Муравьева⁴ и ряда других декабристов.

Ценнейшие данные о начале восстания Черниговского полка, о ходе его развития и о поражении восставших рот содержатся в показаниях руководителей восстания С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина. Большой интерес представляют сообщения бывших Славян о попытках некоторых из них (Андреевича 2-го, Борисова 1-го, Бечасного и др.) оказать помощь восставшему Черниговскому полку⁵.

Восстанию Черниговского пехотного полка непосредственно посвящен VI том „Восстания декабристов“. Тщательно подобранный, ценный архивный материал тома, снабженный к тому же обстоятельными примечаниями его редактора Ю. Г. Оксмана, дает богатейшие сведения о революционном выступлении декабристов на Юге. В восстановлении фактической стороны восстания исследователи имеют, таким образом, возможность опереться не на мемуарные построения „Записок И. И. Горбачевского“, а на прочную документальную основу. Материалы VI тома вместе с показаниями С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина и ряда других участников событий окончательно опровергают версию о случайном характере восстания Черниговского полка и проливают свет на участие солдат в заговоре декабристов.

Ближайшим образом к первому разделу VI тома „Восстания декабристов“, где сосредоточены документы официальной переписки о восстании и о мерах по его ликвидации, примыкают дела канцелярии Киевского гражданского губернатора „О возмущении некоторых рот квартирующего в Василькове Черниговского полка“, опубликованные украинским Центрархи-

¹ Первые семь томов серии „Восстание декабристов“, I—VI и VIII, изданы в 1925—1929 гг., а IX том в 1950 г. Далее сокращенно цитируется „ВД“.

² „ВД“, т. IV, М.—Л. 1927.

³ „ВД“, т. IX, М. 1950.

⁴ „ВД“, т. I, М.—Л. 1925.

⁵ „ВД“, т. V, М.—Л. 1926.

вом¹. Особая значимость этих документов заключается в том, что, отражая весь ход событий через призму донесений низовой гражданской администрации, они раскрывают ряд интереснейших деталей о восстании и его подавлении, которые опускались Киевским гражданским губернатором в его сообщениях правительству.

Большую ценность для решения важного вопроса о месте восстания Черниговского полка в революционном выступлении декабристов, о его связи с общим планом действия Южного и Северного обществ имеют материалы, опубликованные в IX томе „Восстания декабристов“. Вопрос этот новый, совершенно не разработанный в историографии декабристского движения и умелая постановка его М. В. Нечкиной в предисловии к материалам IX тома заслуживает одобрения и дальнейшего изучения.

Многие очень интересные материалы по теме нашего исследования до сих пор не опубликованы и хранятся в различных архивах страны.

В Центральном Государственном Историческом Архиве в неизданных следственных делах декабристов находятся любопытные показания Волконского, Давыдова, Барятинского, А. Поджио, Арт. Муравьева, Тизенгаузена, Ентальцева и ряда других видных членов тайного общества, ярко раскрывающие кипучую энергию С. Муравьева-Апостола, его тактические взгляды и замыслы. Среди этих показаний есть данные о действиях С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина в полках, которые должны были взять на себя инициативу выступления, об агитационно-пропагандистской работе среди солдат и офицеров накануне восстания, о материальном обеспечении восставших частей.

В делах Центрального Государственного Военно-Исторического Архива имеются материалы, относящиеся непосредственно к самому восстанию Черниговского полка. Следует особо отметить „Список Черниговского пехотного полка нижним чинам, которые из возмущенных подполковником Муравьевым-Апостолом рот онаго полка, оказываются в каких-либо противозаконных поступках“, позволяющий выяснить действительную роль многих неизвестных ранее унтер-офицеров и солдат, которые принимали самое активное участие в решающих эпизодах восстания.

В обоих названных архивах содержится богатый материал о многообразной деятельности командования I армии, а также 3-го и 4-го пехотного корпусов во время ликвидации революционной вспышки на Юге.

За годы Советской власти критически переизданы в мас-

¹ Сб. „Рух декабристів на Україні“, Харків 1926, стр. 24—78. Материалы подготовил к печати В. В. Мияковский.

совых тиражах мемуары декабристов, первые публикации которых в дореволюционных изданиях представляют сейчас библиографическую редкость. Тексты мемуаров сверены с подлинниками или авторитетными списками, исправлены и снабжены подробными комментариями.

Особое место среди мемуарной литературы декабристов, посвященной событиям на Юге, занимают упомянутые выше „Записки И. И. Горбачевского“¹, оказавшие сильное влияние на описание и оценку восстания Черниговского полка некоторыми буржуазными² и рядом советских историков³.

Насыщенные богатым фактическим материалом и талантливо написанные „Записки“ явились своего рода историческим исследованием о восстании Черниговского полка⁴.

Близкое знакомство с деятельностью руководителей Васильковской управы во время Лещинского лагеря позволило И. И. Горбачевскому впервые поставить вопрос о связи восстания Черниговского полка с разработанным ранее руководителями Южного общества планом вооруженного выступления войск 3-го пехотного корпуса. Привлекая в качестве своих информаторов непосредственных участников восстания В. Н. Соловьева, А. Е. Мозалевского, А. А. Быстрицкого,— И. И. Горбачевский с их слов смог дать очень подробное и колоритное описание событий на Юге.

Автор „Записок“ в основном верно вскрывает причины, способствовавшие быстрому поражению восставших, решающими из которых И. И. Горбачевский считает „тактические ошибки С. Муравьева-Апостола, измену ряда видных членов

¹ „Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского“ под ред. Б. Е. Сыроечковского, изд. 2. М. 1925 г. Впервые „Записки“ были напечатаны в „Русском Архиве“ в 1882 г., кн. 1 и 2, под названием „Записки неизвестного из общества Соединенных Славян“. Авторство И. И. Горбачевского вскоре было установлено П. И. Бартевым.

Основной критический материал о „Записках И. И. Горбачевского“ содержится в работе Л. П. Добровольского, Декабрист Горбачевский як мемуарист, Сб. „Декабристи на Україні“, Київ 1930, в общих историографических очерках, помещенных в сб. „Рух декабристів на Україні“, Харків, 1926 г., стр. 7—8, в VI т., ВД, М.—Л. 1929 г., стр. XXXIII—XXXIV, во вступительной статье Б. Е. Сыроечковского ко 2-му изд. „Записок“, а также в ряде рецензий, помещенных в журнале „Каторга и ссылка“ (М. В. Нечкиной № 4 (25), 1926 г., Ю. Г. Оксману № 5 (34), 1927 г., А. Е. Преснякова № 6 (35), 1927 г.).

² М. В. Довнар-Запольский, Декабрьская революция 1825 г., „Голос минувшего“, 1917 г., № 7—8.

³ М. В. Нечкина, Восстание Черниговского полка, „Каторга и ссылка“, 1925 г., № 8 (21). Общество Соединенных Славян, М. 1927 г., и ряд других работ; С. Б. Окунь, История СССР, 1796—1825 гг., Л. 1947 г., стр. 425—441, 476—490.

⁴ Впервые соображение о том, что „Записки И. И. Горбачевского“ являются самостоятельным историческим исследованием, в общей форме высказал Б. Е. Сыроечковский в предисловии к первому изданию „Записок“, М. 1916, стр. XXXIII.

Южного общества, распорядительность местных военных и гражданских властей¹.

И все же концепция восстания Черниговского полка И. И. Горбачевского глубоко ошибочна. Это ему принадлежит приоритет в создании крылатой формулы о том, что восстание Черниговского полка явилось плодом действия Славян. В основе порочности утверждений И. И. Горбачевского лежит предубежденность и тенденциозность автора по отношению к членам Южного общества². Эта неприязнь мемуариста к Южанам ни в коем случае не отражала общего мнения бывших членов общества Соединенных Славян и была вызвана главным образом той душевной трагедией, которую пережил И. И. Горбачевский после неудачи восстания. На всю жизнь сохранил И. И. Горбачевский это недоброе чувство, не сумев простить Южанам того, что они сыграли столь роковую роль в его жизни. Рассматривая факт присоединения общества Соединенных славян к Южному обществу, как непростительную ошибку „Славян“, приведшую их на каторгу, Горбачевский стремился всячески очернить „Южан“.

Для большей убедительности своих утверждений о неблагоприятности поведения руководящих деятелей Южного общества И. И. Горбачевский иногда не останавливается перед явной фальсификацией фактов. Так, вымышлены данные И. И. Горбачевского о попытке „Славян“ Полтавского полка поднять восстание в первых числах января 1826 г. для оказания помощи Черниговскому полку и о неприглядной роли в этой истории члена Южного общества полковника Тизенгаузена³. В действительности же неудачная попытка Трусова поднять восстание в Полтавском полку была сделана 6 февраля 1826 г., т. е. через месяц после ареста Тизенгаузена⁴. С целью дискредитации вождя Южного общества, Горбачевский грубо оклеветал Пестеля, который, по его словам, „никогда не заботился об офицерах и угнетал самыми ужасными способами солдат“⁵ и т. п.

¹ Перечисляя причины, обусловившие быстрое поражение восстания, И. И. Горбачевский умышленно не отметил, что Славяне промедлили с оказанием помощи восставшему Черниговскому полку и что среди них также оказались малодушные и трусливые люди, изменившие делу тайного общества в самый критический момент (Громницкий, Лисовский).

² Первым односторонность „Записок И. И. Горбачевского“ как исторического источника отметил А. Е. Пресняков в рецензии на книгу М. В. Нечкиной „Общество Соединенных Славян“. См. „Каторга и ссылка“, 1927 г., № 6 (35), стр. 251—253. То обстоятельство, что „Записки Горбачевского“ написаны „так сказать со славянской стороны“, признала в последнее время и сама М. В. Нечкина (см. ВД, т. IX, стр. 13).

³ „Записки И. И. Горбачевского“, стр. 197—201.

⁴ ВД, т. VI, стр. XXXV, филиал ЦГВИА, ф. 534, л. 638, л. 5. См. также дела №№ 2672, 2673. Тизенгаузен был арестован в ночь с 4 на 5 января 1826 г. См. Б. Пушкин, Арест декабристов, сб. „Декабристы и их время“, т. II, М. 1932 г., стр. 415.

⁵ „Записки...“, стр. 90, ср. „Красный Архив“, 1926 г., кн. 3 (16), стр. 192.

Деятельность С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина получила в „Записках“ извращенную трактовку. Вопреки исторической действительности, И. И. Горбачевский делает подлинными руководителями восстания Сухинова, Кузьмина, Соловьева.

Вообще „Записки И. И. Горбачевского“ страдают рядом серьезных фактических ошибок¹, а художественно-беллетристические приемы мемуариста часто приводят к умышленному искажению действительности².

Все эти обстоятельства заставляют с большой осторожностью относиться к „Запискам И. И. Горбачевского“, как к историческому источнику.

Описанию восстания Черниговского полка посвящена сводная мемуарная запись „Белая Церковь“, написанная Ф. Ф. Вадковским со слов непосредственных участников восстания: В. Н. Соловьева, А. А. Быстрицкого, А. Е. Мозалевского³. Сообщая ряд очень ценных деталей о восстании Чернигов-

¹ Отметим неточность данных мемуариста о бунте I гренадерской роты Саратовского полка во время Лешинского лагеря, поднятым будто бы юнкером Шиколлой („Записки...“, стр. 61—65, ср. ВД, т. VI, стр. 353, ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 97), о встрече фельдфебеля ШUTOва с командиром 9 пехотной дивизии генерал-майором Тихановским („Записки...“, стр. 148—150, ср. ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 7, 148 л.), о разведке Сухинова в Белую Церковь („Записки...“, стр. 170—171, ср. ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 7, л. 144 (обл. Сб. „Рух декабристів на Україні“, стр. 51), о дате присяги Николаю I в Черниговском полку („Записки...“, стр. 101, ср. „ВД“, т. VI, стр. 77) и т. п.

² В историографическом обзоре, предпосланном материалам VI тома ВД Ю. Г. Оксман, на наш взгляд, очень убедительно раскрыл одну из сторон литературного творчества Горбачевского—использование мемуаристом уже имеющихся образов популярного повествования о деятельности тайных организаций. История секты пифагорейцев, вышедшая из-под пера Бартеlemi и переложенная на русский язык И. И. Давыдовым („Вестник Европы“, 1819, № 9, стр. 28—40), была конструктивно учтена И. И. Горбачевским. Как отмечает в своем обзоре Ю. Г. Оксман, погоня Горбачевского за „возможно более красочной и драматической передачей фактического материала“ обусловила широкое введение им в повествование вымышленных „программных речей, размышлений, сентенций и даже целых диалогов, действовавших в описываемых событиях исторических лиц“ (ВД, т. VI, стр. XXXV—XXXVI). Наиболее характерными примерами, подтверждающими эти положения, могут служить сообщения И. И. Горбачевского о поездке Мозалевского в Киев („Записки...“, стр. 156, ср. с показаниями самого Мозалевского, ВД, т. IV, стр. 249—250 и „Рух декабристів на Україні“, стр. 29—30), о записке С. Муравьева Апостола из Трилесс к Кузьмину („Записки...“ стр. 134, ср. ВД, т. IV, стр. 20, 324—325, т. VI, стр. 142), о диалоге, происшедшем якобы между Соловьевым и Гельлем перед присягой Черниговского полка Николаю I. Диалог этот вообще весь вымышлен, так как 27/XII, когда происходила присяга, Гельль находился в Любаре, преследуя С. Муравьева-Апостола, и присягу проводил майор Трухин (см. ВД, т. VI, стр. 77), и т. д., и т. п.

³ Ф. Ф. Вадковский, Белая Церковь, примечания и вступительная статья Ю. Г. Оксмана, Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 г., т. I, М. 1931, под ред. С. Н. Чернова и Ю. Г. Оксмана, стр. 192—201.

ского полка, „Белая Церковь“ в ряде мест корректирует неверные положения „Записок И. И. Горбачевского“¹. Особую значимость имеют данные „Белой Церкви“ о настроении солдат и об отношении к восстанию местного населения.

В примечании к „Записке“, написанном М. Муравьевым-Апостолом, последний справедливо исправляет некоторые неточности ее текста, однако уже здесь М. Муравьев-Апостол выдвигает свое явно ошибочное утверждение о случайном характере восстания Черниговского полка, вошедшее позднее в его „Воспоминания“².

Вышедшая из-под пера В. Н. Соловьева „Записка о И. И. Сухинове“³ непосредственно примыкает к разобранным нами памятникам мемуарной литературы декабристов. Показывая жизнь и деятельность И. И. Сухинова на широком фоне событий, развернувшихся на Юге в конце декабря 1825 г. и начале января 1826 г., автор „Записки“ сообщает немало сведений и о ходе восстания. Близость В. Н. Соловьева к И. И. Сухинову и С. Муравьеву дала возможность автору правильно осветить взаимоотношения между ними, вскрыв глубоко ошибочную трактовку этого вопроса в „Записках Горбачевского“⁴. Некоторые фактические ошибки⁵ не снижают значения „Записки о И. И. Сухинове“, как одного из важных мемуарных источников о восстании Черниговского полка.

Таков краткий историографический обзор, свидетельствующий о том, что наличие большого количества очень ценных источников по восстанию Черниговского полка, недостаточно учтенных или совершенно неиспользованных в исследовательской литературе, дает возможность восстановить действительную картину ярких событий, развернувшихся на Украине в конце 1825—начале 1826 гг.

II

Март 1821 года явился знаменательной вехой в жизни Тульчинской управы Союза Благоденствия. Собрание ее членов под руководством П. И. Пестеля, отказавшись подчинить-

¹ См., например, данные о целях поездки С. Муравьева в Житомир в „Записках...“, стр. 99, и Белой Церкви, стр. 192, о попытке солдат заколоть С. Муравьева-Апостола после боя под Устиновкой, „Записки...“, стр. 176, и ср., Белая Церковь, стр. 89 и т. п.

² Декабрист М. И. Муравьев-Апостол, Воспоминания и письма под ред. С. Я. Шрайха, Петроград 1922 г., стр. 10.

³ В. Н. Соловьев, „Записка о И. И. Сухинове“, Вступительная статья и примечания Ю. Г. Оксмана, Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 годов, т. II. М. 1933, стр. 21—32.

⁴ Там же, стр. 20—21.

⁵ Неверны, например, данные В. Н. Соловьева о записке С. Муравьева из Трилесс к Сухинову (стр. 22) и т. п.

ся решению Московского съезда Союза Благоденствия о роспуске тайной организации, положило начало существованию Южного общества.

Уже в первые годы существования Южного общества определились и установились организационные формы руководства деятельностью тайным обществом. Большую роль в обсуждении и решении важнейших программных и тактических вопросов играли ежегодные съезды руководителей тайного общества, постановления которых были обязательными для всех его управ.

К очередному январскому съезду 1825 года особенно остро встал вопрос об отношении руководителей Южного общества к выдвинутому С. Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым Белоцерковскому плану революционного выступления войск 3-го пехотного корпуса летом 1825 года. Собственно этому вопросу и был посвящен съезд. Особого внимания заслуживает тот факт, что Белоцерковский план С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина обсуждался, как один из вариантов плана революционного выступления всего тайного общества на Юге¹.

Необходимость решительных действий — таков основной побудительный мотив всей деятельности С. Муравьева-Апостола². Начиная с лета 1823 года, С. Муравьев совместно с Бестужевым-Рюминым выдвигает один за другим ряд планов революционного выступления Южного общества.

Лето 1823 года ознаменовалось попыткой руководителей Васильковской управы начать решительные действия Южного общества восстанием 9 пехотной дивизии. Эта попытка получила в показаниях декабристов наименование Бобруйского плана. „В 1823 г. полк наш был в Бобруйской крепости, — рассказывал на следствии об этом плане С. Муравьев-Апостол, — тогда назначен был смотр дивизии государем. Мы решились: Швейковский, Бестужев, Норов и я начать действие. Положили овладеть государем и потом с дивизией двинуться на Москву. Сие осталось без исполнения по недостаткам средств“³.

До настоящего времени в советском декабристоведении безоговорочно принято считать, что Александр I не приехал для смотра 9 пехотной дивизии и что это обстоятельство было одной из решающих причин провала Бобруйского плана

¹ ВД, т. IV, стр. 102—105. В литературе этот факт был впервые отмечен М. В. Нечкиной в статье „Кризис Южного общества декабристов“, „Историк-марксист“, 1935, № 7, стр. 43.

² Интересно отметить, что еще будучи в Союзе Спасения С. Муравьев зимой 1817 г. считал возможным организовать военное восстание. См. ВД, т. IX, стр. 44.

³ ВД, т. IV, стр. 258. О Бобруйском плане см. т. IV, стр. 104, 277, 389, 392, 400; т. IV, стр. 46, 60, 84, 102, 112, 167, 258, ЦГИА, ф. 48, д. 91, л. 5; д. 399, л. 40 (об), 47, 99; д. 404, л. 66 (об), 71.

С. Муравьева и Бестужева-Рюмина. Нами найден документ, который дает возможность исправить эту неточность.

В Центральном Государственном Военно-Историческом архиве в фонде канцелярии начальника главного штаба Е. И. В. (материалы по инспекторской части) хранится дело „О высочайшем смотре войск 1 и 2 армии в 1823 г.“. В нем имеется приказ начальника главного штаба генерала Дибича от 13 сентября 1823 г., подводящий итоги впечатлениям царя от проведенного им в Бобруйске смотра.

„Его императорское величество, — гласит приказ, — осмотрев сего числа в Бобруйске 2-ю сводную пионерскую бригаду и 9 пехотную дивизию и найдя в оных должный порядок и устройство, в чем преимущественно отличается сводная пионерская бригада, объявляет за то особенное свое удовольствие генерал-инспектору по инженерной части, его императорскому высочеству великому князю Николаю Павловичу; равномерно объявляет свое благоволение: командующему 3 пехотным корпусом генерал-лейтенанту Роту 1-му, командиру 9 пехотной дивизии генерал-майору Нейдгарту 1-му... командующим бригадами генерал-майорам Тихановскому и Чистякову; полковым командирам полковникам: Полтавского пехотного полка Тизенгаузену 1-му, Кременчугского Набокову 3-му, 17-го Егерского Лаппе 1-му и Черниговского пехотного подполковнику Гебелю., а в особенности командирам: Алексопольского пехотного полка полковнику Повало-Швейковскому и саперного батальона полковнику Депу 1-му, за отличное состояние введенных им частей...“¹

Этот документ не оставляет никакого сомнения в том, что Александр I был в Бобруйске.

В чем же тогда главные причины отказа С. Муравьева и Бестужева-Рюмина от плана? Развернутый ответ на этот вопрос мы находим в показаниях М. Муравьева-Апостола и Повало-Швейковского.

„Я от Швейковского узнал, — пишет М. Муравьев-Апостол, — что в 1823 году в лагере в Бобруйске брат мой Сергей, Бестужев, Норов и он имели намерение остановить покойного государя, но что они его не исполнили потому, что не успели предварительно дать знать Южной директории“² и получить от нее согласие. Спрошенный по этому поводу Повало-Швейковский показал, что в бытность его в Петербурге Матвей Муравьев говорил ему: „Для чего в Бобруйске не остановили государя? Я ему отвечал на это, что надо было иметь другие средства, а те недостаточны, которые мы имели, и доказывал ему те же самые неудобства, которые объяснял брату его Сергею Муравьеву в Бобруйске. Но никогда сих

¹ ЦГВИА, ф. 35, оп. 3|244, д. 1144. л. 174.

² ВД, т. IX, стр. 258. Курсив наш.

слов не говорил: что не успели получить согласие от Южной директории"¹. Однако, не доводя дела до очной ставки, Повало-Швейковский 23 апреля 1826 г. подтвердил правильность показания М. Муравьева-Апостола².

Таким образом, становится ясно, что главными причинами провала Бобруйского плана С. Муравьева и Бестужева-Рюмина явились неподготовленность операции и отсутствие согласия на нее директории Южного общества.

Неудача Бобруйской попытки не только не ослабила, но еще более укрепила намерения С. Муравьева и Бестужева-Рюмина. Уже в январе 1824 г. на третьем съезде руководителей Южного общества, „когда возвратившиеся из Петербурга *Давыдов*, князь *Волконский* и *Поджио* объявили о нерешительности и бездействии Северного общества, *Сергей Муравьев* предлагал, что нечего ждать от оногo, а надобно начинать дело (возмущение) самому Южному обществу с теми силами, какие у него есть, и тут же доказывал на сие решительную готовность свою“³.

Однако в январе 1824 года это действительно была лишь готовность к действию. Конкретного плана революционного выступления в это время С. Муравьев и Бестужев-Рюмин еще не имели. Такой план был создан в течение марта—июля 1824 г. с расчетом на предполагаемый смотр Александром I летом того же года 9-й пехотной и 3-й гусарской дивизии в лагере под Белой Церковью⁴.

Согласно Белоцерковскому плану предполагалось, что переодетые в солдатские мундиры офицеры — члены общества, поставленные в караул при Александре I, уничтожат его ночью, а утром С. Муравьев, Тизенгаузен, Повало-Швейковский поднимут лагерь, двинутся на Киев, а оттуда на Москву. Для взаимодействия с Северным обществом С. Муравьев должен будет из Москвы ехать в Петербург, Бестужев-Рюмин же примет командование Черниговским полком⁵.

Основные контуры плана намечаемого вооруженного восстания были сообщены Бестужевым-Рюминым Давыдову и братьям Поджио в апреле 1824 г.⁶, а затем весь план полностью доложен Пестелю во время специального приезда вождя Южного общества в июле 1824 г. в лагерь под Белую Церковь к С. Муравьеву⁷.

¹ ЦГИА, ф. 48, д. 404, л. 66 (об).

² Там же, л. 71.

³ ВД, т. IV, стр. 401, ср. стр. 345. Курсив подлинника.

⁴ О Белоцерковском плане см. ВД, т. IV, стр. 158, 190, 191, 195, 196, 219, 220, 225, 353, 354, 392, 401, т. IX, стр. 89, 90, 168, ЦГИА, ф. 48, д. 406, л. 18.

⁵ ВД, т. IV, стр. 344, ср. ВД, т. IX, стр. 90.

⁶ ВД, т. IX, стр. 89, 90, 168.

⁷ ВД, т. IV, стр. 142, 158, 353, ЦГИА, ф. 48, д. 406, л. 18.

Вначале не возражая против Белоцерковского предложения руководителей Васильковской управы, Пестель впоследствии изменил свою точку зрения по этому вопросу¹. Окончательное отношение Пестеля к Белоцерковскому плану С. Муравьева и Бестужева было им сформулировано во время обсуждения плана на съезде в январе 1825 г. в Киеве.

Как известно, С. Муравьев и Бестужев-Рюмин не смогли присутствовать на съезде: Бестужев-Рюмин „потому, что начальство запретило ему отлучаться туда“², а С. Муравьев был, вероятно, задержан в полку по делам службы³. Впрочем, их присутствие едва ли могло бы изменить решение съезда, принимаемого большинством голосов. Аналогичный случай был на съезде 1823 года при обсуждении вопроса об истреблении всей царствующей фамилии, когда, несмотря на согласие С. Муравьева и Бестужева-Рюмина, решение было принято большинством и получило обязательную силу для всего Южного общества⁴. Присутствие С. Муравьева и Бестужева-Рюмина, безусловно, привело бы на съезде лишь к острой полемике двух основных направлений по вопросу о планах революционных действий.

В основе тактики революционных действий, принятой всем Южным обществом, лежало мнение о том, что государственный переворот должен быть произведен посредством военной революции. Однако при общности взглядов на основной вопрос — подготовка революции — вопрос о ее движущих силах — руководители Южного общества имели разные точки зрения о конкретных формах подготовки и проведения в жизнь военной революции.

Основное разногласие по тактическим вопросам заключалось в установлении места выступления и о роли армии на периферии. „Вообще заметить можно, что два главные существовали оттенка во всех предположениях, — показывал на следствии Пестель. — По первому располагалось начальное действие в Петербурге, а от армии и губернии ожидалось содействие. По второму располагалось начальное действие в армии где-нибудь, а от Петербурга ожидалось содействие“⁵.

Пестель и его сторонники были выразителями первого мнения. Подготовку к открытому революционному выступлению Пестель рассматривал как процесс длительный, требующий много времени и большой организационной работы всего тайного общества. Для этого: „Во-первых, надлежало решить

¹ ВД, т. IV, стр. 225, ср. там же, стр. 196, 219, т. IX, стр. 168.

² ВД, т. IX, стр. 169. Несмотря на запрещение начальства, Бестужев все же был один раз в Киеве. См. ЦГИА, ф. 48, д. 402, л. 62.

³ ЦГИА, ф. 48, д. 406, л. 29.

⁴ ВД, т. IV, стр. 142—143, 145, 175, 178—179, 193, ВД, т. IX, стр. 46. ЦГИА, ф. 48, д. 402, л. 46 (об.).

⁵ ВД, т. IV, стр. 104, ср. стр. 87, т. IX, стр. 254.

в подробности, какой новый образ правления общество желает... Во-вторых, надлежало обществу усилить число своих членов до такого количества, чтобы можно было посредством членов ввести образ мыслей союза в общее мнение..., чтобы через них можно было не только повсюду пресечь всякое сопротивление, но даже везде устроить содействие, когда бы революция началась"¹. Пестель считал, что если будут решены вопросы о политической программе революционного переворота, принятой всем обществом, о значительном увеличении его состава и действительной силы, а также подготовлено общественное мнение, то тем самым будут созданы все условия для успешного проведения революции.

Революционное выступление по плану Пестеля намечалось произвести в Петербурге, где были сосредоточены все власти и находилась царская фамилия. Государственный переворот мыслилось осуществить при помощи вооруженного восстания гвардии и флота под руководством тайного общества. От находившейся же на периферии армии ожидалось лишь содействие восставшим. Открытому выступлению должно было непосредственно предшествовать, служить сигналом для начала приведение в исполнение акта — заговора — уничтожение всей царствующей фамилии во главе с самодержцем, совершенное специально подготовленным для этого отрядом цареубийц². После первых действий революции предполагалось через Синод и Сенат объявить два манифеста к народу, утвердить временное правление и обязать его ввести „Русскую правду“³.

План революционного переворота П. И. Пестеля отличается глубокой продуманностью во всех частях. При этом основной акцент Пестель делает не на самом перевороте, а на утверждении после переворота новой формы власти — временного правления, как революционной диктатуры, для обеспечения скорейшего государственного преобразования России на основе республиканской конституции — „Русской правды“⁴.

Слабой стороной плана Пестеля являлось отсутствие конкретных сроков окончания подготовительной работы, которая растягивалась на неопределенное время. Это обстоятельство, естественно, ставило под сомнение в глазах многих членов Южного общества реальность плана Пестеля, так как за столь длительный период тайная организация могла быть раскрыта и ликвидирована правительством.

Выразителями второго мнения относительно плана подготовки и проведения военной революции были С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин. Согласно их системы взглядов

¹ ВД, т. IV, стр. 137, 184, 185, ср. стр. 350.

² ВД, т. IX, стр. 254.

³ ВД, т. IV, стр. 185, 187, т. IX, стр. 254.

⁴ ВД, т. IV, стр. 103, 169, 185.

тайное общество перед началом революционного выступления должно было иметь готовую конституцию и „значительное число войск благонадежных“¹. С. Муравьев и Бестужев-Рюмин поэтому особое внимание уделяли подготовке ударных частей, которые смогли бы возглавить восстание. Место начального действия переносилось в район расположения 1 и 2 армии, затронутых влиянием Южного общества. Инициативу восстания брал на себя 3 пехотный корпус. Сигналом к выступлению должно было послужить убийство Александра I, прибывшего для проведения смотра войск.

Части 3 пехотного корпуса, находившиеся под командой членов тайного общества, должны были увлечь по пути своего движения другие части 1 и 2 армии „без предварительных даже с ними сношений, полагаясь на общий дух неувольствия“, занять Киев, а потом Москву, одновременно стараясь поднять восстание в Петербурге².

После начала восстания мыслилось издать две прокламации: одну к войскам, другую к народу. По плану С. Муравьева и Бестужева-Рюмина 3 корпус, придя в Москву, должен был требовать от Сената преобразования государства³. Все остальные члены Южного общества обязаны были содействовать успеху 3 корпуса на Юге, обеспечив тыл восставшим. Северному обществу в это время надо было „поднять гвардию и флот, препроводить в чужие края всех особ императорской фамилии и, так же как и 3 корпус, сделать требования Сенату“⁴.

Таким образом, основное внимание С. Муравьев и Бестужев-Рюмин в своих планах сосредоточили на успешном осуществлении самого революционного переворота, считая менее значительным решение вопросов, связанных с его результатами.

Планы С. Муравьева и Бестужева являются наиболее типичным выражением тактики военной революции, рассчитанной в основном лишь на активное содействие армии. Вместе с тем они носили на себе следы „некоторой нетерпеливости“⁵. Субъективными мотивами для этого у С. Муравьева были, с одной стороны — неуверенность в готовности руководителей Северного общества начать решительные действия⁶, с другой — боязнь, что промедление может привести к провалу общества и что оно будет разгромлено раньше, чем сумеет выступить⁷.

¹ ВД, т. IX, стр. 92.

² ВД, т. IV, стр. 102—104, 169.

³ ВД, т. IV, стр. 104.

⁴ ВД, т. IV, стр. 104.

⁵ ВД, т. IV, стр. 104.

⁶ ВД, т. IV, стр. 401. Это было время, когда у руководства Северного общества стояли еще Н. Муравьев и С. Трубецкой. См. А. Е. Пресняков, Восстание декабристов, „Былое“, 1925 г., № 5 (33), стр. 9.

⁷ ВД, т. IV, стр. 458.

Пестель был совершенно прав, критикуя Белоцерковский план С. Муравьева. В критике этого плана Пестель исходил не только из своих тактических установок, но и из основного условия, выдвинутого им при определении начальных сроков действия. „...Время начатия,—говорил он по этому поводу,—долженствовало определиться преимущественно обстановкой и силою общества“¹.

В январе 1825 г., обсуждая вопрос о предстоящем восстании летом того же года, руководители Южного общества безусловно понимали, что не могут рассчитывать на успех выступления, так как в их распоряжении было мало подготовленных частей. Да и сама обстановка еще не требовала настоятельно таких решительных действий. Отсюда естественно, что кроме Пестеля против Белоцерковского плана С. Муравьева резко выступили Юшневский, Давыдов, Волконский и Барятинский. Съезд руководителей Южного общества в январе 1825 года отверг Белоцерковский план С. Муравьева².

В феврале 1825 г., после съезда в Киеве, в г. Васильков к С. Муравьеву приезжали П. Пестель, А. Юшневский и И. Швейковский³. Сообщив руководителям Васильковской управы решение Киевского съезда об отклонении Белоцерковского плана, члены директории Южного общества стали доказывать С. Муравьеву и Бестужеву-Рюмину нецелесообразность и преждевременность предполагаемого выступления. Обсуждение Белоцерковского плана переросло в оживленный спор представителей двух точек зрения по вопросам тактики военной революции.

„...Я очень помню,—писал на следствии Бестужев-Рюмин, свидетель и участник совещания,—что было долгое толкование о возможности предпринять действия в лагере того года (1825). С. Муравьев и я были того мнения, что первая масса, которая восстанет, увлечет за собой прочия и что посланные войска против нас к нам же присоединятся. Пестель полагал, что нужно еще общество распространить...“⁴. Этот спор, по видимому, отличался остротой и упорством. Давыдов в одном из своих показаний о Васильковском совещании руководителей Южного общества говорил следующее: „что там происходило — точно не знаю, но слышал от Пестеля, когда видел его в прошлом декабре у Волконского, что Муравьев крепко

¹ ВД, т. IV, стр. 103.

² В связи с этим совершенно непонятно, на чем основывалась М. В. Нечкина, утверждая, что Киевские контракты 1825 г. „решительно обозначили победу С. Муравьева над Пестелем“. См. М. В. Нечкина, Кризис Южного общества декабристов, „Историк—марксист“, 1935, № 7, стр. 38—39.

³ ВД, т. IV, стр. 348, 398, т. IX, стр. 103, 112—113, ЦГИА, ф. 48, д. 400, лл. 6 (об), 42 (об), 75 (об).

⁴ ВД, т. IX, стр. 112.

стоял на своем намерении и что Швейковский подавался на его сторону, но не Юшневский; чем кончилось не знаю¹.

Отмечая, что план военной революции, выдвинутый руководителем Васильковской управы, содержит в себе „много хорошего и удобного“, Пестель все же считал, что „лучше не торопиться, но дело сделать делом, не оставаясь в бездействии и не сетуя, ежели удобные случаи пройдут без употребления“². По всей вероятности, в ходе обсуждения вариантов плана революционного выступления тайного общества поднимался вопрос о том, что определенное стечение обстоятельств может заставить начать революцию на Юге и что тогда сигналом к восстанию послужит арест главной квартиры 2 армии Вятским полком³. Бестужев-Рюмин, очень уклончиво отвечая на вопрос следственной комиссии, обсуждалось ли это предложение в Василькове и какое было принято решение, писал: „В Василькове, в феврале месяце 1825 года, сколько мне помнится, об арестовании главной квартиры 2-й армии говорено не было. (Впрочем, может быть С. Муравьев сказал Пестелю, что с Вятским полком ему удобно овладеть Тульчиным, где члены тамошней управы арестуют г. Витгенштейна и Киселева)“⁴.

Вождь Южного общества, стараясь отвести от себя подозрение в том, что инициатива восстания могла исходить от него, говорил о намерении арестовать главную квартиру 2-й армии, как о давно известной и обычной вещи. „Намерение арестовать главную квартиру,— показывал Пестель,— не возникло в виде перемены плана действия по получении известия о кончине государя императора, но всегда входило яко подробность в общее предначертание революции, где бы она не началась: в Петербурге ли или в другом каком-нибудь месте“⁵.

Нам кажется, что намерение начать выступление на Юге арестом командования 2-й армии, именно как „подробность общего предначертания революции“, не могло быть обойдено молчанием в ходе обсуждения вопросов тактики во время Васильковского совещания.

Оценивая результат Васильковского совещания руководителей Южного общества по тактическим вопросам, Л. А. Медведская-Басова считает, что „попытка Пестеля переубедить С. Муравьева и Бестужева-Рюмина во время совещания в Ва-

¹ ЦГИА, ф. 48, д. 400, л. 75 (об).

² ВД, т. IV, стр. 87.

³ ВД, т. IV, стр. 348, т. IX, стр. 103, 112.

⁴ ВД, т. IX, стр. 112.

⁵ ВД, т. IV, стр. 171.

силькове кончилась неудачей"¹. Мы не можем согласиться с этим выводом. Он слишком прямолинеен и не учитывает влияния Васильковского совещания на последующий ход событий.

Бестужев-Рюмин писал, что в итоге февральского совещания руководителей Южного общества „все осталось неопределенным“². Нам думается, что под этим Бестужев-Рюмин понимал такое положение, когда на 1825 год не был согласован единый план революционного выступления, а Белоцерковский проект был отклонен. С. Муравьев и Бестужев-Рюмин, хотя и под нажимом, но подчинились решению съезда руководителей Южного общества и отказались от намерения выступить летом 1825 г. Об этом свидетельствуют действия руководителей Васильковской управы во время Лещинского лагеря, когда они, солидаризируясь с Пестелем, предотвратили по существу преждевременное выступление частей 3 пехотного корпуса в связи с отстранением Повало-Швейковского от командования полком.

Таким образом, А. Поджио оказался полностью прав, говоря, „как Муравьев ни отважен, однако удара в воду не даст“³ и отдельно от всего общества не выступит. Васильковское совещание было первым шагом на пути выработки единого плана революционного выступления Южного общества. Отказавшись от Белоцерковского проекта на лето 1825 г., руководители Васильковской управы стали совместно с Пестелем создавать новый общий план действия на лето 1826 года.

Последний период деятельности тайного общества на Юге перед восстанием Черниговского полка знаменует собой усиление роли и значения Васильковской управы и ее руководителей С. Муравьева и Бестужева-Рюмина в жизни и планах Южного общества.

Этот процесс находит наиболее яркое выражение в активной деятельности Васильковской управы во время Лещинского лагеря, явившийся исходным моментом широкой и планомерной подготовки войск 3 пехотного корпуса к вооруженному восстанию.

В августе 1825 года под местечком Лещиним были собраны для смотра 8 и 9 пехотные дивизии с принадлежащими им артиллерийскими бригадами и 3 гусарская дивизия, входившие в состав 3 пехотного корпуса. Таким образом, в ла-

¹ Л. А. Медведская-Басова, „Сергей Иванович Муравьев-Апостол и Васильковская управа Южного общества декабристов“. Рукопись диссертации, М. 1946, стр. 181. Тем более нам кажется необоснованным утверждение М. В. Нечкиной о том, что после неприятия Белоцерковского плана на январском съезде 1825 г. Васильковская управа „не соглашалась с Пестелем“ и вела свою линию. См. „Грибоедов и декабристы“, М., 1951, стр. 461.

² ВД, т. IX, стр. 112.

³ ЦГИА, ф. 48, д. 402, л. 62.

гере собрались почти все члены Васильковской управы и, не вызывая подозрений, имели возможность проводить свои совещания.

Неожиданное событие чуть было не нарушило мирный ход лагерной жизни. У члена тайного общества командира Алексопольского полка полковника И. С. Повало-Швейковского без видимого основания отобрали полк. Собравшиеся у него в тот же вечер члены общества Арт. Муравьев, Тизенгаузен, С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин по предложению Арт. Муравьева решили немедленно начать выступление, так как, во-первых, подозревали, что общество открыто правительством, а во-вторых, отстранение Швейковского от командования лишило общество целого полка. Бестужев-Рюмин должен был тотчас же ехать к Пестелю „уведомить его о намерении нашем, спросить его мнение и требовать от него пособия и содействия“¹.

По плану предполагалось арестовать начальника штаба 1 армии генерала Толя, возглавлявшего лагерь, и командира корпуса генерал-лейтенанта Рота, поднять корпус, двинуться на Киев, овладеть им и далее действовать в зависимости от обстоятельств². „Сергей Муравьев хотел послать за братом своим Матвеем и поручить ему немедленно отправиться в Петербург, дабы уговорить Северное общество с нами совокупно действовать“³. Обсуждался и вопрос о посылке царевубийцы в Таганрог, но к окончательному решению в выборе подходящего для этого кандидата не пришли.

Задуманный план не был осуществлен. На следующий день к Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину приехали Швейковский и Тизенгаузен и здесь было решено не начинать выступление. Для обсуждения дальнейших действий созвали новое собрание на квартире у Арт. Муравьева. На нем члены общества, отказавшись от попытки немедленно поднять восстание, приняли окончательное решение о проведении вооруженного выступления в 1826 году⁴.

Для решения вопроса о выборе руководителями Южного общества единого срока революционных действий очень ценный материал дает показание Бестужева-Рюмина. На следствии он сообщил о том, что в июле 1825 г., как раз перед выступлением частей 3 пехотного корпуса в лагерь под м. Лещино, он „получил с нарочным письмо от Пестеля, в коем он просит меня, прежде лагеря, непременно с ним повидаться. Я немедленно поехал в Линцы, и там Пестель мне сказал, что он звал меня за тем, чтобы дать нашей управе порученность

¹ ВД, т. IV, стр. 279, т. IX, стр. 114.

² ВД, т. IV, стр. 278—279, ср. т. IX, стр. 101—114.

³ ВД, т. IX, стр. 114.

⁴ ВД, т. IV, стр. 279, ср. IX, стр. 104.

самым вернейшим образом приготовить 3-й корпус к восприятию действий на общем смотре в 1826 году“¹.

Это поручение Пестеля свидетельствует о том, что до Лещинского лагеря руководители Южного общества договорились о назначении единого срока начала революционных действий.

В связи с назначением срока выступления Южного общества на 1826 год нам кажется небезынтересным вспомнить договор Пестеля с руководителями Северного общества во время его поездки в Петербург в начале 1824 года. Окончательное решение организационных вопросов о слиянии Северного и Южного обществ, как свидетельствует Н. Муравьев, было отложено именно на 1826 год. По настоянию Пестеля руководители Северного общества согласились „оставить оба общества в их настоящем положении, сколько помню, до 1826 г., а тогда собрать уполномоченных от обоих обществ, которые бы уже согласились в началах и избрали бы вместе общих правителей для всего общества“². Видимо, исходя из этих соображений, Пестель и выдвигал как единый срок начала революционного выступления тайного общества лето 1826 года.

Только учет данных о Васильковском совещании и показание Бестужева-Рюмина о его поездке перед лагерем к Пестелю может внести ясность в поведение С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина при обсуждении вопроса о выступлении во время Лещинского лагеря, когда руководители Васильковской управы, известные своей решительностью и нетерпеливостью в побуждениях начать открытое выступление, отговаривали Арт. Муравьева от попыток немедленно начать восстание. „Сергей Муравьев и я, — говорил по этому вопросу на следствии Бестужев-Рюмин, — были того мнения, чтобы подождать смотра следующего года, на котором, как нам говорили, соберутся три корпуса и будет император“³.

Деятельность С. Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина в лагере показывает определенную согласованность действий руководителей Южного общества в подготовке общего плана революционного выступления в 1826 году.

На упомянутом выше совещании у Арт. Муравьева Бестужев-Рюмин впервые сообщил активу Васильковской управы о наличии тайной организации среди офицеров 8 артиллерийской бригады и 8 пехотной дивизии. Узнав о существовании общества Соединенных Славян от своего бывшего сослуживца по Семеновскому полку капитана Тютчева, С. Муравьев и Бестужев-Рюмин приняли самые энергичные меры, чтобы присоединить вновь открытую организацию к Южному обще-

¹ ВД, т. IX, стр. 112—113. Об этом письме Пестеля к Бестужеву-Рюмину, см. ЦГИА, ф. 48, д. 470, л. 7.

² ВД, т. I, стр. 308.

³ ВД, т. IX, стр. 47.

ству. Это мероприятие блестяще удалось Бестужеву-Рюмину не столько благодаря его выдающимся организаторским способностям и ораторскому мастерству, сколько благодаря тому, что программа и методы действия, принятые руководством общества Соединенных Славян, не удовлетворяли во многом большинство его членов.

Общество Соединенных Славян, возникшее по инициативе братьев Борисовых и польского шляхтича Люблинского в конце 1823 г., в момент присоединения его к Южному обществу находилось еще в стадии формирования как организационного, так и идейного¹.

Программа общества, изложенная в 17 пунктах „Правил Соединенных Славян“, представляла собою результат еще незрелой политической мысли². Лаконичные по форме пункты этих правил носили больше характер морально-этических норм, предъявляемых к членам общества, чем политических требований. Видный член общества Соединенных Славян И. В. Киреев, анализируя содержание этого документа, писал: „Правила, объявленные нам при вступлении нашем в общество Славян, заключали большею частью правила морали, по которым мы должны были следовать. Они предлагали нам воздержание, отдаляли нас от суетности и тщеславия, представляли лень в самом презрительном виде, призывали нас на защиту страждущей невинности, обязывали нас иметь братскую любовь к людям всякого состояния, в особенности же к товарищам нашего общества, приглашали к образованию себя во всех родах наук и художеств и к прочему сему подобному. Одним словом, большая часть правил состояла в средствах заслужить любовь и уважение от людей, умеющих ценить достоинства и, пользуясь сим, успешно идти к назначенной цели“³.

Не случайно Бестужев-Рюмин писал о Славянском Союзе: „В сем обществе я нашел много энтузиазму, решительности, но порядка, цели ясно определенной и плана не было. Одно в сем обществе замечательно — то, что оно демократическое“⁴.

Политическая программа Южного общества — „Русская Правда“, с которой Бестужев-Рюмин познакомил членов общества Соединенных Славян, вызвала у них восхищение и почти общее признание. Славяне были потрясены конкретностью планов действия Южного общества, и подавляющее большинство приняло предложение о присоединении.

¹ Общество Соединенных Славян было в свое время предметом специального монографического исследования М. В. Нечкиной (см. „Общество Соединенных Славян“, М. 1927 г.). Однако сейчас эта книга во многом устарела и общество Соединенных Славян нуждается в серьезном дополнительном изучении.

² ВД, т. V, стр. 12—13.

³ ЦГИА, ф. 48, д. 441, лл. 13, 13 (об), ср. д. 451, л. 19(об).

⁴ ВД, т. IX, стр. 61.

Согласно выдвинутых Бестужевым-Рюминым условий, программной основой объединения обществ было безоговорочное признание Славянами „Русской Правды“, а тактической основой — принятие плана государственного переворота посредством военной революции, намечаемой на лето 1826 года.

В связи с выяснением вопроса о тактической основе объединения двух тайных обществ следует особо остановиться на отношении Славян к тактике военной революции.

В советскую историографию по декабризму М. В. Нечкина внесла утверждение о том, что Славяне были противниками военной революции и являлись первыми носителями идей революции народной. „Соединенные Славяне, — писала М. В. Нечкина в 1927 году, — первые в русском революционном движении носители революции народной. Ориентация на массы, на связь с ними отличает их глубоко от всех декабристов. Они не понимают, как можно сделать революцию без „народа“, они не могут сразу усвоить, что такое военная революция“¹. Эта точка зрения осталась без изменения и в последующих работах исследовательницы. „Тактика военной революции, — заявляет М. В. Нечкина уже во втором издании редактируемого ею учебника для вузов по истории СССР, — была чужда обществу Соединенных Славян. Его члены считали, что военные революции бывают „не колыбелью, но гробом свободы, именем которой совершаются“, и были сторонниками народной массовой революции“².

Единственным источником, на основании которого М. В. Нечкина пришла к заключению об отрицательном отношении Славян к тактике военной революции, являются „Записки И. И. Горбачевского“. Слова мемуариста — „хотя военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, но гробом свободы, именем которой совершаются“³, служат главным аргументом в выводах М. В. Нечкиной, фигурирующим во всех без исключения её работах.

Между тем материалы следствия, особенно показания Борисова 2-го, Андреевича 2-го, Бечасного, Киреева, Веденипина и многих других видных членов общества, говорят о том, что Славяне рассчитывали на активное участие солдат в

¹ М. В. Нечкина, Общество Соединенных Славян, М.—Л. 1927, стр. 210.

² История СССР, т. II, М. 1949, под ред. М. В. Нечкиной, стр. 145. Эти же самые утверждения вошли во все работы М. В. Нечкиной о декабристах: МСЭ, М. 1936, т. III, стр. 692—693, Декабристы, М. 1933, стр. 84—85, „Декабристы“, Воениздат, М. 1946, стр. 30 и т. д. К этим утверждениям близок С. Б. Окунь. См. „История СССР, Курс лекций“, Л. 1947, стр. 439—441.

³ Записки и письма И. И. Горбачевского, Изд. 2, под ред. В. Е. Сыроечковского, М. 1925, стр. 58.

предстоящем восстании и готовили их к этому¹. Но эти материалы не содержат указаний на планы „народной революции“. Более того, ведя агитацию среди солдат через фейерверкеров, Борисов 2-ой лишь „слегка говорил о перевороте“, подчеркивая при этом, „что сие хотят сделать таким образом, чтобы не нужно было никому умирать“²:

Нет данных и об отрицательном отношении Славян к тактике военной революции. Наоборот, содержание агитационно-пропагандистской работы членов общества Соединенных Славян, их стремление убедить солдат в том, что они являются основой государства и что стоит только последним захотеть перемены законов, как они добьются этого, показывает, что Славяне именно солдат рассматривали как основную силу подготавливаемой революции. Так, Андреевич 2-ой, возбуждая в солдатах революционный дух, говорил им, „что они есть основание всему, что на них держится вся слава государства и крепость сего рода правительства, которое к ним столь неосстрадательно, что стоит им только пожелать перемены законов и тотчас все сделают...“³.

И. В. Киреев, восстанавливая содержание решения, которое было принято Славянами на одном из организационных собраний во время их присоединения к Южному обществу, писал: „В собрании было положено также, чтобы каждый из членов, состоящих в обществе, всеми возможными средствами действовал на дух народный, *а в особенности на дух солдат, долженствовавших быть главною пружиною действий к достижению предпринятой цели*“⁴.

На этих же собраниях при обсуждении вопроса о средствах и методах, с помощью которых можно было бы добиться введения в России республики и уничтожения крепостного права, некоторые из Славян просили Бестужева-Рюмина обосновать возможность осуществления военной революции, но не осуждали её, а тем более не выдвигали идеи народной революции⁵. Как свидетельствовал Киреев, Бестужев-Рюмин в одном из своих выступлений говорил, „что взяты все возможные меры, дабы произвести революцию без потрясения и пролития крови. *Последнего*, — отмечал Киреев, — *желали все*“⁶. Андреевич 2-ой, Борисов 1-ый и Бечаснов совершенно определенно говорили, что они хотели избежать кровопролития при помощи военной революции⁷. Характерно, что на одном из

¹ ВД, т. V, стр. 294—296, 381—382, 396—397, т. VI, стр. 210—211, ЦГИА, ф. 48, д. 441, лл. 14(об), 16, 16(об), д. 443, лл. 13, 13(об).

² ВД, т. VI, стр. 210.

³ ВД, т. V, стр. 381.

⁴ ЦГИА, ф. 48, д. 441, л. 14 (об). Курсив наш.

⁵ Там же, ф. 48, д. 443, лл. 13, 13 (об).

⁶ Там же, ф. 48, д. 441, л. 14 (об). Курсив наш.

⁷ ВД, т. V, стр. 33, 381, т. VI, стр. 210—213.

собраний, происходившем на квартире у Андреевича 2-го, как показывает последний, „все единодушно говорили, что при открытии действий избегать кровопролития и не доводить до анархии, в противном случае, если сие произойти должно необходимо, то лучше ничего не начинать. Сии условия, — подчеркивал Андреевич 2-ой, — были по выходе Бестужева между одними Славянами“¹.

Яркой иллюстрацией тактики военной революции является также план выступления частей 8 пехотной дивизии и 8 артиллерийской бригады, составленный в конце декабря 1825 г. Борисовым 2-ым и принятый активом Славян².

Профессор А. Е. Пресняков еще в 1927 г. в рецензии на книгу М. В. Нечкиной „Общество Соединенных Славян“ писал: „В „Заключении“ М. В. Нечкина ставит вопрос, „Как связано общество Соединенных Славян с последующим революционным движением и что нового оно ему дало“, и видит это новое в том, что „Славяне — первые носители революции народной“, что для них характерна „ориентация на массы“, что они пытались втянуть в революционное движение „нечиную и недворянскую массу“, вели планомерную агитацию с замыслом революции народной, массовой. В этих „выводах“, — пишет далее А. Е. Пресняков, — много увлечения и преувеличения. Одной из главных трудностей в разрешении задачи, которую М. В. Нечкина себе поставила, было преодоление обаяния увлекательных „Записок Горбачевского“, которому она сильно подчинилась“³. С нашей стороны заключение проф А. Е. Преснякова не вызывает никаких возражений.

Отрыв Славян от декабристов и стремление выделить их из общей массы дворянских революционеров противоречит ленинской концепции первого этапа революционного движения в России.

Дворянская ограниченность Северных и Южных декабристов была присуща и Славянам, которые также являлись сторонниками военной революции. Безусловно, Славяне имели ряд особенностей, которые отличают их от других декабристов и дают право поставить значительную часть из них на левом фланге движения. Среди этих отличительных особенностей следует отметить революционный энтузиазм Славян, демократичность состава их организации, ведение активной

¹ ВД, т. V, стр. 381.

² ВД, т. V, стр. 31, 33, 38, 54—56, 59.

³ „Каторга и ссылка“, 1927, № 6 (35), стр. 253. Н. Сладкевич в рецензии на учебник Истории СССР, т. 2, М. 1949, под ред. М. В. Нечкиной, также поставил под сомнение правомерность утверждения М. В. Нечкиной о том, что Славяне делали ставку на народную революцию. См. „Вопросы Истории“, 1950, № 7, стр. 156.

агитационно-пропагандистской работы среди солдат, согласие на царевубийство и т. п. И все же фактический материал не подтверждает выводов М. В. Нечкиной о том, что Славяне были „первыми носителями народной революции“.

Присоединение общества Соединенных Славян к Южному обществу значительно усилило последнее и способствовало распространению революционных планов декабристов на Юге в частях 3-го пехотного корпуса. В лице Славян Южное общество получило деятельных членов, начавших среди солдат широкую агитационно-пропагандистскую работу по подготовке к вооруженному восстанию летом 1826 года.

Другим источником распространения в солдатских массах революционных замыслов декабристов явилась агитационно-пропагандистская деятельность С. Муравьева и Бестужева-Рюмина среди бывших солдат Семёновского полка, особенно широко развернувшаяся во время Лещинского лагеря¹.

Руководители Васильковской управы пытались использовать бывших семёновских солдат для воздействия на солдат 8-й пехотной дивизии. В них они видели силу, которая своим примером увлечёт за собой всю армейскую массу во время восстания². С. Муравьев и Бестужев-Рюмин хорошо знали, какой огромной популярностью и авторитетом пользовались бывшие семёновцы среди солдат провинциальных армейских полков. В их лице армейские солдаты видели не только героев Отечественной войны 1812 г., солдат одного из привилегированнейших полков гвардии. Кроме ореола военной славы, которым были окружены бывшие семёновцы, в них видели людей, пострадавших за защиту солдатских прав, выступивших открыто с протестом против издевательства и притеснений царского командования. О том влиянии, какое имели бывшие семёновцы на остальную солдатскую массу, рассказывал на следствии Арт. Муравьев, встретившийся в палатке у С. Муравьева с одним из таких ста-

¹ Первой попыткой установления связи С. Муравьева с штрафными солдатами Семеновского полка нужно считать беседы, которые проводил будущий руководитель Васильковской управы при отправке пострадавших в армейские полки („Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма“, П 1922, стр. 41). Дальнейшие известные нам действия С. Муравьева в этом направлении относятся к ноябрю—декабрю 1824 г., когда Черниговский полк нес караульную службу в Житомире. Об этом показывал на следствии капитан Фурман: „Каких солдат Муравьев приглашал к возмущению я не известен, — писал Фурман, — а когда мы были в 1824 г. с батальоном в корпусной квартире в Житомире в карауле, приходили к нему солдаты 8 дивизии, служившие в Семёновском полку с ним вместе, из коих некоторые были его роты, им он давал деньги, а поскольку, не знаю“, ЦГИА, ф. 48, д. 442, л. 15. В том же плане следует рассматривать попытку Бестужева-Рюмина в марте 1825 г. подготовить через капитана Рачинского бывших семёновских солдат, служивших теперь в Муромском полку, к участию в восстании, намечаемом на 1826 г. ВД, т. IX, стр. 122.

² ВД, т. VI, стр. 330, 352—353.

рых сослуживцев последнего. По словам Арт. Муравьева, бывший семёновский солдат „говорил, что их коренные полковые солдаты слушаются и что они то будут делать, что они, семёновцы, пожелают, а они, семёновские, готовы умереть за старых своих командиров“¹.

Как показывал рядовой Ф. Аноиченко, С. Муравьев призывал семёновцев „склонять прочих армейских нижних чинов... к его... делу, которому он, однако, названия никакого не давал, но все без исключения ...понимали, что это должно клониться к бунту против царской власти“².

Здесь интересно сопоставить два метода воздействия на солдат, которые использовал в своей деятельности С. Муравьев. С одной стороны, он вел агитационно-пропагандистскую работу среди бывших семёновцев в плане подготовки из них активных участников восстания. С другой стороны, его целью было завоевание любви и привязанности у солдат Черниговского полка. Как показывал на следствии С. Муравьев, он „никогда не говорил с ними (черниговскими солдатами—И.П.) как с... семёновскими солдатами. Во время же пятилетней службы в полку успел их привязать к себе, входя в их нужды и стараясь помогать им. Никаких же других средств я с ними не употреблял“³.

Оживленная деятельность руководителей Васильковской управы и её актива во время лагеря закончилась совещанием на квартире полковника Швейковского перед выходом частей на зимние квартиры. На этом совещании „Бестужев отдавал отчет о действиях своих в Славянском обществе и о выбравшихся 15 членов оногo на покушение на жизнь государя, собрание кончилось непоколебимым решением, утвержденным всеми членами честным словом начинать действие при первом удобном случае, не пропуская никак сбора войск 1826 г. (сие последнее предложение сделано мною)“—показывал на следствии С. Муравьев⁴.

В результате работы, проведенной С. Муравьевым и Бестужевым-Рюминым во время Лещинского лагеря, дело подготовки вооруженного восстания на Юге значительно подвинулось вперед. По окончании лагеря Бестужев-Рюмин ездил к П. Пестелю и сообщил ему основные положения плана революционного выступления Южного общества, выдвинутого руководителями Васильковской управы на лето 1826 г.

„Сей план был ими сделан и мне сообщен,—подчеркивал на следствии Пестель,—а не по предварительному совещанию со

¹ ЦГИА, ф. 48, д. 403, лл. 14 (об), 15.

² ВД, т. VI, стр. 228.

³ ВД, т. VI, стр. 207. Такими же методами действовал и Бестужев-Рюмин. ВД, т. IX, стр. 100.

⁴ ВД, т. IV, стр. 279.

мною изготовлен¹... Намерение действовать в мае 1826 г. есть то самое Белоцерковское неоднократно мною упоминаемое предложение, — показывал Пестель. —... Главные его черты были: изведение государя императора во время смотра и шествие на Москву. Сие принимал 3 корпус на себя. Потом совместно и современно: революция в Петербурге через Северное общество, коему представлялось назначение Временного правления и, наконец, составление лагеря при Киеве через остальную часть Южного общества... Главное и начальное революционное действие Васильковская управа предоставляла себе через третий корпус, к которому должныствовали присоединиться все те прочие войска 1 армии, которые к революции пристанут².

Пестель был близок к истине, утверждая, что по замыслу этот план действительно очень похож на Белоцерковский и содержит развитие его основных положений,³ но по средствам исполнения и возможности осуществления он был более реален. Этот план отражал рост сил и влияния Васильковской управы в частях 3 пехотного корпуса.

Планируя вооруженное выступление во время предполагаемого смотра войск Александром I в 1826 г., руководители Васильковской управы рассчитывали на активное участие в нем 8 пехотной дивизии, где управа состояла из бывших членов общества Соединенных Славян и в полках которой служили семёновцы⁴, а также на полки 9 пехотной дивизии: Черниговский, Полтавский, Алексопольский, 17 егерский и на Ахтырский гусарский полк 3 гусарской дивизии⁵.

¹ Акцентируя внимание следователей на этом моменте, Пестель хотел сгладить впечатление от показаний ряда членов тайного общества о его, якобы, неограниченной власти. Однако приведенное выше показание Бестужева-Рюмина (ВД, т. IX, стр. 112—113) о вызове его Пестелем в Линцы, перед Лещинским лагерем, для согласования срока предполагаемого восстания, ставит под сомнение справедливость слов последнего о том, что план был составлен без всякого предварительного совещания с ним.

² ВД, т. IV, стр. 169. Курсив подлинника.

³ Новым в нем был только вопрос о предоставлении Северному обществу права назначения членов Временного правления. Это было безусловной уступкой руководителей Васильковской управы Северному обществу. Но за эту уступку С. Муравьев и Бестужев-Рюмин добились от руководства Северного общества в лице С. Трубецкого обязательства одновременного участия Северного общества в восстании и таким путем шли к обеспечению успеха военной революции. Кроме тактических соображений, эта уступка, как нам кажется, имела целью закрепить идею Временного правления в Северном обществе, вместо господствовавшего там мнения о необходимости введения после победы военной революции Учредительного собрания. В этом отношении цель в значительной степени была достигнута. См. ВД, т. I, стр. 106—107; ср. ЦГИА, ф. 48, д. 421, л. 44 (об).

⁴ ВД, т. IV, стр. 318—323.

⁵ Кроме того, руководители Васильковской управы надеялись на благожелательный нейтралитет Александрийского гусарского полка и Кременчугского пехотного полка, командиры которых были близки к С. Муравьеву.

Особую роль С. Муравьев и Бестужев-Рюмин отводили артиллерии, видя в ней при существовавшем тогда уровне военной техники необходимое средство для достижения успеха. Имея в 8 артиллерийской бригаде управу из бывших членов общества Соединенных Славян, а в 9 артиллерийской бригаде и 5 конно-артиллерийской роте членов общества, они с полным основанием рассчитывали на их решительную поддержку.

Таким образом, при планомерной и активной работе среди войск 3 корпуса по подготовке к вооруженному восстанию в 1826 г., которая развернулась после Лещинского лагеря, руководители Васильковской управы надеялись при активном содействии 2-й армии и поддержке со стороны общества добиться успеха.

После того как руководители Васильковской управы выработали в Лещинском лагере отправные положения плана предполагаемого восстания, Бестужев-Рюмин повез этот план Пестелю для окончательного согласования. По пути в Линцы молодой руководитель Васильковской управы заезжал в Киев к С. Трубецкому и сообщил ему основное содержание плана¹.

Киевское свидание Бестужева-Рюмина с С. Трубецким осенью 1825 г. после лагерного сбора 3 пехотного корпуса является одним из звеньев в сложной цепи многочисленных встреч и переговоров, которые завязались между руководителями Васильковской управы и Пестелем, с одной стороны, и представителем Северного общества, с другой.

В результате энергичного воздействия руководителей Васильковской управы и в первую очередь Бестужева-Рюмина на Трубецкого, последний все больше и больше соглашался с программными и тактическими принципами Южного общества. С. Муравьев в письме к брату Матвею от 4 июля 1825 г. с удовлетворением сообщил: „Вот еще один из вновь привлеченных, что вам доставит удовольствие. Вы знаете петербургскую бесстрастность и осторожность, которая овладела С. Трубецким. Ну, мой дорогой друг, узнайте, что после месяца его пребывания Бестужев так хорошо взялся за него, что не только сам Сергей искренне присоединяется к Югу, но и обещает присоединить к нему весь Север, дело, которое он действительно исполнит и на которое можно рассчитывать, если он обещает, потому что он человек, заслуживающий доверия. Я полагаю,

¹ М. В. Нечкина ошибочно считает, что план революционного выступления, выдвинутый руководителями Васильковской управы, был выработан до сентября совместно с С. Трубецким (см. „Историк-марксист“, 1935 г., № 7, стр. 46). В действительности план этот был выработан во время Лещинского лагеря (ВД, т. IV, стр. 279) и сообщен С. Трубецкому уже впоследствии (ВД, т. I, стр. 138, т. IV, стр. 238, 284).

дорогой Матвей, что это было не легкой вещью и услуга значительна для нашего дела"¹.

Содержание этого письма позволяет уяснить отношение С. Трубецкого к сообщенному ему Бестужевым-Рюминым плану революционных действий Южного общества. Представитель северян в общем положительно отнесся к предложению руководителей Васильковской управы. Как показывал об этом вождь Южного общества, „когда Бестужев-Рюмин приехал к нему, Пестелю, в Линцы, то сказывал ему о плане открытия действий 1826 года, прибавя, что сей план уже известен князю Трубецкому, который на все согласен и все в полной мере одобряет“².

Договариваясь с С. Трубецким и привлекая его на сторону вырабатываемого руководителями Южного общества общего плана революционного выступления в 1826 г., С. Муравьев и Бестужев-Рюмин действовали вначале по собственной инициативе, без предварительного согласования с Пестелем. Поэтому, как справедливо отмечает Б. Е. Сыроечковский, „эти переговоры были частным обменом мнений между тремя видными членами тайного общества, а не совещанием делегатов его Северной и Южной организаций. Только одобрение результатов этих переговоров Пестелем придало им официальное значение, так как это означало признание их Южным обществом“³.

Приняв за основу общего плана революционного выступления в 1826 г. отправные положения, выдвинутые руководителями Васильковской управы, Пестель поручил им официально сообщить С. Трубецкому о сроках начала действий и о той роли и обязанностях, какие возлагались на Северное общество во время государственного переворота⁴.

¹ ЦГИА, ф. 48, д. 470, лл. 4, 4 (об). „En voila un tout nouvellement arrive et qui vous fera plaisir. Vous connaissez l'apathie et la prudence Petersbourgoise qui avaient gagne S. Troubetzkoy. Eh, bien, mon cher ami, sachez q'apres un mois de son sejour Bestugeff, s'y est si bien pris que non seulement Serge, s'unit franchement an midi mais promet d'y reunir franchement tout le Nord, chose qu'il est bien a même de faire, et sur laquelle on pent compter quand il le promet car c'est un homme de bonne foi. J espère, mon cher Mathicy, que la chose n'etait pas facile est que le service est important pour notre cause“.

² ВД, т. I, стр. 138, ср. стр. 100—101.

³ Б. Е. Сыроечковский, Рецензия на IX том, ВД, „Вопросы истории“, 1951, № 11, стр. 147.

⁴ ВД, т. I, стр. 27, 100, 138, 140—141, т. IV, стр. 220, 284; т. IX, стр. 67—68, 171, 228, 235, 251, 265 и др.

Мы целиком поддерживаем критическое замечание Б. Е. Сыроечковским в адрес М. В. Нечкиной, относительно того, что „В полном противоречии с данными источников стоит утверждение автора предисловия, что Муравьев и Бестужев „договорились“ с Трубецким „помимо Пестеля“ (Вопросы истории, 1951, № 11, стр. 147). Этой же ошибкой страдает глава о восстании декабристов, написанная М. В. Нечкиной в учебнике „Истории СССР“ для вузов, ч. II, М. 1949, стр. 144—145.

Как совершенно верно отмечает автор предисловия к IX тому „Восстания декабристов“, программная сторона соглашения между Севером и Югом накануне самого выступления — чрезвычайно важный и до сих пор мало исследованный вопрос в изучении декабристской идеологии¹. Заслуга первой постановки этого вопроса в советском декабристоведении принадлежит М. В. Нечкиной. Но при этом, однако, маститая исследовательница не смогла, по нашему мнению, правильно ответить на поставленный ею вопрос.

Отказавшись от своих ранних ошибочных утверждений о том, что в основе соглашения о единстве действий между С. Муравьевым и С. Трубецким в качестве политической программы лежала конституция Никиты Муравьева², М. В. Нечкина пришла в последнее время к выводу, что „не конституционный проект Никиты Муравьева и не конституционный проект Пестеля принимались за непосредственную программную основу предполагаемого государственного переворота — на основе всего предыдущего опыта должен был быть выработан новый конституционный проект“³.

Основанием для этого заключения послужило показание Бестужева-Рюмина, в котором он говорил: „Северное общество, в особенности Тургенев, Никита Муравьев и князь Сергей Трубецкой, всегда Пестелеву конституцию отвергали с некоторыми даже переменами Сергеем Муравьевым и мною предложенными ввести не соглашались и при отъезде Трубецкого из Киева было положено между нами тремя, что он предложит Северному обществу по введению временного правления составить комитет из числа членов для сочинения конституции“⁴.

Взятое без учета других данных и без критического осмысления показаний по этому вопросу С. Трубецкого, Пестеля, С. и М. Муравьевых-Апостолов свидетельство Бестужева-Рюмина не может, конечно, дать полного и правильного ответа на поставленный вопрос. Этим и объясняется то положение, что в последнем выводе М. В. Нечкиной относительно программной основы соглашения Южного и Северного обществ отсутствует, по существу, самое главное — в нем нет даже попытки определить содержание и направление того нового конституционного проекта, который, по мнению исследовательницы, должен был быть выработан на основе всего предыдущего опыта⁵. Без ответа же на этот вопрос невозможно

¹ М. В. Нечкина, Предисловие, ВД, т. IX, стр. 14.

² М. В. Нечкина, Кризис Южного общества декабристов, „Ист.-марксист“, 1935, № 7, стр. 45.

³ ВД, т. IX, стр. 14.

⁴ ВД, т. IX, стр. 77.

⁵ Правда, в 1945 г. М. В. Нечкина в работе „Следственное дело о А. С. Грибоедове“ сделала интересную попытку сформулировать „пять

установить программную основу соглашения Южного и Северного обществ.

Кроме того, в своем выводе М. В. Нечкина не учитывает то обстоятельство, что С. Муравьев и Бестужев-Рюмин, хорошо знавшие назначение „Русской Правды“ как программы государственного переворота, не исключавшей, однако, возможности внесения в нее определенных изменений и дополнений¹, могли скорее всего из тактических соображений дать согласие С. Трубецкому создать после успешного проведения революционного переворота комитет для выработки конституции, не сомневаясь в том, что в основу ее будет положена „Русская Правда“.

Руководителям Васильковской управы были известны колебания С. Трубецкого относительно „Русской Правды“ и, чтобы гарантировать совместные действия тайных обществ и получить от С. Трубецкого заверение в том, что Северное общество выступит одновременно с Южным в 1826 г., они пошли на этот тактический маневр. Мы полностью присоединяемся к мнению Б. Е. Сыроечковского, что „Это не означало, однако, отказа Муравьева и Бестужева от конституционного проекта Южного общества“². Подтверждением этому служит хотя бы то место из приведенного выше показания Бестужева, где он говорит, что прежние руководители Северного общества (Н. Тургенев, Н. Муравьев и С. Трубецкой) отвергли Пестелеву конституцию „с некоторыми даже переменами Сергеем Муравьевым и мною предложенными“. Надо полагать, что эти „некоторые перемены“ не изменяли существа „Русской Правды“, если отношение к ней названных руководителей Северного общества оставалось неизменным.

При анализе политической программы соглашения Северного и Южного обществ никак нельзя оставить без внимания важное показание Трубецкого о том, что в основе плана революционного выступления южан лежала Пестелева конституция³.

Таким образом, у нас не вызывает сомнений, что именно „Русская Правда“ — первая в истории освободительного движения дошедшая до нас республиканская конституция, и явилась основанием программного соглашения о единстве дейст-

пунктов“, которые составили якобы основу программного соглашения Севера и Юга. Не имея возможности в настоящей статье широко полемизировать с М. В. Нечкиной по этому вопросу, мы возьмем на себя смелость поставить под сомнение эти „пять пунктов“ программы соглашения Севера и Юга, которые по существу мало чем отличались от основных положений конституционного проекта Никиты Муравьева.

¹ ВД, т. IV, стр. 115, ср. ЦГИА, ф. 48, д. 400, л. 36.

² Б. Е. Сыроечковский, указанная рецензия, „Вопросы истории“, 1951 г., № 11, стр. 147.

³ ВД, т. I, стр. 100.

вий тайных обществ, заключенного между представителями Севера и Юга в октябре 1825 г.

Неожиданная смерть Александра I и тревожные слухи о том, что существование тайного общества известно правительству, смешали все планы руководителей Южных и Северных декабристов. События, развивавшиеся с головокружительной быстротой, заставили их пересмотреть вопрос о сроках революционного выступления, намеченного на лето 1826 г., и принять решение о проведении вооруженного восстания в самое ближайшее время. В напряженной обстановке междуцарствия все усилия Пестеля, С. Муравьева, Бестужева-Рюмина и ряда других видных декабристов на Юге были направлены на ускоренную мобилизацию сил для успешного осуществления государственного переворота и на определение подходящего момента для начала восстания.

„Опасение, что общество наше правительством открыто и возможность, что по случаю кончины государя императора окажутся где-нибудь смятения, заставили рассуждать о могущей встретиться необходимости для нас начать также со своей стороны возмутительные действия,“ — показывал на следствии П. И. Пестель¹.

В этих условиях Пестель отказывается от прежнего взгляда, что начало революции должно произойти в Петербурге и принимает решение о немедленном проведении восстания на Юге. Основанием реальной возможности проведения революционного выступления на Юге была для руководителей Южного общества надежда на части 3 пехотного корпуса, подготовленные Васильковской управой², и полки 18 и 19 пехотных дивизий 2 армии, в которых находились видные члены тайного общества³.

По последнему плану вождя Южного общества действия должны были начаться в январе 1826 г. с ареста штаб-квартиры 2 армии Вятским пехотным полком во время несения им караульной службы. Вятский пехотный полк, возглавляемый Пестелем, должен был увлечь за собой всю 18 пехотную дивизию. С. Волконский, подняв в это время 19 пехотную дивизию и 27 конно-артиллерийскую роту, имел задание присоединиться к восставшим. Давыдову поручалось попытаться поднять восстание военных поселян. На руководителей Васильковской управы возлагались надежды, что они организуют восстание 3 пехотного корпуса. О своем плане П. Пестель сообщил в ноябре 1825 года приезжавшему к нему Крюкову 2-му и через него офицерам штаба 2 армии — членам тайного общества.

В ночь с 29 на 30 ноября Крюков 2-й ездил в Васильков к С. Муравьеву с письмом от Пестеля. Целью этой поездки

¹ ВД, т. IV, стр. 191.

² ВД, т. IV, стр. 112—113.

³ ВД, т. IX, стр. 83, 88—89.

было выяснение обстановки и согласование действий. Сообщая в письме о своих опасениях относительно того, что общество открыто, Пестель, видимо, передал С. Муравьеву о своем намерении начать выступление раньше намеченного срока¹.

Из Василькова Крюков 2-й привез Пестелю три письма. „Одно письмо было от Бестужева-Рюмина, другое от Сергея Муравьева и третье от Матвея Муравьева,—показывал на следствии Пестель.— Они все трое писали ответ на сообщенное через Крюкова опасение об открытии общества и изъясняли, что готовы действия начать, если общество открыто. Бестужев сверх того писал, что будет ко мне перед контрактами. Сергей Муравьев писал, что им только две недели нужно, дабы значительные силы собрать“². К этим письмам были приложены донесение Горбачевского о настроениях солдат 8 артиллерийской бригады и записка о необходимости проверить годность артиллерийских снарядов на случай революционного выступления³. Письма руководителей Васильковской управы, вместе с приложениями, имели целью укрепить веру в силу Васильковской управы и ее готовность действовать.

Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что донесения от Славян были использованы Пестелем в качестве своеобразного агитационного документа среди членов Тульчинской управы для повышения их революционного духа⁴. Как показывал Бобрищев-Пушкин 1-й, эти донесения „были посланы полковником Пестелем для того, чтобы, дав известие внезапным образом о состоянии духа в войске, что нам совершенно было ново, возбудить живость в членах Тульчина, в недостатках которой он нас подозревал, особенно Юшневского“⁵.

Использование Пестелем донесений Славян в агитационных целях убедительно показывает солидарность вождя Южного общества с действиями руководителей Васильковской управы и раскрывает еще одну сторону их совместной деятельности по подготовке в ближайшее время революционного выступления. Не случайно следственный комитет на основании показаний ряда членов тайного общества предъявил обвинение Пестелю в том, что вскоре после отъезда Трубецкого в Петербург „условился он с *Сергеем Муравьевым* начать действия при первом удобном случае, не откладывая до 1826 г., о чем в декабре 1825 года говорил князю Волконскому“⁶.

¹ ВД, т. IX, стр. 37.

² ВД, т. IV, стр. 192.

³ ВД, т. VI, стр. 215.

⁴ Заметим, что в таких же целях использовали руководители Васильковской управы донесения и письма, полученные от бывших семеновских солдат среди офицеров и солдат Черниговского полка во время восстания последнего.

⁵ С. Н. Чернов, Поиски „Русской Правды“ П. И. Пестеля, Известия АН СССР, VII серия ООИ, 1935 г., 17, стр. 684.

⁶ ВД, т. IV, стр. 222. Курсив подлинника.

На следствии было установлено, что в начале декабря Пестель ездил в Умань к Волконскому, чтобы посвятить его и Давыдова в план вооруженного восстания. Давыдов и Волконский, узнав от Пестеля о решении С. Муравьева начать действия по первому сигналу, советовали повлиять на него через Матвея Муравьева, чтобы руководитель Васильковской управы отказался от этого решения¹. Однако Пестель заявил, *„что если Сергей Муравьев начнет с успехом, то и он решится то же сделать (овладеть главной квартирой)“*².

В самый разгар приготовлений руководителей Южного общества к восстанию в Тульчине появляется дежурный генерал главного штаба Е. И. В. Чернышев, сопровождаемый надворным советником Вахрушевым, и начинаются аресты членов тайного общества по доносам Шервуда, Бошняка и Майбороды.

Первыми 13 декабря арестовываются П. Пестель и А. Юшневский. Тульчинская управа, лишившись своей головы, беспомощно агонизирует в тщетной попытке ряда наиболее последовательных заговорщиков организовать открытый отпор³.

Единственной возможностью спасти Южное общество от немедленного полного и неминуемого разгрома и значительно усложнить правительству задачу ликвидации его — была организация вооруженного восстания.

Но решиться на то, на что решился С. Муравьев и к чему готовился П. Пестель, не хватило смелости и революционности у оставшихся на свободе наиболее видных членов Каменской управы. В этот критический момент взоры многих заговорщиков обращаются к С. Волконскому, у которого в руках были все возможности поднять 19 пехотную дивизию⁴. Однако руководитель Каменской управы наотрез отказался организовать восстание своих полков.

Роль и поведение С. Волконского в это время нельзя расценивать иначе, как малодушие и измену установленному в обществе правилу — выступить в случае ареста кого-либо из членов организации. Узнав об аресте вождя общества, Волконский смог в тот же день увидаться с ним и даже перекинулся несколькими фразами, призывая Пестеля мужаться. Казалось бы, после этого Волконский должен был организовать вооруженное выступление, но он попрежнему остался в без-

¹ ВД, т. IV, стр. 406.

² ВД, т. IV, стр. 207. Курсив подлинника.

³ „Декабристы, Отрывки из источников“, стр. 230—231. ВД, т. VIII, стр. 152, 217, ЦГИА, ф. 48, д. 402, лл. 43, 43 (об), 44, 45, 45 (об), 46, д. 418, л. 41 (об).

⁴ В это время С. Г. Волконский по случаю отпуска командира дивизии ген. Корнилова командовал 19 пехотной дивизией.

действии. Николай I со всей отчетливостью представлял опасность положения, если бы выступила 19 пехотная дивизия, и, зная, что Волконский еще не арестован¹, был крайне обеспокоен возможностью такого оборота дела².

Но Волконский и не думал выступать, опасения Николая I были напрасны. Не выступил Волконский ни в середине декабря, ни тогда, когда восстал Черниговский полк.

Арест Пестеля, разгром Тульчинской управы и отказ С. Волконского от решительных действий нанесли смертельный удар общему плану вооруженного восстания Южного общества, и отчаянная попытка спасти положение, которую предпринял С. Муравьев-Апостол, подняв восстание Черниговского полка, не могла, конечно, рассчитывать на успех.

III

Руководители Васильковской управы при первых тревожных сигналах в ноябре 1825 года еще более активизировали свою деятельность. После свидания с Крюковым 2-м в Василькове, Бестужев-Рюмин 30 ноября выехал через Киев в Бобруйск³, имея целью подготовить к выступлению Полтавский пехотный полк⁴ и передать бывшим Славянам, чтобы они были в боевой готовности.

В Киеве через Андреевича 2-го Бестужев-Рюмин передал записку Горбачевскому, сообщив, кроме того, словесно, что действия начнутся раньше срока и примерно через 40—60 дней. Эти примерные сроки начала восстания⁵ показывают, что вплоть до ареста Пестеля и первых сообщений о событиях 14 декабря в Петербурге, руководители Васильковской управы не представляли всей сложности и опасности создав-

¹ Арестован был С. Волконский лишь 5-го января 1826 г. См. Б. Пушкин, Арест декабристов, „Декабристы и их время“, т. 11, М. 1932, стр. 378.

² „Междоусобица 1825 года и восстание декабристов“, Л.—М. 1926 г., стр. 175.

³ ЦГИА, ф. 48, д. 408, л. 43; д. 421, л. 17 (об).

⁴ ВД, т. VI, стр. 257, „Красный Архив“, т. VI (VIII), М. 1926 г., стр. 28.

⁵ Следует обратить внимание на совпадение этих сроков с несением Вятским пехотным полком караульной службы в Тульчине. Кроме того, Бестужев-Рюмин совершенно определенно передал Славянам через Андреевича 2-го, что „вторая армия первая откроет действия“. ВД, т. VI, стр. 253.

В письме от 18-января 1826 г. к начальнику главного штаба генералу Дибичу начальник штаба 1-й армии генерал Голь подчеркивал согласованность срока предполагаемого выступления. Он писал: „Слух... что злоумышленники намеревались начать свое революционное выступление 1 января, не должен выпускаться из вида во время следствия; потому что если принять за факт, что Вятский полк должен был притти в Тульчин 30 декабря и арестовать там всю главную квартиру, то поездка Муравьева в Житомир, Троянов, Любар, Бердичев не лишена основания. Своевременный арест Пестеля и других лиц 2-й армии, равно как обоих Муравьевых, был, безусловно, поводом к более раннему выступлению, которое должно было быть приведено в исполнение в определенный день“. ВД, т. IX, стр. 37.

шейся обстановки и не уяснили, что в их распоряжении для подготовки вооруженного восстания были не месяц, не неделя, а считанные дни.

Известие об аресте Пестеля заставило С. Муравьева под предлогом исходатайствования отпуска для Бестужева-Рюмина¹ по случаю смерти его матери выехать 24 декабря вместе с братом Матвеем в Житомир для того, чтобы „известить всех сообщников о времени начала действия, предполагая начать с Черниговского полка“².

Собственно эта поездка и стала первым этапом событий, развернувшихся на юге Украины в конце декабря 1825 года, событий, которые привели в смятение и испуг не только местное военное и гражданское начальство, но и вступившего под грохот артиллерийской канонады 14 декабря на престол императора Николая I.

Ведущую роль в этих событиях играют руководители Васильковской управы Южного общества С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин.

Среди многих членов тайного общества Сергея Ивановича Муравьева-Апостола выделяла его глубокая убежденность и преданность делу. Посвятив всего себя осуществлению основных целей тайного общества — свержению самодержавия и уничтожению крепостного права, он до последней минуты остался верен своим идеалам, считая „намеренье свое... благим и чистым“³.

Н. П. Огарев, отмечая близость С. Муравьева к Пестелю, характеризовал руководителя Васильковской управы в следующих словах: „Это был один из самых преданных людей делу и самых сильных людей общества“⁴.

Твердость характера сочеталась у него с настойчивостью в достижении поставленной цели. Будучи сторонником решительных действий, С. Муравьев-Апостол не представлял себе возможным остановиться на половине пути. Человек большого ума и высоких человеческих качеств, он пользовался заслуженным уважением среди окружающих⁵.

Исчерпывающую в этом смысле характеристику С. Муравьева дал в своих показаниях Андреевич 2-й: „Он не был бесчестен, он не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью“. Андреевич считал С. Муравьева „другом человечества, который для общего блага не щадил... даже жизни“⁶.

¹ Бестужев-Рюмин 21 декабря вернулся из Бобруйска в Васильков.

² ВД, т. IV, стр. 295; т. VI, стр. 139.

³ ВД, т. IV, стр. 458.

⁴ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, М. 1952, т. I, стр. 784.

⁵ ВД, т. VI, стр. 138.

⁶ ВД, т. V, стр. 387.

Деятельный руководитель Южного общества, один из первых организаторов тайного общества в России в 1816 году, С. Муравьев был больше практиком, чем теоретиком. Колоссальная фигура признанного идеолога и вождя Южного общества П. И. Пестеля естественно отодвинула на второй план личность С. Муравьева, оставляя его в тени вплоть до того момента, когда он и Бестужев-Рюмин вышли на авансцену событий. „Важный член тайного общества и душа Черниговского полка“¹, С. Муравьев-Апостол, возглавив восстание, с оружием в руках пытался осуществить политическую программу Южного общества.

Тяжело раненный в голову, закованный в кандалы, предстал он перед Николаем I, не раскаивающимся и молящим о пощаде, а убежденным в правоте своего дела. Николай I писал о нем в своих воспоминаниях: „Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование... он был в своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд“².

Эту твердость С. Муравьев-Апостол сохранил на всем протяжении следствия, не уронив своего достоинства и встретив смертный приговор с поразительным мужеством.

В своих „Воспоминаниях“ декабрист Н. Р. Цебриков, описывая последние часы жизни приговоренных к смерти, передает разговор между С. Муравьевым и М. Бестужевым-Рюминым. С. Муравьев уговаривал своего молодого друга „встретить смерть твердостью... как мученику за правое дело России, утомленной деспотизмом, и в последнюю минуту иметь в памяти справедливый приговор потомства“³.

Мы не закрываем глаза на недостатки С. Муравьева-Апостола, как типичного представителя дворянских революционеров, не поднявшихся до понимания роли народных масс в истории, оторванных от народа и преклонявшихся перед тактикой военной революции. Но даже с учетом всех этих недостатков трудно согласиться с выводом М. В. Нечкиной, что С. Муравьев „как революционер плох“⁴. Исторические условия развития России обусловили ограниченность революционности представителей первого этапа освободительного движе-

¹ В. Н. Соловьев, Записка о И. И. Сухинове „Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 г.“, т. II, М. 1933, стр. 22.

² Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи, под редакцией Б. Е. Сыроечковского, М.—Л. 1926 г., стр. 33.

³ Н. Р. Цебриков, Воспоминания о Кронверкской куртине, „Воспоминания и рассказы деятелей тайного общества 1820 г.“, т. I, М. 1931 г., стр. 260. Н. Р. Цебриков может считаться авторитетным свидетелем, так как камера его находилась рядом с камерой Пестеля, Каховского, Бестужева-Рюмина и С. Муравьева-Апостола.

⁴ М. В. Нечкина, Общество Соединенных Славян, М. 1927 г., стр. 168.

ния. Преодолеть эту ограниченность не смог никто из декабристов, в том числе и С. Муравьев-Апостол.

Вместе с С. Муравьевым-Апостолом на всем протяжении деятельности Васильковской управы выступает М. П. Бестужев-Рюмин. Связанный еще со времени совместной службы в лейб-гвардии Семеновском полку узами дружбы с С. Муравьевым, Бестужев-Рюмин всей душой был предан ему¹ и являлся одним из наиболее энергичных деятелей тайного общества.

Многие современники сохранили о нем воспоминания, как о горячем патриоте и страстном энтузиасте, блестящем ораторе и одаренном организаторе. Даже явно недоброжелательный к нему И. И. Горбачевский, отмечая его умение подчинять своему влиянию людей, писал: „Энтузиазм Бестужева-Рюмина походил на вдохновение“².

Бестужев-Рюмин был одним из самых молодых декабристов³. Формирование мировоззрения и характера Бестужева-Рюмина завершилось в период активного участия его в деятельности Южного общества под непосредственным влиянием П. Пестеля и С. Муравьева-Апостола. Несмотря на молодость, Бестужев-Рюмин поражал всех знающих его своей политической зоркостью и оперативностью. Энергичный и деятельный член тайного общества, Бестужев-Рюмин первым заводит связи с Польским патриотическим обществом. Ему же принадлежит основная заслуга в присоединении к Южному обществу общества Соединенных Славян.

Яркую характеристику личности Бестужева-Рюмина оставил в своих „Воспоминаниях“ Иосиф Руликовский: „Бестужев... был человек очень обходительный, имел приятную и милую внешность, смелый и красноречивый, он без сомнения был членом тайного общества российских революционеров, которые имели широкие намерения.

Опытный и неутомимый в революционной пропаганде, он заводил обширные знакомства с виднейшими жителями Киевской, Волынской и Подольской губерний“⁴.

Бестужев-Рюмин беспрерывно находился в разъездах по делам общества. Начальник штаба 1-й армии генерал К. Толь особо отметил эту сторону деятельности Бестужева-Рюмина. Он писал: „Бестужев-Рюмин, по мнению моему, один из важнейших лиц, и, подобно С. Муравьеву, усовершенствованный, закоснелый злодей, потому что посредством его имели сооб-

¹ Недаром Пестель характеризовал их близость словами: „Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин составляли так сказать одного человека“, ВД, т. IV, стр. 179.

² Записки и письма И. И. Горбачевского, М. 1925 г., стр. 53.

³ Бестужев-Рюмин родился в 1803 г.

⁴ Воспоминания Иосифа Руликовского, „Воспоминания и рассказы деятелей тайного общества 1820 г.“, т. II, М. 1933, стр. 380.

щники свои сношения и он по делам их был в беспрестанных разъездах; ему должны быть известны все изгибы и замыслы сего коварного общества¹.

С. Муравьев с полным основанием назвал главными действующими лицами Южного общества себя, Пестеля и Бестужева-Рюмина². Бестужев-Рюмин не смог до конца выдержать испытаний следствия³ и остаться твердым в своих убеждениях. Морально и физически подавленный, он впал в уныние⁴. Тем не менее ни раскаяние, ни молодость не спасли Бестужева-Рюмина от участи, постигшей главных деятелей тайного общества, и он вместе с четырьмя товарищами жизнью заплатил за стремление освободить крепостную Россию.

Таковы некоторые черты характера и деятельности руководителей Васильковской управы, возглавивших восстание Черниговского полка.

Однако вернемся к непосредственному ходу событий.

Приехав 25 декабря утром в г. Житомир, С. Муравьев узнал от сенатского курьера о восстании 14 декабря в Петербурге. Немедленно после этого он передает представителю польского тайного общества в Житомире графу Мошинскому от лица директории Южного общества решение о необходимости лишить жизни великого князя Константина⁵. Не задерживаясь долго у командира корпуса генерала Л. Рота, которому для соблюдения формальности С. Муравьев сделал визит, он вместе с братом выехал через Троянов в Любар.

В Троянове стоял Александрийский гусарский полк, которым командовал троюродный брат С. Муравьева Александр Захарович Муравьев. Он не был членом тайного общества, но руководители Васильковской управы надеялись на благожелательный нейтралитет этого полка во время их выступления. Не говоря ни о чем по существу с Александром Муравьевым, братья Сергей и Матвей Муравьевы, пробыв в Троянове не более 2 часов (с 2 до 4 ч. дня 26 декабря), поехали дальше. С. Муравьев-Апостол явно торопится, стараясь выиграть как можно больше времени для подготовки восстания.

В 10 часов утра 27 декабря братья С. и М. Муравьевы-Апостолы прибыли в Любар к члену тайного общества—командиру Ахтырского гусарского полка Артамону Захаровичу Муравьеву. Через час туда же приехал Бестужев-Рюмин и сообщил о том, что в 2 часа утра 26 декабря командир полка подполковник Гебель вместе с двумя жандармскими офице-

¹ ВД, т. IV, стр. 239.

² ВД, т. IV, стр. 409.

³ 11 февраля в наказание за „уклонение от ясных и удовлетворительных ответов Бестужев-Рюмин был закован в оковы и оставался закованным в течение всего следствия“. ВД, т. IX, стр. 288.

⁴ ВД, т. IX, стр. 43, 76.

⁵ Декабристы, Отрывки из источников, М. 1926 г., стр. 357.

рами приходили на квартиру к С. Муравьеву с целью арестовать его¹ и, забрав все бумаги, выехали немедленно на поиски. В бешеной гонке Бестужеву-Рюмину удалось опередить преследователей и сообщить С. Муравьеву-Апостолу об опасности. Известие о приказе арестовать С. Муравьева-Апостола привело всех в смятение, особенно Матвея и Артамона Муравьевых.

После колебаний относительно того, что предпринять, С. Муравьев-Апостол, оставив мысль о бегстве, выдвинутую Матвеем, предложил Артамону Муравьеву „немедленно собрать Ахтырский полк, итти на Троянов, увлечь за собой Александрийский гусарский полк (так, как прежде и обещал Артамон Муравьев), явиться нечаянно в Житомир и арестовать всю корпусную квартиру“². Однако Артамон Муравьев отказался немедленно поднять свой полк. Тогда „мы стали советовать, что делать, — рассказывает в своих показаниях Бестужев-Рюмин.—Поднять раскинутые по квартирам подготовленные нами части было делом трудным. Хотя Артамон и обещал присоединиться к нам, если мы выступим, но расстояние, которое надо было пройти для того, чтобы осуществить это соединение, было слишком велико... Но, размыслив затем... решили мы попытать счастье“³.

Еще более определенно о решении начать восстание Черниговского полка говорил в своих показаниях С. Муравьев-Апостол. „В Любаре по приезде моем вскоре прибыл Бестужев с известием, что приехали меня арестовывать и бумаги уже взяли. Тогда решились мы прежде бежать, но после отпавились в полк с намерением, оный собрав, начать действовать“⁴. На следствии Артамон Муравьев вынужден был признать, что обещал перед отъездом С. Муравьеву и Бестужеву-Рюмину поддержать черниговцев⁵. Руководитель Васильковской управы уезжал с твердым намерением поднять восстание Черниговского полка. „Лишь бы добраться до батальона, а то живого не возьмут“⁶, — сказал он, расставаясь с Артамоном Муравьевым⁷.

¹ ВД, т. VI, стр. 3, 317.

² Записки и письма И. И. Горбачевского, М. 1925 г., стр. 123. Ср. Ф. Ф. Вадковский, Белая Церковь, „Воспоминания...“ т. I, стр. 193.

³ „Красный Архив“, 1925 г., кн. VI (XIII), М. 1926 г., стр. 24, ср. ВД, т. IX, стр. 47—48.

⁴ ВД, т. IV, стр. 259.

⁵ „Красный Архив“ № VI (XIII), М. 1926 г., стр. 29; ВД, т. VI, стр. 332.

⁶ ВД, т. IV, стр. 407, т. VI, стр. 332, т. IX, стр. 108, 118.

⁷ Поведение Артамона Муравьева в эти дни показывает всю его низость и трусость. Обещав поддержку Черниговскому полку, Артамон Муравьев уже 29 декабря подает командиру дивизии рапорт, чтобы его на месяц по болезни освободили от командования полком. См. ЦГИА, ф. 48, д. 403, л. 41 (об). После отъезда С. Муравьева и Бестужева-Рюмина он уничтожает записку, оставленную ими для бывших Славян (ВД, т. IX, стр. 109), и

С. Муравьев Апостол с братом и Бестужевым-Рюминым выехали из Любара 27 декабря в 12 часов дня в полк проселочной дорогой, безопасной и кратчайшей. Миновав ночью Бердичев, они в 5 часов утра 28 декабря прибыли в м. Паволочь, где, стремясь запутать следы и обмануть преследователей, „наняв лошадей, хозяину оных объявили, что они едут или в Белую Церковь или в Фастов, но куда именно — они решат на дороге“¹. Часам к 12 утра 28 декабря С. Муравьев и его спутники прибыли в м. Трилеса—место расквартирования 5-й мушкетерской роты Черниговского полка, командир которой поручик Кузьмин был энергичным членом тайного общества. Выбор этой глухой, стоявшей в стороне от большой дороги деревни, в качестве своеобразной штаб-квартиры по организации восстания был обусловлен тем, что С. Муравьев думал, что преследователи, потеряв следы, не найдут его здесь скоро и это позволит ему выиграть хотя бы два-три дня для того, чтобы оповестить ближайших членов тайного общества о начале выступления.

Сергей и Матвей Муравьевы остались в Трилесах, а Бестужев-Рюмин, не задерживаясь, поехал через Фастов на Брусилів, имея целью пробраться в Новоград-Волинск для организации там восстания частей 8-й пехотной дивизии и 3-й артиллерийской бригады и оказания помощи восставшему Черниговскому полку². После отъезда Бестужева-Рюмина С. Муравьев послал рядового 5-й мушкетерской роты Савицкого в Васильков с запиской к командиру роты поручику Кузьмину³.

тем самым сознательно обрывает связь между действительно революционными членами общества. Об Артамоне Муравьеве см. ВД, т. VI, стр. 332; ВД, т. IX, стр. 47, 84, 88, 89, „Красный архив“, кн. VI (XIII) М. 1926, стр. 11—12, 24, 26—29, 42—46, Записки и письма И. И. Горбачевского, М. 1925, стр. 122—133. Ф. Ф. Вадковский, Белая Церковь. „Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ“, т. 1, М. 1931, стр. 192—195. „Междущарствие...“, М. 1926, стр. 33. Попытка М. В. Муравьева реабилитировать А. З. Муравьева в статье „Декабрист Артамон Захарович Муравьев“ (Сб. „Тайное общество в России в начале XIX столетия“, М. 1926 г., стр. 103—128) не имеет основания.

¹ ВД, т. VI, стр. 107.

² См. ВД, т. IX, стр. 120, 122, 267. М. В. Нечкина ошибочно считала, что предположение о поездке М. Бестужева-Рюмина к Славянам не выдерживает будто бы критики. См. „Общество Соединенных Славян“, М. 1927, стр. 147. Однако достаточно познакомиться с показаниями М. Бестужева-Рюмина (ВД, т. IX, стр. 40, 47, 120, 122, 267, ЦГИА, ф. 48, д. 101, л. 6 (об), чтобы убедиться в необоснованности прежних утверждений М. В. Нечкиной.

³ Эта записка С. Муравьева к Кузьмину послужила для М. В. Нечкиной одним из основных доказательств существования вражды и соперничества между С. Муравьевым и И. Сухиновым („Общество Соединенных Славян“, М. 1927 г., стр. 143, 149, 158). Поводом к такому утверждению явилось то обстоятельство, что, вызывая к себе Кузьмина, Щепиллу и И. Соловьева, С. Муравьев не приглашал Сухинова (ВД, т. IV, стр. 260). Но это объясняется не стремлением С. Муравьева отстранить Сухинова

За день до этого, 27 декабря, Черниговский полк присягал Николаю I и Кузьмин остался в городе, где вместе с членами тайного общества Соловьевым, Щепиллой и Сухиновым, приехавшим из Киева, с тревогой и нетерпением ожидали известий от С. Муравьева.

С. Муравьев, вызывая к себе командиров рот — членов тайного общества, — хотел решить с ними организационные

от участия в восстании, а тем, что С. Муравьев просто не знал о том, что он находится в Василькове, т. к. Сухинов в интересах общества был переведен в Александрийский гусарский полк (ВД, т. VI, стр. 141—142, „Воспоминания“, т. II, стр. 22, 36). Сам Сухинов во время следствия со всей откровенностью говорил о своих симпатиях к С. Муравьеву и о расползении последнего к нему. (ВД, т. IV, стр. 324—325, т. VI, стр. 141—142). Вопреки этим данным, М. В. Нечкина, развивая дальше положение о соперничестве и вражде между С. Муравьевым и И. Сухиновым, пришла к совершенно неверным выводам о причинах поражения восстания Черниговского полка („Общество Соединенных Славян“, М. 1927, стр. 151—168). См. об этом 78 стр. нашей статьи. Попутно следует внести ясность в вопрос о принадлежности И. И. Сухинова к членам общества Соединенных Славян, т. к. на этом ошибочном утверждении построена большая часть выводов М. В. Нечкиной. Этот вопрос был уже в 1933 году поставлен Ю. Г. Оксманом в примечаниях к „Записке“ В. Н. Соловьева о И. И. Сухинове („Воспоминания...“, т. II, стр. 33—35) и доказано, что И. И. Сухинов не был членом общества Соединенных Славян. Однако до настоящего времени И. И. Сухинова принято считать членом общества Соединенных Славян (М. В. Нечкина, Декабристы, Учпедгиз, 1949 г., учебник истории СССР, том II, 1949 г. С. Б. Окунь, История СССР, курс лекций, Л. 1947 г., и ряд др.). Общепринятое мнение о славянском членстве И. Сухинова было основано на материалах „Всепопданнейшего доклада аудиторiatского департамента от 10 июля 1826 г.“, в котором он назван членом Общества Соединенных Славян (ВД, т. VI, стр. 195). Это утверждение перешло в VIII том ВД (стр. 228, 230, 399), а потом в специальную литературу, посвященную обществу Соединенных Славян (М. В. Нечкина, общество Соединенных Славян, М. 1927). Критический анализ материалов следствия по этому вопросу свидетельствует об ошибочности утверждения о принадлежности Сухинова к обществу Соединенных Славян. Показательным в этом отношении является то, что ни один из членов общества Соединенных Славян не называет Сухинова принадлежащим к обществу (См. ВД, т. V, стр. 20, 198, 206, 270, 273, 378, 438 и т. д.). Интересные данные о членстве И. Сухинова дает его близкий друг и автор биографии В. Соловьев. Он свидетельствует, что: „В сентябре 1825 года в лагере при местечке Лещине он (Сухинов) был избран в члены Южного общества...“ (См. „Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 годов“, т. II, М. 1933, стр. 22).

Но наиболее ценным материалом, позволяющим сделать правильный вывод о членстве И. Сухинова, является его собственное показание (ВД, т. IV, стр. 324, т. VI, стр. 142).

Сухинов совершенно определенно говорил, что зная его приверженность к С. Муравьеву, Кузьмин принял его в тайное общество осенью 1825 г. во время Лещинского лагеря. Приверженность Сухинова к С. Муравьеву ничего не говорила бы, если бы его принимали в общество Соединенных Славян. О том, что Сухинов был принят в тайное общество после присоединения общества Соединенных Славян к Южному обществу, свидетельствует тот факт, что, перечисляя членов тайного общества при приеме в него Сухинова, Кузьмин упоминал ведущих членов Южного общества — Волконского, Швейковского, Тизенгаузена, Артамона Муравьева и др., одновременно называя ряд членов общества Соединенных Славян.

вопросы восстания и „послать по-ротню собрать оные“¹. Получив поздно ночью 28 декабря записку от С. Муравьева, Кузьмин, Соловьев, Щепилла и Сухинов немедленно выехали в Трилесь. Но прежде чем они приехали на квартиру поручика Кузьмина, где находились С. и М. Муравьевы, туда в 4 часа утра 29 декабря явился подполковник Гебель в сопровождении жандармского поручика Ланга². Встреча для обеих сторон была крайне неожиданной. Отобрав у Муравьевых заряженные пистолеты, подполковник Гебель вызвал к себе фельдфебеля Шутова и нарядил караул из 12 солдат. После этого он объявил Муравьевым приказ об их аресте.

Видимо, довольный таким исходом дела и приняв формально все меры предосторожности, подполковник Гебель решил дожидаться утра и тогда вести арестованных в Могилев. Однако это промедление, которое, кстати, нарушило строгое указание командующего 1-й армией — после ареста, „не теряя ни одного мгновения, посадив Муравьева с собой на повозку, вести его обратно через Могилев-Белорусский прямо в С.-Петербург“³, имело для Гебеля неожиданные последствия.

На рассвете 29 декабря приехали в Трилесь сначала Кузьмин и Щепилла, а вскоре затем и Соловьев с Сухиным. Приезд в столь ранний час четырех офицеров обеспокоил Гебеля, и он, сделав им выговор за самовольную отлучку от частей, приказал немедленно разъехаться по местам. Отказавшись выполнять его приказ, Соловьев, Кузьмин, Щепилла и Сухинов стали спрашивать у него, за что он арестовал С. Муравьева.

В это время, как показывает С. Муравьев: „Кузьмин успел спросить у брата, что ему делать? На что брат отвечал: ничего, а я на тот же вопрос сказал: избавить нас. Вслед за сим услышал я крик в сенях; я вышиб окошко, выскочил на улицу, где нашел часового, хотящего меня остановить, но я на него закричал и вырвал из рук ружье. Я побег тогда на шум и нашел Гебеля, борящегося против офицеров“⁴.

Один из организаторов и руководителей общества Соединенных Славян Борисов 2-й, показывая о приеме новых членов после организационного присоединения Славян к Южному обществу, и в том числе капитана Фурмана, принятого одновременно с Сухиновым, подчеркивал, что в это время они принимались „не в Славянский Союз, но в Южное общество. Славяне тогда уже соединились с сим последним“ (ЦГИА, ф. 48, д. 442, л. 7).

Весь приведенный материал дает основание подтвердить вывод Ю. Г. Оксмана о том, что Сухинов сразу же был принят в Южное общество и членом общества Соединенных Славян не был.

¹ ВД, т. IV, стр. 260.

² Подробности о погоне Гебеля и жандармских офицеров за С. Муравьевым см. ВД, т. VI, стр. 105—108; Декабристы, Неизданные материалы и статьи, М. 1925, стр. 10.

³ ВД, т. VI, стр. 317.

⁴ ВД, т. IV, стр. 260.

Призывы Гебеля к солдатам помочь ему остались без внимания. В этом факте нарушения солдатами воинской дисциплины Гебель не без основания усматривал предварительную договоренность с ними офицеров членов тайного общества¹. Эти предположения Гебеля полностью оправдались. Как установлено было на следствии, „когда Гебель вырвался из рук их (офицеров), в то время ефрейтор, выскочив из сеней, сказал часовым, стоявшим у окон, что ротный командир приказал им отойти прочь в то самое время, как уже Муравьев лез в окно и часовые не пускали его, а более из них Доминин. Виновные ж по оному происшествию фельдфебель Шутов, бывший за вицеунтер-офицера Никифоров, за ефрейтора Григорьев и стоявший на часах в сенях Иван Аникин в том, что не защищали своего полкового командира“². Израненному подполковнику Гебелю все же удалось спастись. Организаторы восстания, дав возможность подполковнику Гебелю и поручику Лангу бежать из Трилес, допустили первую тактическую ошибку³.

Вооруженное освобождение С. Муравьева явилось началом восстания Черниговского полка. Однако в литературе по этому вопросу имеется определенная тенденция преувеличить значение самого факта освобождения С. Муравьева офицерами Черниговского полка—бывшими членами общества Соединенных Славян, возведя его в единственную причину, побудившую С. Муравьева начать восстание⁴. Безусловно, факт вооруженного освобождения С. Муравьева имел большое влияние на последующий ход событий. Он не только рассеял все сомнения С. Муравьева, но и позволил встать во главе восстания признанному руководителю, без которого поднять Черниговский полк было бы невозможно. Вместе с тем было бы ошибкой отрывать восстание Черниговского полка от предыдущих планов революционного выступления Южного обще-

¹ ВД, т. VI, стр. 67, 108.

² ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 7, л. 149. Весь состав караула понес жестокие наказания за то, что не защитил полкового командира. См. ЦГВИА, ф. 343, д. 201, л. 23 (об), 24.

³ Следствием ее было то, что Ланг 30 декабря предупредил генерала Рота о событиях в Трилесах (ВД, т. VI, стр. 336), а Гебель при помощи капитана Козлова распропагандировал против восстания 1-й гренадерскую роту и дал знать майору Трухину о случившемся.

⁴ „Поведение Славян остается непосредственной причиной решительных действий. Сергею Муравьеву действительно „ничего не оставалось“ как стать во главе восстания“. М. В. Нечкина, Общество Соединенных Славян, М., 1927 г., стр. 150.

Эти выводы М. В. Нечкиной опирались на тенденциозные „Воспоминания“ М. Муравьева-Апостола, „Записки Горбачевского“ и первые заведомо ложные показания С. Муравьева и Бестужева-Рюмина на следствии о случайном характере восстания. Однако на основании следственного материала комиссия заставила вскоре С. Муравьева и Бестужева-Рюмина отказаться от этих утверждений (ВД, т. IV, стр. 348, 358).

ства и последнего намерения С. Муравьева начать решительные действия с Черниговского полка ¹.

Черниговский полк, развернув знамя восстания, имел своей задачей возглавить широкое революционное выступление армии на Юге. С этих позиций и во взаимосвязи со всей предыдущей деятельностью Васильковской управы и планами руководителей Южного общества и следует рассматривать весь ход восстания.

После своего освобождения руководитель Васильковской управы приказал Кузьмину собрать 5-ю мушкетерскую роту и идти с ней в с. Ковалевку на соединение со 2-й гренадерской ротой, которую должен был привлечь на сторону восставших сам С. Муравьев. Соловьеву и Щепилле он приказал ехать к своим ротам, поднять их и двигаться на сборный пункт полка в г. Васильков. Вместе с ними С. Муравьев выехал из Трилес.

В 11 часов дня 29 декабря С. Муравьев был уже в Ковалевке и без труда смог склонить к выступлению 2-ю гренадерскую роту вместе с её командиром поручиком Петиным ². После этого С. Муравьев послал унтер-офицера Какаурова в Белую Церковь с запиской к подпоручику 17-го егерского полка А. Ф. Вадковскому, вызывая его в Васильков ³. Вечером 29 декабря в Ковалевку прибыл Кузьмин, Сухинов и М. Муравьев с 5-мушкетерской ротой. Разбушевавшаяся метель заставила С. Муравьева сделать в Ковалевке ночевку. 30 декабря восставшие роты, совершив марш в 25 верст за 6 часов, прибыли в местечко Мытницу, расположенное в 8 верстах от г. Василькова, где С. Муравьев приказал людям зарядить ружья и двинуться к городу ⁴. В Мытнице восставших встретил Бестужев-Рюмин, попытка которого пробиться в Новоград-Волинск окончилась неудачей и он сам чуть не был арестован ⁵.

В это время майор Трухин, оставшийся в Василькове за командира полка, получив 29 декабря от израненного подполковника Гебеля из д. Снетинки известие о событии в Трилесах, принял энергичные меры к встрече восставших. По его приказу 30 декабря в Васильков прибыли 3 и 4-я мушкетерские роты для усиления 6-й роты, несшей там караул. Ночью 29 декабря по приказу майора Трухина были арестованы штабс-капитан Соловьев и поручик Щепилла, ехавшие через Васильков в свои роты. 30 декабря майор Трухин удвоил караулы, и когда в 3 часа дня около Василькова появился авангард революционных рот под командой поручика Сухинова,

¹ ВД, т. IV, стр. 295, 353, 362.

² ВД, т. VI, стр. 157.

³ ЦГИА, ф. 48, д. 103, лл. 1 (об), 4 (об) 5, 6, 7.

⁴ ВД, т. IV, стр. 287.

⁵ ВД, т. IX, стр. 122. Узнав от Г. Олизара о ищущих его жандармах, Бестужев-Рюмин, переодевшись, вернулся. См. ЦГИА, ф. 48, д. 101, л. 6 (об.)

приказал бить тревогу. Но попытка майора Трухина организовать сопротивление успеха не имела. Находившиеся в Василькове 3, 4 и 6-я мушкетерские роты восторженно встретили восставших и примкнули к ним почти со всеми офицерами. При занятии восставшими города майор Трухин был арестован, причем Сухинов сорвал с него эполеты и отнял шпагу, а солдаты довольно изрядно поколотили¹.

Выполняя приказ С. Муравьева, Сухинов и Петин направились со взводом солдат на квартиру командира полка, где взяли знамена и полковую казну. Рядовой Федор Иванов, участвовавший в этих действиях, показывал на следствии, что „по приказанию ротного командира поручика Петина, прибывшего с гренадерским взводом обще с поручиком Сухиновым в квартиру полкового командира, брали казенный ящик: унтер-офицер Корчагин, рядовые Игнат Федосов, Тарас Николаев, Моисей Федоров и другие с правого фланга в первом полувзводе стоявшие люди, имен и прозваний коих не знает“². По приказу поручика Сухинова унтер-офицеры Корчагин и Лазыкин вынесли полковые знамена.

Для обеспечения охраны восставшего полка на Белоцерковской и Киевской заставах были поставлены усиленные караулы под начальством штабс-капитана В. Соловьева³. Остальные солдаты были распущены по квартирам и ревностно занялись подгонкой обмундирования и приведением в порядок оружия.

Занятия Василькова предоставило в распоряжение восставших запасы оружия, боеприпасов, продовольствия, обмундирования. Вызванные С. Муравьевым поручик Сизиневский и подпоручик Войнилович получили от него приказ подготовить все необходимое для обеспечения полка в походе провиантом. За внутренней дисциплиной восставших следили Соловьев, Кузьмин, Щепилла и Сухинов. Они же старались привлечь на сторону восставших офицеров полка. Офицерам и солдатам С. Муравьев и Бестужев-Рюмин говорили о том, что восстанием охвачены многие части 3-го пехотного корпуса⁴.

В доказательство революционного настроения в войсках С. Муравьев читал письмо Горбачевского о готовности 8-й артиллерийской бригады к действию и письма бывших семейных, в которых они заверяли, что исполняют слово, данное в Лещине⁵.

30 декабря в день занятия Василькова к С. Муравьеву приезжал вызванный им подпоручик 17-го егерского полка А. Ф. Вадковский. Он обещал С. Муравьеву поднять если не весь полк,

¹ ВД, т. VI, стр. 199.

² ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 7, лл. 145 (об), 146.

³ Ф. Ф. Вадковский, Белая Церковь, „Воспоминания...“, т. 1, М. 1931, стр. 196.

⁴ ВД, т. VI, стр. 145—147.

⁵ ВД, т. VI, стр. 353.

то, по крайней мере, батальон. Но на обратном пути А. Ф. Вадковский был арестован ночью на заставе в Белой Церкви, закован в кандалы и отправлен в главную квартиру 1-й армии¹.

Ночью С. Муравьев вызвал к себе полковых писарей Хоперского и Дмитриевского и, диктуя попеременно с Бестужевым-Рюминым, заставил их писать „Православный Катехизис“. Один экземпляр написанного „Катехизиса“ С. Муравьев отдал Хоперскому, приказав „к 8 часам утра написать таких катехизисов двенадцать“². Остаток ночи С. Муравьев „провел... за подготовкой диспозиции похода“³.

В 11 часов утра 31 декабря пять рот восставшего Черниговского полка вместе с офицерами собрались на площади. Со всей торжественностью перед полком были вынесены боевые знамена. С. Муравьев, выйдя к построенным ротам, приветствовал солдат и „в коротких словах изложил им цель восстания и представил, сколь благородно и возвышенно пожертвовать жизнью за свободу“⁴. „Мы, братцы, идем доброе дело делать, — говорил он, — избавить народ от рабства, убавить вам службу“⁵. Веру в успех он подкреплял словами о том, что многие полки готовы выступить вместе с черниговцами.

После речи С. Муравьева полковой священник Даниил Кейзер, насупив лоб, проведя молебен, читал „Православный Катехизис“⁶, в котором цитатами из священного писания подкреплялся призыв к солдатам „для освобождения страждущих семейств своих и родины... ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России“⁷.

Этот своеобразный агитационно-пропагандистский документ, написанный С. Муравьевым совместно с Бестужевым-Рюминым⁸, очень заинтересовал военные и гражданские власти, а

¹ Записки и письма И. И. Горбачевского, М. 1925 г., стр. 145. А. Ф. Вадковский отрицал обещание поднять полк (ВД, т. VI, стр. 321), и С. Муравьев, не желая усилить вины А. Ф. Вадковского, говорил в том же духе (ЦГИА, ф. 48, л. 103, л. 6). Однако весь ход операции под Белой Церковью свидетельствует о серьезности расчетов на участие 17-го егерского полка. О расчетах на 17-й егерский полк совершенно определенно говорит Бестужев-Рюмин. „Все, что я замечательно от Вадковского слышал, — рассказывал он о своей встрече с Вадковским в Василькове, — ограничивается тем, что в 17-м егерском полку существует такое же негодование, как и в Черниговском — основываясь на этом, предполагал Муравьев, что и 17-й полк к ним присоединится“ (ВД, т. IX, стр. 34).

² ВД, т. VI, стр. 283.

³ ВД, т. IX, стр. 47.

⁴ Записки и письма И. И. Горбачевского, М. 1925, стр. 152.

⁵ Декабристы, Отрывки из источников, М. 1926, стр. 359.

⁶ Во время чтения в Василькове прибыл младший брат Сергея — Ипполит Муравьев и решил остаться с восставшими.

⁷ ВД, т. VI, стр. 129.

⁸ ВД, т. IX, стр. 32, 60, 174, 175, 184, 202, 229, 241, 286; ВД, т. IV, стр. 260, 277, 286, 410.

также следственную комиссию. Придавая ему большое значение и видя в нем „оскорбление верховной власти“ и „попытку обосновать свои цели превратным истолкованием текстов священного писания“, они тщательно разыскивали каждый экземпляр „катехизиса“, боясь его проникновения в массы¹.

Однако следует заметить, что „Катехизис“ был рассчитан прежде всего на солдатскую массу. Форма его в виде вопросов и ответов была близка к солдатским памяткам об основах воинского устава. Религиозная же оболочка использовалась, как наиболее доступное, по мнению руководителей восстания, средство обоснования республиканских идей среди простого народа.

М. Муравьев-Апостол, определяя основную сущность „Катехизиса“, говорил на следствии: „Содержание его относится к представительному правлению“².

Основное положение „Православного Катехизиса“ заключалось в отрицании законности самодержавной власти. Из этого вытекало требование её уничтожения и замена республиканской формой правления. Но именно эту республиканскую сторону „Православного Катехизиса“ хуже всего восприняли солдаты. В массе своей они не смогли отделаться от царистских убеждений и не могли себе представить свободу без царя. Заметив это, С. Муравьев и его приверженцы снова стали действовать во имя великого князя Константина Павловича³.

После чтения „Катехизиса“ восставшие роты с развернутыми знаменами, провожаемые благожелательными напутствиями местных жителей, двинулись в д. Мотовиловку, имея направление на Брусилов.

Движение на Брусилов не решило окончательно вопроса о маршрутах дельнейших действий восставших, оставляя за ними свободу выбора конечной цели: или Житомир, или Киев, так как до каждого из этих пунктов от Брусилова был один переход. „Из Василькова я мог действовать тройким образом, — показывал на следствии С. Муравьев, — 1-е — идти на

¹ „Рух декабристів на Україні“, Харків 1926, стр. 62.

² ВД, т. IX, стр. 184.

³ ВД, т. IV, стр. 287, 407. Одновременно с „Катехизисом“ Бестужевым-Рюминым при участии С. Муравьева было составлено „Воззвание“ к народу, которое не получило, однако, распространения (ВД, т. IX, стр. 35) и было найдено в бумагах Г. Муравьева после разгрома восстания под Устиновкой. Это „Воззвание“ со всей полнотой отражает существо избранной декабристами тактики военной революции, в которой активные действия возлагались только на армию, а народ должен был пассивно выжидать своего освобождения. „Российское воинство — гласило воззвание, — грядет восстановить правление народное..., основанное на святом законе. Никаких злодейств учинено не будет. Итак, да благочестивый народ наш пребудет в мире и спокойствии и умолит всевышнего о скорейшем совершении святого дела нашего“. ВД, т. IV, стр. 256; Декабристы, Отрывки из источников, М. 1926, стр. 360.

Киев, 2-е — итти на Белую Церковь и 3-е — двинуться поспешнее к Житомиру и стараться соединиться со Славянами. Из сих планов я склонялся более на последний и первый¹.

Естественно, что из этих трех вариантов наиболее целесообразным и перспективным представлялся последний — движение на Житомир. Важность этого стратегического пункта была обусловлена не только тем, что он был штаб-квартирой 3-го пехотного корпуса и захват его парализовал бы действия командования корпуса, но и тем, что он находился в центре расположения частей, наиболее надежных и распропагандированных руководителями Васильковской управы. Именно этот район, при избранной руководителями восстания тактике военной революции, мог послужить источником усиления революционного авангарда — Черниговского полка путем присоединения к нему при его движении сочувствующих частей. Однако провал попытки Бестужева-Рюмина связаться со Славянами и близлежащими полками (Кременчугский, Алексопольский) наносил этому плану серьезный удар.

Не располагая определенными гарантиями, что по пути к Житомиру к ним присоединятся какие-либо части, руководители восстания сочли немедленное движение на Житомир из-за недостаточности своих боевых сил рискованным. В связи с этим встал вопрос о движении на Киев. Имея от Андреевича 2-го сведения о том, что многие лица сочувствуют в Киеве целям заговора, С. Муравьев, Бестужев-Рюмин и особенно Кузьмин, Соловьев, Щепилла и Сухинов надеялись на возможность восстания в городе при приближении к нему революционных рот и на легкость захвата, при создавшихся условиях, важнейшего административного и стратегического центра Юга.

Чтобы выяснить обстановку в городе и связаться с названным Андреевичем 2-м майором Крупенниковым², готовым будто бы оказать содействие восставшим, С. Муравьев послал 31 декабря в Киев прапорщика А. Мозалевского с унтер-офицером Иваном Харитоновым и тремя солдатами: Павлом Прокофьевым, Алексеем Федоровым и Акимом Сафроновым. Поручив Мозалевскому выяснить все в Киеве и распространить на окраинах города „Православный Катехизис“, С. Муравьев „назначил ему приехать в Брусилов, ибо из Брусилова, — показывал руководитель восстания, — я мог одним переходом притти в Киев, если бы получил от Крупенникова удовлетворительный ответ, в противном же случае я находился также в расстоянии одного перехода от Житомира³“.

¹ ВД, т. IV, стр. 287.

² Личность майора Крупенникова оказалась вымышленной. ВД, т. VI, стр. 18.

³ ВД, т. IV, стр. 287.

Вечером 31 декабря, — показывал командир 1-й гренадерской роты капитан Козлов, — в д. Мотовиловку „прибыл с полком подполковник Муравьев-Апостол с примкнутыми штыками и заряженными ружьями“¹ и начал уговаривать собранные 1-ю гренадерскую и 1-ю мушкетерскую роты присоединиться к восставшим. Из них только половина солдат 1-й мушкетерской роты дали согласие присоединиться к полку. Остальные же, распропагандированные ранее командирами рот капитанами Козловым и Вульфбертом, отделились от восставших и ушли в Белую Церковь, где находилась штаб-квартира 9-й пехотной дивизии.

В Мотовиловке была объявлена ночевка восставших рот. Расставив на дорогах Киевской, Васильковской и Белоцерковской караулы, С. Муравьев распустил остальных солдат по квартирам, велел им иметь ружья заряженными и по первому приказанию быть готовыми к выступлению на сборное место. Утром 1 января в Мотовиловку прибыл подпоручик Быстрицкий со 2-й мушкетерской ротой. Не желая утомлять пришедшую роту новым переходом и возбудить тем самым недовольство солдат, С. Муравьев решил по случаю нового года устроить в Мотовиловке дневку. Одновременно он ждал известий от Мозалевского.

Потеря времени в такой ответственный момент, когда от быстроты и решительности действий зависела судьба восстания, была грубейшей тактической ошибкой, нарушением основных требований успешного проведения восстания. Это промедление имело пагубные последствия.

Дневка восставшего полка в Мотовиловке ярко описана в мемуарной литературе². Обращает особое внимание сочувствие и расположение к восставшим местных жителей. Солдаты были окружены вниманием и заботой, крестьяне с радостью принимали их на постой, в то время как эта повинность была одной из наиболее ненавистных для них. Они „снабжали их всем в избытке, видя в них не постояльцев, а защитников“, называя С. Муравьева „избавителем“³.

Благожелательное отношение крепостных к восстанию Черниговского полка становится еще более понятным, если учесть наличие документов, свидетельствующих, на наш взгляд, о том, что С. Муравьев объявил об освобождении крестьян в районе действия полка. В одном из таких документов — рапорте командующего 3-м пехотным корпусом на имя главнокомандующего 1-й армией генерала Сакена от 7 января 1826 г.

¹ ВД, т. VI, стр. 134.

² Записки и письма И. И. Горбачевского, М. 1925, стр. 165—170; Воспоминания Иосифа Руликовского, „Воспоминания...“, т. II, М. 1933, стр. 402—417; Ф. Ф. Вадковский, Белая Церковь, „Воспоминания“, т. I, М. 1931, стр. 197.

³ Записки и письма И. И. Горбачевского, М. 1925, стр. 166.

за № 30 о настроении войск и местного населения после восстания Черниговского полка генерал Рот сообщил: „Имею честь донести, что все войска, под моим начальством состоящие, а в особенности 3-я гусарская дивизия преисполнены верности и повинения... Я имею честь донести также Вашему сиятельству, что во всем крае близь места мятежа и далее все совершенно спокойно и жители вовсе не изъявляют духа непокорности даже в тех местах, где подполковник Муравьев-Апостол находился и провозглашал вольность, поселения не вышли из повиновения и только имели о сем разговоры, совершенно прекратившиеся с окончанием бунта“¹.

Это ценнейшее сообщение об освобождении С. Муравьевым крепостных крестьян подкрепляется рядом других разысканных нами свидетельств. Так, в собственноручно написанном генералом Сакеном черновике его отношения к киевскому гражданскому губернатору И. Г. Ковалеву от 13 января 1826 г. читаем: „Из донесений ко мне о уничтожении разбойников 3-го сего месяца при деревне Устиновке с удовольствием усматриваю, что ни один житель в сей шайке не находился. Гнусному предводителю Муравьеву-Апостолу обыватели не дались в обман. Я долгом себе поставил довести сию черту верности к отечеству к сведению государя императора...“² Нет сомнения, что, информируя И. Г. Ковалева о том, что местные жители будто бы „не дались в обман“ С. Муравьеву, Сакен, конечно, имел в виду провозглашение руководителем восставшего полка вольности поселянам.

Есть еще одно показание, подтверждающее то, что С. Муравьев объявил свободу народу. В фонде III отделения Центрального Государственного исторического архива сохранилась выписка из погибшего подлинного военно-судного дела И. И. Сухинова о „силе вины“ последнего. Перечисляя „преступления“ И. И. Сухинова, составитель записки отмечал вместе с этим, что „Муравьев-Апостол, имея намерение возмутить вблизи квартировавшие войска, выступил с своим отрядом из Василькова к Белой Церкви, постоянно провозглашая всем мнимую свободу“³. Провозглашая „всем мнимую свободу“, С. Муравьев адресовался прежде всего к местному крестьянству, так как ни с одной воинской частью черниговцам не удалось установить соприкосновения и взаимосвязи.

Мы рассматриваем факт провозглашения С. Муравьевым свободы крепостным крестьянам как действие, непосредственно вытекающее из приверженности руководителя Васильков-

¹ ЦГВИА, ф. 343, д. 198, л. 176 (об). Курсив наш — И. П. Впервые извлечение из этого документа было опубликовано Ю. Г. Оксманом в примечаниях к донесению ген. Ностица ген. Сакену (См. ВД, т. VI, стр. 339). Однако никто из исследователей не обратил на него должного внимания.

² ЦГВИА, ф. 343, д. 198, л. 199.

³ ЦГИА, ф. 109, д. 61, часть 154-я, лл. 6, 6 (об).

ской управы к программе Южного общества — „Русской Правде“, содержащей требование немедленной ликвидации крепостного права.

Одновременно следует отметить, что распускавшаяся правительством легенда о „неистовствах“ черниговцев во время восстания не имела никаких оснований. Большинство источников, в том числе и официальных, отмечали строгую дисциплину в революционных ротах Черниговского полка.

Вечером 1 января С. Муравьевым был отдан приказ о выступлении утром 2 января в поход на Брусилов, через Бышев, куда уже были посланы квартирьеры с целью разведать обстановку и связаться с ротами Кременчугского пехотного полка¹. Перед выступлением в поход, утром 2 января, С. Муравьев собрал на совещание всех офицеров, приказал им быть на своих местах, поддерживать среди солдат революционный дух и в случае нападения организовать сопротивление².

Однако после совещания с офицерами С. Муравьев узнал от своих осведомителей о начавшемся передвижении войск в районе Брусилова и о выводе Кременчугского полка по направлению к Житомиру.

„Не имея никаких известий о Мозалевском,³ — показывал С. Муравьев, — и заключив из сего, что он взят или в Киеве, куда следственно мне идти не надобно, или в Брусилове, где стало быть уже предворены о моем движении, и зная, сколько первая встреча подействует на солдат, я решился двинуться на Белую Церковь, где предполагал, что меня не ожидают и где надеялся не встретить артиллерию“⁴.

В Белой Церкви С. Муравьев надеялся усилить революционные роты Черниговского полка присоединением 17-го егерского полка. Таким образом, слабость и малочисленность личной ударной силы восстания, отсутствие артиллерии заставили руководителей черниговцев избрать путь наименьшего сопротивления — движение на Белую Церковь.

Присоединением 1 января 2-й мушкетерской роты завершился первый этап восстания — его подъем и наращивание сил. В этот момент силы восставших состояли из шести с половиной рот солдат (около 1000 человек) и 17 офицеров. Дневка 1 января, несмотря на все старания С. Муравьева и его ближайших сподвижников, несколько размагнитила революционный подъем восставших, а отказ от движения на Житомир обусловил падение морального состояния среди некоторых офицеров и солдат революционных рот. Воодушевление и революционный энтузиазм сменились разочарованием. Вме-

¹ ВД, т. VI, стр. 151—154, „Рух декабристів на Україні“, Харків 1926, стр. 41

² ВД, т. VI, стр. 27.

³ О поездке Мозалевского в Киев и о его аресте см. ВД, т. IV, стр. 249—260, „Рух декабристів на Україні“, Харків 1926, стр. 29—30.

⁴ ВД, т. IV, стр. 287—288.

сто обещанного победоносного шествия и присоединения к восставшим новых частей — Черниговский полк оставался в одиночестве, не только не приближаясь к намеченной цели — Житомиру, но даже удаляясь от него.

С этого момента началось бегство офицеров „попутчиков“¹, деморализующе действовавшее на солдат. От руководителей восстания требовалась большая сила воли и настойчивость для поддержания среди восставших революционного настроения и соблюдения дисциплины. В этом С. Муравьеву-Апостолу помогали Соловьев, Щепилла, Кузьмин и Сухинов, которые личным примером и агитационно-пропагандистской работой сплачивали солдат, укрепляли дисциплину и моральное состояние восставших. Однако им все же не удалось полностью предупредить дезертирство солдат. До боя 3 января 1826 г. от восставших бежали 51 солдат (среди них только 5 унтер-офицеров) и 9 офицеров.

Намеченный в Мотовиловке план движения на Белую Церковь с целью присоединить к восставшим 17-й егерский полк также потерпел неудачу. Не доходя 15 верст до Белой Церкви, поздно вечером 2 января С. Муравьев остановил полк. Ночь с 2 на 3 января, проведенная в с. Пологи, была тревожной. Везде были поставлены усиленные караулы, по разным направлениям посылались квартиры-разведчики для выяснения обстановки и для того, чтобы ввести в заблуждение правительственных агентов о дальнейшем маршруте движения полка². В Пологах от местных крестьян С. Муравьев услышал о том, что 17-й егерский полк 1 января вышел из Белой Церкви по направлению к г. Сквире. Посланная С. Муравьевым ночью в Белую Церковь разведка во главе с Сухиновым ничего не дала, а рано утром Щепилла послал в Белую Церковь своего осведомителя, который по возвращении и сообщил С. Муравьеву, „что в местечке Белой Церкви находится 18-й егерский полк с артиллерией“³.

¹ Вначале к восставшему полку примкнуло большинство его офицеров, даже не являвшихся членами тайного общества. Из них до конца с полком остался только Быстрицкий. Остальные же офицеры — „попутчики“: Маевский, Кондырев, Мещевский, Апостол-Кегич, Белелюбский, Войнилович, Сизиневский, Петин и Рыбаковский — дезертировали до боя под Устиновкой, ВД, т. VI, стр. 97.

² „Рух декабристів на Україні“, стр. 51.

³ Там же. Личность солдата, посланного Щепиллой в Белую Церковь, устанавливается на основании найденного нами „Списка“ нижних чинов Черниговского полка, принимавших активное участие в восстании. В этом „Списке“ значится, что рядовой 3-й мушкетерской роты Виталий Фитиолин „из обер-офицерских детей, по исследованию признался, что он по приказанию поручика Щепиллы, переодевшись в крестьянское платье, ездил из с. Пологов в м. Белую Церковь для узнавания, где находится 17 егерский полк, и, удостоверясь на дороге от встретившегося ему неизвестного мужика о выступлении оного по дороге к Сквире, возвратился и по приказанию Щепиллы ходил к Муравьеву пересказать о том“. ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 7, л. 144 (об).

На присоединение этого полка С. Муравьев не мог рассчитывать, так как он не был затронут декабристским влиянием и в нем не было членов тайного общества. Рушилась еще одна надежда. „Не имев уже никакой цели идти на Белую Церковь, — показывал С. Муравьев, — я решил повернуть на Трилесь и приблизиться к Славянам, по первому моему предположению“¹.

В это время бывшие члены общества Соединенных Славян безрезультатно пытались поднять восстание ряда частей и оказать помощь Черниговскому полку. Поездки с этой целью Андреевича 2-го, Борисова и Бечасного не имели успеха. Медлительность в решительный момент, отсутствие должной координации действий среди членов тайного общества и измена ряда видных заговорщиков обусловили то обстоятельство, что восстание Черниговского полка осталось одиноким и не получило ожидаемой поддержки. Это позволило командованию 3-го пехотного корпуса и 9-й пехотной дивизии, после того как оно вышло из состояния растерянности, быстро локализовать восстание, а через несколько дней и ликвидировать его.

Первые распоряжения военных и гражданских властей Киева и Житомира после получения сообщения о восстании Черниговского полка свидетельствуют об испуге и смятении, охватившем царскую администрацию. Эти распоряжения были направлены не на подавление восстания, размах которого оставался еще не ясным, а на обеспечение безопасности Киева и Житомира².

Еще большую тревогу вызвало сообщение о восстании Черниговского полка в главной квартире 1-й армии. Командующий 1-й армией генерал Сакен приказал командирам трех корпусов и одной дивизии подготовить свои части к выступлению с патронными ящиками и артиллерией для подавления восстания³.

Командование армии, получив ряд приказов из Петербурга об аресте членов тайного общества на Юге, среди которых были командиры полков Артамон Муравьев, Повало-Швейковский, Тизенгаузен и ряд других офицеров, опасалось, что восставший Черниговский полк возглавит вооруженное выступление многих частей 1 и 2-й армий. Так же оценивал сложность обстановки на Юге и Николай I, когда в письме к Константину Павловичу предоставлял ему право для того, „чтобы помешать развитию этого зародыша мятежа... двинуть все войска двух корпусов“... „Я, принимая во внимание направление, взятое Муравьевым, — писал Николай I, — не могу не

¹ ВД, т. IV, стр. 288.

² ВД, т. VI, стр. 7—8, ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 7, лл. 1, 2, 2 (об), 4.

³ ВД, т. VI, стр. 34, ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 7, лл. 3 (об).

опасаться, как бы Полтавский полк, командуемый Тизенгаузен-ном, который еще не арестован, а также Ахтырский гусар-ский и конная батарея, командиры которых тоже должны быть арестованы, не присоединились к восставшим. Князь Волкон-ский, который по близости, вероятно, присоединится к ним. Таким образом наберется от 6000 до 7000 человек, если не окажется честных людей, которые сумеют удержать поряд-док"¹.

Эти опасения Николая I не оправдались не столько из-за медлительности действий руководителей восстания, не сумев-ших войти в соприкосновение с названными частями, сколько из-за нерешительности и измены Артамона Муравьева, Повало-Швейковского, Волконского, Тизенгаузена и ряда других де-кабристов.

Уже с 31 декабря командование 3-го пехотного корпуса перехватило инициативу действий. По приказу генерала Л. Рота ненадежные полки (Кременчугский, Алексопольский, 17-й егерский) были отведены из района действий и заменены дру-гими, не затронутыми влиянием декабристов². Эта замена не-надежных частей преданными правительству явилась началом планомерного окружения восставшего Черниговского полка правительственными войсками, приведшего в результате слож-ных маневров к тому, что революционные роты С. Муравьева-Апостола оказались в мешке.

Вместе с этой военно-тактической операцией, проводимой командованием, гражданские власти Киевской и Житомирской губерний через свою администрацию развили активную слеж-ку за каждым движением восставших и настроениями местно-го населения³.

Прибыв 31 декабря после полудня в Белую Церковь, гене-рал Рот отдал приказ сосредоточить к 1 января в м. Паволочь по два эскадрона из Мариупольского, Александрийского и принца Оранского гусарских полков и 5-ю конно-артиллерий-скую роту. В Бердичеве были сосредоточены остальные че-тыре эскадрона Мариупольского полка и 6-я конно-артилле-рийская рота. 18-й егерский полк с двумя орудиями занял Белую Церковь, вместо отведенного к г. Сквыры 17-го егер-ского полка.

Над основным отрядом, находившимся в м. Паволочь, при-нял командование лично генерал-лейтенант Л. Рот. Средним отрядом, занявшим м. Мохначку и состоявшим из трех эскад-ронов гусар и двух орудий 5-й конно-артиллерийской роты, командовал генерал-майор Гейсмар. Отрядом между Белой

¹ „Междоусобице...“ М.—Л. 1926, стр. 175.

² ЦГИА, ф. 48, д. 20, л. 35; ЦГВИА, ф. 348, д. 193, лл. 70, 70 (об.), 71.

³ ВД, т. VI, стр. 40, 44—45. „Рух декабристів на Україні“, стр. 31, 33, 44.

Церковью и Сквирой командовал генерал-майор Тихановский, остальными частями в районе Брусилова командовал генерал-лейтенант Ридигер¹.

Начальник штаба 1-й армии генерал Толь, будучи активным участником подавления восстания 14 декабря в Петербурге, требовал в своих приказах от командиров 3-го и 4-го корпусов самых решительных действий против восставших. „Я еще раз повторяю, — писал он, — что сила оружия должна быть употреблена без всяких переговоров“². В предписании г. Роту от 2 января 1826 г. за № 9 генерал Толь напоминал командиру 3-го корпуса, что „Главкомандующий приказал не щадить никаких мятежников и везде, где только можно, рубить и бить их картечью“³. Этим приказом и руководствовались генерал Рот и его подчиненные при подавлении восстания.

Из м. Павлочъ генерал Рот двинулся за Черниговским полком по направлению к Брусилову, но, узнав в м. Мохначке о том, что С. Муравьев изменил маршрут и идет на Белую Церковь, приказал занять Фастов, Трилеса, Гребенки и замкнуть кольцо вокруг революционных рот. Таким образом, вышедший утром из с. Пологи на с. Трилеса Черниговский полк должен был наткнуться на правительственные войска, которые методично сжимали кольцо окружения.

Генерал-майор Гейсмар, получив известия от высланных им на разведку офицеров о том, что восставшие выступили из Пологов и идут к Ковалевке, решил взять на себя инициативу разгрома мятежников, чем впоследствии вызвал неудовольствие Рота, так как отнял у него лавры победителя.

Оставив у Ковалевки два эскадрона принца Оранского гусарского полка под командой подполковника Левенштерна, генерал Гейсмар с двумя эскадронами Мариупольского полка и двумя орудиями 5-й конно-артиллерийской роты направился к Устиновке, „чтобы встретить мятежников в открытом поле“⁴.

Вскоре действительно показались восставшие. Полк шел в боевом порядке с авангардом и боковыми охранениями. С. Муравьев, видимо, не учел опасности встречи с кавалерией в поле и потому, чтобы сократить путь, избрал маршрут движения не через деревни, а через целину.

Последний эпизод восстания Черниговского полка — бой под Устиновкой — многие участники и авторы описывают по-разному⁵. Подвергнув критическому анализу весь материал

¹ ВД, т. VI, стр. 336—337, „Рух декабристів на Україні“, стр. 54.

² ВД, т. VI, стр. 333.

³ ЦГИА, ф. 48, д. 20, л. 9.

⁴ ВД, т. VI, стр. 334.

⁵ ВД, т. IV, стр. 288, т. VI, стр. 36, 38, 39—40—41, 68, 70, 74, 333—334—335—336—339; т. XI, стр. 48, 251, 266. ЦГВИА, ф. 36, оп. 24/847, д. 7, л. 12; „Русская старина“, 1898; XI, стр. 338; 1905, V, стр. 376—377; „Крас-

о бое под Устиновкой, можно представить себе следующую картину событий.

„На сем переходе между деревнями Устимовкой и Коралевкой был встречен отрядом генерала Гейсмера,—показывал С. Муравьев,—я привел роты, мною ведомые, в порядок, приказал солдатам не стрелять, а идти прямо на пушки и двинулся вперед со всеми оставшимися офицерами. Солдаты следовали нашему движению“¹.

Зарядив ружья, солдаты точно исполнили приказ С. Муравьева. Несмотря на то, что по ним была открыта стрельба картечью, они смело двигались вперед, и одно время создавалась даже опасность, что они захватят орудия. Только после 7—8 залпов, когда восставшие подошли к орудиям на расстояние не более 200 метров, они были остановлены огнем в упор. С. Муравьев, раненный в голову, потерял возможность управлять ротами, и захлебнувшееся в артиллерийском огне наступление Черниговцев было окончательно разгромлено кавалерийской атакой. В разгроме Черниговского полка видную роль сыграли орудия 5-й конно-артиллерийской роты².

Сообщая о поражении восстания Черниговского полка, генерал Рот в рапорте от 3 января 1826 г. на имя главнокомандующего 1-й армией генерала Сакена писал: „Спешу донести вашему сиятельству через нарочного, что после выступления моего из местечка Паволоча по двухдневном преследовании возмутителя подполковника Муравьева-Апостола, имевшего при себе шесть рот Черниговского пехотного полка, я успел

ный Архив“, кн. VI (XIII), 1926, стр. 22—26; „Рух декабристів на Україні“, стр. 46, 51; Записки и письма И. И. Горбачевского, М. 1925, стр. 173—177; Ф. Ф. Вадковский, Белая Церковь, „Воспоминания“, т. 1, стр. 198; М. В. Нечкина, Общество Соединенных Славян, 1927, стр. 166—168.

¹ ВД, т. IV, стр. 288, ср. „Русская старина“, 1893, стр. 338.

² Здесь следует отметить, что командир 5-й конно-артиллерийской роты член Южного общества капитан Пыхачев, предав своих товарищей, принимал активное участие в подавлении восстания (см. об этом ВД, т. VI, стр. 345, т. VIII, стр. 158, 382; ЦГИА, ф. 48, д. 93, лл. 21 (об), 22, 24; Записки и письма И. И. Горбачевского, М. 1925, стр. 186; Б. Пушкин, Арест декабристов, „Декабристы и их время“, т. II, стр. 377—417. ВД, т. IX, стр. 47). Позднейшая попытка М. Муравьева-Апостола реабилитировать Пыхачева, как якобы арестованного до боя под Устиновкой, не обоснована. См. М. И. Муравьев-Апостол, Воспоминания и письма, Под ред. С. Я. Штрайха, Петербург 1922, стр. 54. Пыхачев еще до восстания имел намерение изменить обществу и даже намекал Бестужеву-Рюмину о возможности доноса (ВД, т. IX, стр. 108, 119, 125, 126). На следствии Пыхачев показывал: „Января 3 дня, находясь со вверенной мне ротою при усмирении и забрании мятежников Черниговского пехотного полка, ревностное усердие всех чинов ко исполнению обязанности своей замечено корпусным командиром 3 пехотного корпуса, за что имею счастье слышать личную благодарность с объявлением в приказе довести до сведения его величества“, ЦГИА, ф. 48, д. 93, лл. 21 (об), 22. Только учитывая его участие в подавлении восстания, можно понять, почему Пыхачеву был вынесен такой мягкий приговор: после 2 месяцев ареста его перевели в том же чине в 13-ю конно-артиллерийскую роту.

его окружить с трех сторон. Средний отряд настиг мятежников на Устиновской высоте близ деревни Пологое (Васильковского уезда), где Муравьев-Апостол, увидя приближение наших войск, построил мятежников своих в каре и, взяв на руку, пошел прямо на орудия. Каре сей, быв принят картечным огнем, расстроился. Тогда кавалерия сделала атаку, все мятежники бросили оружие и до семисот человек нижних чинов сдались, равно как и сам подполковник Муравьев-Апостол, который весьма тяжело ранен¹.

Победа правительственных войск была полной: у восставших было убито два офицера: поручик Щепилла и прапорщик Ипполит Муравьев-Апостол и трое ранено: С. Муравьев-Апостол, Кузьмин и Быстрицкий. Среди солдат шесть человек было убито и около двадцати человек ранено². Правительственными войсками было взято в плен шесть офицеров и 895 нижних чинов Черниговского полка, участвовавших в бою под Устиновкой³.

Пленные солдаты Черниговского полка были отправлены под строгой охраной в Белую Церковь, организаторы и руководители восстания С. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и с ними М. Муравьев-Апостол отвезены в Петербург, остальные офицеры—участники восстания предстали перед судом в Могилеве.

Николай I был очень доволен быстрым подавлением восстания и в письме от 11 января к Константину Павловичу откровенно признавался: „При всей надежде на милость божию, я все же готовился к худшему“⁴. Изрядно перетрусив, Николай I жестоко выместил на восставших свои тревожные переживания.

Руководители восстания С. Муравьев-Апостол и М. Бестужев-Рюмин были повешены вместе с Пестелем, Рылевым и Каховским. Соловьев, Сухинов, Мозалевский и Быстрицкий—были осуждены на каторжные работы пожизненно. „Из числа солдат Черниговского полка—участников восстания пострадали: шпицрутенами через 1000 человек 12 раз и каторга—3 человека (фельдбель Шутов, унтер-офицер Никитин, рядовой Борисов), шпицрутенами через 1000 человек от 1 до 6 раз и перевод на Кавказ—103 человека, 200 лозанов и перевод на Кавказ—15 человек и перевод на Кавказ 805 человек“⁵.

Тяжесть наказания была обусловлена тем, что действия солдат, и особенно унтер-офицеров, Черниговского полка квалифицировали как сознательное и добровольное участие в за-

¹ „Русская старина“, 1905, V, стр. 376—377.

² ВД, т. VI, стр. 102—103, „Рух декабристів на Україні“, стр. 51.

³ „Рух декабристів на Україні“, стр. 75.

⁴ „Междоусобице...“, стр. 179.

⁵ Г. С. Габеев, Солдаты—участники заговора и восстания декабристов, „Декабристы и их время“, т. 2, 1932, стр. 361.

говоре и восстании. Черниговский полк был заново сформирован из солдат других частей и переменил место расквартирования. Штаб-квартира его была перенесена в г. Острог.

Так закончилось восстание Черниговского пехотного полка.

Подводя итоги исследованию вопроса о революционном выступлении декабристов на Юге, следует отметить, что восстание Черниговского полка не было случайным и непредвиденным событием. Оно непосредственно связано со всей предыдущей деятельностью Васильковской управы и планами руководителей Южного общества. Последние переговоры П. Пестеля, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина, с одной стороны, и С. Трубецкого—с другой в конце октября 1825 г. свидетельствуют о согласовании между представителями Юга и Севера отдельных элементов общего плана революционного выступления, выработанного руководителями Южного общества на лето 1826 г.—плана, в который восстание Черниговского полка входило как составная часть.

Восстание Черниговского полка, будучи вместе с восстанием 14 декабря на Сенатской площади первым революционным выступлением против царизма, расшатывало устои самодержавия и способствовало пробуждению народа. Непосредственным отзвуком восстания Черниговского полка явилось массовое крестьянское движение на Украине в 1826—1827 гг.¹

Восстание Черниговского полка во всей полноте показало слабые стороны движения декабристов, их классово-дворянскую ограниченность—оторванность от народа, ошибочность принятой ими тактики военной революции, их тактические ошибки в руководстве восстанием.

Ключом для понимания основной причины поражения движения декабристов в целом и восстания Черниговского полка в частности является ленинское положение о классовой ограниченности дворянских революционеров. „Узок круг этих революционеров, — писал Владимир Ильич о декабристах.— Страшно далеки они от народа“². Дворянские революционеры, начав решительную борьбу с самодержавием и крепостничеством, стремились сбросить с народа ненавистное ярмо крепостного права. Но в своей революционной практике они думали обойтись без активного участия в движении широких народных масс. Оторванность дворянских революционеров от народа явилась главной причиной поражения военного восстания декабристов.

При этом следует учитывать, что и сама эпоха давала ограниченные возможности для революционных действий.

¹ См. об этом В. С. Иконников, Крестьянские движения в Киевской губернии в 1826—1827 гг. в связи с событиями того времени, СПб. 1908 г. В. Гандова - Берникова, Крестьянские волнения, 1826 г., Сб. „Тайное общество в России в начале XIX столетия“, М. 1926 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14.

В. И. Ленин, характеризуя историческую обстановку в России в первой четверти XIX века, особо отмечал отсутствие рабочего класса, являющегося основной революционной силой: „В ту пору, при крепостном праве, — писал Владимир Ильич, — о выделении рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, „низшего“, „черного“ *сословия* не могло быть и речи“¹: „Политическая забитость масс“², не имевших, кроме того, революционного авангарда в лице рабочего класса, обуславливала неспособность крестьянства к сознательной революционной борьбе. „Крепостная Россия, — писал В. И. Ленин, — забита и неподвижна“³. К этому следует прибавить и то обстоятельство, что расчет декабристов на армию, как решающую силу в революции, оказался ошибочным. „Масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно“⁴. Потребовались долгие годы напряженной деятельности последующих поколений революционеров и особенно авангарда рабочего класса — коммунистической партии, руководимой В. И. Лениным, — чтобы поднять широкие массы до уровня сознательной борьбы и создать народную армию пролетарской революции.

Избранная декабристами тактика военной революции явилась не только свидетельством, но и результатом классовой ограниченности дворянских революционеров. В основе этой тактики лежало преувеличенное убеждение о потенциальной революционности армии, о наличии среди солдат и офицеров общего недовольства и возбуждения, при котором достаточно толчка, чтобы привести всю армию в движение. Декабристы не смогли учесть, что „масса солдат, состоявшая тогда еще из крепостных крестьян, держалась пассивно“⁵. В своей практике большинство декабристов ориентировалось на командование и лишь незначительное меньшинство декабристов вело работу среди солдат, готовя их к революционному выступлению. В. И. Ленин, критикуя тактику военной революции, противопоставляет ей революцию массовую во главе с пролетариатом.

Из основной причины поражения восстания декабристов — оторванности их от народа вытекали и все тактические ошибки руководителей Черниговского полка, ускорившие поражение восстания. В. И. Ленин на основе опыта прошлых вооруженных восстаний со всей глубиной и ясностью вскрывает основные законы вооруженного восстания, без осуществления которых невозможно добиться победы:

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 223.

² И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 110.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 294.

⁴ Там же, т. 23, стр. 237.

⁵ Там же, т. 23, стр. 237.

„1. Никогда *не играть* с восстанием, а начиная его, знать твердо, что надо *итти до конца*.

2. Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3. Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить *в наступление*. „Оборона есть смерть вооруженного восстания“.

4. Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока войска разбросаны.

5. Надо добиться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, „*моральный перевес*“¹.

Конкретный ход событий на Юге показывает, насколько далеки были руководители восстания Черниговского полка от выполнения этих требований. Если можно со всей ответственностью сказать, что руководители и рядовые участники восстания Черниговского полка, начав восстание, „не играли“ с ним, то в решении „итти до конца“, т. е. использовать все возможности для достижения победы, они были не тверды и не последовательны. Наиболее убедительным доказательством этого может служить их некоторая боязнь массового движения, неумение привлечь на свою сторону сочувствующее крестьянство.

Сама избранная декабристами тактика вооруженного восстания требовала с самого начала решительности действий с тем, чтобы, умножив ряды восставших сочувствующими войсками, иметь возможность перейти в наступление. И именно здесь мы видим наиболее уязвимое место руководителей восстания Черниговского полка. Они теряли драгоценное время, не использовали растерянность и замешательство правительства, вызванные неожиданностью восстания. При этом надо сказать, что восставшие могли „захватить врасплох неприятеля“, пока его войска были разбросаны. Для этого требовались решительные действия в направлении на Житомир. Именно Житомир должен был быть избран руководителями восстания решающим объектом наступления. Действия же черниговцев носили не наступательный, а выжидательный характер, что в корне противоречит требованиям законов вооруженного восстания. Подобная тактика ведения восстания обрекла его на гибель. Руководители восстания не смогли полностью удержать на высоте моральный дух восставших. Отсутствие боевых успехов привело к разочарованию значительного числа участников и дезертирству некоторых офицеров и солдат.

Нерешительность ряда видных членов Южного общества, командиров отдельных воинских частей (Арт. Муравьев, По-

¹ В. И. Ленин, т. 26, стр. 152.

вало-Швейковский, Тизенгаузен, С. Волконский), отказавшихся помочь восставшим, и открытый переход некоторых из них на сторону правительственных войск (Пыхачев), естественно, нанесли серьезнейший удар планам руководителей восстания и способствовали скорейшему разгрому Черниговского полка. Не смогли притти на помощь восставшим и бывшие Славяне, промедлившие с выступлением.

К этому следует прибавить, что если С. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин упустили дорогое время и не использовали растерянности властей, то последние, быстро оправившись от потрясения, сумели развить самую активную деятельность по организации разгрома восставших и достигли в этом успеха.

Единоборство Черниговского полка с послушной царизму военной машиной было не равным. Героическая попытка С. Муравьева-Апостола и М. Бестужева-Рюмина возглавить выступление войск 1-й и 2-й армии окончилась неудачей. Но дело декабристов не пропало.

„Декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури“ — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря — это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян¹.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, завоеванная пролетариатом и крестьянством России под руководством Коммунистической партии, освободила народы России от гнета царизма. Советские люди с глубоким уважением чтят память первых борцов против самодержавия и крепостничества — дворянских революционеров. Движение декабристов, их героическая попытка покончить с насилиями царского правительства и угнетением народа составляют и поныне нашу национальную гордость.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14—15.

А. АРДАБАЦКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА 40-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Вопрос о роли Русского государства на международной арене в системе европейских государств до XIX века, поставленный в последнее время советской историографией, является одной из актуальных проблем истории внешней политики России. Тенденция к умалению значения России в жизни Европы в XVIII веке, характерная для западно-европейской буржуазной историографии, имела место и в некоторой части русской дореволюционной литературы. Опубликованные за последнее десятилетие работы¹, посвященные дипломатической истории Северной войны и взаимоотношениям России с отдельными европейскими странами в период борьбы за утверждение России в Прибалтике, выявляют роль нашей страны в жизни Европы в первой четверти XVIII века. Что же касается последующего этапа—30—40-х годов XVIII столетия, то внешняя политика этого периода до последнего времени не нашла еще достаточного освещения на страницах советской печати.

Краткую характеристику международных отношений и внешней политики России 30—40-х годов XVIII века мы находим в изданных в 1939—40 гг. работах, посвященных участию России в Семилетней войне².

Опубликованная в 1949 году в журнале „Советское востоковедение“ статья Тверетиновой „К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время“ также проливает свет на положение России в системе европейских государств в 40-е годы XVIII века.

¹ Монографии и статьи: Л. А. Никифорова, Т. К. Крыловой, Б. Б. Кафенгауза, Я. Я. Зутиса, Х. Сориной.

² Книга Н. А. Коробкова и статья Г. А. Новицкого.

Настоящая статья посвящена анализу русско-английских отношений начала 40-х годов XVIII века, т. е. того периода, когда русское государство вело упорную военную и дипломатическую борьбу за сохранение отвоеванных Петром русских земель на побережье Балтийского моря, против реваншистских попыток шведов, подогреваемых и французской и английской дипломатией.

Традиционная двуличная политика Англии, выступавшей на данном этапе в качестве „союзника“ России, как нельзя более ярко вскрывается привлеченными автором документами из Архива Внешней Политики России Арх. Упр. МИД, а также публикациями „Сборников Русского Исторического общества“ и „Архива Воронцова“. Документы выявляют и линию внешней политики России, которая не только не позволила Англии превратить себя в орудие британской политики, но и использовала союз с Англией для укрепления своего международного положения.

* * *

XVIII век — время разрешения русским государством важнейших задач внешней политики, стоявших перед ним с XVII века, и, в первую очередь, задачи выхода к морям. Эта задача диктовалась экономическим развитием страны, развитием ее производительных сил. Отсутствие выхода к морям, задерживая экономическое развитие России, не только превратило бы ее в объект эксплуатации более развитых государств, но и ставило ее перед угрозой потери национальной независимости. Маркс в „Секретной дипломатии XVIII века“ писал: „Ни одна великая нация не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от морей положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; никогда ни одна нация не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны; Россия не могла оставлять устья Невы, этого естественного выхода для продукции Северной России, в руках шведов... прибалтийские провинции, по самому своему географическому положению, являются естественным добавлением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними“¹.

В царствование Петра русский народ сумел предотвратить грозную опасность превращения России в колонию более развитых государств. Вынеся на своих плечах тяжесть петровских преобразований и войн, он отстоял независимость своей родины. Конечно, преобразования и войны Петра укрепляли „нацио-

¹ К. Марх, Secret Diplomatic History of the 18-th century, London 1899, p. 87.

нальное государство помещиков и торговцев“ за счет основного населения — крепостного крестьянства.

И. В. Сталин, подчеркивая в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом исторически-прогрессивный характер внутренней и внешней политики Петра, указывал в то же время и на ее классово-ограниченный характер:

„...Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры“¹. Но победа России в Северной войне, утверждение ее в Прибалтике обеспечили ей возможность экономических связей с европейскими странами, проложили пути нормального экономического развития страны. Маркс в „Секретной дипломатии XVIII века“ указывал на то, что завоеванием Прибалтики были заложены основы для установления материальных связей с морскими державами, которые, благодаря этому завоеванию, попали в зависимость от России в отношении материалов для кораблестроения: „России было сразу обеспечено преимущество над соседними северными государствами“, морские державы „после этого завоевания стали зависеть от России в отношении морского снабжения“².

Ништадтский мир, закрепивший победу русского оружия, поставил Россию на одно из первых мест в ряду великих европейских держав. Были налажены дипломатические связи со всеми значительными государствами Европы. Неизмеримо выросло значение и влияние России в Европе. Наступил новый этап в международных отношениях, когда стало невозможно решать европейские вопросы без участия России.

Балтийская проблема, в основном разрешенная при Петре, была только одной из задач внешней политики России, доставшихся ей в наследство от XVII века. Маркс считал, что Россия не могла оставлять устья Невы в руках шведов „так же, как устья Дона, Днепра и Буга и Керченский пролив в руках кочевых татарских разбойников“³. Борьба с Турцией за оборону южных границ и выход к Черному морю, а также борьба с Польшей за воссоединение украинских и белорусских земель стояли на очереди и оставались стержневыми вопросами внешней политики России до конца XVIII века. Но и охрана петровских завоеваний в Прибалтике еще долгое время оставалась одной из насущных задач русской внешней политики

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 105.

² Marx, Secret Diplomatic History of the 18-th century, London 1899, p. 89.

³ K. Marx, op cit, p. 87.

в послепетровский период в связи с реваншистскими настроениями шведов, вдохновляемыми Францией и Англией, все еще не терявшими надежд вернуть Россию в прежние границы и свести ее на положение второстепенной державы.

Основным противоречием и главной причиной международных конфликтов в Европе в XVIII веке была борьба феодально-абсолютистской Франции с капиталистической Англией за колонии, за господство на море. В своей борьбе Англия и Франция стремились привлечь на свою сторону другие европейские государства. Не утратила еще своей остроты (до конца 40-х годов XVIII века) и борьба между Бурбонами и Габсбургами. В войне за Испанское наследство (1700—1714 гг.)—первом крупном столкновении Англии с Францией за колонии, габсбургская Австрия, выступая против Франции в составе „Великой коалиции“ с морскими державами—Англией и Голландией, считала международную обстановку благоприятной для нанесения решительного удара Франции. Война за Испанское наследство, в которой Франция потеряла значительную часть колоний в Америке, способствовала ослаблению Франции и положила предел ее стремлению к гегемонии в Европе. С другой стороны, война способствовала усилению Англии. Захват Англией большей части французских колоний в Америке и ключа к Средиземному морю — Гибралтара — у Испании обеспечили ей огромные преимущества для распространения ее морского и колониального могущества. Укрепление торгового первенства Англии усилило ее политическую мощь и активизировало ее вмешательство в дела континента.

Северная война породила новые противоречия. Разгром Швеции, выдвижение России на положение первенствующей державы на Севере шли наперекор традиционной внешней политики Франции, которая в борьбе с Габсбургами находила опору в Швеции. Франция опиралась также на Турцию и Польшу. Между тем борьба с этими государствами была очередной задачей русской внешней политики.

Успехи России в Прибалтике еще больше встревожили морские державы — Англию и Голландию, которые боялись соперничества России на Балтийском море. Особенно острым было противоречие между Россией и Англией.

Утверждение России в Прибалтике было для английской буржуазии крушением ее планов экономического закабаления России, к которому она стремилась с середины XVII века, добиваясь путем исключительных привилегий для своей торговли в России превратить ее в объект хищнической эксплуатации со стороны английского капитала.

На протяжении всей Северной войны, меняя в зависимости от условий тактику своих действий в отношении России, от предложения посредничества до союзного договора с Швецией и посылки флота к русским берегам в 1719 и 1720 годах,

Англия неизменно вела враждебную России политику, всеми мерами стараясь помешать утверждению России в Прибалтике, являясь душой всех враждебных России коалиций.

Англия привлекла на свою сторону своего главного врага — Францию, объединив её затем с её вековым врагом Австрией¹. В целях изоляции России она вывела из войны её союзников Данию и Пруссию, заключивших сепаратный мир с Швецией.

Русская дипломатия еще в ходе войны успешно противодействовала враждебным попыткам Англии создать общеевропейскую коалицию против России, сумев на время привлечь к союзу Францию, заключив с ней и с Пруссией в 1717 году Амстердамский договор². При посредничестве Франции был заключен в 1721 году славный Ништадтский мир.

Ништадтский мир, знаменовавший крупную победу русской дипломатии и крушение антирусских планов Англии, не изменил ее политики, враждебной утверждению России в Прибалтике. С конца 1721 г. Англия снова пыталась сколотить против России общеевропейский союз³, что не мешало ей через посредство Франции вести переговоры о примирении с Россией⁴. В борьбе с враждебной политикой Англии русской дипломатии удалось одержать новый большой успех: в 1724 году Россия заключила союзный договор с только что разбитым противником — Швецией⁵.

Это означало победу России над английским влиянием в Стокгольме и значительно укрепило позиции России в Прибалтике.

В 1725 году, в год смерти Петра, вся Европа разделилась на два враждебных лагеря. Англия объединила в Ганноверском Союзе Францию и Пруссию, в 1726 году к нему присоединилась Голландия⁶, а в 1727 году Швеция⁷. Острие Ганноверского Союза было направлено против Австрии, с которой у Англии возникло торговое соперничество⁸ и Испании, за-

¹ „Четверной“ союз Англии, Франции, Голландии, Австрии (1718 г.); Лависс и Рамбо, *Всеобщая История*, М. 1901, т. 7, стр. 68.

² *Дипломатический словарь*, т. 1, стр. 72.

³ Англия пыталась объединить против России Австрию, Данию, Швецию, Пруссию, Польшу и некоторые второстепенные германские государства. См. М. Полиевктов, *Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721—1725 г.)*, СПб 1907 г., стр. 137.

⁴ *Сборник Русского Исторического общества*, тт. 40, 49, 52.

⁵ М. Полиевктов, *Указан. сочин.*, стр. 137—175.

⁶ Лависс и Рамбо, *цит. соч.*, т. 7, стр. 94.

⁷ С. Р. И. О, т. 64, стр. 546.

⁸ В 1723 году Австрия открыла торговую кампанию в Остенде (Бельгия). Ее успехи, особенно после заключения торгового договора с Испанией в 1725 г., дававшего ей право торговли в Испанской Индии, вызвали опасения соперничества у Английской и Голландской кампаний в Индии. Они обратились к своим правительствам с просьбой пригрозить императору войной, если он не уничтожит Остендскую кампанию. Flassan, *Histoire de la diplomatie française*, vol. V, Paris 1811, p. 34—35.

ключившей в 1725 году с Австрией Венский Союз¹, а также и против России, в отношении которой Англия не прекращала враждебных действий.

В 1726 году английский флот снова демонстрировал в Балтийских водах, угрожая России².

В этом же году, укрепляя свое положение, в обстановке враждебной деятельности Ганноверского Союза, Россия заключила союзный оборонительный договор с Австрией, с которой ее связывали общие интересы по борьбе с Турцией³.

Русско-австрийский договор 1726 года, заключенный Екатериной I, на длительный период определил позицию России в системе европейских государств. Заключив союз с Австрией, Россия противопоставила себя Франции, которая стремилась создать враждебное окружение вокруг России. Между тем экономические интересы английской буржуазии, её зависимость от России в отношении материалов для кораблестроения, настойчиво ставили перед английским правительством вопрос о необходимости восстановления нормальных отношений с Россией. В 1728 году был послан в Россию английский представитель с патентом английского короля на звание великобританского консула, которое было учреждено в Петербурге в 1729 году⁴.

После распада Ганноверского Союза (1731 г.), который не мог быть долговечным, так как объединял врагов — Англию и Францию, Англия вернулась к прежнему союзу с Австрией, теперь союзницей России. В том же 1731 году секретарь английского консульства в России был назначен резидентом. В качестве русского резидента (позднее полномочного министра) в Лондон

¹ После высылки из Франции испанской инфанты, с которой намеревался вступить в брак Людовик XV, Филипп V, представитель испанской ветви Бурбонов, вступил в союз с габсбургской Австрией. Испания обеспечивала право императору на содержание Остендской кампании, а император обещался содействовать возвращению Гибралтара Испании. Лависс и Рамбо, указ. соч., т. 7, стр. 93—94.

² Английская эскадра бросила якорь перед Ревелем. В ответ на вызывающее письмо английского короля Георга I, в котором он обвинял русское правительство в нарушении законных прав союзников Англии (имелась в виду Дания, от которой Россия требовала возврата Шлезвига герцогу Голштинскому), а действия английской эскадры объяснял намерением воспрепятствовать русскому флоту выходить из гаваней и тем заставить императрицу явиться... всему свету склонность к миру, Екатерина послала полный достоинства ответ. Она заявила, что, не желая предписывать другим законы, она так же мало намерена принимать законы от кого-нибудь другого. См. Ф. Мартенс, *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*, т. IX (X), СПб 1892, стр. 48.

³ Ф. Мартенс, *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*, СПб, т. I, стр. 32—44.

⁴ Ф. Мартенс, указ. соч., т. IX (X), стр. 64.

был послан Антиох Кантемир¹. Во время войны за польское наследство (1733—1735 гг.), когда в борьбе за влияние в Польше столкнулись интересы России и Австрии, с одной стороны, и Франции, с другой, утверждение кандидатуры курфюрста саксонского — Августа (сына умершего короля Августа II), выдвинутого Австрией и Россией, было одобрено Англией, ибо это парализовало влияние Франции, выдвинувшей своего ставленника — Станислава Лещинского. Однако Англия упорно сохраняла нейтралитет, всячески избегая вмешательства в польские дела². Все попытки правительства Анны Ивановны добиться заключения союзного договора с Англией, чтобы на этой основе получить в помощь русскому флоту английскую эскадру для борьбы с Станиславом Лещинским, были тщетными. На все предложения Кантемира английское правительство неизменно отвечало, что хотя король бы и желал заключить союз с Россией, но что он „о таких делах имеет согласиться с парламентом“³ и что „трудно народ здешний уверить, что союз с столь дальнею державою имел бы им быть нетягостен“⁴. Объяснение давалось такое: „союз имеет быть полезен только одной стороне... если бы Великобритания от кого атакована была, то от вашего величества никакой пользы ожидать не может, для того, что в кораблях и деньгах нужды не имеет, а войска в такое дальное место перевозить никаким образом не способно“⁵.

Конечно, ссылка на недовольство английского народа была только отговоркой. Союза с Россией не хотели господствующие классы Англии. Это было время длительного господства вигов в Англии. С 20-х годов XVIII века у власти стоял Роберт Уолполь, „в личности которого, — как говорит историк Англии Мортон, — воплотились все характерные черты вигизма“⁶. Уолполь представлял более консервативную, миролюбивую часть буржуазии. „Виги стремились избегать войн, — говорит Мортон, — потому что войны причиняют ущерб торговле. Виги пытались, насколько возможно, снизить налоги, которыми облагались купцы и промышленники, и увеличить налоги на товары широкого потребления и на землю. Но так как верхушка вигов сама состояла из землевладельцев, то земельный налог оставался низким и сельское хозяйство получило охрану и поддержку со стороны правительства. Благодаря тому, что Уолполю удавалось избежать войны, он действительно сумел значительно снизить земельный налог. Все

¹ Ф. Мартенс, указ. соч., т. IX (X), стр. 67.

² Там же, стр. 68, см. также С. Р. И. О., т. 76.

³ А. К. Кантемир, Реляции из Лондона, т. 1, стр. 172—173.

⁴ Там же, стр. 230.

⁵ Там же, стр. 203.

⁶ А. Л. Мортон, История Англии, М. 1950 г., стр. 253.

политически активные классы были, таким образом, удовлетворены¹. Конечно, задача ослабления колониального могущества Франции оставалась очередной задачей английской внешней политики, но она не хотела связывать себя союзами, которые бы влекли за собой какие-либо обязательства в отношении союзника на континенте. В инструкции английскому послу в России Форбсу, приехавшему в Петербург в 1733 году, английское правительство подчеркивало, что несмотря на желание приобрести доверие и дружбу России, оно считает, что „принять на себя гарантию столь отдаленных и обширных владений совершенно невозможно, немислимо“². Английское правительство тем более не желало обязывать себя гарантией русских владений, так как Англия еще и в 30-х годах не примирилась с утверждением России в Прибалтике.

Однако в условиях непрерывного роста военного и торгового флота Англии, экономические связи с Россией были жизненно необходимы английской буржуазии. Англия была заинтересована в вывозе из России кораблестроительных материалов: соснового леса для мачт и рей, пеньки для веревок, льна для парусов, смолы и дегтя для всяких судовых нужд³. Поэтому Англия, следуя своей традиционной политике в отношении России, которую она проводила с XVI века, воздерживалась от союзных обязательств, в то же время всячески склоняя Россию к заключению торгового договора. „Намерение сего двора,— писал Кантемир,— клонится к тому, чтобы через трактат коммерции новый авантаж получить, а к союзу склонности мало являют“⁴.

Царствование в России Анны Ивановны было периодом упрочения дворянских привилегий, усиления власти и гнета помещиков над крестьянами. Частые рекрутские наборы в связи с войнами (война за польское наследство 1733—1735 гг., русско-турецкая война 1735—1739 гг.), голод 1734—1735 гг., поразивший центр государства, ухудшали и без того тяжелое положение крепостных крестьян.

Этот гнет усиливался хозяйничанием в стране шайки остзейских немцев, авантюристов, которые во главе с Бироном потянулись в Россию вслед за Анной Ивановной, захватили руководящие посты при дворе, в государственном аппарате, в армии⁵.

¹ А. А. Мортон, История Англии, М. 1950, стр. 253—254, 256.

² С.Р.И.О., т. 66, стр. 587.

³ I. E. Chance, George I and the Northern War, London 1909 г., p. 8—9.

⁴ А. Кантемир, Реляции из Лондона, т. 1, стр. 173.

⁵ Анну Ивановну пригласили на русский престол представители дворянской знати — „верховники“, рассчитывавшие ограничить самодержавие для расширения своих прав. Но возведена на престол она была дворянской гвардией, как самодержавная императрица. Давая льготы дворянам, но не доверяя им, Анна Ивановна опиралась на клику временщиков—Остзейских немцев.

Они пользовались своим влиянием в интересах личного обогащения, грабили казну, разоряли хозяйство, ухудшая и без того тяжелое положение русского народа, презрения к которому даже не скрывали. Режим „бироновщины“, сопровождавшийся жестоким террором, вызывал всеобщее недовольство.

Влияние временщиков находило свое отражение и во внешней политике.

У руководства внешней политикой России в послепетровский период стоял А. И. Остерман — опытный дипломат, прошедший выучку под руководством Петра и с 1725 года назначенный вице-канцлером. Основная линия внешней политики в этот период не изменила своего направления. Война за польское наследство 1733—1735 гг. и русско-турецкая война 1735—1739 гг. свидетельствуют о попытках русского правительства продвинуть разрешение таких основных задач, как воссоединение украинских и белорусских земель и выход к Черному морю. Успехи русского оружия в этих войнах способствовали укреплению международного престижа России. Однако частые смены на престоле, влияние временщиков, открывавших перед иностранными державами возможность плести интриги при русском дворе и даже вмешиваться во внутренние дела России, приводили к тяжелым неудачам во внешней политике, в частности, и в деятельности Остермана.

Как уже говорилось, в начале 30-х годов англичане всячески домогались заключения торгового договора с Россией, но Остерман намеренно затягивал переговоры, стремясь заключить одновременно и политический союз. Однако вмешательство Бирона привело к заключению между Россией и Англией торгового договора 1734 года на 15 лет, известного под именем „Трактата дружбы и коммерции“, который предоставлял англичанам большие льготы и давал разрешение на транзитную торговлю с Ираном¹.

От союзного договора англичане попрежнему отказывались. „Английское правительство предпочитает свое безопаство общему европейскому интересу“², — писал Кантемир. Однако уже в 1736 году английский премьер-министр Роберт Уолполь в письме к своему резиденту в России Рондо высказал желание получать от него полные и частые донесения обо всем, что происходит при русском дворе, „воззрения которого в настоящее время имеют в Европе столь важное значение, и в котором приятно было бы встретить более внимания к международным интересам, чем до сих пор“³.

Чем же вызван был такой интерес английского правительства к русской политике?

¹ Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, т. IX(X), стр. 63—90.

² Там же, т. IX—X, стр. 91.

³ С.Р.И.О., т. 80, стр. 34.

В 1735 году, в ответ на нападение крымских татар на Кабарду, русская армия заняла Азов и проникла в Крым. Началась русско-турецкая война 1735—1739 гг. Англичане боялись усиления России на Черном море. Английское правительство, с самого начала внимательно следившее за успехами русских войск, предлагало России свое посредничество, однако оно было отклонено. В ноябре 1736 г. Роберт Уолполь поручает Рондо разузнать в связи со слухами о предложении „добрых услуг“ Турции со стороны Франции, не намерен ли версальский двор войти в сношения с Россией, не проявляют ли русские министры склонности восстановить сношения с Францией¹. Боязнь успехов России на Черном море и опасение сближения Франции с Россией и были главными причинами интереса Англии к намерениям России².

Опасения Англии относительно возможности сближения России с Францией были не напрасными. Австрия, вступившая в русско-турецкую войну в силу обязательств союзного договора с Россией 1726 года, подтвержденного конвенцией 1737 года, с самого начала стремилась склонить Россию к заключению мира ценою отказа от своих требований. Созванный по предложению Турции мирный конгресс в Немирове был сорван из-за неуступчивости турок, чему немало способствовали происки французской дипломатии, толкавшей турок на продолжение войны, а также и позиция Австрии, не поддержавшей требований России. Тогда по инициативе Австрии союзники приняли посредничество Франции. Это не могло не вызвать беспокойства у английской дипломатии, которая попыталась запугать Россию планами Франции.

В августе 1738 года английский статс-секретарь лорд Гаррингтон поручил резиденту Рондо сообщить русским министрам, что Франция предлагает Швеции заключить договор, с выплатою „...с субсидии, в тех же размерах как и в 1735 году“..., чтобы побудить ее, не теряя времени, напасть на Россию, „ввиду успехов русского оружия и слабого, отчаянного состояния Турции“³.

В ноябре 1738 года лорд Гаррингтон сообщил Рондо о союзе, заключенном Францией со Швецией, и о том, что Фран-

¹ С. Р. И. О., т. 80, стр. 69.

² Вторая половина 30-х годов была периодом усиления влияния Франции в Европе. Несмотря на то, что в войне за польское наследство Франция не сумела отстоять своего кандидата на польский престол и войска ее были разбиты русскими войсками, Венский мир 1738 г. (закончивший войну за польское наследство и повторивший условия прелиминарного договора 1735 г.), был крупным успехом Франции. Он не только значительно ослабил Австрию и Италию (Австрия отказалась от Королевства Обеих Сицилий, переданного младшей линии испанских Бурбонов), но присоединением Лотарингии Франция завершила воссоединение своей национальной территории. Казалось, Франция возвратила свое прежнее значение в Европе, которое она утратила в последние годы царствования Людовика XIV.

³ С. Р. И. О., т. 80, стр. 350.

ция стремится теми же дорогостоящими средствами подчинить своим интересам и Данию¹.

В октябре 1738 года английский резидент Рондо получил предписание: „принимая в соображение настоящее опасное положение дел в Европе и поведение Франции, среди полного мира, без явной для себя выгоды так дорого купившей союз с Швецией и готовой к подобной же сделке с Данией“, предложить России для предупреждения этих опасных замыслов оборонительный союз². Английское правительство просило держать это предложение в тайне³. Русское правительство приняло предложение, однако отказалось представить проект договора, указывая на неудобство такого шага со стороны русского двора, и выразило пожелание получить проект из Лондона. 17/28 февраля 1739 г. Гаррингтон переслал Рондо проект оборонительного договора⁴.

Согласно проекту, Россия и Англия давали обязательства взаимной помощи в случае нападения третьей державы, причем Россия должна была выставить 15 000 солдат, а Англия — эскадру в 800 пушек⁵. Остерман передал кабинету проект на рассмотрение, затем Рондо был сообщен ряд замечаний.

Наиболее существенным из замечаний было несогласие на отказ англичан помогать России против поляков в случае, если бы они напали на русские владения (ввиду невозможности со стороны Англии послать эскадру, эта помощь мыслилась в виде войск или денег). Оспаривалось и обязательство России помогать Англии в случае её войны с Испанией и Португалией и в индийских колониях, подобно тому, как Англия не обязывалась помогать России против турок, татар и персов. Были и другие спорные пункты⁶.

Гаррингтон выразил Рондо неудовольствие медлительностью русского правительства в обсуждении проекта договора⁷. В конце мая из Лондона был послан новый проект с некоторыми несущественными поправками. Однако основные спорные пункты по поводу английской помощи России против Польши и русской помощи Англии против Испании остались без изменений⁸.

Новый проект договора был вручен Остерману. Но русское правительство попрежнему не спешило с его подписанием. Война с Турцией еще не была закончена. Французская дипломатия, „добрые услуги“ которой были приняты Россией, зата-

¹ С. Р. И. О., т. 80, стр. 395—396.

² Там же, стр. 405—406.

³ Там же, стр. 419.

⁴ Там же, стр. 431, 432, 433.

⁵ Там же, стр. 434.

⁶ Там же, стр. 453—454.

⁷ Там же, стр. 463.

⁸ Там же, стр. 478—485.

гивала переговоры, и Остерман справедливо опасался, как бы слух о заключенном с Англией договоре не вызвал со стороны Франции новых интриг в Швеции.

Чтобы склонить Россию к заключению договора, английское правительство продолжало запугивать ее агрессивными планами Франции и Швеции. Сообщалось, будто французская эскадра войдет в Финский залив, чтобы перевезти в Финляндию два иностранных полка и воспрепятствовать выводу русского флота из Невы, что к ней присоединятся двадцать шведских кораблей, а шведские галеры перевезут в Финляндию еще 7 полков, которые в соединении с войсками, находящимися в Финляндии, составят большую силу, способную противостоять любой русской армии. Далее указывалось, что военные действия против России решено не начинать до зимы, чтобы придав им, таким образом, оборонительный характер, вызвать военные действия со стороны России и требовать помощи по оборонительным союзам от Франции, которая субсидирует поход, и от Дании. Зимой же предполагалось идти на Петербург. Англичане обращали внимание русских министров на то, что шведы рассчитывают в случае военных действий со стороны России представить ее зачинщиком войны¹. Русские министры выразили Рондо признательность за доверительные сообщения, однако дело с трактатом не подвигалось.

В конце августа 1739 года лорд Гаррингтон в письме к Рондо, сетуя на задержку русского ответа на новый проект договора, неожиданно дает распоряжение: в случае получения от русских положительного ответа, не подписывать договор до особых приказаний короля². О причинах такого распоряжения мы узнаем из более позднего, октябрьского, письма Гаррингтона к тому же Рондо. Гаррингтон конфиденциально сообщил, что запрещение подписывать договор было вызвано опасением немедленной войны на Севере в случае сепаратного мира со стороны императора. Полагали, что такой мир, втянув Францию и Швецию в войну против России, пожалуй втянет в войну и Англию, если та станет союзником России³. При таких обстоятельствах Англия готова была отказаться от союза с Россией.

Между тем французский посол в Константинополе Вильнев, который от имени союзников вел предварительные переговоры с Портой, намеренно затягивал дело, имея в виду дальнейшее ослабление Австрии. Турки тем временем перешли в наступление и нанесли австрийским войскам несколько тяжелых поражений. И хотя русские войска одержали в 1739 году блестящую победу под Ставучанами и заняли Хотин и Яссы, австрийское правительство, нарушив союзные обязатель-

¹ С. Р. И. О., т. 80, стр. 491—493.

² Там же, стр. 525—526.

³ Там же, стр. 542.

ства с Россией, подписало 1 сентября 1739 г. сепаратный договор с Турцией. Это вызвало взрыв негодования в России. Выход Австрии из войны поставил Россию в трудное положение. Дальнейшее ведение войны становилось бесперспективным, особенно в условиях назревавшего конфликта с Швецией. Правительство Анны Ивановны признало необходимым заключить мир на самых умеренных условиях.

18 сентября 1739 года Белградский мирный договор был подписан. По его условиям Россия, хоть и сохраняла Азов, но должна была скрыть его укрепления. России запрещалось держать флот на Черном и Азовском морях. Таким образом, Белградский мир сводил на нет все военные успехи России. Ее жизненные интересы на Черном море оставались неудовлетворенными. Тем не менее мир развязывал России руки для предотвращения шведского нападения на Петербург. 6 октября договор был ратифицирован.

Ф. Мартенс, говоря об отношениях России с Англией, справедливо указывал, что Белградский мир существенным образом изменил обстановку. Боязнь сближения России с Францией, боязнь изоляции побудили, с его точки зрения, Англию быть более решительной в отношении союза с Россией¹.

Белградский мир, как нам представляется, оказал двойное воздействие на политику Англии в отношении России. С одной стороны, боязнь усиления французского влияния в России и опасность разрыва русско-австрийского союза (чего так добивалась Франция) укрепляли английское правительство в намерении заключить союз с Россией. С другой стороны, удовлетворение Англии по поводу малых выгод, которые Россия в результате французского вмешательства получила по Белградскому миру, внушало мысль о том, что французские происки не только в Турции, но и в Швеции (предполагаемая франко-шведская война против России) могут если не вытеснить Россию из Прибалтики, то взаимно ослабить две величайшие в Европе силы.

В апреле 1740 года на страницах „Лондонских Курантов“ шла оживленная полемика по вопросу о союзе с Россией. Главная опасность, которую видела для себя Англия в утверждении французского влияния в России, — это опасность торговой конкуренции. С этой точки зрения союз с Россией признавался безусловно необходимым. Вот что пишет корреспондент „Лондонских Курантов“ в ответ на статью, трактующую союз с Россией как безусловную необходимость для Англии: „...По нынешнему состоянию дел наш интерес требует содержать доброе согласие с двором Петербургским и ниспровергать там французской администрации предложения. Я разумею, ежели они (французы) стараться будут о *трактате коммер-*

ции с оным двором, то по крайней мере не намостили путь для произведения французских военных кораблей в состояние к уничтожению наших. Сие, уповаю, главнейшее есть ежели не оный один пункт, который мы в виду имеем в трактате с Россией"¹.

Однако победоносные действия русских в войне с Турцией отнюдь не импонировали англичанам и пугали их опасностью укрепления России на Черном море. С этой точки зрения корреспондент „Лондонских Курантов“ считает возможным оправдать и действия австрийцев, заключивших сепаратный мир с Портой. „Не старалась ли по крайней мере Россия завладеть Греческой Империей?“—спрашивает он.

По мнению корреспондента, завоевание русскими турецких провинций на южной стороне Днестра создаст со временем угрозу более страшную, чем угроза со стороны Турции².

Корреспондент считает, что союз Англии с Россией будет представлять ценность только в том случае, если Россия войдет в состав мощной коалиции против Франции. „...Ежели мирного договору в предложении не имеется между двором Австрийским, Великобританией и Голландией против французов, то союз наш с Россией мало поможет нам... В случае же такого мирного постановления против Франции, я согласуюсь, что зело полезно было иметь Россию членом оного“³.

Опасаясь больше всего возможности заключения „трактата коммерции между французами и россиянами“, который „может со временем привести такое доброе согласие между сими двумя народами, что... они могут свободно разделить большую часть Эуропии между собой и возобновить древние Римскую и Греческую империи“⁴, корреспондент готов даже предоставить Франции возможность ослабить Россию, не заключая союза с Россией, но позволив Франции вытеснить Россию из Прибалтики (что, безусловно, импонировало англичанам). „Намерение выгнать россиян из Балтийского моря есть оное, что Франция толико лет старалась исполнить... ..Ежели ей не удастся... мы по крайней мере сатисфакцию возымеем видеть двух величайших сил в Эуропии, ослабляющих друг друга“⁵.

Итак, взаимное ослабление России и Франции — вот что предпочла бы Англия союзу с Россией. Россия в будущем представляется ей даже более опасной, чем Франция. „Правда и подлинно, что Франция произошла в непомерную высоту...

¹ Архив Внешней Политики России, Сношения России с Англией, 1740 г., № 6. Подчеркнуто нами.— А. А., л. 212—218.

² Там же, л. 212—218.

³ Там же, л. 219—225.

⁴ Там же, л. 219—225.

⁵ Там же, 219—225.

но... рассуждая... сильные умножения, учинившиеся в России в сих 40-х годах, мы можем рассуждать, что меньше полусотни годов она превзойдет французскую силу. И учинится mnoжайше страшнее на востоке Эуропии, нежели французы на западе¹.

Однако события сегодняшнего дня заставляют корреспондента сделать существенную оговорку ко всем этим рассуждениям. „Что я представлял здесь, только на оное рассуждение, что Франция не будет препятствовать в Гишпанской войне“², то-есть в противном случае, если Франция выступит на стороне Испании против Англии,—последняя будет вынуждена безоговорочно вступить в союз с Россией.

Этот вывод подтвердил и русский полномочный министр в Англии князь Щербатов, излагая в одной из реляций свой разговор со статс-секретарями Георга II Ньюкестлем и Гаррингтоном, которые торопили русское правительство с оформлением союзного трактата, ссылаясь на то, что Франция стремится к осуществлению широких завоевательных планов и что одна Россия, имея союзников, в состоянии поддержать равновесие в Европе³.

Война с Испанией, начатая Англией⁴ для захвата испанских колоний, грозила осложнениями ввиду заключенного еще в 1733 году тайного союза Испании с Францией, ставившего своей задачей положить конец английскому владычеству на морях, и явного намерения Франции оказать теперь Испании помощь. В этих условиях союз с Россией становился необходимостью.

Назначенному на место умершего резидента Рондо новому полномочному министру при русском дворе Эдуарду Финчу английское правительство предписало весной 1740 года уделить главное внимание противодействию возможности франко-русского союза, представляя в качестве доказательств враждебности Франции материалы, подтверждающие ее проiski в Швеции, Дании, Пруссии.

В частной дополнительной инструкции Финчу рекомендовалось напомнить русскому правительству, что положение дел в Европе после войны за польский престол, все возрастающее могущество Франции, ее сильное влияние при всех европейских дворах и интриги версальского двора побудили дать покойному Рондо полномочия на заключение трактата о взаимной обороне с русским правительством⁵.

¹ АВПР, Сношения России с Англией, 1740, д. № 6, 227—234.

² Там же.

³ Там же, л. 37—39.

⁴ Уолполь был противником войны и начал ее только под давлением более агрессивной настроенной группы английской буржуазии.

⁵ С. Р. И. О., т. 85, стр. 11—13.

„Причины, располагавшие нас к такому союзу, опасные последствия этих причин существуют попрежнему и заставляют нас желать доброго и прочного сближения с царицей“¹, — читаем мы в инструкции.

Указывая на близость мадридского и версальского дворов, английское правительство предупреждало, что объединение Франции и Испании в связи с начавшейся войной Англии с Испанией может вызвать общеевропейскую войну².

„При таких обстоятельствах, — говорится в инструкции, — такое сближение с Ее Царским Величеством может быть только полезно для охранения наших владений и конечно ободрит прочие расположенные к нам правительства соединиться с нами на защиту общей свободы Европы...“³

Выражая уверенность в том, что исчезли причины, способствовавшие задержке подписания трактата со стороны России, а именно: война с Турцией и посредничество Франции, — английское правительство признавало целесообразным продолжить начатые переговоры. Инструкция рекомендовала Финчу указать русским министрам, какую пользу и безопасность обещает России союз с Англией и какое влияние может он оказать на общий ход дел и на отношения России к северным державам и особенно к Швеции⁴.

Приехав в Петербург в июне 1740 года, Финч возобновил переговоры о союзе. Однако он вскоре убедился, что Остерман снова затягивает дело. В это время не были еще завершены переговоры по отдельным вопросам мирного договора с Турцией и Финч высказал правильное соображение, что Остерман попрежнему опасается, как бы преждевременными переговорами не помешать „добрым услугам“ Франции в сношениях России с Портой и не вызвать еще более энергичных интриг в Швеции. Не лишено основания и другое предположение Финча — о том, что Остерман боялся, как бы ввиду войны Англии с Испанией Россия, будучи союзником Англии, не была „впутана, ввергнута в войну именно в то время, когда ей нужен продолжительный мир“⁵.

Подчеркивая, что поспешность в заключении договора поведет к преждевременной тревоге во Франции, Остерман доказывал Финчу необходимость более активных действий Англии в Швеции в противовес французской партии, подчеркивая, что Франция, действуя в Швеции, угрожает не только России⁶.

¹ С. Р. И. О., т. 85, стр. 14.

² Там же, стр. 14—15.

³ Там же, т. 85, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 15—17.

⁵ Там же, стр. 295—296.

⁶ Там же, стр. 110—112—114.

Только в середине сентября, после обращения Финча к Бирону, проект договора был рассмотрен в кабинете и представлен царице. Она дала распоряжение вступить с Финчем в переговоры. Финч считает, что если бы не содействие Бирона, Остерман продолжал бы оттягивать дело с договором, пока „дела не примут на Севере оборота, при котором граф Остерман признает союз с его величеством крайне необходимым не в выгодах Англии, а в собственных выгодах России“¹.

При обсуждении проекта Остерман добился включения в договор секретной сепаратной статьи, согласно которой действия союза не распространялись на войны, ныне происходящие между некоторыми из договаривающихся сторон и другими державами...², т. е. исключалась помощь со стороны России в войне, которую в настоящее время вела Англия в Испании. Однако в случае, если бы Англия подверглась нападению других держав, Россия должна была оказать ей помощь.

Смерть Анны Ивановны 17/29 октября и провозглашение регентом Бирона при малолетнем императоре Иване Антоновиче, затем переворот 9 ноября 1740 года, произведенный Минихом и установивший регентство матери императора Анны Леопольдовны—задержали дело с трактатом.

В это время и в Европе развернулись события, привлекавшие внимание России и Англии. В августе 1740 года умер прусский король Фридрих-Вильгельм I. Новый король Фридрих II заявил русскому посланнику в Берлине Бракелю, что он не желает ничего лучшего, как сохранить союзные связи с Россией³.

В октябре 1740 г. умер император Карл VI. Несмотря на принятие его дочерью Марией-Терезией титула королевы венгерской и то, что большинство европейских государств, в том числе и Пруссия, признало Прагматическую Санкцию, Фридрих II в конце 1740 г. напал на Силезию под предлогом защиты этой провинции от посягательств других претендентов на австрийское наследство. В то же время Фридрих предложил Марии-Терезии, что он гарантирует Прагматическую Санкцию и поможет ее мужу Францу Лотарингскому получить императорскую корону, если она уступит Пруссии часть Нижней Силезии за 6 миллионов. Мария-Терезия отвергла это предложение и обратилась за помощью к державам, гарантировавшим Прагматическую Санкцию.

Еще до вступления прусских войск в Силезию русское правительство предписало Щербатову выявить отношение английского двора к намерениям прусского короля.

¹ С.Р.И.О., т. 85, стр. 198.

² Там же стр. 313—314.

³ Politische Korrespondenz Fridrichs des Grossen, Berlin 1879 г. т. 1 п. 97.

⁴ АВПР, Сношения России с Англией, № 5, л. 29—31.

В январе 1741 года Финч сообщил русскому правительству, что английский король и генеральные штаты Голландии попытаются отговорить Фридриха II от вторжения в Силезию, но что в случае, если эта инициатива не достигнет желаемой цели, морские державы готовы выполнить свои обязательства перед королевой венгерской, отправив на помощь ей силы, обусловленные трактатами. Далее Финч указывал, что для успеха этих мероприятий морским державам представляется особенно важным согласование дальнейшего плана действий с *русским двором*. Лорд Гаррингтон, кроме того, рекомендовал внушить русскому двору, что *ничто не в состоянии образумить короля прусского, как только диверсия, произведенная русской армией* по направлению к прусской границе¹.

Итак, выражая на словах готовность содействовать королеве венгерской, английское правительство, верное своей политике загребать жар чужими руками, собиралось осуществить это силами русской армии.

В письме Гаррингтона Финчу от 3/14 февраля 1741 г. прямо указывается, что направление, которое должны принять дела, в значительной степени зависит от русского двора, а потому он, Гаррингтон, предлагает склонить русское правительство теперь же, не теряя времени, к тому, чтобы сделать „спасительный шаг“ — немедленно отправить значительный корпус войск в Пруссию².

Как же реагировало на это предложение русское правительство?

В то время, когда Миних в течение нескольких недель занимал пост первого министра и оказывал влияние на внешнюю политику, Фридриху II удалось при помощи солидных подарков склонить его к подписанию 27 декабря 1740 г. союзного договора с Пруссией. В силу этого договора Россия обязалась не вступать ни в какие, враждебные Фридриху, обязательства³. Все же русское правительство обратилось к прусскому королю с решительной декларацией, требуя остановки вторжения и выражая готовность охранять прагматическую санкцию. Однако, хорошо понимая намерение англичан воспользоваться для помощи Австрии только русскими силами, русское правительство не спешило с посылкой своих войск. Финч справедливо предполагал, что, хотя Остерман и жалуется на медлительность Англии и Австрии в выработке планов совместных действий, сама „Россия не предпримет решительного шага без предварительного соглашения с морскими державами

¹ С. Р. И. О., т. 85, стр. 460.

² Там же, стр. 480—481.

³ Ф. Мартенс, т. V, стр. 315—331.

и с Саксонией, без уверенности, что все они своевременно выполняют условленные диверсии¹.

Дело в том, что с начала 1741 года угроза новых осложнений с Швецией становилась все более реальной. В стремлении не допустить вмешательства России в войну за австрийское наследство, Франция резко усилила свои антирусские интриги в Швеции и Турции. Несмотря на то, что Франция была посредницей в заключении Белградского мира, несмотря на то, что еще до его заключения в Россию послан был чрезвычайный посол маркиз Шетарди (с тайной инструкцией выяснить положение, силы великой державы и шансы на продолжительное существование ее правительства), было ясно, что Франция отнюдь не собирается менять основного, враждебного России, направления своей политики.

Русский полномочный министр князь Кантемир писал из Парижа (куда он был переведен из Лондона), предостерегая свой двор от излишнего доверия Франции. „Всепопданнейше прошу, чтоб так с здешней, как с шведской стороны содержать себя в предосторожности“².

Еще в июле 1740 года в России стало известно о возобновлении под давлением Франции союза Швеции с Портой. Этому Кантемир никак не мог помешать. На все его требования пресечь враждебные в отношении России планы Швеции кардинал Флери, первый министр Людовика XV, отвечал неизменно, что Швеция не намерена нападать на Россию. Однако он не мог не добавить при этом: „Правду сказать, бедные шведы по Ништадскому миру потеряли все свои области, которые желали бы себе возвратить и если бы можно было что-нибудь возвратить из этих областей, то они бы успокоились“³.

Кантемир писал из Парижа: „В. В. в теснейшем союзе с Цезарем находится, отчего на вас смотрят, как на главнейшее препятствие к совершенному унижению Австрийского дома, что всегда было главной целью здешнего двора. Из чего легко можно заключить, что когда случай представится для уменьшения вашей неприятной силы, то под рукой, или явно, смотря по обстоятельствам времени, его не пропустят“⁴.

В конце 1740 г. и начале 1741 г. французскому правительству показалось, что такой случай представился. Внутренняя обстановка в России была такой, что, казалось, давала возможность беззастенчивого вмешательства агентов иностранных государств во внутренние дела России. Смерть Анны Ивановны, регентство Бирона, переворот 9 ноября 1740 года, затем отстранение Миниха, общее недовольство в стране не-

¹ С. Р. И. О., т. 85. стр. 506.

² Ф. Мартенс, т. XIII, стр. 50.

³ Там же.

⁴ Там же.

мецким засилием — все это создавало почву для подготовки нового переворота. Дворянская гвардия намеревалась возвести на престол дочь Петра—Елизавету, на которую были обращены взоры всех недовольных. Французское правительство совместно с шведским решило оказать содействие перевороту в пользу Елизаветы, надеясь добиться от нее изменения курса внешней политики и тем самым сделать Россию своим орудием. Французское правительство рассчитывало на возможность возвращения Швеции хотя бы части отвоеванных у нее Петром I территорий, чтобы „сдерживать Россию в прежних границах“, а также воспрепятствовать ее помощи австрийскому двору. Для этого Швеция должна была объявить России войну под предлогом... содействия Елизавете занять трон¹.

Шетарди в письме к Лемору, французскому посланнику в Дании, так рисует планы коалиции против России: „...Если датский и шведский флоты, соединенные вместе, отрежут от открытого моря русский флот..., то берега Швеции, таким образом, будут защищены от десантов, от которых они терпели в последнюю войну; шведы, получая субсидии, могут с успехом действовать со стороны Выборга; в особенности, если бы Дания решилась для диверсии отправить небольшой отряд войск в Эстляндию... Без труда можно будет обеспечить за собой диверсию со стороны турок, хотя они и не будут вынуждены при этом начать войну; кроме того, король прусский, как только он в состоянии будет открыть военные действия, не станет долее пренебрегать своими интересами“².

Перед угрозой назревающей коалиции союз с Англией, при всем двуличии ее политики, мог укрепить позиции России, особенно если бы Англия оказала помощь флотом. В конце марта Остерман возобновил переговоры о союзе. На вопрос о том, сможет ли Россия рассчитывать на присылку английской эскадры в Балтийское море, Финч сослался на изменения в статье 16-й трактата, в которой разъясняется, в каких случаях Россия может положиться на условленную помощь, и в каких случаях король признает для себя невозможным оказать ее³.

4 апреля русско-английский союзный договор был заключен сроком на 20 лет. Согласно его условиям Россия, по статье 4, обязывалась выставить в помощь Англии 10 000 чел. пехоты и 2000 конницы. Англия взамен обязывалась выставить 12 кораблей с 700 пушек“⁴. Статья 5-я устанавливала денеж-

¹ С. Р. И. О., т. 92, стр. 310—311.

² Там же, стр. 436—437.

³ С. Р. И. О., т. 91, стр. 35.

⁴ Ф. Мартенс, т. IX—X, стр. 96—97.

ную сумму в 100 тысяч фунтов стерлингов взамен упомянутой в статье 4-й помощи в случае, если атакованная сторона сочтет неудобным требовать помощи¹.

В статье 6-й предусматривалось, что если „востребованная“, т. е. оказывающая помощь сторона сама будет атакована, то она может через два месяца отозвать свои войска, уведомив об этом „требующую“ сторону. В том же случае, если помощь будет испрошена в то время, когда „востребованная“ сторона находится в состоянии войны и ей необходимо употребить все силы для собственной безопасности и обороны, то она имеет право не оказывать помощи до тех пор, пока эта вооруженная сила будет ей самой нужна. Однако 6-я статья содержала оговорку, что „нынешняя война с одной Испанией не имеет препятствовать королю Великобританскому прислать России постановленную трактатом помощь“...²

На другой день после заключения договора Финч, сообщая в Лондон о подписании договора, указывал, что русский двор настолько уверен в выполнении Англией своих обязательств в отношении присылки эскадры, что, в случае невозможности ее послать, он советует отказаться от ратификации договора и, пожертвовав им — Финчем, — отозвать его с ссылкой на то, что он не понял данных ему инструкций и превысил свои полномочия. Финч подчеркивал, что Англия не может рассчитывать ни на какие выгоды от этого договора, если в Петербурге с первого же раза будут обмануты в своих ожиданиях³. В последующих донесениях Финч жалуется, что „русское правительство всецело поглощено своим столкновением с Швецией и гораздо более озабочено обеспечением помощи себе, чем австрийскому дому“⁴ и что, по заявлению Остермана, война со Швецией „лишит Россию возможности оказать какую-либо помощь на другой стороне“⁵.

В мае 1741 года русский полномочный министр в Лондоне Щербатов в своих донесениях о беседах с герцогом Ньюкестлем по поводу ратификации трактата сообщил, что английский правительством усматривает неравенство в том пункте трактата, который не освобождает Англию от союзной помощи во время ее войны с Испанией, тогда как Россия освобождается от такой помощи, при какой бы то ни было войне. Ньюкестль заметил, что Англия может иногда находиться в таком положении, что не сможет послать свои корабли в Балтийское море⁶.

¹ Мартенс, т. IX (X), стр. 97.

² Там же, стр. 98.

³ С. Р. И. О., т. 91, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 131.

⁵ Там же, стр. 155.

⁶ АВПР, Сношения России с Англией, 1741 г., № 9, л. 245—247, № 4, л. 351—356.

В следующем разговоре Ньюкестль прямо заявил, что Англия не может послать флот в Балтийское море и предлагает денежную помощь, так как не в состоянии найти матросов для вооружения кораблей. Он заверял в заинтересованности Англии в скорейшем заключении договора и сожалел о задержке, которая, по его словам, происходит из-за того, что Финч, рассчитывая на достаточное количество кораблей, включил в договор пункт о том, что Испанская война не мешает его правительству оказать России помощь флотом, Щербатов выразил удивление, как мог Финч подписать трактат „в противность содержания полномочий, данных ему от английского двора“. Он напомнил, что посылка кораблей в Балтийское море важна не только для русских интересов, но в равной мере и для английских — для сохранения равновесия на Севере, тем более, что он, Щербатов, имеет сведения от русского посла в Париже князя Кантемира, что французская эскадра из десяти кораблей будет послана из Бреста в Балтийское море. Герцог Ньюкестль повторил, что Англия не постоянна бы за кораблями, но раз матросов нет, то это не ее вина, и помощь она может только деньгами. Ньюкестль сообщил также, что трактат отправлен с курьером в Ганновер для ратификации королем, после чего он будет прислан в Петербург.

Щербатов заключает, что пока ждать помощи флотом от англичан нечего. Тем не менее они свои корабли вооружают, чтобы быть готовыми направить их в Балтику, когда французская эскадра будет послана туда на помощь шведскому флоту, который, конечно, не оставит в покое английские купеческие корабли, идущие в русские порты и из них¹.

В июне Щербатов писал в донесении, что „хотя корабли Англии и готовы для посылки в Балтийское море, но, видимо, Англия не хочет посылкою их подать причину к войне с Францией, которая без сомнения шведам помочь готова. Также англичане не хотят через помощь свою России потерять торг в шведских и других Балтийского моря портах“².

В начале июля герцог Ньюкестль поручил Финчу сообщить русскому правительству, что в виду невозможности для Англии послать в настоящее время эскадру в помощь России, король предлагает включить в договор новую сепаратную статью. Он не отрицал положения трактата о том, что нынешняя война с Испанией не признается основанием для отказа в присылке Англией помощи эскадрой или деньгами по выбору стороны, требующей помощи, но настаивал, чтобы эта статья распространяла такое право выбора также и на Англию³. Но, отка-

¹ АВПР, Сношения России с Англией, № 4, 1741 г., л. 351—356.

² Там же, л. 390—391.

³ С.Р.И.О., т. 91, стр. 163—166.

зывая России в помощи эскадрой, английское правительство в то же время предлагало Финчу выяснить, как и когда Россия намерена выступить для поддержки австрийского дома. Финчу поручалось выразить уверенность, что Россия, „по примеру Великобритании... не даст себя отвлечь от выполнения обязательств по Прагматической Санкции никакими угрозами или враждебными действиями со стороны Швеции“¹.

В то же время, получив известие о договоре, подписанном между Пруссией и Францией, английское правительство обратилось к Австрии с предложением добровольно уступить Пруссии часть территории Силезии, т. е. оно готово было само пойти на нарушение Прагматической Санкции, чтобы только избежать непосредственного участия в войне. Для поддержания же в русском правительстве намерения сделать все возможное для выполнения обязательств, Англия доказывала свою готовность защищать Прагматическую Санкцию напоминанием о выданных ею королеве венгерской 300 000 фунтов стерлингов и находящихся наготове датских и гессенских войсках, нанятых на выгодных для королевы условиях².

Отказавшись от посылки флота в помощь России, английское правительство сделало попытку избавиться и от своевременной денежной помощи. Основываясь на донесении Финча, будто Остерман заявил, что, в случае невозможности для англичан прислать эскадру, Россия справится собственными силами и это не повлияет на взаимную дружбу обеих стран³, лорд Гаррингтон поручил Финчу сообщить Остерману, что в обстановке усиленных вооружений во французских портах и подготовки сильной испанской эскадры король надеется, что русское правительство не только признает невозможность для Англии прислать эскадру, но ввиду чрезвычайных расходов Англии не будет настаивать и на немедленной выплате денежной помощи⁴.

Сообщение Финча о новой сепаратной статье договора, естественно, вызвало возражения. На вопрос Остермана о том, будет ли выслана английская эскадра в Балтику в том случае, если там окажется французская эскадра, Финч сослался на отсутствие инструкций. Обращаясь к английскому правительству за новыми инструкциями, Финч высказал мнение, что до разрешения основного вопроса об эскадре он не надеется двинуть дело с трактатом⁵.

Лорд Гаррингтон, сообщая Финчу о том, что английское правительство не верит в возможность посылки французского

¹ С.Р.И.О., т. 91, стр. 167.

² Там же, стр. 181.

³ Там же, т. 91, стр. 155.

⁴ Там же, стр. 182—183.

⁵ Там же, стр. 193—198.

флота в Балтику в такое позднее время года, писал: „Если бы Франция выслала свои корабли, корабли эти немедленно соединятся с шведским флотом и станут между Россией и нами и выслать придется отсюда силы, которые, чтобы оказаться полезными, должны значительно превосходить силы, условленные трактатом, а выслать такие силы нам решительно невозможно, пока корабли наши плавают в американских водах...“¹.

Таково было состояние русско-английских переговоров, когда в августе 1741 года Швеция объявила России войну.

Убеденный в том, что русский флот не в состоянии при нынешнем его состоянии выйти в море, Финч обрадовался отказу русского двора подписать новую сепаратную статью и обменяться ратификациями трактата, который, как ему казалось, можно было считать неудавшимся². Однако известия с театра войны, победа русских под Вильманстрандом заставили его переменить мнение о возможностях русских в войне со Швецией. Да и английское правительство отнюдь не собиралось отказываться от трактата.

Объявление Швецией войны вызвало беспокойство английского купечества, торговавшего с Россией. Как писал Щербатов из Лондона, были сведения о намерении шведов захватывать все нейтральные корабли, идущие в русские порты и возвращающиеся из них. Поэтому купцы намеревались просить у правительства „о корабельном секурсе“, т. е. о посылке английской эскадры, однако Щербатов сомневался, чтобы они эту помощь выхлопотали³. Действительно, на поданное купцами представление „о защите коммерции“ правительство ответило отказом, ссылаясь на недостаток кораблей⁴.

7 ноября 1741 г. новая сепаратная статья договора была, наконец, подписана русским правительством и произошел обмен ратификациями⁵.

Однако внутренние события в России отсрочили проведение этого договора в жизнь. 25 ноября 1741 года в России произошел переворот, совершенный дворянской гвардией, которая возвела на престол дочь Петра I—Елизавету Петровну.

В докладе на 2 Всероссийском съезде профессиональных союзов В. И. Ленин 20 января 1919 года говорил: „Возьмите старое крепостническое дворянское общество. Там перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать дру-

¹ С.Р.И.О., т. 91, стр. 216.

² Там же, стр. 232.

³ АВПР, Сношения России с Англией, 1741 г., № 5, л. 75—77.

⁴ Там же, л. 80.

⁵ С.Р.И.О., т. 91, стр. 314.

гой"¹. переворот 25 ноября, совершенный дворянской гвардией и возведший на престол Елизавету, был именно такого рода переворотом, который не внес никаких изменений в социальную сущность дворянской монархии в России. То был период, когда феодальная система еще не пришла в состояние разложения, когда ростки капитализма были еще недостаточно сильны, чтобы поколебать господство класса землевладельцев и подорвать систему феодальной эксплуатации.

Однако переворот этот имел специфические особенности. Он положил конец засилью и самоуправству немецких авантюристов. Совершенный под лозунгом возвращения к петровским заветам, он не повлек за собой каких-либо существенных изменений во внутренней политике. Зато во внешней политике правительство Елизаветы, естественно, должно было усилить защиту завоеваний Петра от всякого рода реваншистских поползновений. Необходимо было положить конец попыткам представителей западно-европейских держав воспользоваться борьбой в правящих кругах России и направить ее внешнюю политику для достижения своих целей с тем, чтобы свести Россию на положение второстепенной державы.

Переворот, совершенный под лозунгом ликвидации засилья иностранцев, естественно, должен был также повлечь за собой и выдвижение на руководящие посты представителей русского дворянства. К их числу принадлежал Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Он хотя и занимал пост кабинет-министра при прежнем правительстве и не принимал участия в перевороте, все же был привлечен к руководству внешней политикой России, как опытный и способный дипломат, один из последних представителей петровской школы. Бестужеву вместе с Черкасским, оставленным на посту канцлера, было поручено составление манифеста о вступлении Елизаветы на престол. В декабре 1741 года А. П. Бестужев был назначен вице-канцлером.

Французский посол в Петербурге Шетарди и шведский посол Нолькен накануне переворота пытались склонить Елизавету дать письменное обязательство об уступке ею Швеции части отвоєванных Петром территорий за то, что Франция и Швеция окажут ей помощь в получении престола. Симпатии Елизаветы к французскому королю Людовику XV и расположение к маркизу Шетарди, казалось, сулили успех французской политике при русском дворе. Финч в донесении 28 ноября 1741 года писал: „Успех совершившегося переворота обещает успех французской дипломатии“². 3 декабря 1741 года, отмечая холодный тон и сдержанность Бестужева в разговоре с ним, Финч высказывает такое предположение: „Как бы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 397.

² С.Р.И.О., т. 91, стр. 343.

он (Бестужев) не поплыл с сильным французским ветром, веющим сейчас при русском дворе, где первый поклон отдается, конечно, государыне, но второй уже Шетарди"¹.

На другой день после переворота Елизавета обратилась к Шетарди с требованием дать распоряжение шведскому главнокомандующему Левенгаупту о прекращении шведами военных действий. Французскому королю она написала частное письмо с просьбой оказать ей добрые услуги в заключении мира с Швецией.

Шетарди на свой риск, не ставя в известность Париж, отдал такое распоряжение шведской армии. Это вызвало негодование французского правительства, так как прекращение военных действий совсем не входило в планы французского министерства. Министр иностранных дел Людовика XV, Амело, выражая недоверие сведениям Шетарди о возросших силах России и бессилии Швеции, высказывал сожаление о трудах, предпринятых в России для переворота, коль скоро последний не стал средством облегчения шведам исполнения их намерений. Он подчеркивал, что „честь французского короля требует доставить шведам хотя бы часть обеспечений и выгод, на которые они надеялись“ и потому, мол, французское правительство уже сообщило шведам, что они должны продолжать военные действия. Задача же Франции в отношении России, объяснял Амело, состоит в том, чтобы мир между Россией и Швецией был в руках Франции и чтобы царица оставалась в уверенности насчет добрых услуг короля².

О том, что в России знали цену французских „добрых услуг“, можно судить по тому, что в рескрипте русскому послу в Париже Кантемиру предписывалось, чтобы он постарался узнать мысли французского двора: „...искренни ли чинимые ему от министерства отзывы о прекращении с Швецией войны и уверения о дружеском расположении французского двора к здешнему, или же основаны они на одних только попрежнему ласкательствах“³. А в связи с сообщением русского резидента в Константинополе о том, что французский и шведский послы толкают Турцию к разрыву с Россией, Кантемиру предписывалось дружески обращаться с прибывшим в Париж турецким послом, наблюдая, не ведет ли он каких-либо переговоров, особенно в пользу Швеции⁴.

Французский король, рассматривая обращение к его добрым услугам как просьбу о посредничестве, выразил через Шетарди свою полную готовность содействовать заключению мира между Россией и Швецией на условиях хотя бы частичных

¹ С.Р.И.О., т. 91, стр. 354.

² Там же, т. 100, стр. 37—41, 41—43.

³ Архив Воронцова, М. 1870 г., т. I, стр. 110.

⁴ Там же, т. I, стр. 109.

территориальных уступок шведам¹. Однако Елизавета твердо заявила, что, при всем ее безграничном доверии и дружбе к королю, она готова бы была последовать всем его указаниям в отношении выражения благодарности шведам, если бы это не касалось земельных уступок, „которые в равной мере противны как интересам России, так и славе ее отца и всему, что куплено ценою крови ее подданных“².

В ответ на представление об условиях мира, сделанное Шетарди Бестужеву, последний заявил, что нельзя вести никакие переговоры иначе, как на условиях Ништадского мира, что он заслуживал бы смертной казни, если бы советовал уступить хоть клочок земли, что если для славы государства надо продолжать войну, то Россия продолжит её...³. Шетарди была вручена официальная записка, в которой говорилось, что императрица не согласится ни на что, противное Ништадскому мирному трактату⁴.

В начале марта русская армия возобновила военные действия. На возражение Шетарди русское правительство объяснило это задержкой мирных предложений со стороны Швеции. В конце апреля 1742 года шведский посол Нолькен приехал в Москву, где находился в то время двор и дипломатический корпус. Однако, когда Нолькен заявил, что ввиду принятия французского посредничества он не может действовать в качестве уполномоченного без участия Шетарди, русские министры ответили, что от Франции требовались только добрые услуги, а не посредничество⁵. Эти добрые услуги, по мнению русского двора, осуществляются таким образом: в затруднительных случаях Нолькен обращается к Шетарди и последний может делать некоторые заявления русским министрам, но не такие, какие Нолькен мог бы сделать лично⁶.

Предварительные переговоры с Нолькеном о мире с Швецией не дали никаких результатов. Русские настаивали на ведении переговоров на основе Ништадского мира, Нолькен же требовал уступки Выборга⁷. 30 мая Нолькен выехал из России. Шетарди, после бесплодных попыток убедить русское правительство принять французское посредничество, получил отзывные грамоты короля⁸.

Итак, широкие планы Парижа вовлечь Россию в сферу французского влияния и сделать ее орудием своей политики натолкнулись в шведском вопросе на твердую позицию русского правительства и потерпели крах.

¹ С.Р.И.О., т. 100, стр. 61.

² Там же, стр. 67—68.

³ Там же, стр. 68.

⁴ Архив Воронцова, кн. I, стр. 164.

⁵ С.Р.И.О., т. 100, стр. 170.

⁶ Там же, стр. 170—171.

⁷ Там же, стр. 199—232.

⁸ Там же, стр. 246.

Неудача французской политики в России возродила надежды английского правительства на возможность вовлечения России в сферу своего влияния. В первую очередь англичане попытались нащупать почву насчет возможности возобновления союзного договора. Еще в начале 1742 года английское правительство запрашивало Елизавету: будет ли ее правительство признавать трактат, заключенный в 1741 году? В ответе сообщалось, что императрица повелела рассмотреть трактат и что только другие дела не позволили осуществить это до сих пор, а теперь все будет сделано безотлагательно¹. На место отозванного из России Финча полномочным министром Англии был назначен Кирилл Вейч.

Накануне своего отъезда, в начале февраля 1742 года, Финч имел разговор с А. П. Бестужевым по поводу возобновления трактата. Бестужев заявил, что новое правительство потребует изменения пункта трактата, устанавливающего вместо помощи в шведской войне флотом денежную компенсацию. Финч ответил, что в трактате не будет допущено никаких изменений, разве только он может взять на себя ответственность написать и подписать новую статью без упоминания о денежном вознаграждении². Разговор этот не имел никаких результатов.

Деятельность нового полномочного министра Англии в России началась в тот период, когда в Англии пало министерство Уолполя. Новое министерство отражало взгляды агрессивной, воинственной части буржуазии, считавшей, что ее власть и возможности приобретения богатств зависят от политики проведения открытой колониальной войны³. Военный министр нового правительства Картерет, дипломат по профессии, хорошо знакомый с ходом европейской политики, в беседе с Щербатовым, осведомившись о судьбе русско-английского трактата, заявил, что стоит за интересы королевы венгерской и всех тех, кто ей действительно будет помогать, так как считает такие действия единственным способом восстановления равновесия в Европе⁴. В новом разговоре Картерет развил мысль о необходимости соглашения между Россией, Англией и Голландией для принятия мер против Франции. В таком случае, по словам Картерета, Англия примет все возможные и удобные меры и к „охранению России“⁵. В реляции от 30 марта 1742 года Щербатов сообщал, что в парламенте взят твердый курс на помощь королеве венгерской⁶.

Однако и новое правительство рассчитывало „восстановить равновесие в Европе“ главным образом руками России. Вейчу

¹ АВПР, Сношения России с Англией, 1742 г., № 3, л. 25.

² С.Р.И.О., т. 91, стр. 437—438.

³ А. Мортон, История Англии, стр. 256.

⁴ АВПР, Сношения России с Англией, 1742, № 5, л. 73—77.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 84—85.

строжайше предписывалось употребить все старания, чтобы русский двор активно проявил себя. В случае согласия на деятельное вмешательство в пользу королевы венгерской, Вейчу поручалось выяснить, каким именно способом предполагала бы Россия это сделать¹.

Вейч не нашел удобным сразу и настойчиво показать намерения Лондона заставить Россию служить интересам Англии. Он пишет 27 мая (7 июня): „Не ознакомившись предварительно с намерениями новой императрицы по вопросу о нашем трактате, не получив объяснений, способных, по крайней мере, положить основание доброму согласию и единению обоих дворов, с моей стороны, полагаю, напрасно было бы предпринимать какой-либо шаг, направленный к тому, чтобы русское правительство высказалось в пользу королевы венгерской и решилось принять какие-либо деятельные меры в этом направлении. Раз между нашими дворами установится полное согласие, присоединение к нам в преследовании общей цели явится естественным последствием наших добрых отношений“².

Но уже месяц спустя Вейч делает вывод о том, что чрезвычайно трудно вовлечь Россию в дела, непосредственно не связанные с ее интересами. Он вынужден констатировать, что „ввиду заговоров, внутренних беспорядков и шведской войны у русских министров окажется столько дела, что им не хватит ни досуга, ни средств принимать участие в событиях, свершающихся где бы ни было далее... Насколько собственные интересы России могут вызвать решимость действовать в стороне Пруссии, из подозрения как бы шведы не появились в Ливонии или не вторглись в Курляндию — дело другое; опасаясь только, что очень трудно будет при теперешнем положении России вызвать ее на деятельное соучастие ради общих европейских интересов“³.

Между тем события в Европе развивались таким образом, что у Англии скоро отпала необходимость побуждать Россию к активному выступлению в защиту Австрии. В июле 1742 г. Фридрих II, захватив большую часть Силезии, бросил на произвол судьбы свою союзницу Францию и заключил с Марией-Терезией сепаратный мир. Англия выступила посредницей. Она признала Бреславльский договор, гарантировав Фридриху Силезию и Глац (без Тешена). Таким образом, Англия играла двойственную роль, ибо, гарантируя Фридриху Силезию, она нарушала Прагматическую Санкцию и предавала интересы своего старого союзника — Австрии. Для Англии на первом месте стояла ее основная задача — ослабление Франции, а неожиданный выход Фридриха из войны ставил Фран-

¹ С.Р.И.О., т. 91, стр. 465—466.

² Там же, стр. 482.

³ Там же, стр. 508.

цию в критическое положение. Французы пытались вступить в переговоры с Марией-Терезией, но получили отказ.

Посредничество имело для Англии ту выгоду, что по условиям договора Фридрих II гарантировал ей нейтралитет. Ганновер, таким образом, оказывался в безопасности. Под влиянием Англии Голландия также примкнула к Бреславльскому договору. Теперь, когда новое английское правительство старалось образовать могущественную лигу против Франции, оно ставило задачей добиться присоединения к Бреславльскому договору и России.

В соответствии с этим Вейч получил новые указания. В начале августа 1742 года лорд Картерет писал Вейчу, что король приглашает его особенно озаботиться соблюдением дружеских отношений с представителями Венгрии и Пруссии при русском дворе, жить с ними в возможном согласии и поступать согласованно, преимущественно в вопросе о присоединении царицы к мирному договору между королевой венгерской и королем прусским¹.

Что касается союзного договора России с Англией, то Лондон ожидал от Вейча нового трактата, который новое русское правительство собиралось составить и передать английскому полномочному министру в Петербурге².

В начале августа канцлер Черкасский передал Вейчу проект нового договора, составленного на основе прежнего с некоторыми изменениями. Ввиду отсутствия у Вейча полномочий, допускающих какие-нибудь изменения в тексте договора, он принял проект *ad referendum*. По новому варианту договора, английский король освобождался от обязательства прислать в Россию эскадру в период нынешней войны Англии с Испанией, Россия же освобождалась от присылки в помощь Англии сухопутных войск в период войны со Швецией. В случае же нового нападения на Россию или Англию предусматривалась обоюдная помощь³.

Русское правительство не настаивало теперь на присылке английской эскадры, ибо с театра русско-шведской войны приходили все более благоприятные известия. После возобновления (в марте) военных действий успехи русской армии следовали один за другим. 29 июня русские войска без сопротивления овладели Фридрихсгамом. 11 августа русская армия настигла шведов у Гельсингфорса, отрезала им пути отступления к Або, а русский флот запер шведов со стороны моря. Русский отряд, посланный из Кексгольма, без сопротивления захватил шведское укрепление Нейшлот, шведский же гарнизон крепости Тавастгус также сдался без боя. 25 августа швед-

¹ С.Р.И.О., т. 99, стр. 35.

² Там же, стр. 19—20.

³ Там же, стр. 29—33.

ская армия капитулировала. Так как шведские солдаты разошлись по домам, русские войска заняли Финляндию и ее столицу Або¹.

О том, как относилось английское правительство к успехам русских войск в Швеции, можно судить по донесению от 3 сентября 1742 года русского полномочного министра в Англии Нарышкина. Последний передает разговор Картерета со шведским послом в Лондоне, которого Картерет заверял, что Петр Великий никогда не хотел „в прах искоренить Швецию“ и что по тем же причинам, он полагает, и императрица будет так поступать. В ответ на сообщение об этом разговоре Нарышкин заявил Картерету, что действительно императрица Елизавета во всем следует заветам своего отца, но что „сейчас Швеция потеряла свой кредит и отняла у императрицы русской возможность полагаться на ону“².

Еще ярче сказались отношение английского министерства к успехам России в Швеции в письме лорда Картерета к Вейчу от 17 сентября 1742 года, к которому приложены были полномочия короля на подписание русско-английского союзного договора. По поводу слов статьи первой договора: „поддерживать друг друга в королевствах... *которыми стороны ныне владеют*“, Картерет делает такое замечание: „В то время, как договор подписывался, выражение это не встречало никаких препятствий, но с тех пор русские войска покорили и вступили во владение большей части Финляндии и, если упомянутые слова *останутся без изменения*, их можно истолковать в смысле *гарантии со стороны короля новых завоеваний*, чего, Е. В. убежден, и в голову не приходило русским министрам, потому они, вероятно, легко согласятся на разъяснение этого пункта, хотя бы, например, заменю слов „*ныне владеют*“ словами „*владела до 1741 года*“. За эти слова, собственно, не стою, лишь бы возможность вышеупомянутого истолкования была устранена“³.

Когда исход русско-шведской войны уже определился, английское правительство было озабочено тем, чтобы захватить в свои руки посредничество в мирных переговорах России с Швецией. „...Кажется не может быть сомнения в полном желании Швеции примириться с русским двором. Вместе с тем очень вероятно, что она пожелает посредничества Е. В., и потому попытайтесь узнать заблаговременно — насколько русские министры расположены обратиться к тому же посредничеству“, — пишет лорд Картерет. — „И если царица склонится к посредничеству, можете немедленно изъявить согласие именем Е. В. и также немедленно, если возможно, вступить в переписку по этому поводу с Гюи Диккенсом (английский

¹ С.Р.И.О., т. 99, стр. 4—5, 37, 45, 48—49, 51, 58.

² АВПР, Сношения России с Англией, 1742 г., № 4, л. 318.

³ С.Р.И.О., т. 99, стр. 76—77.

посол в Швеции), которому я посылаю соответствующие инструкции в Стокгольм“¹.

Но, проявляя такую поспешность в деле посредничества, английское правительство в то же время не хотело показать свою заинтересованность в этом деле. А потому Картерет рекомендует Вейчу отнюдь не обращаться с прямым предложением о посредничестве к русскому двору и не показывать вида, что Англия желает этого, но употребить всевозможные старания, чтобы сам русский двор обратился к Англии².

„...Мы в состоянии уладить между российским двором и Швецией мир, способный обеспечить могущество и достоинство России в глазах Европы,—пишет лорд Картерет,—лишь бы русские поверили, что Англия их лучший друг, как оно и есть в действительности“. Однако в этом же письме Картерет добавляет: „Полагаем, что русскому двору нет интересов доводить Швецию до совершенной крайности, что интересы его скорее требуют почетного и прочного мира с Швецией, дабы Россия могла развязать себе руки на деятельность более важную, более полезную, более благую“³.

Итак, главная забота Англии — не допустить чрезмерного усиления России в Прибалтике за счет Швеции и использовать ее в качестве орудия своей политики против Франции.

Выяснив отношение к возможности английского посредничества, Вейч писал, что русские министры, отвергнув в деле примирения со Швецией сначала посредничество Франции, а затем Дании, не могут открыто принять посредничество какой бы то ни было иной державы. Тем не менее он считал, что „пожелай друзья наши (английская партия в Швеции.— А. А.) в случае смены министерства в Швеции препроводить русскому двору частным образом какие-либо предложения через министров Е. В. (короля английского — А. А.) — предложения эти будут здесь приняты очень благосклонно и переговоры могут оказаться в наших руках, хотя официально мы как бы не будем принимать в них никакого участия“⁴. Вейч далее высказывает предположение, что русский двор ожидает, не выступят ли шведы с некоторыми предложениями прежде, чем Россия объявит свои требования, и снова выражает надежду, что если бы шведы пожелали передать свои предложения частным образом через представителей английского короля, предложения были бы хорошо приняты⁵.

В первой половине октября 1742 года, изверившись во Франции, шведы действительно обратились к Англии с просьбой добрых услуг в заключении мира. Английское правительство

¹ С.Р.И.О., т. 99, стр. 79.

² Там же, стр. 80.

³ Там же, стр. 82—83.

⁴ Там же, стр. 93.

⁵ Там же, т. 99, стр. 97.

охотно приняло это предложение, рассматривая его как просьбу о посредничестве¹, и еще раз напомнило Вейчу о необходимости попытаться вызвать такое же обращение со стороны русской царицы².

Чтобы упрочить свое влияние в Швеции и вовлечь её в орбиту своей политики, русское правительство выдвинуло кандидатом на шведский престол представителя гольштинского дома епископа Любекского Адольфа Фридриха. Вейч писал Картерету, что царица намерена добиваться этого при содействии английского короля. Вейч сообщал, что будут посланы соответствующие указания русскому полномочному министру в Лондоне Нарышкину и что готовятся уже инструкции для представителя герцога гольштинского Бухвальда, который должен первоначально отправиться в Англию для ознакомления с намерениями английского короля, а затем в Стокгольм³.

Однако английское правительство намеревалось выдвинуть своего кандидата на шведский престол — принца Гессенского, брата шведского короля. Когда лорд Картерет назвал эту кандидатуру Нарышкину, последний ответил, что она не подходит из-за разноверия — шведы не захотят кальвиниста. Кроме того, этому будет противиться французская партия. Нарышкин подчеркнул, что англичанам, чтобы не потерять окончательно влияния в Швеции, остается помогать России в предоставлении престола принцу Любекскому, который может жениться на английской принцессе. Картерет согласился, но намекнул, что английскому королю хочется быть посредником в примирении России со Швецией. С. М. Соловьев приводит следующее замечание Бестужева на это донесение Нарышкина: „Когда одному отказано, никому другому никоим образом быть не можно“⁴.

Русское правительство снова показало свою твердость в вопросе об охране петровских завоеваний. Заинтересованное в том, чтобы, действуя в Швеции в контакте с Англией, противостоять французскому влиянию, оно в то же время понимало, что посредничеству Англии сведется лишь к стремлению парализовать успехи России.

Желая склонить Россию к принятию своего посредничества, английское правительство отнюдь не собиралось защищать интересы России в отношении кандидатуры епископа Любекского. В конце октября 1742 года Картерет писал Вейчу, что английский король не намерен отказываться от своего кандидата, что новая (т. е. русская) кандидатура уже опоздала, ибо дело, вероятно, покончено в пользу принца Гессенского или

¹ С.Р.И.О. т. 99, стр. 94.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 97.

⁴ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. 21, гл. 2, стр. 190—191.

в пользу французского претендента — герцога цвейбрюкенского¹.

Однако и Вейч не мог похвалиться успехами в вопросе о принятии русскими английского посредничества. Сообщая Картерету о том, что Нарышкину отправлено приказание выяснить у английских министров, насколько король склонен поддерживать планы царицы, Вейч делает следующее заключение: „Успешно ли завершится наш договор с Россией, примет ли царица посредничество короля для примирения со Швецией, удастся ли нам отстранить Е. В. от Франции, все это много зависит от того, насколько король *обнадежит Россию содействием ее целям, так как царица окончательно решилась домогаться их так или иначе*“².

Когда на шведском сейме наследником шведского престола был провозглашен герцог гольштинский Петр (племянник императрицы), Нарышкин подробно ознакомил Картерета с намерениями русского двора. Елизавета назначила герцога гольштинского Петра своим наследником, а следовательно, отклонила предложение наследования им шведской короны, о чем она до поры до времени заявлять не желает и будет стремиться утвердить на шведском престоле епископа любекского. Бухвальду дана инструкция просить у английского короля руки одной из английских принцесс для герцога-администратора. Если король окажет ей содействие в провозглашении кандидатуры епископа Любекского, то она немедленно примет его посредничество для заключения мира. Она рассчитывает на содействие короля и в устранении нынешнего министерства; с какими бы расходами это ни было связано, половину она берет на себя. И хотя, как свидетельствует Картерет, король отнесся весьма скептически к этому плану, он дал распоряжение объявить о полной готовности присоединиться к нему и оказать полное содействие его осуществлению³.

Картерет предписывает Вейчу поддерживать надежды русского двора на желаемый исход, чтобы предупредить его сближение с Францией⁴. Картерет напоминает Вейчу, что заключение русско-английского договора и принятие Россией посредничества английского короля нанесло бы сильнейший удар французам.

11 декабря 1742 года русско-английский договор был подписан⁵.

В условиях явной враждебности Франции, которая противодействовала всем задачам, стоявшим перед Россией в области внешней политики, русское правительство сочло целе-

¹ С. Р. И. О., т. 99, стр. 111.

² Там же, стр. 119.

³ Там же, стр. 158—161.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ Там же, стр. 170.

сообразным заключение союза с Англией, несмотря на все двуличие английского правительства и ненадежность Англии, как союзника. Позднее, обосновывая необходимость союза с Англией, А. П. Бестужев-Рюмин говорил, что, заключая союз, Россия избавится от враждебных происков Англии против России в Швеции¹.

В конце 1742 года в Петербург прибыли шведские депутаты граф Бонде, барон Гамильтон и барон Шефер с известием о том, что наследником шведского короля избран герцог Гольштинский, племянник императрицы. Из частных разговоров депутатов, которые находились под охраной русских офицеров, знающих шведский язык, оказалось, что приехавшие намерены вести интриги (в частности, хотят использовать воспитателя великого князя гольштинского Брюммера) в пользу Франции. Поэтому понятно, что при русском дворе к ним отнеслись с недоверием. Под предлогом того, что привезенное ими письмо к императрице написано по-французски (вопреки установившимся между Россией и Швецией обычаям) и что неправильно сформулирован титул, им первоначально было вообще отказано в приеме письма и в аудиенции у императрицы². Когда императрица все же приняла их, довольно холодно, и они имели несколько совещаний с министрами, выяснилось, что депутаты привезли полномочия, чтобы начать переговоры на основе Ништадского мира. Русские же не сходили с почвы *utti possidetis* (кто чем владеет)³.

Русское правительство предъявило следующие условия: удержание Россией всего завоеванного, вознаграждение за военные убытки или вместо вознаграждения—избрание наследником престола герцога-администратора Гольштинии епископа Любекского⁴. Так как шведы отвергли эти предложения, переговоры о мире были отсрочены до встречи уполномоченных на конгрессе в Або.

В январе 1743 года начал свою работу мирный конгресс в Або. Представителями России на конгрессе были назначены Румянцев и Любрас, от Швеции прибыли Цедеркрейц и Нолькен. Так как и на конгрессе шведские уполномоченные категорически отказались заключить мир на условии „кто чем владеет“, Елизавета обратилась за советом к фельдмаршалам и генералам, высшим сановникам, руководителям внешней политики. Все они высказали различные мнения, но большинство стояло за необходимость уступки шведам части Финляндии.

¹ Архив Воронцова, кн. 2, стр. 78.

² С. Р. И. О., т. 99, стр. 201—204.

³ Там же, стр. 213.

⁴ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. 21, гл. 2, стр. 184.

Шведские уполномоченные заявили о согласии Швеции избрать епископа Любекского при условии возвращения Россией всего завоеванного и заключения оборонительного и наступательного союза ввиду неизбежности войны с Данией из-за Шлезвига. Конечно, такое предложение было отвергнуто, но шведам объявили, что им будут сделаны некоторые уступки. Начались споры из-за этих уступок. На заявление русских уполномоченных о том, что при условии избрания епископа Любекского будет уступлена Финляндия до Нюланд, шведы ничего не ответили. Конгрессу грозил срыв. Наконец, шведы заявили, что Нюланд не может быть уступлен, а только Кюменогорская область. Русские уполномоченные потребовали компенсации за Нюланд. Снова разгорелись прения. Наконец, 19 августа был подписан мирный договор между Россией и Швецией, по условиям которого за Россией остались Кюменогорская провинция с городами Фридрихсгаменом и Вильманстрандом и Саалакская провинция с городом и крепостью Нейшлот¹.

Позиция Англии в период Абоского конгресса не могла не вызвать недовольства русского правительства. В связи с тем, что наследником шведского престола в конечном итоге оказался русский ставленник—герцог-администратор Гольштинии, усилилось враждебное настроение против России в Дании, которая не могла сочувствовать этому кандидату, так как боялась его притязаний на Шлезвиг. Между тем союзная с Россией Англия не только не препятствовала враждебным действиям Дании в Швеции в отношении России, но и поощряла их. Англия продолжала негласно поддерживать кандидатуру на шведский престол наследного принца датского Фридриха Гессенского в противовес русскому кандидату. Английский двор собирался женить датского кронпринца на английской принцессе, субсидировал датчан деньгами. Сам датский министр Шулин не скрывал этих связей.

Начиная с февраля 1743 года, русское правительство категорически предписывало Нарышкину требовать от Англии объяснения по поводу ее позиции в шведском вопросе. В ответ на категорические требования выполнять условия союзного трактата и поддерживать спокойствие на Севере, в частности, на требование послать флот для успокоения датчан,—английское правительство делало успокоительные заверения, ничего не объясняя и не предпринимая². Еще в начале 1743 года, когда в Лондоне получено было известие о подписании русско-английского трактата и английский король с лордом Картеретом выразили по этому поводу свое удовлетворение, Нарышкин

¹ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, т. 21, гл. 3, стр. 217—226.

² АВПр, Сношения России с Англией, 1743 г., № 3, л. 27—117.

спросил Картерета, какие меры собирается принять Англия, чтобы остановить датские вооружения. Картерет уклончиво ответил, что незачем спешить и что известие о заключении русско-английского договора успокоит датчан¹.

Несколько раз Картерет высказывал Нарышкину недовольство позицией русских в переговорах со шведами в Або, советовал поспешить с миром, пока шведы соглашаются на епископа Любекского², уступить Финляндию и тем ускорить заключение мира. Он запугивал Нарышкина тем, что Дания и Франция предложат Швеции более выгодные условия³, доказывал, что в качестве барьера можно иметь не всю Финляндию⁴.

На запрос Нарышкина по поводу слухов о намерении женить датского кронпринца (претендента на шведскую корону) на английской принцессе Луизе, Картерет признал, что такое намерение у английского двора есть, но трактовал его как дело домашнее, не имеющее политических целей⁵.

В свою очередь полномочный министр Англии Вейч сообщает из Петербурга в Лондон о том беспокойстве, какое вызывают в России сильные вооружения Дании на море и на суше, а также датское предложение, сделанное Швеции о нападении на Россию соединенными силами. Вейч считает, что посылка Англией в Балтийское море эскадры, которой требуют русские министры, может принести двоякую пользу: во-первых, предупредить нападение на Россию со стороны Дании и Швеции, во-вторых, склонить русских министров к примирению со Швецией на разумных условиях⁶.

Узнав о прелиминариях мира в Або, лорд Картерет заявил Нарышкину, что хорошо, что русские пошли на уступки, а если б опоздали, то наследником был бы выбран датский принц⁷.

Таким образом, как в период Абоского конгресса, так и после него, Англия не действовала в контакте с Россией и ничего не предприняла для предотвращения назревавшего конфликта между Россией, с одной стороны, и Швецией и Данией, с другой. Англия и здесь вела свою линию на отвлечение Дании от Франции, пренебрегая интересами русского союзника.

Позиция русского правительства, проявившего твердость в вопросе о посредничестве в переговорах со Швецией и отвергнувшего притязания и Франции, и Дании, и „союзной“ Анг-

¹ АВПР, Сношения России с Англией, 1743 г., л. № 4.

² Там же, № А4, л. 35—58.

³ Там же, № А4, л. 133—136.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 307—309 и реляция № 13|23, л. 357.

⁶ С. Р. И. О., т. 99. стр. 296—297.

⁷ АВПР, Сношения России с Англией, 1743 г., № А4, л. 421.

лии, показала, как хорошо оно понимало, что только самостоятельные переговоры, без посредников, дадут ему возможность осуществить поставленные задачи.

Отказавшись от первоначального стремления присоединить всю южную Финляндию, русское правительство поставило целью вовлечь Швецию в орбиту своей политики, добившись одновременно с подписанием абоского мирного договора избрания шведским наследником представителя гольштинского дома. Это определило и умеренность русских территориальных требований. Абоский мирный договор был успешной реализацией планов русского правительства и укрепил международное положение России.

Позиция в Англии в русско-шведской войне ярко вскрывает своекорыстный, двуличный характер ее политики. Выступая в качестве союзника России, Англия не только не оказала ей помощи флотом в её борьбе со Швецией (хотя в посылке флота в Балтийское море для охраны торговли было заинтересовано и английское купечество), но, обеспокоенная успехами России и возможностью полного разгрома Швеции, что привело бы к еще большему укреплению русских позиций в Прибалтике, добивалась уменьшения требований России и ускорения окончания войны, чтобы использовать вооруженные силы „союзной“ России в борьбе с Францией за свою экономическую и политическую гегемонию в Европе.

Однако русское правительство, вступив в союзный договор с Англией, не только не позволило Англии превратить себя в ее орудие, но само использовало союз с Англией для упрочения своего положения и успешно вело свою линию, направленную на осуществление очередных задач в области внешней политики.

Л. А. ДЕРБОВ

К ВОПРОСУ О КАНДИДАТУРЕ ИВАНА IV НА ПОЛЬСКИЙ ПРЕСТОЛ (1572—1576)

Борьба за польский престол после прекращения династии Ягеллонов является одной из интереснейших страниц в истории европейской дипломатии 70-х гг. XVI столетия. Тема эта нашла свое освещение как в сочинениях польских современников, так и в позднейшей историографии. Однако далеко не все вопросы, связанные с историей польского бескоролья, выяснены надлежащим образом.

До сих пор не получил еще серьезной научной разработки вопрос о кандидатуре на польский престол Ивана IV, имеющий весьма существенное значение при анализе взаимоотношений России и Польши во второй половине XVI века. Необходимость дальнейших исследований в этой области очевидна. В дипломатической кампании, предпринятой европейскими державами во время борьбы за польский престол, русское правительство выступало одним из главных ее участников, и вопрос о кандидатуре московского царя или его сына Федора долгое время стоял в центре всеобщего внимания. Ход и результаты выборов короля находились в тесной связи с дальнейшим развитием и перспективами Ливонской войны: Иван IV стремился использовать создавшуюся в Речи Посполитой новую политическую обстановку для мирного разрешения жизненно важной для России балтийской проблемы.

При изучении вопроса о русской кандидатуре наибольший интерес представляет выяснение того, с какими целями эта кандидатура была выдвинута, кем она поддерживалась, какие силы противодействовали ее успеху, наконец, какую позицию занимало в избирательной борьбе само русское правительство.

Одним из существенных моментов дипломатического соперничества 70-х гг. является и его заключительный эпизод: неудавшийся проект русско-австрийского соглашения о разделе Речи Посполитой.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть эти стороны вопроса на основании критического пересмотра литературы и опубликованных источников.

I

Анализируя дипломатические взаимоотношения России и Польши в прошлом, советская историческая наука исходит из указаний и оценок, имеющихсся в трудах классиков марксизма-ленинизма. На протяжении длительного периода, при феодализме и капитализме, в отношениях между двумя крупнейшими славянскими государствами имели место серьезные противоречия, нередко доходившие до открытых военных столкновений. На это обстоятельство указал И. В. Сталин в своей речи при подписании договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Республикой 21 апреля 1945 года.

„Отношения между нашими странами в течение последних пяти веков, как известно, изобиловали элементами взаимной отчужденности, недружелюбия и нередко открытых военных конфликтов. Такие отношения ослабляли обе наши страны и усиливали немецкий империализм.

Значение настоящего Договора заключается в том, что он кладет конец и закапывает в гроб эти старые отношения между нашими странами и создает реальную базу для замены старых недружелюбных отношений отношениями союза и дружбы между Советским Союзом и Польшей“¹.

Советские и современные передовые польские историки, разоблачая клеветнические измышления буржуазных националистов о якобы существовавшей между русским и польским народами постоянной национальной розни, вскрывают подлинные причины длительного недружелюбия в отношениях между Россией и Польшей. Научной основой для изучения этого вопроса является марксистско-ленинское учение о классовой природе и двух основных функциях государства при феодализме и буржуазном строе, об обусловленности внешней политики феодальных и буржуазных правительств экономическими и политическими интересами господствующих классов.

Нет сомнения в том, что противоречивый характер русско-польских отношений в XVI веке был обусловлен всем ходом развития обоих феодальных государств, столкновением интересов их правящих классов в борьбе за увеличение земельных владений и расширение сферы эксплуатации. Однако каждое из этих феодальных государств имело свои специфические особенности, определявшие существенные различия в постановке и разрешении важнейших внешнеполитических проблем.

¹ И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, стр. 182—183, изд. 5-е, М. 1951.

В то время как магнатско-шляхетская верхушка Речи Посполитой вела агрессивную, вредную и гибельную для самого польского народа и польского государства антиславянскую политику на востоке, во внешней политике Русского государства заключались объективно прогрессивные и исторически оправданные тенденции.

Правящие круги тогдашней Польши вместо того, чтобы направить свои усилия на разрешение важнейших национальных задач (развитие экономики и культуры, укрепление государственного строя, защита исконных польских земель на западе от немецких захватчиков), предпочитали вести политику ограбления поработенных ими украинских и белорусских земель и подготовки военных авантур против Русского государства.

Что же касается русского правительства, то его стремление к возвращению украинских и белорусских земель и к воссоединению трех братских восточно-славянских народов объективно было прогрессивным и шло навстречу интересам и чаяниям широких масс украинского и белорусского населения, стремившихся освободиться от гнета польских панов.

Перед Русским государством в XVI веке во весь рост встала и другая важнейшая внешнеполитическая проблема — борьба за выход к Балтийскому морю. Государства, владевшие балтийским побережьем, в том числе и феодальная Польша, которая имела удобные выходы к морю, на протяжении долгого времени проводили систематическую блокаду России, стремясь искусственно задержать ее хозяйственное и культурное развитие и ослабить ее растущую мощь. Выход к морю был жизненно необходим для России, так как без регулярных сношений с Западной Европой нормальное развитие страны было невозможно.

Иван IV сумел правильно оценить значение балтийской проблемы и верно определить расстановку сил, отыскав во враждебной цепи, окружавшей Россию, наиболее слабое звено. Этим слабым звеном был Ливонский орден — одряхлевший обломок средневекового германского мира, утративший к середине XVI столетия свою былую силу, но все еще представлявший опасный очаг агрессии в этой части Европы.

Мощные удары русских войск, поддержанных местным латышским и эстонским населением, привели к военному разгрому и политическому краху Ливонского ордена, после чего началась упорная борьба за обладание Ливонией между крупнейшими государствами Северной и Восточной Европы.

В этой борьбе Русское государство долгое время удерживало военный перевес и инициативу. К середине 60-х гг. в руках Ивана IV находилась почти вся восточная половина Ливонии. Овладев еще в 1558 году одним из важнейших пунктов балтийских торговых сношений — Нарвой, Русское государство получило наконец возможность прорвать долголетнюю

экономическую и культурную блокаду, установить непосредственные связи с западными державами, выйти на арену европейской морской торговли и приступить к созданию собственного флота. Утверждение русских в Нарве и успешное развитие нарвской навигации обеспечивало подступы к Ревелю и Риге, открывало дальнейшие пути к овладению всей Восточной Прибалтикой.

Другим крупным успехом русской внешней политики было завоевание в 1563 г. Полоцка. Обладание Полоцком обеспечивало господство над важной в торговом и стратегическом отношениях двинской магистралью и удобным военным плацдармом для проникновения вглубь литовско-белорусских земель с целью глубокого охвата Ливонии с юга. Отдельные военные неудачи, даже такие крупные, как поражение русских войск на р. Уле армией гетмана Радзивилла в начале 1564 г., не могли изменить выгодно сложившегося для России соотношения сил.

Успехи Русского государства в первый период войны были обусловлены не только значительным укреплением внутреннего положения страны, достигнутым в результате энергичной политики Грозного, но и благоприятной для России международной обстановкой. Война между Швецией и Данией в 1563—1570 гг. отвлекала силы и внимание этих двух крупных балтийских держав от Ливонии. Таким образом, в борьбе за балтийское побережье сокрушительному натиску Русского государства противостояло только великое княжество Литовское, не располагавшее серьезными средствами для ведения успешной войны и не имевшее реальной помощи со стороны Польши, которая в то время предпочитала воздерживаться от прямого вмешательства в ливонские дела. Вместе с тем русскому правительству, укрепившему посредством искусных дипломатических комбинаций свои позиции в Крыму, удалось на время предотвратить опасность фланговых ударов с юга.

Однако уже к концу 60-х гг. обстановка коренным образом изменилась. Россия утратила свое прежне выгодное положение. В 1568 г., после свержения Эрика XIV, на шведский престол вступил его брат Иоанн III. Родственные связи Иоанна III с домом Ягеллонов создавали угрозу антимосковского союза Швеции с Польшей. Вскоре окончилась шведско-датская семилетняя война, завершение которой было ускорено активным наступлением русских войск в Эстонии и осадой Ревеля армией герцога Магнуса летом 1570 года. Штеттинский мир, заключенный 13 декабря 1570 г. между Швецией и Данией при посредничестве австрийского императора и французского короля, развязал шведскому правительству руки для борьбы с Москвой. Для Ивана IV, рассчитывавшего на союз с датским королем Фридрихом II и совместную борьбу против Швеции, это было крупной дипломатической неудачей. Свое неудовольствие по этому поводу царь в резкой форме высказал при-

ехавшему в Москву летом 1571 г. датскому послу Эйзенбергу. Он обвинил Фридриха в нарушении прежних соглашений и в заключении мира с врагом России без ведома и согласия русского правительства¹.

Между Россией и Швецией начался длительный период вражды².

После заключения литовско-польской унии на Люблинском сейме 1569 г. Русское государство могло ожидать значительного усиления своего главного противника в борьбе за Ливонию — шляхетской Польши, поскольку акт унии предполагал ее вступление в войну.

Одновременно угрожающее положение создалось на южных границах Русского государства. Турецкий султан Селим II двинул войска из Каффы через Азов на Волгу, намереваясь осуществить грандиозный план завоевания Казани и Астрахани, а весной 1571 г. на московские владения обрушились полчища крымского хана Девлет-Гирея. Поход крымцев завершился сожжением Москвы и жестоким разорением центральных и южных областей государства. Турецкие, персидские и крымские источники свидетельствуют о том, что поход Девлет-Гирея был совершен по прямому указанию султана³.

К осени 1570 г. наступило заметное обострение и в отношениях России с Англией, на помощь которой Иван IV в начале серьезно рассчитывал. Отвечая на посольство Андрея Совина и князя Афанасия Вяземского, Елизавета соглашалась предоставить царю убежище на случай вынужденного его отъезда из России, охотно обсуждала с русскими представителями вопросы торговых взаимоотношений. Однако на предложение Грозного заключить политический оборонительно-наступательный союз английская королева отвечала уклончиво. Из этого можно было видеть, что Англия ведет двуличную и своекорыстную политику, стремится лишь к увеличению собственных торговых выгод и отнюдь не намерена оказывать реальную поддержку русскому правительству⁴.

К началу 70-х гг. сильно пошатнулось и внутреннее положение Русского государства. В истощенной долголетней вой-

¹ Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, изд. Ю. Н. Щербачевым, вып. 2 (1570—1575), № 209, „Чтения МОИД“, кн. 2, 1916 г.

² Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, т. IV, стр. 124 сл.; Сб. Русского исторического общества (РИО), т. 129, стр. 228—210; Карамзин, т. IX, прим. 414 (со ссылкой на Далина, гл. 12, стр. 29); Бестужев-Рюмин, Русская история, т. II, вып. 1, стр. 286.

³ В. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Османской Порты, стр. 426—427, СПб, 1887; Е. Кушева, Политика Русского государства на Сев. Кавказе в 1552—1572 гг., „Историч. записки“, кн. 34, 1950 г.

⁴ Ю. Толстой, Россия и Англия, № 7, 12, 15, 21, СПб, 1875; Обзор внешних сношений, т. 1, стр. 92; Щербатов, т. V, ч. 4-я, стр. 129—132; Hist. Russ. Monumenta, т. II, р. 370—371; Материалы для истории России, извлеченные из рукописей Британского музея Н. Стороженко, стр. 1—48, „Чтения МОИД“, кн. 3, 1870.

ной стране начали обнаруживаться серьезные хозяйственные затруднения, осложненные голодом и массовыми эпидемиями¹.

В 1570—1571 гг. были раскрыты новые заговоры бояр и их изменнические сношения с Литвой и Крымом². Измена свила себе гнездо на самом уязвимом и ответственном участке московской территории, на западной окраине государства—в Новгороде и Пскове. После жестокой экзекуции, произведенной царем над новгородцами, начались казни замешанных в заговоре крупных государственных деятелей и представителей опричнины. Среди казненных оказался один из виднейших руководителей московской внешней политики дьяк И. М. Висковатый, с 1549 г. бессменно возглавлявший все посольские дела и пользовавшийся широкой известностью за границей.

Неблагоприятная международная обстановка и тяжелое положение внутри страны заставили Ивана IV отказаться от политики прямого действия в ливонском вопросе. Чтобы удержать ранее завоеванные позиции и сохранить в перспективе возможность успешного осуществления конечной цели, русское правительство внесло существенные коррективы в свои первоначальные планы и обратилось к новым средствам борьбы.

В начале 70-х годов русским правительством был проведен ряд важных дипломатических мероприятий. Иван IV задумал осуществить новый своеобразный план подчинения Ливонии посредством создания там зависимого от Москвы вассального королевства. Заклячая весной 1570 г. соглашение со своим „голдовником“, датским принцем Магнусом, царь рассчитывал, что реализация этого плана позволит ему привлечь на свою сторону ливонское население и высвободить значительные военные силы, размещенные в виде гарнизонов в завоеванных городах³. Осуществление нового проекта должно было на известный период избавить Россию от открытых вооруженных столкновений с Швецией и Польшей и гарантировать ей военную помощь Дании⁴.

¹ Орывки из летописей Дм. Ростовского и Морозовской у Карамзина, т. IX, прим. 326, 328; Г. Штаден, О Москве Ивана Грозного, стр. 92, 106, М. 1925; ср. А. З и м н, Краткие летописцы XV—XVI в. в., „Исторический архив“, кн. V (1950), стр. 21.

² Собрание государственных грамот и договоров (СГГиД), т. 1, № 196; Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма, сообщ. С. К. Богоявленским, „Чтения МОИД“, кн. 2, 1912, стр. 26—33.

³ Г. Форстен, Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. 1, стр. 532—540. Об условиях передачи Ливонии Магнусу см. письменный ответ царя послам Магнуса К. Адеркасу, Т. Врангелю и К. Баумейстеру из Александровской слободы от 27 ноября 1569 г. („Копенгагенские акты“, вып. 1, № 160), а также показания пленного секретаря Магнуса Фридриха Гросса, данные им в 1570 г. в Варшаве (Hist. Russ. Mon., I, № 151, 152); ср. также „Русская историческая библиотека“ (РИБ), т. XVI, № 24.

⁴ Что речь шла теперь уже не о нейтралитете Дании, а об активной военной помощи с ее стороны, ясно видно из сравнения русско-датского договора 1562 г. с перепиской начала 70-х гг. (РИБ, т. XVI, № 21, 24).

Одновременно Грозный предполагал заключить перемирие с Речью Посполитой, чтобы получить необходимую передышку на литовском театре войны. Польско-Литовское государство в этот момент находилось в таком состоянии, что не могло воспользоваться ослаблением своего противника. Военные неудачи прошлых лет тяжело отразились на внутреннем состоянии страны. Кроме угрозы со стороны Москвы, литовские владения все время подвергались большой опасности с юга. Из письма Яна Ходкевича к виленскому воеводе Н. Радзивиллу мы узнаем, что на литовской границе, возле Черкасс, в течение весны и лета 1569 г. стояло 70-тысячное турецкое войско, готовое каждую минуту вторгнуться в пределы южных воеводств¹. Отношения с Крымом были также весьма ненадежны.

После заключения унии с Польшей позиция Литвы несколько не усилилась, так как вопреки Люблинскому акту польское правительство не оказало ей обещанной денежной и военной помощи. Больше того, потеряв Украину и Подляшье, Литовское княжество лишилось значительной части своих прежних ресурсов для ведения войны. Усилилась старая вражда между литовскими и польскими феодальными группировками, участились столкновения между ними на политической и религиозной почве. Утомленная затянувшейся войной литовская шляхта не хотела воевать и, несмотря на принимаемые правительством суровые меры, всячески уклонялась от несения службы. Не очень воинственно настроен был и сам король Сигизмунд Август, стремившийся в последнее время при всяком удобном случае избегать трудностей и опасностей войны². Денежные дела Сигизмунда Августа находились в катастрофическом состоянии. Казна была истощена войной; непрерывное увеличение расходов создало в последние годы огромный дефицит, который король тщетно пытался погасить передачей в заставу господарских имений и путем частных займов³.

При таких условиях нельзя было и помышлять о возвращении Полоцка и успешной войне в Ливонии. Взаимная заинтересованность обоих противников в получении передышки привела к возобновлению дипломатических переговоров и к заключению в июне 1570 г. трехлетнего перемирия на условии *uti possidetis* (кто чем владеет), т. е. с оставлением в ру-

¹ Виленский археографический сборник, т. VII, № 21.

² М. Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 783, М. 1900.

³ Король занимал деньги не только у панов, но вынужден был обращаться и к купцам. Так, есть известия, что он посылал своего гонца для получения займа у жителей Гданьска (Любавский, указ. соч., стр. 763, прим. 56). Иногда королю приходилось так туго, что он должен был брать *взаимы* у отдельных шляхтичей совершенно ничтожные суммы (там же, стр. 783).

ках России Полоцка и завоеванных ею ливонских провинций¹. Трактат 1570 г., впервые после 1537 г., официально фиксировал изменение русско-литовской государственной границы и устанавливал де-юре раздел Ливонии между Русским государством и Речью Посполитой.

Однако противоречия, существовавшие между агрессивными правительственными кругами Речи Посполитой и Русским государством, были настолько острыми, что неизбежность новой войны была очевидна и перемирие по существу носило фиктивный характер. Создание ливонского вассального королевства под протекторатом России означало по существу продолжение военных действий в Ливонии; этот проект был крайне враждебно встречен правительствами Польши и Швеции². Широкие размеры приняла война на море. Сигизмунд Август стремился сорвать нарвскую навигацию и дезорганизовать внешнюю торговлю России, для чего привлекал на службу иностранных каперов. Русское правительство вынуждено было обратиться к тем же средствам борьбы. При содействии Дании царь организовал свой каперский флот, развернувший активные операции в балтийских водах от Нарвы до Зунда и Бельтов³.

В Витебской и Полоцкой областях на спорных рубежах происходили ожесточенные пограничные столкновения. Литовские отряды, вопреки перемирию, делали набеги на московские крепости, а русские войска, проникая на литовскую территорию, строили там укрепления и ставили свои гарнизоны. Один из таких форпостов русского наступления на Литву был сооружен в 20 милях от литовской столицы, что вызвало немалое беспокойство в правящих кругах Речи Посполитой. Варшавский сейм 1572 г., на котором обсуждался этот инцидент, потребовал от короля срочных мер для защиты государственных границ⁴.

¹ О прибытии в Москву королевских послов Яна Скотошина и Н. Тальвоша, о ходе переговоров и условиях перемирия см. Сб. РИО, т. 71, № 24; Обзор внешних сношений, т. III, стр. 101; Щербатов, т. V, ч. IV; Книга Пос. Метрики Литовской, т. 1, № 188—190.

² О действиях Магнуса и царских войск в Ливонии в 1570—1571 гг. см. статью и материалы А. Чумикова, Осада Ревеля герцогом Магнусом, „Чтения МОИД“, кн. 2, за 1891 г., стр. 1—59.

³ Каперские свидетельства и прочие документы о деятельности царских корсаров Керстена Роде, Ганса Дитмарскена, Клауса Тоде, Павла Гальшотте и др. помещены в „Копенгагенских актах“, вып. 2, № 168, 172, 175, 176, 180, 192; о действиях „корабленника“ Керстена Роде см. также РИБ, т. XVI, № 27, 34, 188; Ю. Щербачев, Керстен Род, корсар Иоанна IV, М. 1888.

⁴ Дело, предложенное на Варшавском сейме 12 марта 1572 г., помещено в Hist. Russ. Monumenta, I, № 159; В. Новодворский, Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой, стр. 6, СПб. 1904; о построении русских крепостей см. также „Полное собрание русских летописей“ (ПСРЛ), т. IV, стр. 314—319; так называемая Александрово-Невская летопись в РИБ, т. III, стр. 294; Гейденштейн, Записки о московской войне, стр. 52.

Таковы были русско-польские отношения, когда 7 июля 1572 г. в Кнышине умер король Сигизмунд Август.

Для выяснения позиции русского правительства, его дипломатических приемов и поведения в ходе последовавшей затем борьбы за польский престол необходимо прежде всего коротко восстановить историю самого избрания нового короля и охарактеризовать внутреннее положение и политические группировки в Речи Посполитой в годы обоих бескорольев.

II

Смерть последнего представителя династии Ягеллонов вызвала замешательство и растерянность в правящих феодальных кругах Польши. В стране с новой силой вспыхнула борьба между аристократией и шляхтой, усилился антагонизм между католиками и протестантами, обострились и без того натянутые отношения с Пруссией и Литвой. В казне не было денег для уплаты королевских долгов и жалованья находившимся на службе дворянам. „Многие королевские дворяне объявили, что они не только не пойдут с королевским телом, но и не позволят его взять (для отправки из Кнышина в Тыкоцин — Л. Д.), если им не заплатят заслуженного жалованья“¹. Не скрывало своего недовольства и войско.

Ослаблением Речи Посполитой в период бескорольев могли воспользоваться соседние государства. Можно было ожидать в скором времени возобновления активных военных действий со стороны Москвы, так как ненадежное перемирие 1570 г. пришло к концу. Серьезная опасность грозила со стороны Крыма и Турции. Датский король был недоволен Польшей, которая подрывала выгодную для него нарвскую торговлю², а император Максимилиан мог использовать момент бескорольев в своих династических интересах.

Из Польши в соседние страны были срочно направлены дипломатические агенты для продления сроков ранее заключенных трактатов о перемирии до избрания нового короля³. В разных частях государства паны и шляхта собирались на съезды, решения которых были направлены на обеспечение внутреннего порядка⁴.

¹ Из письма Николая Криштофа Радзивилла виленскому воеводе, из Кнышина 15 июля 1572 года. Цит. по соч. Ф. Уманца, *Вырождение Польши*, стр. 11—12. Королевский скарб находился в таком плачевном состоянии, что, по рассказам современников, умершего короля не во что было прилично одеть, нечем было прикрыть тело. Краковский епископ Красинский купил погребальное полотно, а доктор Фогельведер дал перстень и золотую цепь (Golebiowski, *Czasy Zygmunta Augusta*, t. I, str. 142, Wilno, 1851).

² Heidenstein, *Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594* (Пер. с лат. М. Глищинского), т. I, str. 16, 1857.

³ *Kronika Marcina Bielskiego*, str. 1227, Sanok, 1856, wyd. K. J. Turowskiego.

⁴ *Ibidem*, str. 1224, 1228.

Однако при отсутствии сильной централизованной власти в стране эти мероприятия не могли привести к серьезным результатам. Введение вольной элекции превратило Речь Посполитую в арену ожесточенной и запутанной политической борьбы, где столкнулись корыстные расчеты и стремления многочисленных феодальных группировок и их вождей, династические интересы иностранных дворов и происки их тайных агентов. Речь Посполитая, которая представлялась местным патриотам „богатой и интересной невестой“¹, сделалась, по словам польского историка, „заезжим домом иностранной политики“². В борьбе за вакантный польский престол приняли активное участие ведущие европейские державы, выдвинувшие своих кандидатов и приславшие своих представителей для тайной и явной агитации, подкупов и интриг³. В связи с выборами нового короля вставал вопрос о его личных качествах, материальных средствах и политических выгодах, которые принесет его избрание. Шляхта предполагала добиться расширения своих прав от вновь избираемого короля. Давая ему корону, она хотела принять от него скрепленные его присягою „*pacis conventa*“⁴.

После долгой борьбы за первенство в руководстве делами страны и предстоящими выборами, к концу 1572 г., между главными политическими группировками Польши было, наконец, достигнуто соглашение. Конвокационный сейм, собравшийся в Варшаве в январе 1573 г.⁵, постановил произвести элекцию нового короля 5 апреля в дер. Камень под Варшавой.

На выборы короля в столицу и окрестные селения съехалось до 40 тысяч вооруженной шляхты⁶. Борьба между различными политическими группами, развернувшаяся по всей стране уже с первых дней бескоролья, во время элекции достигла наивысшего напряжения. Кандидатами на престол в 1573 г. выдвигались: император Максимилиан II или его сын эрцгерцог Эрнест, брат французского короля Карла IX принц Генрих Валуа, русский царь Иван IV или его сын Федор, шведский король Иоанн III или королевич Сигизмунд; кроме того называлась кандидатура „пьяста“ (представителя местной аристократии), за которой, впрочем, не было никакой серьезной партии⁷.

¹ Выражение одного из современных памфлетистов (приведено в сочинении А. Трачевского, *Польское бескоролье*, стр. 184).

² J. Szuj ski, *Dzieje Polski*, t. III, str. 10.

³ Bielski, *Kronika*, str. 1231.

⁴ И. Лаппо, *Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория*, стр. 731, СПб. 1901.

⁵ Bielski, *op. cit.*, str. 1230; Лаппо, указ. соч., стр. 96.

⁶ *Ibidem*, str. 1264.

⁷ Heidenstein, *op. cit.*, str. 72.

Главными „компетаторами“ выступали император, выдвигавший на польский престол своего сына, и французский принц.

Габсбургский дом, помимо чисто династических интересов с притязаниями на Ливонию и Пруссию, имел и более серьезные расчеты. Избрание Габсбурга на польский престол позволило бы империи использовать все ресурсы Речи Посполитой для борьбы с турками, являвшейся центральной проблемой внешней политики Австрии со времени утверждения турецкого могущества в Европе. Во второй половине XVI в. турецкая экспансия все еще представляла грозную опасность для императорских владений, лежавших на пути движения турок. Турецкое могущество не было сломлено даже поражением при Лепанто 7 октября 1571 года. Господство на Средиземном море фактически оставалось за турецким флотом и мусульманскими корсарами Северной Африки. Империя не в силах была бороться против турок, которые, несмотря на уступчивость императора и усиленные старания австрийских дипломатов снискать расположение султана, не соглашались на сколько-нибудь устойчивый мир.

В 70-х годах положение осложнилось в связи с начавшимся распадом существовавшей в Европе антитурецкой коалиции: 7 марта 1573 г. вышла из борьбы и заключила с турками мир Венеция, несколько позднее ее примеру последовала Испания Филиппа II¹. Возникла необходимость в создании нового европейского блока, в котором видную роль могла сыграть Польша.

На избирательном сейме 1573 г. от имени императора с большой речью выступил руководитель австрийской делегации Вильгельм Розенберг. Отстаивая кандидатуру эрцгерцога Эрнеста, посол не скупился на всевозможные обещания и рисовал полякам радужные перспективы². Выступивший перед этим папский легат высказался в том же духе³.

Несмотря на это, австрийская кандидатура не встретила сочувствия в кругах польской шляхты. Поляки знали, что император, вопреки их интересам, поддерживал наварскую навигацию и оказывал в этом вопросе сильное давление на шведского короля. Известно было также и то, что он убеждал Ригу присоединиться к империи⁴. Шляхта хорошо была осведомлена о династических интересах Габсбургов и, несмотря на нажим со стороны папы и императора, не имела ни малей-

¹ Pierling P. La Russie et le Saint-Siege, t. I, p. 402. Paris, 1896.

² Heidenstein, op. cit., t. I, str. 61—62; Bielski, op. cit., str. 1272—1277; Форстен, указ. соч., т. I, стр. 618.

³ Heidenstein, op. cit., t. I, str. 59—61; Bielski, op. cit., str. 1268—1272.

⁴ Форстен, указ. соч., т. I, стр. 614—615.

шего желания воевать с турками¹. На сейме 1573 г. австрийской ориентации придерживалась лишь немногочисленная группа польских и литовских сенаторов, во главе которой находились примас Яков Уханский, плоцкий епископ Петр Мышковский, люблинский каштелян Станислав Слупецкий и некоторые другие². Отрицательное отношение большинства шляхты к австрийской кандидатуре предрешало ее поражение на выборах.

В более выгодном положении оказалась на сейме кандидатура французского принца. Мысль о возведении Генриха Валуа на польский престол возникла еще в конце 60-х гг., когда для предварительной разведки в Польшу были командированы французские агенты во главе с Иоанном Баланьи³. После смерти Сигизмунда Августа все французские дипломаты, находившиеся в Польше, Германии и Константинополе, развили лихорадочную деятельность по продвижению на освободившийся престол своего кандидата. „На исполнение этого столь близкого моему сердцу дела я не пожалею всех моих средств, в видах сохранения моего государства и моей короны“⁴, — писал по этому поводу Карл IX. Возведением брата на польский престол Карл стремился устранить опасного соперника, любимца своей матери Екатерины Медичи, и одновременно с этим реализовать обширный внешнеполитический план (программа Колиньи), который сводился к тому, чтобы, овладев Польшей, ликвидировать гегемонию Испании и, подорвав могущество турок, завоевать первенство в Европе⁵. Кроме того, у Франции были далеко идущие прожектерские дипломатические планы по овладению Ливонией и установлению французского влияния в Швеции, Дании и Пруссии (так называемый ливонский проект Дансэ)⁶.

Деятельность французских агентов в Польше возглавлял один из самых ловких и опытных дипломатов парижского двора, валанский епископ Иоанн Монлюк, использовавший всевозможные средства воздействия, начиная от хитроумной пропаганды и кончая подкупами и прямым обманом польского общественного мнения⁷. Пространная и остроумная речь Монлюка на избирательном сейме вызвала горячее одобрение шляхты⁸.

¹ Heidenstein, op. cit., t. I, str. 57; Bielski, op. cit., str. 1258—1259.

² Heidenstein, op. cit., t. I, str. 72.

³ Вержбовский, Две кандидатуры на польский престол Вильгельма из Розенберга и эрцгерцога Фердинанда, стр. 13, Варшава 1889.

⁴ Там же. стр. 14.

⁵ Трачевский, Польское бескорольеве, стр. 276, 281; Форстен, указ. соч., т. I, стр. 615.

⁶ Форстен, указ. соч., т. I, стр. 621—625.

⁷ Heidenstein, op. cit., t. I, str. 73.

⁸ Ibidem, str. 63; Bielski, op. cit., str. 1277—1306; Форстен, указ. соч., т. I, стр. 618—619.

Огромную роль в настроении шляхты сыграло сочувственное отношение к кандидатуре Генриха со стороны турецкого султана, опасавшегося перехода польской короны в руки Габсбурга или московского царя¹.

После речи Монлюка уже можно было предвидеть исход выборов. Речь шведского посла Иоанна Лориха, выступившего с широкообещательными предложениями, сейм выслушал уже без особого внимания². Кандидатура „пяста“ вовсе не упоминалась.

Что касается московского царя, то он был единственным кандидатом, который не давал на сейме никаких обещаний и даже не прислал в Польшу своих послов. Популярность русской кандидатуры в кругах польской шляхты вначале была громадна: в первые недели только и говорили, что о кандидатуре Грозного или его сына. Однако возможность обсуждения русской кандидатуры исключалась ввиду отсутствия на сейме московских представителей³.

В мае 1573 г. заседания сейма закончились избранием на польский престол Генриха Валуа, получившего свыше 34 тысяч голосов.

18 февраля 1574 г. новый король в сопровождении огромной французской свиты въехал в Краков. Шляхта устроила ему торжественную и пышную встречу.

Однако полякам очень скоро пришлось испытать полное разочарование. Трения между Генрихом, сенатом и земскими послами начались буквально на другой же день после коронации, когда встал вопрос о выполнении королем условий избрания. Противоречия эти вскоре превратились в открытый конфликт между королем и шляхтой. Дело кончилось тем, что Генрих, получивший известие о смерти своего брата Карла IX, в ночь на 18 июня 1574 г. тайно бежал из Польши во Францию, чтобы занять там освободившийся престол.

После бегства Генриха в стране вновь вспыхнула борьба феодальных партий, начались неурядицы и беспорядки, доходившие в ряде мест до вооруженных столкновений. Нужно было срочно определить план дальнейших действий: ожидать ли возвращения Генриха или немедленно приступить к новой элекции. Варшавский конвокационный сейм, созданный по этому поводу в сентябре 1574 г., принял решение отправить во Францию посольство в составе Иеронима Розражевского и Фомы Дрогоевского для окончательных переговоров о возвращении короля. Если король не вернется в Польшу до 12 мая

¹ Bielski, op. cit., str. 1248.

² Heidenstein, op. cit., t. I, str. 64—65; Bielski, op. cit., str. 1306—1308; Форстен, указ. соч., т. I, стр. 618—619.

³ Вопрос о настроениях шляхты и о поддержке ею русской кандидатуры подробно исследуется ниже (на стр. 191—197 наст. статьи). О том, что поведение Грозного во время элекции 1573 г. объяснялось не его пассивностью и незаинтересованностью в короне, а трезвым политическим расчетом, см. на стр. 205—218.

следующего года, поляки будут считать себя свободными от данной ему присяги и приступят к новым выборам¹.

Не дождавшись короля в назначенный срок, паны и шляхта собрались на сейм в Стенжицу, чтобы окончательно решить этот вопрос². Стенжицкий сейм 1575 г. признал факт бескоролья и приступил к обсуждению кандидатур, которых на этот раз было еще больше, чем на прошлых выборах. Аристократическая сенаторская группировка, как и в первое бескоролье, придерживалась австрийской ориентации: польские сенаторы и духовенство выдвигали кандидатуру императора Максимилиана, литовские вельможи — эрцгерцога Эрнеста. Некоторые паны из Великой Польши, близкой к Бранденбургу и Пруссии, выдвигали своего кандидата — эрцгерцога Фердинанда, брата императора³.

Главным кандидатом польской шляхты в течение долгого времени являлся московский царь Иван IV, на стороне которого было подавляющее большинство участников сейма. Многие называли кандидатуру „пяста“, не связывая ее, однако, ни с каким определенным лицом. Второстепенными кандидатами шляхетской партии были: шведский король и его сын, чешский вельможа Вильгельм из Розенберга, кандидатуру которого выдвигали некоторые группировки шляхты из Малой Польши, близкой к Чехии, и феррарский герцог Альфонс II д'Эсте. Однако к единому мнению шляхта на сейме не пришла и в решительный момент не смогла выдвинуть реальной кандидатуры. С московским царем определенной договоренности не было, подходящего „пяста“ не находили, а остальные кандидаты не встречали поддержки большинства. Чтобы не дать восторжествовать австрийской партии, стремившейся тут же, в Стенжице, осуществить избрание Габсбурга, шляхта сорвала сейм и участники его к 5 июня разъехались по домам, не приняв никакого решения⁴.

Продолжение бескоролья чрезвычайно ослабляло страну и было чревато опасными последствиями. Во время Стенжицкого сейма Иван IV организовал крупный поход в Ливонию, а Магнус овладел Перновом. Оказавшаяся в наиболее трудном положении Литва не переставала требовать от поляков военной помощи и всячески убеждала их ускорить элекцию, предупреждая, что в противном случае скоро совсем придется распрощаться с „Инфлянтами“⁵.

¹ Heidenstein, op. cit., t. I, str. 159; Orzelski, *Bezkrólewie czyli dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta*, t. II, str. 45, 1856.

² Время открытия сейма точно установить трудно, ввиду разноречивости самих источников: по Гейденштейну, сейм открылся 22 мая; Оржельский указывает на 11 мая, Бельский — 12 мая. Наиболее убедительной представляется нам последняя дата.

³ Вержбовский, *Две кандидатуры*, стр. 38.

⁴ Вержбовский, указ. соч., стр. 35; Лаппо, указ. соч., стр. 128.

⁵ Лаппо, указ. соч., стр. 128—129.

Осенью крымские татары устроили страшный набег на украинские земли, в результате чего были выжжены и дотла разорены области Подолии, Руси и Волини до Тернополя, Львова и Сокаля. Татары захватили огромную добычу и увели в плен десятки тысяч жителей. Так велик был ужас, вызванный этим набегом, что даже население Кракова и Вроцлава вооружалось и готовилось к встрече врага¹. Создавшееся положение ускорило окончание бескорольевья и заставило поляков поторопиться с выборами.

В начале ноября 1575 г. под Варшавой собрался избирательный сейм. Провинциальная шляхта выступила из воеводств „посполитым рушением“ (всеобщее ополчение), готовясь в нужный момент поддержать свои интересы на сейме силой оружия. Сейм начался с обсуждения уже известных нам кандидатур. Собравшиеся заслушали выступления императорского посла Мартина Герстмана и уполномоченных от германских князей, эрцгерцога Фердинанда, шведского короля и феррарского герцога Альфонса². Послы в общих чертах повторили уже знакомые полякам предложения. Московского посольства снова не было на сейме: никто не восхвалял достоинств царя, никто не говорил о его обещаниях. Зато на арене избирательной борьбы появился новый соискатель польского престола — трансильванский воевода Стефан Баторий, в пользу которого активно действовал турецкий султан. Выступивший на сейме посол Батория Юрий Блондрата предложил полякам выгодные условия, встреченные большим одобрением шляхты³.

Однако отстаивавшие своих кандидатов враждебные партии не могли прийти к соглашению; избирательная борьба затягивалась и с каждым днем становилась ожесточеннее. Начались столкновения, грозившие окончиться всеобщим побоищем.

После нескольких недель борьбы Варшавский избирательный сейм 1575 г. разбился на два лагеря и закончился двойной элекцией. Сенаторская партия, на сторону которой теперь перешли все бывшие сторонники Генриха во главе с примасом, 12 декабря на отдельном собрании провозгласила королем Максимилиана, а шляхта, окончательно разочаровавшаяся в московской кандидатуре и не сумевшая найти достойного кандидата в собственной среде, отдала свои голоса Баторию⁴.

Создавшееся положение могло привести к серьезной внутренней войне. Но силы сторон были далеко не равными. Ав-

¹ Heidenstein, op. cit., t. I, str. 179—181; Bielski, op. cit., str. 1366—1367; Kronika Macieja Strykowskiego, t. II, str. 421; Лаппо, указ. соч., стр. 131.

² Heidenstein, op. cit., t. I, str. 183—187; Strykowski, op. cit., t. II, str. 422.

³ Vol. legum, II, str. 149; Heidenstein, op. cit., t. I, str. 188—225; Strykowski, op. cit., t. II, str. 424; Bielski, op. cit., str. 1370.

⁴ Bielski, op. cit., str. 1371—1373.

стрийская партия, не находя реальной поддержки со стороны своего избранника, не могла предпринять сколько-нибудь решительных шагов и скоро стала распадаться. Напротив, сторонники Батория хорошо понимали свои преимущества и смогли их использовать. На съезде, состоявшемся в Андрееве в конце января 1576 г., они подтвердили акт избрания нового короля и назначили срок его коронования. Пока император, ограничиваясь пассивным протестом, колебался и терял время, Баторий вступил в Краков, где и короновался в мае 1576 года.

III

Обращаясь к вопросу о судьбе русской кандидатуры на польский престол, необходимо прежде всего выяснить, в какой среде она встретила наибольшую поддержку и каковы были реальные интересы и стремления тех социальных групп, которые ее отстаивали.

Наиболее горячее сочувствие и поддержку кандидатура московского царя встретила в среде украинского и белорусского населения, со стороны широких масс народа, стремившихся вырваться из панской неволи и освободиться от растущего национально-религиозного гнета. Широкие массы с надеждой обращали взоры на восток, к братскому русскому народу, к его могущественному государству, от которого рассчитывали получить помощь и защиту в своей освободительной борьбе.

В ходе Ливонской войны крестьянство и городские низы западнорусских областей уже не раз обнаруживали свои симпатии к Москве. Неудивительно, что слухи о возможности избрания на польский престол русского царя Ивана IV вызвали сочувственный отклик в народе. Венецианский посол при польском дворе Джироламо Липпомано, торопливо следивший за событиями, происходившими в связи с выборами короля, писал в своей реляции: „Литовский и русский народ крайне желает видеть этого государя королем польским; у него нет никакой противной партии, потому что, кажется, этого желает вся народная масса (*tutta la plebe lo desidera*)”¹.

Однако сочувствие одного только неляхетского населения Литовского великого княжества не могло обеспечить успех русской кандидатуры на выборах, так как крестьянство и мещане были лишены всяких политических прав и не принимали прямого участия в государственных делах. Тем не менее они могли оказать сильное косвенное влияние на поведение отдельных группировок правящего класса.

¹ Hist. Russ. Monumenta, t. I, № 184; ср. Нводворский, указ. соч., стр. 12, прим. 3; *Relacye nuncyuszow apostolskich*, t. I, str. 280; об этом же говорится в зашифрованном письме Грациани к ардиналу Комскому от 1 ноября 1573 г. (Hist. Russ. Mon., I, № 174).

Большую популярность имела кандидатура Грозного среди литовско-белорусской и украинской православной шляхты отчасти по тем же мотивам, о которых говорилось выше. Но весь ход избирательной борьбы показывает, что западнорусская и литовская шляхта, находившаяся в сильной политической зависимости от влиятельных магнатских фамилий, не играла заметной роли в событиях периода бескоролья.

Русская кандидатура оказалась в центре внимания потому, что ее активно и настойчиво поддержала главная в то время политическая сила Речи Посполитой — польская шляхта, державшая в своих руках судьбы государства.

Все наблюдатели того времени единодушно отмечают, что уже во время первого бескоролья подавляющее большинство польской шляхетской массы отстаивало кандидатуру Грозного или его сына Федора. Французской партии удалось одержать верх на выборах только после того, как обнаружилась неуступчивость царя и невозможность практического обсуждения его кандидатуры на избирательном сейме 1573 года¹.

В период второго бескоролья популярность московской кандидатуры возросла еще больше, так как опыт с Генрихом многому научил польскую шляхту. „Теперь полагают, — писал из Кракова в Рим 3 августа 1574 г. папский нунций Лаурео, — что за исключением вельмож, которые, имея поместья и доходы, никогда не пожелают в свои короли столь могучего соседа, большая часть народа легко согласится на избрание московского царя“². В другом донесении из Варшавы, от 16 августа 1575 г., нунций сообщал о том, что „московского царя желает вся низшая шляхта как польская, так и литовская, которая, стремясь высвободиться из зависимости от панов, всеми средствами старается о его избрании“³. Одно время давление шляхты было настолько сильным, что на сторону приверженцев царя готов был перейти даже первый сенатор Речи Посполитой гнезненский архиепископ Яков Уханский. О том же подумывал и нунций Лаурео, который верил в возможность избрания русского кандидата и считал, что в том случае, если царь примет католичество, это избрание будет спасением не только для Польши, но и для „всего христиан-

¹ „Во всем государстве, — говорит Шуанен, — не было человека, который не понимал бы выгод мира и союза между этими двумя великими, сильными и могущественными народами, и если бы московский царь хорошо вел себя в этом деле, то без сомнения он был бы для нас самым опасным соперником“ (Choisin, p. 64, цит. по соч. Уманца „Вырождение Польши“, стр. 254); Трачевский А., указ. соч., стр. 189—190.

² Вер ж б о в с к и й, Отношения России и Польши в 1574—1578 гг. по донесениям папского нунция Лаурео. „Журнал министерства народного просвещения“ (ЖМНП), август 1882 г., стр. 214. Об этом же нунций писал в своем донесении кардиналу Комскому 31 июля 1575 г. (там же, стр. 216).

³ Там же, стр. 218.

ства"¹. Такой исход избирательной кампании, казалось, открывал новые широкие перспективы для реализации агрессивных планов Ватикана на востоке Европы.

На избирательном сейме в конце 1575 г. шляхта продолжала рьяно поддерживать кандидатуру Ивана Грозного. Прибывший на сейм 19 ноября простой московский гонец был встречен шляхтой с большими почестями, чем даже послы императора и королей, что вызвало немалое возмущение в сенате². Папский нунций, который под влиянием инструкций из Рима к этому времени уже изменил свое отношение к русской кандидатуре и твердо перешел на сторону габсбургской партии, серьезно опасался, что шляхта, не считаясь с сенатом, может провести своего кандидата большинством голосов.

Значительная часть шляхты осталась на своих прежних позициях даже после избрания Максимилиана и Батория. Польский шляхтич Голубь говорил московскому послу Новосильцеву: „Паны за посулы выбирают цесаря и Обатуру; но рыцарство всю землю их не хочет, а хочет царя; паны радные увязли в посулах и сами не знают как быть“³.

Чем же можно объяснить такую большую популярность русской кандидатуры в шляхетских кругах Польши? Конечно, о симпатиях польских феодалов к Русскому государству здесь не может быть и речи. Польская шляхта всегда занимала непримиримую и агрессивную позицию по отношению к Русскому государству и задавала тон во всех антимосковских дипломатических и военных предприятиях. История с выдвиганием московской кандидатуры была не чем иным, как хитрым дипломатическим трюком агрессивно настроенных шляхетских кругов, которые рассчитывали таким путем осуществить свои захватнические замыслы на Востоке, присоединить русские земли к Польше и подчинить Русское государство Речи Посполитой.

Во время избирательной борьбы сторонники московской партии официально мотивировали свой выбор тем, что избрание царя принесет Речи Посполитой массу различных выгод. Царь богат и могущественен, управляет обширнейшим государством; с избранием его в короли прекратятся споры из-за Ливонии и между обоими государствами будет установлен прочный мир; царь станет надежным союзником поляков в борьбе с притязаниями императора, защитит польско-литовские земли от татар и турок; кроме того, он гарантирует сохранение всех шляхетских вольностей, для чего нужно только заставить его подписать соответствующие обязательства⁴.

¹ Вержбовский, указ. соч., стр. 218—220.

² Heidenstein, op. cit., t. I, str. 188.

³ С. Соловьев, История России, т. VI, стр. 256.

⁴ Heidenstein, op. cit., t. I, str. 71; Форстен, указ. соч., т. I, стр. 617; Вержбовский, Две кандидатуры, прилож., ч. 1, № 26.

Однако не это занимало главное место в программе шляхетской партии. Идеологи шляхты пропагандировали заманчивую идею унии Русского государства с Польшей, подкрепляя свои доводы примером Литвы. В случае избрания на престол русского кандидата, легко удастся объединить под одной властью Польшу, Литву и все русские земли, добиться полного слияния поляков и русских, что вполне возможно ввиду их родства и близости; тогда можно будет без труда осуществить также обращение царя и его подданных в католическую веру. Что же касается отрицательных личных качеств царя, то они не могут служить препятствием к возведению его на польский престол.

Одним из наиболее любопытных в этом отношении документов является окружное послание „Ко всему шляхетству Польского Королевства“, написанное неким шляхтичем калишского воеводства и распространявшееся в Польше в конце 1572 года. В этом анонимном памфлете говорится, что в случае избрания Ивана IV на польский престол, он, „видя постоянную верность себе со стороны поляков... почувствует омерзение к беспутству (*sprosposc*) своих людей и обычаев, изменит свою натуру и так влюбится в благородный народ польский, что со временем приведет Москву к унии с Польшей, как Ягелло — Литву. Ягелло — отличный пример. Он был не только тиран, но дядеубийца, не только не католик, но язычник, а став нашим королем, он обратился в нашего друга и любовника, в кроткого христианина“¹.

Уподобление Москвы Литве и сравнение Ивана IV с князем Ягайлом становится главным козырем в руках шляхты, излюбленной темой ее ораторов и лейтмотивом всей шляхетской публицистики. Эта аргументация со всей силой прозвучала на Стенжицком сейме 1575 г., где происходили наиболее бурные демонстрации шляхты. Во время сейма настроения шляхты были выражены весьма характерным четверостишием, появившимся на кресте перед зданием сената:

Kto cesarza mianuje,
Ten smierc sobie gotuje;
By chcial byc Fiedor jak Jagiello
Dobrze by nam z nim bylo²

¹ Broel — Plater, „Zbior pamietnikow do dziejow Polski“, т. III, str. 40—57. Warszawa, 1858. Отрывки на русском языке приведены в указанном сочинении Трачевского, стр. 188—194; ср. Уманец. Вырождение Польши, стр. 256; Вишневский (*Historia literatury polskiej*, т. VIII, str. 113) приписывает этот памфлет Соликовскому, что, однако, нельзя признать вполне доказанным.

² „Кто цесаря назначает (избирает), тот смерть себе готовит; если бы Федор хотел быть, как Ягайло, нам бы с ним хорошо было“. Нунций Лаурео в донесении от 28 мая 1575 г. передает то же по-латыни: „Qui vult eligere Caesarem inquiri sibi mortem; si Moscus, si Jagiello fieret catholicus, non esset nobis inutilis“ (Вержбовский, Отношения России и Польши, стр. 217).

Еще более ярко настроения шляхты во время Стенжицкого сейма были отражены в памфлете, составленном в форме письма от некоего шляхтича Криштофа Граевского к его брату Петру, старосте вискому. В этом письме Граевский сообщает, что во время своей поездки в Москву по торговым делам он якобы имел тайную беседу с царем Иваном Грозным, который просил его устно передать польским панам следующее: „Великий князь московский ищет славной польской короны не из жажды власти и богатства. У него довольно и того и другого. Прежде всего он имеет в виду союз против турецкого тирана, этого общего врага христиан, жаждущего их гибели. Великий князь желает связать свои народы с Польшей на тех же условиях, на каких некогда Ягелло соединил с Польшей Литву“¹. Далее в письме говорилось, что царь обнаруживает готовность перейти в католичество и согласен даже лично приехать в Польшу для переговоров о принятии короны(!).

Нетрудно понять, почему польской шляхте так импонировал пример князя Ягайла, в то время как более близкий и памятный всем пример Люблинского акта 1569 г. оставался в тени. На основании письменных обязательств Ягайла земли Литвы, Белой и Черной Руси, Полесья, Украины, большей части Подляшья и Волыни должны были войти в состав польского государства, на условиях полной инкорпорации. Для закрепления на этих землях польского господства Ягайло обязался обратить всех своих подданных в католицизм. Как известно, этот план не был реализован, но польские феодалы, добиваясь окончательного „втеления“ (присоединение, включение) литовских земель в Корону, в течение более чем полутора столетий обосновывали свои притязания ссылками на старые записи Ягайла, что стало своего рода политической традицией².

На Варшавском сейме 1563 г. при обсуждении вопроса об унии краковский епископ утверждал, что находившийся в „затруднительном положении“ Ягайло согласился на все

¹ Orzelski, Bezkrólewie, t. II, str. 115 — 117; Уманец, Русско-литовская партия в Польше, стр. 263 — 264; Вержбовский, Отношения России и Польши, стр. 217; Показание польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву, с предисловием И. С. Рябинина в „Чтениях МОИД“, кн. 1, 1905 г., стр. 1—16. По поводу письма Граевского в литературе существуют разногласия. Рябинин, опираясь на показания Оржельского и Папроцкого, считает его достоверным; так же поступает и Новодворский (указ. соч., стр. 24); Уманец называет его апокрифическим, причем доводы этого автора можно признать наиболее убедительными. Всего вероятнее, что письмо было написано во время самого сейма с целью популяризации московской кандидатуры в шляхетской среде, ибо вся фабула его совершенно фантастична.

² М. Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 659—663.

условия, поставленные ему поляками. Одним из главных условий была инкорпорация Великого княжества в Корону польскую¹.

На Люблинском сейме 1569 г., в заседании 12 февраля, тот же оратор доказывал, что Ягайло, будучи собственником Великого княжества, „подарил“ его (!) Короне польской, с согласия панов рады и всех станов; в дальнейшем же все литовские князья, начиная с Витовта, были только пожизненными „державцами“ своих земель и все время находились под верховным суверенитетом Короны². На Люблинском сейме смелые замыслы польских политиков в значительной своей части потерпели крах. Однако, несмотря на ограниченный и компромиссный характер унии 1569 г., она все же принесла Польше огромные политические и хозяйственные выгоды.

Польская шляхта готовила Русскому государству участь Литвы. При условии осуществления ее замыслов, наиболее плодородные и богатые русские земли могли оказаться в положении Киевщины, Брацлавщины, Волыни и Подляшья. Кроме политических выгод, польское „рыцарство“ видело в присоединении русских земель еще и выгоды явно материальные. Об этом можно судить на основании той же шляхетской публицистики. „Мы, шляхтичи, — говорится в знакомом уже нам калишском памфлете, — должны поразмыслить о том, не обратиться бы нам в мужиков (!), вследствие нашего расположения и дробления наших имуществ. Это уже начинает замечаться между нами. Ни от какого государя, откуда бы ни взять его, мы не можем ожидать такой помощи нашему шляхетскому чину, как от Московского“³.

Если сопоставить эти рассуждения с выводами позднейших польских исследователей о шляхетском землевладении в центральных областях Польши в XVI в., то опасения автора памфлета оказываются вполне обоснованными. Так, проф. А. Павинский⁴ доказывает, что во второй половине XVI столетия в основных районах Великой Польши крупные шляхетские фольварки (5—6 деревень) встречались как редкое исключение; преобладал тип фольварка с одной деревней и средним размером пашни в 7 волок, причем одnodеревенцы составляли до одной трети всей шляхты. Часто встречались деревни с несколькими фольварками (до 3—4 и более в одной деревне); эта группа владельцев составляла около одной четвертой общего количества шляхты. Наконец, существовало большое количество так называемой загоновой шляхты, сидевшей на

¹ М. Любавский, Литовско-русский сейм, стр. 664.

² Дневник Люблинского сейма 1569 г., изд. М. О. Кояловичем, стр. 55—56, СПб, 1869.

³ Цит. по указ. соч. А. Трачевского, стр. 188.

⁴ *Źródła dziejowe*, t. XII; A. Pawiński, *Polska XVI wieku pod względem geograficzno—statystycznym*, t. I, str. 138—144. Warszawa, 1883.

загородах и не имевшей крепостных крестьян. Одновременно с развитием крупных латифундий на „кресах“ (окраинах), в центре польского государства наблюдались огромная скученность и земельная теснота, чересполосица и раздробленность шляхетских владений. Развитие балтийского экспорта и шляхетского предпринимательства приводило к дальнейшему обострению земельного голода и борьбы за землю. Экстенсивное по своему характеру фольварочное хозяйство требовало введения в эксплуатацию новых и новых земельных фондов. Землевладельцы тщетно пытались разрешить эту проблему путем ограбления крестьянства, бесконечных земельных споров и судебных тяжб. По словам известного публициста XVI в. Оржеховского, шляхта только тем и занимается, что роется в старых документах и справляется в законах, чтобы получить возможность как-нибудь оттянуть в свою пользу чужую деревню или оторвать кусок земли от соседа; делами подобного рода она заваливает сеймы и судебные учреждения¹.

Чрезмерное „сгущение рыцарской людности“ в центральных областях государства, малоземелье шляхты и начинающийся кризис шляхетского хозяйства находили свое отражение во внешней политике Речи Посполитой. Стремление шляхты выйти из хозяйственных затруднений путем расширения сферы военно-феодалного грабежа и хищнической эксплуатации природных богатств вновь приобретенных земель объясняет экономическую подоплеку шляхетской экспансии на восток и связанных с нею внешнеполитических авантур².

Выдвигая кандидатуру Ивана IV на престол Речи Посполитой и широко пропагандируя идею русско-польской унии, польская шляхта стремилась к тому, чтобы, связав царя соответствующими ее интересам условиями, со временем добиться полной инкорпорации русских земель и их окончательного подчинения Польше. Однако этим планам не суждено было осуществиться.

IV

Настроения, господствовавшие в шляхетском лагере, разделялись далеко не всеми участниками избирательной борьбы. Русская кандидатура встретила враждебное отношение со стороны польско-литовской знати и католического духовенства, что не могло не повлиять на окончательный исход выборов.

¹ Оржеховский отмечает также быстрый рост цен на землю. По его словам, официальные документы свидетельствуют о том, что прежде за 100 гр. можно было купить землю, которую теперь не купишь и за 3000. Н. Любович, История реформации в Польше, стр. 9—10, Варшава 1883.

² П. Кулиш, Польская колонизация югозападной Руси, „Вестник Европы“ № 3 за 1874 г., стр. 7; его же, История воссоединения Руси, т. I, стр. 17—18, СПб. 1874.

Польские магнаты с самого начала бескорольевя открыто выступали против предложений об избрании на престол Ивана IV. Они не верили в возможность серьезных уступок со стороны царя и в то же время не могли принять его условий, так как это явилось бы для них политическим самоубийством. Московские порядки и те решительные меры, к которым прибегало правительство Грозного в борьбе с боярской оппозицией, были слишком хорошо известны в Польше. Сенаторская партия отдавала голоса тому кандидату, который в случае избрания лучше других мог гарантировать сохранение ее политических привилегий. Нигде в Европе высшая аристократия не занимала такого блестящего положения, как в германской империи, где она пользовалась правами владетельных особ. Именно в этом надо искать корни габсбургских симпатий польского панства, дружно поддерживавшего на выборах кандидатуру императора Максимилиана.

К этой же политической группировке относилось и высшее польское духовенство. Правда, церковная аристократия во главе с примасом и папским нунцием одно время лелеяла мечту об обращении в католицизм царя и его подданных, однако очень скоро была вынуждена отказаться от этой заманчивой, но несбыточной идеи. Глава „третьего Рима“ оставался твердым защитником восточного православия, и все попытки польских иерархов и представителей римской курии склонить его к католической вере или религиозной унии не имели успеха. Для сохранения господствующих позиций в руках католической церкви и разгрома остатков реформационного движения в стране польскому духовенству в данный момент было выгоднее всего поддержать избрание Максимилиана, который был ортодоксальным католиком и находился в тесной дружбе с папой.

Позиция литовских радных панов была гораздо более сложной и противоречивой. Выяснение этой позиции представляет известный интерес уже потому, что по этому вопросу в исторической литературе нет единого мнения.

В официальных выступлениях и в переговорах с русским правительством литовские вельможи старались зарекомендовать себя рьяными поборниками московской кандидатуры. Им принадлежала инициатива первого обращения к царю с предложением об избрании на польско-литовский престол его самого или царевича Федора. Через литовских гонцов Федора Воропая и Степана Матвеева в 1572 г. в Москву были переданы условия, на которых могло состояться это избрание, а весной следующего года посол литовской рады Михаил Гарабурда, снабженный всеми необходимыми полномочиями, вел с царем длительные переговоры на эту же тему¹. Пограничным

¹ Лаппо, указ. соч., стр. 106—107.

литовским воеводам были разосланы специальные предписания об организации торжественной встречи московских послов которых царь обещал отправить в Литву¹.

В начале второго бескорольевя минский каштелян Ян Глебович присылал в Москву своего гонца с уведомлением, что вся Литва хочет царя на польский престол. „Ни один государь,—писал Глебович в письме от 24 июля 1574 г.,—нашему государству больше добра принести не может, паче царской вашей милости... того деля сердечне от господа нажидаю, чтоб ваша царская милость нашей земле государем был и видел бы, что иным обычаем исполненные наши права и вольность“. К письму были приложены *racia conventa* для того, чтобы царь мог детально ознакомиться с требованиями панов и шляхты².

В 1575 г., во время самых бурных столкновений на сеймах, литовские магнаты продолжали заискивать перед Иваном IV, стремясь расположить его в пользу Литвы. В переговоры с московским гонцом Ельчаниновым вступали даже такие заклятые враги Москвы, как виленский каштелян Ян Ходкевич. „Нам безмерно досадно,—говорил он гонцу на тайном свидании,—что мимо нас хотят поляки государя на государство просить, а наша вера лучше с московскою сошлась, и мы все, Литва, государя желаем к себе на государство. Если мы умолим бога, а государя упросим, что будет у нас в Литве на государстве, то поляки все придут к государю головами своими бить челом“³.

Даже после окончания элекции, когда с избранием на престол Максимилиана и Батория обсуждение русской кандидатуры потеряло всякий практический смысл, литовские вельможи продолжали рядиться в личину доброжелательности, повторяя свои прежние заверения. Тот же Ходкевич говорил московскому послу Новосильцеву, что он „царю государю рад служить всею своею душою“; ему подпевали Ян Глебович и один из главных магнатов Литвы—виленский воевода Н. Радзивилл⁴.

Однако все эти заверения с самого начала были неискренними. В действительности литовские политики имели совсем иные намерения, о чем свидетельствовали их собственные откровенные признания и вся их деятельность.

Враждебное отношение к кандидатуре Ивана IV обнаружилось в литовском лагере уже в первые дни после смерти Си-

¹ Виленский археографический сборник, т. I, № 48.

² Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений, т. III, стр. 102; А. Малиновский, Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России, „Труды 1 летописи МОИД“, ч. VI, стр. 24—25, 1833.

³ Соловьев, указ. соч., т. VI, стр. 247; Уманец, Русско-литовская партия в Польше, стр. 265 сл.

⁴ Соловьев, стр. 255; Уманец, указ. соч., стр. 268.

гизмунда Августа. „Боже сохрани, чтобы нами командовал турок или московский колпак,—писал из Кнышина 15 июля 1572 г. Николай Криштоф Радзивилл (Сиротка) своему дяде виленскому воеводе. — Ради бога постарайтесь во-время принять меры против московского царя“¹. Так же рассуждал и мнимый приверженец русской кандидатуры Ян Ходкевич².

Когда в Польше стали распространяться слухи о дружественных сношениях литовских вельмож с царем, литовцы решительно отвергали эти подозрения и всеми силами старались убедить поляков в их несостоятельности³. Чтобы доказать полякам свою лояльность, Радзивиллы подбирали для посылки на Ловичский съезд явных сторонников польской ориентации, которые должны были засвидетельствовать, что Литва отнюдь не стремится к расторжению унии с Польшей и что все разговоры о московских симпатиях являются злостным вымыслом⁴. На Варшавском конвокационном сейме 1573 г. литовцы снова горячо оправдывались перед поляками, у которых в это время возникли новые подозрения против Литвы в связи с доносами князя Юрия Олельковича и минского каштеляна Глебовича. Литовским послам Евстафию Воловичу и Павлу Пацу удалось убедительно доказать на сейме, что доносы о тайных связях литовских вельмож с царем ложны и являются плодом давнишней личной вражды некоторых панов к Ходкевичу⁵.

На избирательном сейме 1573 г. обе литовские партии — Яна Ходкевича и Н. Радзивилла — примкнули к сторонникам Генриха и единодушно отдали за него свои голоса. После избрания Генриха литовские паны поспешили заверить нового короля в своей преданности. Навстречу ему из Литвы была отправлена делегация с письмами, написанными в панегирическом тоне. В них между прочим говорилось, что „литовцы употребят все свои силы на то, чтобы сохранить для короля Литву целою“, если только им не помешают „козни московского царя“⁶.

Весьма ярко выражены истинные настроения литовской знати в письмах оршанского старосты Филона Кмиты, адресованных одному из видных лидеров аристократической партии, троцкому каштеляну Евстафию Воловичу. В руках Кмиты,

¹ А. Трачевский, указ. соч., прилож. № 4, стр. 91—92; ср. Новодворский, указ. соч., стр. 12, прим. № 1; отрывки письма в русском переводе приведены в соч. Уманца „Вырождение Польши“, стр. 71.

² А. Трачевский, указ. соч., прилож., стр. 101.

³ Heidenstein, op. cit., t. I, str. 25, 39—41; Лаппо, указ. соч., стр. 95 и 98.

⁴ А. Трачевский, указ. соч., прилож. № 5, стр. 93—94.

⁵ Heidenstein, op. cit., t. I, str. 46; Лаппо, указ. соч., стр. 99—102; Новодворский, указ. соч., стр. 15.

⁶ Лаппо, указ. соч., стр. 108—109.

руководившего пограничными сношениями и получавшего детальную информацию о зарубежных делах через своих многочисленных „шпегов“, находились все нити московской и литовской политики. Это придает особенный интерес его сообщениям, в искренности которых не приходится сомневаться, поскольку вся переписка носила сугубо интимный характер. В письме от 1 июня 1574 г. Кмита открыто признается, что ни он сам, ни его друзья не принимали всерьез переговоров с московским правительством, а о возведении на престол Ивана IV никто из них и не думал.

Пан Гарабурда, отправленный к царю для переговоров, по словам Кмиты, выполнял это поручение с большой неохотой. Когда он „за посланьем же панов рад до того Москвитина ехал, через колько дней тут у Орши плакал и рад бы ся дорого с того посельства откупил“. Говоря о посольстве в Москву галицкого чашника Андрея Тарановского, который уже после избрания Генриха намекал царю о возможности новой элекции и возведения на престол русского кандидата, Кмита с негодованием пишет: „Пан Тарановский не Литвы, але только своею одной жаловал шкуры, да на святого Михайла онго тирана за короля взяти был обещал; а мы, бог то ведает, мил. пане, якої беды и небеспечности есмо уживали“¹.

Ведя свою хитрую дипломатическую игру с Москвой и стремясь снискать расположение царя путем словесных заверений, литовские вельможи в действительности выдвигали и поддерживали другого кандидата—австрийского эрцгерцога Эрнеста. Кандидатура Эрнеста была впервые выдвинута в период между варшавской конвокацией 1574 г. и Стенжицким съездом, когда Литва выступила с самостоятельной платформой.

В акте конфедерации литовских панов, составленном 1 ноября 1574 г. и подписанном всеми участниками Виленского съезда, говорилось, что литовцы обязуются не поддерживать на выборах никакого другого кандидата, кроме цесарского сына, и что они единодушно отдадут свои голоса Эрнесту и будут отстаивать его избрание, хотя бы это стоило им жизни. Всякий же отступивший от данной конфедерации будет лишен чести и подвергнется суровому наказанию².

¹ АЗР, III, № 58, стр. 171. После бегства Генриха литовские паны стали еще более осторожными в решении вопросов, связанных с московской кандидатурой. В письме Филона Кмиты к Воловичу от 5 августа 1574 г. читаем: „А што в. м., пан мой милостивый, пишеш о осторожность мою... абы ся есьми опатровал... ино паню господарю! и каши не хочу и по воду не иду; пишет ми государыня моя, пани Троцкая: „ожогшися на молоце, велено на воду дуть“. Я того и первой не знал, што чинил; только што велено чинить, тое и чинил“ (АЗР, III, № 58, стр. 174).

² Польский текст этого документа помещен в указанном сочинении Лаппо, в прим. на стр. 117—119; см. также цит. статью Ф. Уманца, стр. 256—257, где дается изложение содержания акта конфедерации и поименный перечень ее участников.

Почему выбор литовских вельмож остановился именно на Эрнесте? В приведенном документе это решение мотивировано тем, что путем сближения с габсбургским домом удастся восстановить нарушенный в стране внутренний порядок, обеспечить прочный мир с соседними странами, организовать союз против турок и Москвы, наконец, возвратить Литве отнятые у нее Польшей украинские земли и Подляшье. Последнее было особенно важно, и литовские паны, находившиеся в тайных сношениях с агентами императора, уже имели на этот счет определенные обещания. Литовские магнаты, как и их польские собратья, кроме того рассчитывали, что Габсбурги обеспечат сохранение их аристократических привилегий и высокого положения в стране. Это было тем более возможно, что многие влиятельные литовские фамилии находились в тесных личных связях с австрийским домом: Радзивиллы в свое время получили от императора титул князей Священной Римской империи, Ян Иеронимович Ходкевич провел молодые годы при дворе Карла V и имел много друзей среди австрийской знати, сам эрцгерцог Эрнест был крестником Николая Радзивилла Черного, отца „Сиротки“, и т. д.¹

С выдвижением кандидатуры австрийского эрцгерцога позиция литовской знати по отношению к Москве сделалась еще более определенной. Видя растущую популярность русской кандидатуры в шляхетских кругах, литовские паны прибегали к всевозможным средствам, чтобы оказать противодействие ее дальнейшему продвижению. Жертвою враждебного отношения литовских вельмож к царю сделался уже известный нам шляхтич Граевский, посаженный после возвращения из Москвы в тюрьму. Русских гонцов, направлявшихся в Польшу, под разными предлогами подолгу задерживали в Литве, чтобы лишить их возможности своевременно выполнить данные им поручения. На границе Польши и Литвы Радзивиллы и Ходкевичи устроили такие заграждения, что сообщения между поляками и Москвой были почти прерваны². Не ограничиваясь этим, литовские паны готовы были пойти на самые крайние меры. Они не только задержали в Литве торопившегося на Стенжицкий сейм русского гонца Ельчанинова, но, по некоторым известиям, даже собирались его отравить. Николай Криштоф Радзивилл писал своему дяде из Стенжицы перед открытием сейма: „Мы рассуждали, что следовало бы дать московскому гонцу какую-нибудь такую пилюльку, которая помешала бы ему добраться до Стенжицы... для пользы отечества позволительно сбыть с рук мошенника-москвича, давши ему чего-нибудь съесть, а после свалить всю вину на то, что пьяный, он умер от апоплексии. Если эта мысль понравится в.

¹ Ф. Уманец, Русско-литовская партия в Польше, стр. 258.

² Orzelski, op. cit., t. II, str. 112—113.

мил., то посоветуйте, кого бы послать на это дело. Надо потребовать от него присягу в том, что все будет шито и крыто"¹.

Уже эти немногие факты достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что литовские вельможи вовсе не хотели видеть Ивана IV на престоле Речи Посполитой. Их истинная позиция представляла полную противоположность тем дружественным заверениям, которые делались литовскими дипломатами во время официальных переговоров с Москвой.

Зачем понадобилась эта сложная дипломатическая игра? Какие цели преследовали литовские аристократы, прибегая к искусной маскировке своих действительных намерений? Ответить на эти вопросы можно без особого труда, если вспомнить о том, какие серьезные затруднения переживала Литва в связи с Ливонской войной. Перевес на все главных участках войны в первой половине 70-х гг. все еще сохранялся за русской армией. Литва, принимавшая на себя все удары противника, без помощи извне была неспособна к дальнейшему сопротивлению. Польские же правящие круги, занятые внутренними раздорами, не торопились с финансовой и военной помощью, и беспрестанные назойливые требования литовских вельмож со ссылками на статьи люблинского акта оставались без ответа². Литва имела все основания опасаться, что Грозный использует тяжелое время бескорольевья для нанесения решительного удара. Действия царя в Ливонии показывали, что он отнюдь не склонен ограничиваться одними военными демонстрациями и что формально существующее перемирие не дает никаких прочных гарантий безопасности.

В такой обстановке тактика литовских дипломатов, естественно, должна была сводиться к тому, чтобы попытаться усыпить сильного и опасного врага, по возможности отвлечь его от активных военных действий и выиграть время. Подтверждением этого вывода могут служить уже известные нам сообщения оршанского старосты Филона Кмиты. В письме к троцкому каштеляну от 1 июня 1574 г. Кмита, вспоминая о кандидатуре Грозного в первое бескорольевье, писал: „Коли утопали, топор давали, а выплывши—ни топорища. Солгавши, спаслися: бо без напасти б от него не быть. А sprawy и потужности наши якие были, бог ведает и ваша милость сами“³.

¹ Ф. Уманец, Литовско-русская партия в Польше, стр. 262; польский текст письма помещен в сочинении того же автора—„Вырождение Польши“, стр. 71—72 и в указанном сочинении Новодворского, в прим. к стр. 25.

² Heidenstein, op. cit, t. I, str. 44—45; Лаппо, указ. соч., стр. 128—129.

³ АЗР, III, № 58, стр. 171; Ф. Уманец, Русско-литовская партия в Польше, стр. 265—268.

В этой „спасительной“ лжи и заключалась вся мудрость литовской дипломатии по отношению к Москве¹. Заигрывая с царем и стараясь поддержать в нем надежду на возможность его избрания, литовские паны в то же время, в расчете на скорое возобновление военных действий, отливали новые пушки и лихорадочно укрепляли лифляндскую границу. Однако Иван IV, как увидим дальше, хорошо понимал смысл всех этих комбинаций.

Немалое влияние на поведение литовских вельмож оказывало и то обстоятельство, что русская кандидатура была очень популярна в массах православного населения великого княжества Литовского и пользовалась активной поддержкой шляхты. Наконец, политика лавирования была обусловлена тем двойственным, противоречивым положением, которое занимала литовская знать в Речи Посполитой после заключения унии с Польшей.

Литовские магнаты, недовольные постановлениями Люблинского сейма, стремились использовать внутренние затруднения Речи Посполитой и добиться пересмотра условий унии. В течение всего периода бескорольевья, начиная с Мстибоговского согласительного съезда 1572 г. и вплоть до избрания Батория, литовские паны громогласно требовали от поляков возвращения Литве аннексированных земель, восстановления литовского вального сейма или права созыва сеймов *alternatium*, введения в сенат тех членов литовской рады, которые не вошли туда после заключения унии, восстановления права чеканки литовской монеты, отдельных от Польши сношений с иностранными державами и т. д. Систематически саботируя все решения и мероприятия поляков, литовские вельможи вместе с тем непрестанно жаловались, что поляки без них решают все важнейшие государственные дела, чем ущемляют права Литвы и нарушают прежние постановления².

Однако протесты литовских магнатов не были приняты в расчет. Тактика саботажа провалилась, а реальных сил для расторжения унии и открытой борьбы с Польшей у Литвы не было. Да литовские магнаты к этому и не стремились, ибо не имели почти никакой возможности реализовать свою политическую программу вне Речи Посполитой. Аристократические верхи Литвы, наполовину уже усвоившие польский язык, нравы, религию и политические взгляды, резко осуждали тот порядок, которому они втайне сочувствовали и без которого они уже не могли обойтись. Литовским магнатам нужна была помощь Польши и в войне с Москвой, и для защиты южных

¹ Heidenstein, *op. cit.*, t. I, str. 14, 44—45. О том же писал в Рим нунций Лаурео в своих донесениях от 19 июня и 3 августа 1574 г. (см. Вержбовский, *Отношения России и Польши*, стр. 214).

² Heidenstein, *op. cit.*, t. I, str. 39—40, 44—45, 194; Лаппо, указ. соч., стр. 98, 100, 102—103, 113—114.

границ от татар и турок, и для подавления крестьянского протеста.

Вот почему все притязания литовского панства в период бескоролья не имели никакого успеха и остались беспочвенным фрондированием¹. В конце концов литовские вельможи вынуждены были присягнуть избранному поляками Баторию, который сделал Литве лишь частичные малозначащие уступки, сохранив главные принципы унии².

Что касается переговоров с Москвой и предложения короны Ивану Грозному, то, осуществляя этим свои дипломатические цели, оппозиционно настроенная к Польше литовская знать стремилась лишний раз подчеркнуть мнимую самостоятельность Литвы, наглядно продемонстрировать перед поляками свои особые интересы и значение в Речи Посполитой, придать больший вес своим требованиям и добиться от поляков их скорейшего выполнения.

V

Какую же позицию по отношению к Польше в период бескоролья занимало русское правительство и как относился к вопросу о своей кандидатуре сам Иван IV? Анализ русской политики этого периода дает возможность детальнее познакомиться не только с дипломатическими методами Грозного, но и с общим состоянием русско-польских отношений на новом этапе борьбы за Прибалтику.

Добиваясь осуществления своих планов в отношении Ливонии посредством активных военных действий, Русское государство вовсе не исключало возможности разрешения ливонской проблемы дипломатическим путем. На всем протяжении Ливонской войны оно стремилось достигнуть мирного соглашения о Ливонии со своими противниками, в особенности с Польско-Литовским государством.

Одной из ранних попыток подобного рода было неудавшееся сватовство царя к польской королевне Екатерине Ягеллонке в 1560 году. Царь, желая избежать долгой и кровопролитной войны за Ливонию, рассчитывал, вступив в брак с Екатериной, получить от Сигизмунда ливонские владения в качестве приданого. Однако польские дипломаты не только отказались пойти на уступки в вопросе о Ливонии, но сами предъявили русскому правительству такие непомерные требования, что дальнейшие переговоры потеряли всякий смысл³.

¹ В. Пичета, Польша на путях колонизации Украины и Белоруссии, „Исторические записки“, изд. АН СССР № 7, 1940, стр. 80—83.

² Лаппо, указ. соч., стр. 141—145 сл.

³ Сб. РИО, т. 71, № 1, 2 и 3; Щербатов, т. V, ч. II, стр. 396 сл.; Карамзин, т. IX, прим. 57.

В 1567—1568 гг., когда Екатерина уже была женою финляндского герцога Иоанна, брата шведского короля, Грозный начал вести усиленные переговоры с Эриком XIV о присылке Екатерины в Москву. Лишь свержение Эрика и захват шведского престола Иоанном в 1568 г. сорвали осуществление этого плана.

Грозный впоследствии сам разъяснил политический смысл своей затеи. Отвечая на полные ярости письма оскорбленного супруга, требовавшего объяснения, царь в грамоте к Иоанну III от 6 января 1573 г. писал: „А просили есмя брата своего сестры Катерины не иного чего для, только взяв ее, хотели отдать брату ее и своему Жигимонту Августу... а у него взять за сестру его Катерину свою отчину Лифлянскую землю без крови, а не по тому как безлепишники по своим безлепицам врали“¹.

В условиях бескорольева в Польше должны были значительно увеличиться шансы царя на разрешение ливонского вопроса „без крови“. Вопрос о том, кому достанется польско-литовская корона после смерти бездетного короля, не мог не интересовать Грозного, поскольку от этого в значительной степени зависели дальнейшее развитие и исход балтийской войны. Еще в 1569 г. русскому гонцу Федору Мясоедову, ездившему в Польшу для урегулирования пограничных инцидентов, царь давал тайный наказ проводить о том, „которым обычаем то слово в Литве и в Польше в людех носитца, что хотят взяти на Великое княжество Литовское и на Польшу царевица Ивана, и почему то слово в люди пущено, оманкою ли или вправду того хотят, и все ли люди того хотят, и почему то слово делом не объявится, а в людех носится“².

Аналогичная миссия поручалась русским послам Канбарову и Мещерскому, отправленным в 1571 г. к королю Сигизмунду Августу для подтверждения заключенного между Москвой и Польшей перемирия. Послы доставили из Польши „приятные известия“. Они сообщали, что поляки собираются после смерти Сигизмунда Августа женить царя на престарелой сестре короля Анне Ягеллонке, а престол передать царевицу Ивану Ивановичу³.

Когда в Москве стало известно о смерти Сигизмунда, интерес царя к польским событиям еще более возрос. На протяжении всего периода бескорольева Грозный принимает деятельное личное участие во всех дипломатических действиях, связанных с избирательной борьбой в Речи Посполитой. Он

¹ Сб. РИО, т. 129, № 16, стр. 232.

² Там же, т. 71, № 23, стр. 593; Малиновский, Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России, стр. 12.

³ Сб. РИО, т. 71, № 25, стр. 803—804; Малиновский, указ. соч., стр. 14—15; Щербатов, т. V, ч. 2, стр. 395.

ведет оживленные переговоры о замещении вакантного польского престола с представителями литовской рады Федором Воропаем, Степаном Матвеевым и Михаилом Гарабурдой (1572—1573). Не считаясь с московской дипломатической традицией, он сам вступает с ними в пространные объяснения по этому поводу; дает полякам и литовцам обнадеживающие обещания¹; посылает письма наиболее влиятельным панам²; для более детального изучения сложившейся в Речи Посполитой политической обстановки отправляет в Литву и Польшу своих агентов—Ельчанинова, Бастанова и Новосильцева (1575—1576). Все это говорит о том, что царь не только с неослабевающим интересом следил за всем, что происходило в Литве и Польше, но, повидимому, одно время серьезно думал о получении польско-литовской короны.

Вместе с тем в политике русского правительства этого периода многое кажется на первый взгляд странным и как будто противоречащим сделанному выше выводу. Чем можно объяснить то обстоятельство, что Москва не использовала всех возможностей, которые открывались перед ней благодаря широкой популярности кандидатуры Ивана IV в кругах польской шляхты? Почему русское правительство проявило такую нарочитую медлительность? Литовские паны впоследствии не раз высказывали свое удивление по поводу того, что царь в вопросе избрания на престол вел себя так, „точно пень через колоду валил“.

И действительно, Грозный резко отличался от других соискателей польского престола. Он не приегаал к методам активной агитации и подкупа, чем широко пользовались остальные претенденты. Ни на одном из сеймов за все время бескоролья не было русских полномочных послов, которые могли бы отчетливо сформулировать предлагаемые царем условия. Царь ограничивался посылкой в Литву и Польшу простых гонцов, прибывавших туда с большим запозданием и с такими официальными поручениями, которые могли вызвать лишь недоумение и разочарование у его будущих избирателей. Польская шляхта, с таким нетерпением ожидавшая приезда русского гонца Ельчанинова на Стенжицкий сейм 1575 г., была

¹ Из письма минского каштеляна Яна Глебовича к Ходкевичу от 3 февраля 1576 г. видно, что царь даже обещал заключить с Польско-Литовским государством унию на тех же условиях, что и Яяйло (см. *Acta Stephani regis 1576—1582*. № VII, p. 7—8).

² См., например, письмо Грозного к Ходкевичу, написанное после Стенжицкого сейма 1575 г., в котором говорится: „И только нам послужить и те три государства (Россия, Литва и Польша—Л. Д.) случатца в одно место, и нам велит бог на тех государствах быти,— и мы тебя своим жалованием во всяких почестливостях и в прибытках унем нагорожать свыше иных панов, также вотчинами и скарбом пожалуем тебя и здоволим“ (Виленский археографический сборник, т. IV, № 14); ср. Лаппо, указ. соч., стр. 731.

шокирована, когда узнала, с какой курьезной целью приехал гонец: оказывается, он просил об „опасной грамоте“ для великих послов, которые собираются приехать в Польшу, чтобы поздравить Генриха с восшествием на престол!¹ Некоторое время спустя в Польшу прибыл другой русский гонец, Бастанов, для переговоров по вопросу о заготовке корма и подвод для предполагаемого посольства; никаких предложений царя по части его избрания на престол Бастанов не привез². Третий московский гонец, приехавший на избирательный сейм 1575 г. и встреченный там с небывалыми почестями, снова обескуражил шляхту: он не имел никаких поручений, кроме письма, в котором царь повторял обещание прислать великих послов и заключить с Литвой и Польшей мир³. Но посольство так и не прибыло. Посланнику Луке Новосильцеву, находившемуся в Польше в конце 1575 г., царь дал лишь отдельные тайные поручения к частным лицам. Полномочия Новосильцева были настолько ограничены, что в избирательной борьбе его присутствие не могло сыграть сколько-нибудь заметной роли.

Ответы, которые давались Грозным на польско-литовские предложения во время переговоров с приезжавшими в Москву представителями рады, были слишком общими и неопределенными; из них шляхта ничего не могла заключить об истинных намерениях и планах царя⁴. Все это в конечном счете делало невозможным практическое обсуждение кандидатуры царя на избирательных сеймах и исключало возможность избрания его на престол. Победа на выборах и в 1573—1575 гг. досталась тем претендентам, которые проявили наибольшую энергию и настойчивость и за которыми к тому же стояли сильные европейские правительства. Весьма значительную роль в избирательной борьбе сыграло сильное давление, оказанное на Польшу со стороны Турции и Крыма, категорически возражавших против избрания московского царя или Габсбурга; благодаря этому вмешательству оба раза были избраны удобные султану кандидаты—Генрих и Баторий.

Непонятное на первый взгляд поведение царя объяснялось вовсе не отсутствием у него заинтересованности в получении короны и не его пассивностью; оно было продиктовано соображениями политического расчета. Считая свое избрание на

¹ Вержбовский, *Отношения России и Польши*, стр. 218; Ф. Уманец, *Русско-литовская партия в Польше*, стр. 263.

² Обзор внешних сношений, т. III, стр. 101 сл.

³ Heidenstein, *op. cit.*, t. I, str. 188; Вержбовский, указ. соч. стр. 221.

⁴ До нас дошли две речи Грозного в передаче литовских послов Воропая и Гарабурды, относящиеся к 1572—1573 годам. См. *Hist. Russ. Mon.*, t. I, № 163, p. 229—232; № 170, p. 237—247; A. Przewdziecki, *Jagiellonki polskie*, t. IV, str. 233—237; русский перевод опубликован Д. Толстым в „Чтениях МОИД“, кн. 9, отд. IV, 1848 г., стр. 296—302.

польско-литовский престол делом возможным и желательным, Грозный тем не менее подходил к нему весьма осторожно. Когда еще при жизни Сигизмунда, в 1570 г., польские послы Скртошин и Тальвош намекнули царю, что после кончины короля они хотели бы иметь его своим государем, царь в общем дал неблагоприятный ответ: „А у нас,—заявил он,—божьим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно и нам вашего чего хотети?“¹. Примерно то же высказал Грозный литовскому посланнику Гарабурде в феврале 1573 г.: „Королевство мне не новина; а сын мой молод и государства ему справить не мочно; а прощали бы Ляхи и Литва у цесаря сына на государство“². Эти заявления были лишь дипломатическим приемом; на самом деле царь вовсе не думал отказываться от участия в борьбе за польский престол. Просто он не хотел сразу раскрывать свои карты и обнаруживать излишнюю заинтересованность в чужой короне.

Свои согласие и желание стать польско-литовским королем Грозный высказал без излишней поспешности, после долгих переговоров. Он не удивлялся тому, что цесарь и француз с таким усердием добиваются польского престола, но сам „за выбором не гнался“, что всячески старался подчеркнуть перед своими будущими избирателями. Он ждал, когда сами поляки и литовцы „всей землей“ будут бить ему челом и просить его на королевство³. Это не было вопросом личного самолюбия. Царь отлично понимал агрессивный характер унитарных замыслов польской шляхты и знал, каких уступок от него потребуют в случае, если он поддастся соблазну и будет слишком усердно искать польского престола. Чтобы сохранить в неприкосновенности территориальную целостность и политические интересы Русского государства, принципы своей самодержавной власти, Грозный должен был сам продиктовать полякам свои условия. Но это возможно было лишь в том случае, если бы инициативу в деле избрания его королем проявила польская сторона.

В ожидании польских великих послов, на приезд которых он одно время довольно основательно рассчитывал, царь охотно вел переговоры с прибывавшими из Литвы гонцами, старался обнадежить и расположить к себе своих будущих избирателей, тщательно разведывая через своих агентов обо всем, что делается в Речи Посполитой, производил редкие, но внушительные военные демонстрации в Ливонии, которую русское пра-

¹ „Труды и летописи МОИД“, 1833, ч. VI, дипломатическое приложение № 1, стр. 198—199.

² Малиновский, указ. соч., стр. 15; ср. М. Н. Тихомиров, Малоизвестные летописные памятники. „Исторический архив“, кн. VII (1951) стр. 226.

³ Так формулировал точку зрения Грозного на элекционном сейме 1573 г. прибывший из Москвы Гарабурда (см. Heidenstein, op. cit., t. I, str. 65—67).

вительство исключало из перемирия и где оно сохраняло за собой полную свободу действий¹.

Грозный совершенно исключал возможность каких бы то ни было уступок, которые могли нанести ущерб интересам Русского государства. Когда Гарабурда завел речь о том, что, в случае избрания в короли царевича Федора, Москва должна будет возвратить Польско-Литовскому государству Смоленск, Полоцк, Усвят и Озерище, царь решительно заявил, что на таких условиях он никакого соглашения заключать не станет и сына в Литву не отпустит². На замечание посланника о том, что паны хотят при избрании Федора потребовать от Москвы, сверх указанного, еще и другие города и волости, Грозный резко и зло ответил: „Мой сын не девка, чтобы за ним еще приданое давать. А если захотят паны взять нас в короли, пусть сами дадут нам замков и земель, что будет пристойно“³.

Чтобы избавиться от территориальных притязаний Речи Посполитой и избежать всяких других политических осложнений, Грозный в дальнейшем старался совсем отклонить кандидатуры своих сыновей. Он не решался доверить им столь трудную миссию и хотел сам принять корону.

Программа требований Грозного полностью нигде не была сформулирована. Но из отдельных его грамот и выступлений видно, что он считал возможным свое избрание на польско-литовский престол лишь при соблюдении следующих основных условий: 1) корона должна быть наследственной; она сохраняется за потомством царя до тех пор, пока существует царский род; 2) поляки и литовцы обязуются признать полный царский титул; во всех официальных делах и документах московский титул должен стоять на первом месте и предшествовать титулам польскому и литовскому; 3) царя будет венчать на королевство московский митрополит по старорусскому православному обряду; 4) царь будет жить в Москве и по мере надобности ездить в Вильно и Краков; 5) к Москве должны отойти Киев, Воынь и Ливония до Двины⁴.

Из этих условий видно, что царь не только не желал поступать интересами Русского государства в угоду шляхте, но рассчитывал принять корону с большой выгодой. Самой крупной и главной ставкой была Ливония. Свою заветную мысль царь выразил еще в переговорах с Федором Воропаем, сразу же после смерти Сигизмунда: „Что касается ливонской

¹ О военных действиях царя и Магнуса в Ливонии в 1573—1575 гг. и о том, какое впечатление они производили в Польше и Литве, сообщал в Рим нунций Лаурео (см. его донесения из Скерневиц от 10 февраля и 29 марта 1575 г. и из Варшавы от 31 июля того же года; у Вержбовского, Отношения России и Польши, стр. 215—216).

² Hist. Russ. Monumenta, t. I, № 170, p. 238.

³ Ibidem, p. 239.

⁴ Heidenstein, op. cit., t. I, str. 65—67; Hist. Russ. Mon., t. I, № 163 p. 229—232; № 170, p. 237—242.

земли,—заявил он гонцу,—то, если паны по воле божьей захотят иметь меня своим государем, тогда Ливония, Москва, Новгород и Псков в одно будут“¹. За Ливонию царь готов был отдать и Полоцк с пригородами и даже часть своих московских владений, в том случае, если его избрание в короли окажется невозможным и если радные паны согласятся заключить с ним „вечный мир“².

Но в ходе переговоров скоро стало очевидным, что польско-литовское правительство не уступит Ливонии Москве. План, рассчитанный на унию трех государств, оказывался нереальным и грозил провалом. Грозный очень скоро в этом убедился и уже в 1573 г. изменил свою тактику.

Еще раньше, в самом начале бескорольевья, он говорил представителям литовской рады Воропаю и Гарабурде, что предпочитал бы быть избранным только одними литовцами без Польши, которая сможет избрать себе другого государя. Теперь же этот вариант казался ему единственно возможным. Действительно, с поляками было гораздо труднее договориться, чем с Литвой, несмотря на двойственную позицию литовских вельмож. Польская корона сама по себе мало прельщала Грозного, борьба за ее приобретение могла привести лишь к новым серьезным осложнениям. Зато в пользу Литвы говорило многое. С нею непосредственно была связана договором унии Ливония — главный объект всей внешней политики России, в состав Литовского великого княжества входили также многие западнорусские области, из-за которых Россия долгие десятилетия вела борьбу и которые Грозный считал своей отчиной. Литва граничила с московскими землями и легко могла составить с ними одно целое. Москва уже стояла одной ногой на литовской территории, и на Литву легче, чем на Польшу, можно было оказать любое, в том числе и вооруженное, давление. Грозный рассчитывал, что литовские паны должны понять, в каком трудном положении они находятся и как важно для них, не дожидаясь поляков, покончить с бескорольевым посредством избрания московского кандидата. Важную роль в планах Грозного играли расчеты на сочувствие широких масс западнорусского православного населения, о чем царь был достаточно хорошо осведомлен.

Речь шла, таким образом, о расторжении литовско-польской унии 1569 г. и о присоединении Литвы к Русскому государству. Но находившиеся по отношению к полякам в постоянной оппозиции литовские магнаты, тем не менее, не обнаруживали никакой склонности к отрыву от Польши. Чтобы расчленив Речь Посполитую, Грозному нужен был союзник, достаточно заинтересованный в этом деле и сильный. Таким союзником мог быть габсбургский дом уже давно добивав-

¹ Hist. Russ. Mon., t. I, № 163, p. 231.

² Ibidem.

шийся польской короны и представлявший внушительную силу на выборах.

О кандидатуре цесарского сына Эрнеста Грозный упоминал уже во время переговоров с Гарабурдой. Царь считал тогда, что в случае, если ему самому не удастся занять польско-литовский престол, избрание Эрнеста будет наиболее желательным и выгодным для России исходом дела. Он полагал, что Габсбурги, после получения польской короны, станут еще больше заинтересованы в союзе с Россией против турок и Крыма и будут вынуждены пойти на заключение с нею „вечного мира“ и на уступку Ливонии.

Император Максимилиан II со своей стороны, казалось, поддерживал эти намерения Грозного. В июне 1573 г. к царю прибыл императорский гонец Павел Магнус с грамотой, в которой Максимилиан, сообщая о происках французских агентов в Польше, просил царя оказать на выборах всемерную поддержку его сыну и ни под каким видом не пропускать в Польшу Генриха Валуа, ставленника турецкого султана. Тут же цесарь вчерне намечал условия будущего раздела владений Речи Посполитой, в случае избрания на польский престол Эрнеста: Польша отойдет к империи, Литва—к России. Через своего посланника К. Скобельцына царь ответил Максимилиану согласием принять его предложения и добиться их реализации¹.

Победа французской кандидатуры на выборах 1573 г. усилила сближение Грозного с императором. Оба они старались сорвать приезд Генриха в Польшу, чтобы заставить поляков провести новые выборы². Еще более оживленные переговоры и переписка завязались между Москвой и империей после бегства Генриха из Польши, в период второго бескорольевья. В это время конкретизируются планы Грозного. Он предполагал произвести раздел Речи Посполитой на таких условиях, чтобы ему достались Литва и Ливония, а императору Польша и Пруссия. Для этого было необходимо, чтобы литовцы провозгласили его своим государем, а поляки (отдельно от Литвы) избрали себе в короли Эрнеста. В том же случае, если поляки и литовцы воспротивятся расторжению Люблинской унии и сообща выберут на престол Эрнеста, последний за оказанную ему Россией поддержку должен будет на основании особого соглашения отдать царю требуемые области.

В течение второй половины 1574 г. и всего 1575 г. царь вел с императором переговоры по этому поводу, одновременно осуществляя совместное с императором давление на литов-

¹ Обзор внешних сношений, т. I, стр. 6—7; Uebersberger, Oesterreich und Russland, Bd. I, S. 403—409.

² М а л и н о в с к и й, указ. соч., стр. 18—19; царские грамоты к датскому королю Фридриху II с просьбой не пропускать через Зунд „французского короля Андрыха“ (РИБ, т. XVI, № 28, 29); грамоты Грозного к польским и литовским панам от 15 июля 1573 г. с выговором за избрание в короли Генриха (Новодворский, указ. соч., прилож. 1, стр. 3—11).

цев и поляков. Однако выборы 1575 г. показали, что эти старания были в значительной степени напрасными. Поляки и литовцы отдали подавляющее большинство своих голосов Баторию, кандидату, наименее желательному для Максимилиана и его московского партнера. Кандидатура Эрнеста провалилась; вопрос об избрании царя даже не обсуждался. За цесаря подали голоса только 35 сенаторов, т. е. четвертая часть сената, послы городов Гданьска, Эльблонга и Торуня, да мазовецкая шляхта, наиболее бедная и отсталая и поэтому скорее других сделавшаяся жертвой австрийской пропаганды¹.

В период двоецарствия, возникшего в результате одновременного избрания Батория и Максимилиана, русско-австрийские переговоры должны были приобрести еще большее значение. Максимилиану теперь, как никогда, требовалась помощь России. Для империи победа Батория означала не только крах всех расчетов на овладение польской короной и захват Пруссии, но и влекла за собой усиление турецкой опасности; в лице нового электа видели прямого ставленника султана. Стремление Батория утвердиться на польском престоле расценивали чуть ли не как наступление авангарда турецкой армии. Царя весьма беспокоила эта сторона дела, но еще, важнее было то обстоятельство, что с избранием Батория у русского правительства ускользала перспектива приобрести Ливонию путем мирного договора с императором. Это заставляло царя поддерживать Максимилиана.

Взаимная заинтересованность царя и императора в успешном разрешении польско-литовского вопроса, казалось, должна была привести к установлению между ними самого тесного контакта. Время еще не было упущено, требовались лишь немедленные и решительные действия. Нужно было любыми средствами сорвать приезд Батория в Польшу и заставить поляков и литовцев отказаться от данной ему присяги. Грозный был настроен достаточно решительно. „А толко Коруны Полские и вел. кн. литовского паны — рады, — заявил он, — нашего над собою государства и брата нашего Максимилиана цесаря и сына его Эрнеста князя не похотят, и нам бы с братом своим, с Максимилианом цесарем промышляти и войною их кручинити и того собе государства доступати“². Царь, таким образом, предлагал не останавливаться перед вооруженным вмешательством в польские дела, если мирные способы окажутся недостаточно действенными и эффективными. Однако цесарь не только не сумел своевременно воспользоваться предложенной ему помощью в достижении его собственных целей, но и расстроил все планы Грозного. Пока он медлил и колебался, теряя время и немногочисленных своих сторонников в Поль-

¹ Вержбовский, Христофор Варшевицкий, стр. 302—304.

² Ответ цесарским послам, данный в январе 1576 г (см. Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 567).

ше, Баторий окончательно утвердился на польском престоле и тем самым приобрел достаточно прочную базу для оказания сопротивления противникам. Дальнейшая дипломатическая борьба за польский престол теряла всякий смысл; на вооруженное выступление против Батория у императора тоже не было никаких шансов. Таким образом, проект раздела польско-литовских владений между Россией и империей потерпел крах.

Неудачный финал русско-австрийской дипломатической кампании, предпринятой в отношении Польши в период бескоролья, вовсе не был случайным. Он был обусловлен не только беспомощностью Габсбургов в делах внешней политики и пассивностью Максимилиана, но и той двойственной позицией, которую империя занимала по отношению к России.

Предлагая цесарю совместные действия в польско-литовском вопросе, царь вовсе не собирался таскать для него каштаны из огня и требовал для себя соответствующих гарантий. „Надобно меж собою. — не раз напоминал он Максимилиану, — договор учинити и совершить в докончанье и закрепить, как нам меж себя и нашим детем быть вперед в братстве и в докончанье“¹. В этом договоре предполагалось зафиксировать основные требования русского правительства. Но цесарь, затягивая переговоры, долгое время ограничивался общими, ничего не говорящими обещаниями и старался задобрить царя уверениями в том, что в случае успеха их совместного предприятия, он „за то за все покажет любовь свою приятельскую и братцкую“². Когда же, наконец, началось практическое обсуждение условий соглашения, то оказалось, что между договаривающимися сторонами существуют разногласия по самым принципиальным вопросам. Прибывшие в Москву в январе 1576 г. с большим запозданием послы Максимилиана Иоанн Кобенцль и Даниил Принц сделали заявления, которые не могли удовлетворить царя. Послы старались убедить Грозного в том, что присоединение Литвы к Русскому государству невозможно, так как „у Коруны Полские со великим княжеством литовским меж себя крепкое утверждение, что никому ни от кого не отстати и быти под властною рукою под одним государем“. Поэтому царь должен помогать Эрнесту завладеть и Польшею и Литвою, а свои надежды оставить³. Император за оказанную его сыну поддержку сможет отдать царю только Киев и еще некоторые „немногие мейства“, о которых доподлинно известно, что они являются „отчинами“ московских государей⁴.

Это совсем не соответствовало прежним заверениям императора и могло вызвать в Москве только чувство недоумения и досады. Но с этим царь еще мог примириться. Когда же

¹ Памятники дипломатических сношений, т. 1, стр. 642.

² Там же, стр. 523.

³ Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 534.

⁴ Там же, стр. 535.

дело дошло до обсуждения ливонского вопроса, стало ясно, что здесь никакого соглашения достигнуть не удастся. Послы объявили, что Ливония является исконным владением империи и что отдать ее царю император никаким образом не может. Царь должен оставить Ливонию в покое и вывести оттуда свои войска¹. Чтобы отвлечь внимание царя от этого вопроса и сгладить неприятное впечатление, произведенное их словами, послы яркими красками расписывали все будущие выгоды от „доброго приятельского суседства и соединенья против всех недругов“², главным из которых является турецкий султан. Объединенными усилиями императора, царя, папы и испанского короля без особого труда удастся изгнать турок „за Арапы до Азии“ и тогда „все цесарство Греческое на всход солнца“ обязательно будет отдано под царский скипетр³. Но царя в то время нельзя было прельстить ни перспективой победоносной войны с султаном, ни „цесарством Греческим“. Он оставался равнодушным к красноречивым уверениям послов и требовал то, что составляло главную цель его усилий и на что он уже давно заявил свои права в самой категорической форме — свою „отчину“, ливонскую землю⁴.

Переговоры с Кобенцлем и Принцем не дали положительных результатов; все спорные вопросы остались открытыми. Позиция цесаря должна была только охладить царя и отбить у него охоту к дальнейшему сотрудничеству в польском вопросе. Но тенденциозная информация послов, стремившихся, повидимому, приукрасить свои успехи, произвела большое впечатление за границей. Результатами миссии остались довольны и в Вене и в союзных с империей странах. Сообщения Кобенцля о том, что царь проявляет „чрезмерное желание войти в союз с цесарским величеством, с его святейшеством, с испанским королем и с некоторыми другими христианскими государями“, что „москвитяне пламенно желают узреть Рим“ и т. д.⁵ возродили в умах европейских политиков давние мечты о привлечении Москвы к антитурецкой лиге⁶.

Вскоре после отъезда Кобенцля и Принца из Москвы, царь сделал еще одну попытку договориться с Максимилианом и чинами империи о соглашении по польскому вопросу, для чего отправил к императору своих послов З. И. Сугор

¹ Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 531, 559; Обзор внешних сношений, т. I, стр. 8—11.

² Там же, стр. 527.

³ Там же, стр. 528—529; Карамзин, т. IX, прим. 439; Uebersberger, op. cit., S. 448—449.

⁴ Памятники дипломатических сношений, т. I, стр. 560—561.

⁵ Чтения МОИД*, кн. 2, отд. IV, 1876, стр. 2—3 (письмо Кобенцля из Ловича).

⁶ Е. Шмурло, Россия и Испания в последней четверти XVI века, стр. 305 и прим. 4 и 5; стр. 308, прим. 3; депеши нунция при цесарском дворе Дольфина в „Отчете о 48-м присуждении наград гр. Уварова“; Григорович, Переписка пап, № 5, 6, стр. 29—31, 39—64.

ского и А. Арцыбашева¹. Послы должны были передать цесарю уже известные русские предложения и добиться от него определенного ответа. Особенно энергично формулировал царь свои требования в отношении Ливонии. В инструкции, данной Сугорскому и Арцыбашеву, говорилось: „А нечто учнут говорить о Лифлянской земле, чтоб царь и вел. князь лифлянские земли поступилися цесарю, — и им говорити, что государю царю и вел. князю ни за что так не стояти, как ему, государю, стояти за свою вотчину за Лифлянскую землю, потому что Лифлянская земля искони вечная вотчина государева“². Царь категорически требовал, чтобы цесарь не только не „вступался“ в Ливонскую землю, но даже перестал о ней упоминать, так как этот предмет не подлежит обсуждению. Но Максимилиан не переставал назойливо убеждать Грозного не трогать „убогую ливонскую землю“, а сам в то же время называл себя в официальных грамотах „великим князем ливонским“³, что было уже прямым вызовом царю.

Заседавший в это время Регенсбургский сейм много времени уделил обсуждению „русского“ и „польского“ вопросов, но определенных решений не принял. Несмотря на все старания русских послов добиться конкретного соглашения с императором, им пришлось уехать с пустыми руками, если не считать данного Максимилианом обещания прислать новых послов в Москву для продолжения переговоров⁴.

Но дальнейшее продолжение переговоров уже не имело никакого смысла. Еще во время пребывания русских послов в Регенсбурге было совершенно ясно, что проект русско-австрийского соглашения по польскому вопросу потерпел полную неудачу. Император хотел лишь использовать Россию в качестве орудия для достижения своих династических целей и вовсе не был заинтересован в ее усилении. „Московская опасность“ пугала Максимилиана больше, чем других европейских монархов. Этим объяснялось то, что император, ведя переговоры о союзе с Грозным, в то же время одобрял различные авантюрные проекты создания антимосковской коалиции и оккупации России.

Окончательное утверждение Батория на польском престоле

¹ Обзор внешних сношений, т. 1, стр. 8—11; наказная речь послов в „Копенгагенских актах“, т. II, № 279.

² Памятники дипломатических сношений, т. 1, стр. 601.

³ Там же, стр. 635.

⁴ Новые интересные данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева приведены в статье Я. С. Лурье („Исторические записки“ № 27, 1948 г., стр. 291—300). Автор рассматривает отношения между Россией и империей лишь в одном аспекте, с точки зрения общих интересов обоих государств в организации совместной борьбы против турецкой агрессии. Оценивая весьма оптимистически перспективы русско-австрийского сближения в середине 70-х гг. XVI столетия, он, к сожалению, оставляет открытым вопрос о причинах срыва намечавшегося между Иваном IV и Максимилианом соглашения по польскому вопросу.

и последовавшая вскоре смерть Максимилиана (в октябре 1576 г.) вовсе снимали вопрос о русско-австрийском соглашении по поводу раздела Речи Посполитой. Правда, Грозный впоследствии еще не раз возвращался к этому вопросу и даже старался склонить нового императора Рудольфа II к тому, „чтоб Литовского Стефана короля Батуру с королевства сгонити и... о Коруне Полской и Великом Княжестве Литовском собча промышляти“¹. Но эти предложения уже не могли иметь успеха.

Таким образом, попытки Грозного использовать избирательную кампанию в Речи Посполитой в период бескорольева для разрешения ливонского вопроса дипломатическим путем окончились безрезультатно.

В ходе обсуждения вопроса о русской кандидатуре на польский престол обнаружились высокие качества и зрелость русской дипломатии, твердость политической линии и крупный дипломатический талант Грозного. Однако мирное соглашение с Речью Посполитой оказалось невозможным, вследствие полной несовместимости агрессивных планов польской шляхты, рассчитывавшей посредством унии подчинить русские земли Польше, с интересами Русского государства. Царь хорошо понимал смысл унитарных замыслов польских феодалов. Он не мог согласиться на те уступки, которых от него требовали его избиратели, так как этим наносился серьезный ущерб интересам его страны.

Так же безуспешно закончились попытки Грозного осуществить в союзе с императором расторжение Люблинской унии и раздел владений Речи Посполитой. Реализации этого плана, посредством которого царь рассчитывал разрешить вопрос об украинско-белорусских землях и присоединить к Русскому государству Ливонию, помешала двойственная и лишенная всякой последовательности политика Габсбургов. Император, заинтересованный в получении московской помощи для овладения польской короной и совместной борьбы против турецкой агрессии, в то же время очень опасался усиления русской державы и ее международного веса. Именно этим объяснялись его неуступчивость и упорство в вопросе о Ливонии. Но без разрешения ливонского вопроса весь план для Грозного оказывался лишенным смысла, соглашение становилось невозможным.

Утверждение на польском престоле Стефана Батория, опиравшегося на большинство шляхты и пользовавшегося поддержкой турецкого султана, снимало вопрос о мирном разрешении конфликта. Русскому государству предстояло вступить в последнюю и решающую фазу Ливонской войны, которая должна была подвести итог его двадцатилетней борьбы за выход к Балтийскому морю.

¹ Памятники дипломатических сношений, т. I, ср. 739.

И. В. СИНИЦЫН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ ИЛОВЛИ

Изучение конкретного исторического процесса на определенной территории, выяснение взаимоотношений отдельных родов, племен и народов является очередной задачей, поставленной перед советской археологией в трудах И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и „Экономические проблемы социализма в СССР“.

Основным источником в изучении отдельных племен и народов степных районов Нижнего Поволжья служат преимущественно археологические памятники. Несмотря на широкие археологические исследования, проведенные за советский период в Нижнем Поволжье, древние памятники в отдельных районах не в одинаковой мере подвергались раскопкам. До недавнего времени наименее исследованной оставалась правобережная полоса Волги от Саратова до Сталинграда. Для изучения археологических памятников этого района нами в 1937 г. были произведены раскопки в Волго-Донском водоразделе по р. Иловле, а в 1946—1949 гг. на правом берегу Волги, в районе с. Пролейка (между Камышином и Сталинградом)¹.

Публикуемый ниже материал является результатом раскопок и разведок, произведенных в 1937 году в районе нижнего течения реки Иловли, в пределах Сталинградской области.

Река Иловля — левый приток Дона — в пределах Саратовской и Сталинградской областей течет почти параллельно Волге. Берега её изобилуют многочисленными и разновременными памятниками, остававшимися совершенно неизученными. Между тем из разных мест района Иловли еще в дореволюционное время часто поступали в музей Саратовской архивной комиссии, а также и в Государственный Эрмитаж случайные

¹ И. В. Синицын, Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане, КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

находки, в том числе богатые коллекции, обнаруженные у с. Соломатино и Ольховки¹. Видимо, эти случайные находки побудили А. А. Спицына в конце прошлого столетия организовать раскопки в верхнем течении Иловли в районе сел Гуселки, Ней-Норки и у станции Лебяжье, быв. Камышинского уезда. Раскопки дали весьма интересный материал, характеризующий предскифскую культуру степей Нижнего Поволжья, памятники сарматского и более позднего времени. Результаты раскопок А. А. Спицына, кроме кратких сведений о них, остались неопубликованными².

В 1927—1928 гг. в верховьях Иловли были проведены небольшие раскопки разведочного характера П. Д. Рау и Т. М. Минаевой. В районе сс. Каменка и Усть-Грязнуха П. Д. Рау раскопал несколько курганов, содержащих погребения бронзовой эпохи³ и сарматской культуры⁴. Близ с. Нижняя Грязнуха Т. М. Минаева произвела раскопки курганов, содержащих погребения с инвентарем катакомбной культуры. К сожалению, результаты раскопок полностью не опубликованы⁵.

Указанные раскопки и разведки коснулись лишь верхнего течения Иловли. Поэтому основной задачей наших работ было изучение древних памятников, расположенных в нижнем и среднем течении Иловли. Вместе с тем имелось в виду выявить общность древних памятников этого района с памятниками Волго-Донской степной полосы, частично исследованной в тридцатые годы Донской археологической экспедицией⁶.

1

Обследование района нижнего течения Иловли было произведено от левого берега Дона и окрестной станицы Иловлинской до с. Александровки.

В районе станицы Иловлинской, вдоль левого берега реки, местами развиты песчаные, сильно задернованные всхолмления, которые сменяются по правобережью высокой речной террасой, господствующей над песчано-холмистыми возвышенностями левого берега реки. Среди развеянных песков местами встре-

¹ ОАК за 1902 г., стр. 138—139, ОАК за 1904 г., стр. 134—135.

² ОАК за 1895 г., стр. 30—33, Зап. Имп. Русск. Арх. общ., т. VII, вып. I и II, стр. 140—146; там же, т. XI, вып. I и II, стр. 130—133; Извест. Арх. Ком., вып. 5, 1905 г., стр. 126. Неопубликованный отчет А. А. Спицына хранится в архиве ЛОИИМК, д. № 79.

³ Р. Рау, Hockergräber der Wolgasteppe, Pokrowsk 1928, стр. 31—34.

⁴ И. В. Синицын, Материалы по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, СА, т. VIII, 1946 г.

⁵ Т. М. Минаева, Курганы близ с. Нижней Грязнухи на р. Иловле Проб. Ист. Докл. Общ., № 7—8, 1934 г. Материалы из раскопок Т. М. Минаевой хранятся в Саратовском областном музее.

⁶ М. И. Артамонов, Донская экспедиция ГАИМК, Проб. Ист. Мат. Культуры, № 1—2, 1933; Археологические исследования в РСФСР за 1934—1936 гг., М. 1941, стр. 169—187.

чаются отдельные кремневые орудия — скребки, ножевидные пластинки, плохо сохранившиеся черепки глиняной посуды, свидетельствующие о том, что в этих пунктах располагались поселения позднего неолита или бронзового века.

По берегам Иловли часто встречаются курганы, расположенные главным образом на надпойменной террасе речной долины правого берега реки. Реже курганы находятся непосредственно в пойме правого или левого берега реки (район станицы Иловлинской). Как правило, курганы расположены небольшими группами в 10—15 насыпей. Некоторые группы содержат до 30 курганов, среди которых выделяются 2—3 насыпи, достигающие до 30 м в диаметре, при 3—3,5 м в высоту.

Раскопки курганов производились в группе, расположенной на правом берегу Иловли у станицы Иловлинской, и в двух группах у хутора Авиловского также на правом берегу реки. В первой группе у станицы Иловлинской было раскопано четыре кургана, у хутора Авиловского — десять, содержащих 27 разновременных погребений, характеризующих различные этапы исторического прошлого на данной территории, начиная от эпохи бронзы и кончая поздним средневековьем.

Исследованные погребения могут быть подразделены на три группы: 1) погребения бронзовой эпохи, 2) погребения сарматской культуры и 3) погребения Золотоордынского времени.

Погребения бронзовой эпохи

По характеру своего инвентаря и ритуальным особенностям исследованные погребения входят в круг памятников бронзовой эпохи, хорошо известных в пределах Нижнего Поволжья. Вместе с тем они имеют свои особенности, позволяющие подразделить их на две хронологически разновременные и этнически самостоятельные группы. Первая группа представлена погребениями в больших грунтовых прямоугольно-квадратных ямах, вторая — преимущественно погребениями в насыпи кургана или на горизонте, под насыпью кургана.

Погребения в квадратных могилах обнаружены в двух курганах у хутора Авиловского (группа № 1, курган № 2 и курган № 7, погребение № 6). Несмотря на то, что вещественный материал погребений весьма ограничен, все же он позволяет отнести их к определенному кругу памятников типа степной катакомбной культуры южных районов Нижнего Поволжья. Помимо ритуала особого внимания заслуживает керамика этой группы. В отличие от обычных сосудов баночной формы, характерной для погребений срубной культуры Нижнего Поволжья, здесь керамика представлена иными типами. Так, глиняный горшок из кургана № 2 имеет выпуклые стенки, сплошь покрытые елочнообразным орнаментом, выполненным мелкозубчатым чеканом (см. рис. 6).

Не менее характерен из того же погребения черепок с красновато-оранжевой поверхностью, покрытой веревочным орнаментом. Керамика этого типа имеет ближайшие аналогии среди керамики катакомбных погребений степных, южных районов Нижнего Поволжья.

В других районах Иловли этот же тип погребений с аналогичным инвентарем был обнаружен раскопками А. А. Спицына¹, П. Д. Рау² и Т. М. Минаевой³. Таким образом, раскопки погребений этого типа позволяют сделать заключение, что в пределах правобережной полосы Волги район Иловли является северной границей распространения погребений катакомбной культуры.

Что касается левобережной степной полосы, то раскопками, произведенными нами в последние годы, установлено наличие погребений катакомбной культуры в низовьях Еруслана. Своеобразный комплекс могильного инвентаря, наличие погребений с ярко выраженными деформированными черепами типа катакомбных погребений района Маныча⁴ свидетельствуют о распространении племен катакомбной культуры в степях Заволжья. Вновь открытые памятники позволяют более определенно говорить о том, что погребения катакомбного типа относятся к большой, совершенно самостоятельной этнической группе скотоводческих племен, сравнительно густо заселявших степные районы Азовско-Каспийского междуморья, особенно районы Маныча и г. Степного.

Вторая группа погребений представлена однотипными могильными захоронениями, относящимися к концу бронзовой эпохи. Погребения этого типа обнаружены в курганах второй группы близ хутора Авиловского (курган № 5, погребение № 1, 2, 3, 4 и 6; курган № 7, погребение № 1, 2, 3, 4, 5, 8). Погребения этой группы имеют единый обряд захоронения — они устроены чаще в насыпи кургана или в неглубоких прямоугольных ямах. Скелеты лежат скорченно, на левом или правом боку, руки согнуты и кистями положены перед лицом, в отдельных случаях руки вытянуты перед животом и кистями положены между ног. Ориентированы погребенные в разные стороны, но чаще головою на северо-восток, восток или юго-запад.

Могильный инвентарь довольно беден; некоторые погребения не имели никаких предметов похоронного ритуала, а в отдельных могилах находились лишь глиняные сосуды, однотипные по своей форме и орнаментации, а также сосуды баночной формы с плоским дном, прямыми или несколько вы-

¹ А. А. Спицын, Курганы с окрашенными костяками, Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., т. XI, вып. I и II, 1899 г., стр. 130—133.

² Р. Рау, указ. работа, стр. 31—34.

³ Т. М. Минаева, указ. работа.

⁴ М. И. Артамонов, Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1935 г., СА, IV, М.—Л. 1937, и СА, XI, 1949 г.

пуклыми стенками. Стенки таких сосудов покрыты грубыми штрихами, на некоторых хорошо заметны следы сглаживания травой. В одном случае (курган № 5, погребение № 1) остро-реберный сосуд по плечикам орнаментирован линиями, образующими треугольники (см. рис. 22). Аналогичная посуда хорошо известна из многочисленных курганных погребений степей Нижнего Поволжья.

Описываемые погребения иловлинских курганов представляют собой ярко выраженные памятники Нижне-Волжской срубной культуры на её позднем этапе развития. Они показывают непрерывную линию заселения правобережной стороны Волги и Волго-Донского водораздела скотоводческо-земледельческими племенами, жившими здесь в конце 2-го и начале 1-го тыс. до нашей эры.

Погребения сарматской культуры

Памятники сарматской культуры представлены курганными погребениями, обнаруженными в двух пунктах: близ станицы Иловлинской (курган № 1, 2, 3, 4) и около хутора Авиловского (1-я группа, курган № 1, 2-я группа, курган № 1, 2, 3 — погребение № 1 и 2, курган № 4, курган № 5, погребение № 5, курган № 7, погребение № 7 и курган № 8). Всего, таким образом, вскрыто 13 погребений.

По характеру могильных сооружений исследованные погребения представляют три типа:

1. Прямоугольно-удлиненные могилы с южной или юго-восточной и юго-западной ориентировкой костяков.

2. Широкие, квадратные могилы.

3. Узкие могильные ямы с подбоем и северной (преимущественно) или южной ориентировкой костяков.

Такое разнообразие в устройстве могильных сооружений вообще характерно для сарматских курганных погребений, известных по раскопкам в Нижнем Поволжье. Среди этих погребальных типов некоторые представляют весьма устойчивую форму могильных ям с установившейся стандартизацией могильного инвентаря и ритуала. Они характеризуют различные этапы местной истории и принадлежат различным племенным группам сарматского общества.

В первую группу мы выделяем более ранние погребения в прямоугольных ямах, с скелетами, ориентированными головой на юг или юго-восток (курган № 3, погребение № 2; курган № 5, погребение № 5 и курган № 7, погребение № 7 — хутор Авиловский). Характерной их особенностью является тот факт, что могилы часто устроены в готовых курганах. Использование для захоронения более древней насыпи было широко распространено среди этой племенной группы на территории Нижнего Поволжья.

Погребения этой группы не отличаются богатством могильного инвентаря. В общем комплексе инвентаря Иловлинских погребений выделяются типичные предметы, которые являются наиболее показательными для определения данной группы.

В ритуале мужских погребений характерно наличие предметов вооружения — мечей, кинжалов, железных трехгранных наконечников стрел, колчанов. В мужских и женских в одинаковой степени находится глиняная посуда хозяйственного и ритуального назначения. Среди последней особенно часто встречаются цилиндрической формы сосудики-курильницы, иногда с дырочкой на одной стороне (см. рис. 12). Погребенные обычно лежат на спине с вытянутыми конечностями, головою на юг или с незначительным отклонением на ЮВ. В качестве подстилки отмечен темный тлен от кошмы, кожи или ткани. Иногда на дне могилы встречаются куски мела, угля. Характерной чертой погребального обряда является также наличие костей овцы — передняя нога с лопаткой.

В общей массе сарматских погребений эта группа представляет весьма устойчивый тип погребений как по ритуалу, так и инвентарю.

Как уже отмечалось, среди могильного инвентаря наиболее типичны предметы вооружения — кинжалы с кольцевидным навёршием и прямым перекрестием (курган № 3, погребение № 2, курган № 7, погребение № 7). В большинстве своем кинжалы имеют размер от 30 до 45 см в длину вместе с рукояткой. При всех мужских погребениях этого типа кинжалы, как правило, находятся с правой стороны погребенного, рукоятью у пояса, между рукой и тазом. Такое положение кинжалов указывает на способ их ношения. На основании массовых находок аналогичных кинжалов в курганных погребениях Нижнего Поволжья и смежных областей принято считать, что мечи и кинжалы этого типа бытовали у сарматских племен в первые века нашей эры. Между тем раскопки последних лет, произведенные нами в низовьях Узеней (Новая Казанка, Западный Казахстан), а также в зоне затопления строительства Сталинградской ГЭС показали, что мечи с кольцевидным навёршием бытовали вместе с мечами так называемого прохоровского типа, с серповидным навёршием, относящимися к III—II в. до нашей эры¹. На эту раннюю дату появления мечей с кольцевидным навёршием в свое время справедливо указывал К. Ф. Смирнов².

Второй вид вооружения — трехгранные черешковые железные наконечники стрел (см. рис. 14). Расположение стрел в

¹ И. В. С и н и ц ы н, Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане, КСИИМК, вып. 45, 1952, стр. 68, рис. 27—4,5.

² К. Ф. С м и р н о в, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья, Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. 5, 1947, стр. 78.

погребении № 2 из кургана № 3 показывает, что они находились в кожаном колчане. Такое расположение стрел в сарматских погребениях Нижнего Поволжья отмечалось неоднократно. Можно считать установленным, что аналогичные наконечники стрел бытовали в сарматской среде продолжительное время — от первых веков до нашей эры, вплоть до позднего времени сарматской культуры, когда они, начиная с IV в. нашей эры, заменяются более крупными трехгранными с черешком и плоскими.

Глиняные сосуды из кургана № 5 (погребение № 5) и кургана № 7 (погребение № 7) представляют хорошо известный тип горшков с сильно выпуклыми боками, невысоким, несколько расширяющимся кверху горлом и отогнутым наружу венчиком (см. рис. 24, 28). Первый горшок (из кургана № 5) станковой работы, лощеный, второй изготовлен без помощи гончарного круга, обжиг слабый и неравномерный, поверхность имеет желтовато-коричневый цвет, стенки пористые, в разломе содержит угольно-черную массу. Такие горшки — продукт местного изготовления,

Не менее характерны глиняные ритуальные сосудики-курильницы цилиндрической формы с круглым отверстием у края (рис. 12, курган № 3, погребение № 2), грубой работы, слабого обжига. Различные варианты курильниц хорошо известны в разновременных сарматских погребениях не только Нижнего Поволжья, но и других районов распространения сарматской культуры. Имея одинаковое назначение в ритуале, эта категория предметов не может служить определяющим признаком какой-либо одной группы сарматских погребений. Можно лишь отметить, что в ранних сарматских погребениях у курильниц своеобразные формы, близкие к курильницам катакомбных погребений бронзовой эпохи Нижнего Поволжья, откуда они, повидимому, и ведут свое происхождение.

Другие предметы могильного инвентаря: ножи и четырехгранный оселок, также характерны для сарматских погребений первых веков нашей эры.

Вторая группа представлена одним погребением в большой квадратной могильной яме из кургана № 4, у хутора Авиловского. По своему погребальному ритуалу и составу инвентаря погребение входит в весьма устойчивую группу погребений с „диагональным“ положением костяков или положением вдоль длинной стенки могилы (рис. 15). В ритуале соблюдены характерные детали: сверху могильная яма тщательно перекрыта нетолстыми бревнами, над могилой поставлены два сосуда и положено глиняное пряслице. Могильный инвентарь представлен обычными для женских погребений предметами (бронзовая фибула, зеркальце с боковым прямоугольным ушком, различные бусы (рис. 16), 5 глиняных сосудов, в том числе большая миска с лощеной поверхностью (рис. 17), кости овцы, куски мела, кости черепахи).

Датирующим элементом можно признать такие предметы, как фибула, зеркальце, посуда. Фибулы, аналогичные Иловлинской, с подвязным приемником и стандартной четырехвитковой пружинкой (рис. 16—1), хорошо известны по находкам в сарматских погребениях Нижнего Поволжья. Здесь они бытуют главным образом в период II—III вв. нашей эры. Не менее характерным является бронзовое зеркальце с боковым прямоугольным ушком, с ободком по краю и выпуклостью в центре (рис. 16—3).

Ближайшие аналогии известны на Иловле из диагонального погребения в кургане „Е 9“ у с. Каменка¹, у с. Норки, по раскопкам А. А. Спицына² и других районов Нижнего Поволжья. Известны они из Некрополя Танаиса³, Прикубанья⁴, района р. Молочной (УССР)⁵. Очень важно отметить находки аналогичных зеркал, а также фибул на Кавказе в интересном Таркинском могильнике, исследованном Е. И. Крупновым⁶ и К. Ф. Смирновым⁷. В этом же могильнике керамика, особенно большие миски с загнутыми внутрь краями, имеет ближайшее сходство с Иловлинской. Аналогичная керамика характерна вообще для сарматских курганных погребений Нижнего Поволжья, относящихся к первым векам нашей эры.

В общем комплексе керамика свидетельствует не только о межплеменных связях сарматского населения Нижнего Поволжья, но и об этнической близости с рядом соседних племен, в том числе Северного Кавказа, Прикубанья и Приднепровья.

В состав могильного инвентаря входит интересный набор янтарных, темносиних стеклянных бус и голубоватого цвета бисер (рис. 16—2). Аналогичные бусы хорошо известны в Нижнем Поволжье среди сарматских погребений, относящихся к первым векам нашей эры. Среди памятников позднеантичного Хорезма наиболее поздняя дата бытования таких украшений определяется III—IV вв. нашей эры⁸.

Третья группа — погребения в подбойных или узких удлиненных ямах. Погребения этого типа обнаружены в группе

¹ И. В. Синицын, К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, СА, VIII, 1946, стр. 80, рис. 3.

² ОАК за 1895 год, стр. 32, рис. 67.

³ Т. Н. Книпович, Танаис, 1949, стр. 56—59.

⁴ Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинский, МИА, вып. 23, стр. 198—199.

⁵ М. И. Вязьмитина, Изучение сарматов на территории УССР, Археологія, Київ т. VIII, 1953, стр. 69, рис. 6—5.

⁶ Е. И. Крупнов, Археологические работы на Северном Кавказе КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 18, рис. 8—5; его же, Новый памятник древних культур Дагестана, МИА, вып. 23, 1951, стр. 216, рис. 8—7.

⁷ К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг., МИА, вып. 23, стр. 236, рис. 17—2,3.

⁸ С. А. Трудновская, Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-Кала. Труды хорезмской археологической экспедиции, 1, 1952 г., стр. 119.

курганов у станицы Иловлинской (курган № 1, 2, 3, 4) и близ хутора Авиловского (курган № 1, группа № 1, курган № 1, 2, 8, группа № 2).

Наиболее характерный признак этой группы погребений — устройство могилы в виде узкой ямы с подбоем в западной или восточной стенке. Погребенные ориентированы головой на север, реже на юг. Скелеты имеют деформированные черепа. В отличие от погребений иных типов, подбойные могилы содержат индивидуальные погребения и редко являются впускными.

Среди могильного инвентаря отдельные категории предметов повторяют предшествующие формы: мечи с кольцевидным навершием, лощеная посуда. Вместе с тем в могилах этой группы обнаружена грубая лепная посуда, кольчатые удила позднего типа, железный нож с костяной ручкой. Аналогичный состав могильного инвентаря и основные признаки ритуала наиболее полно выявлены в пределах Нижнего Поволжья, где они относятся к сармато-аланской группе погребений, хронологически определяемых преимущественно III—IV вв. нашей эры¹.

Указанные хронологические рамки, а также определение этой группы в смысле этнической принадлежности не вызывает каких-либо особых сомнений. Однако следует отметить, что раскопками последних лет, произведенными в пределах Нижнего Поволжья, выявлены памятники, которые дают возможность проследить особенности сармато-аланской культуры, относящейся к более позднему времени. К числу таких поздне-сарматских памятников надо отнести весьма интересное погребение из кургана № 1 первой группы близ Авиловского хутора.

Устройство могилы, ритуал погребения и другие особенности захоронения не представляли чего-либо нового по сравнению с погребениями предшествующего времени. Могила имела узкую входную яму, ориентированную по линии юг—север, подбой устроен вдоль западной стенки, положение погребенного в колоде на спине с вытянутыми конечностями, головой на север (рис. 1). Обращают на себя внимание такие ритуальные особенности, как наличие во входной яме костей лошади — череп, положенный на отрубленные до колен ноги с копытами. Обычай класть в могилу кости коня (череп и ноги с копытами) типичен для позднесарматских погребений. При этом положение костей коня является ритуальной особенностью не только для мужских, но и женских погребений. Наиболее ярким примером женского погребения с костями коня может

¹ Б. Н. Граков, Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, № 3, 1947 стр. 106, 120; К. Ф. Смирнов, Сарматские племена северного Прикаспия, КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 97 и след.

служить погребение № 2 из покровского кургана № 36¹. Примером мужских погребений с захоронением костей лошади (головы и ног с копытами) является погребение № 5 из кургана № 9, раскопанного нами в 1939 г. на левом берегу р. Малый Караман, близ с. Бородаевки, Марковского района². Погребения этого типа особенно интересны тем, что их инвентарь (особенно погребение № 2 покровского кургана № 36) позволяет установить непосредственную связь с инвентарем курганных погребений с сожжением, представляющих в пределах Нижнего Поволжья своеобразный комплекс памятников позднесарматской эпохи³.

Среди инвентаря авиловского погребения особенно интересными представляются костяные накладки большого сложного лука „гуннского типа“ (рис. 2). Аналогичные костяные накладки лука, как известно, имеют широкое территориальное распространение и встречаются в разновременных погребениях. В пределах Нижнего Поволжья подобные костяные обкладки луков встречаются главным образом в позднесарматских погребениях, типа Нижне-Баскунчакских и других.

В отдаленных от Поволжья районах аналогичные костяные накладки лука известны по находкам Г. П. Сосновского в пределах Западного Забайкалья, в Ильмовой пади в погребениях гуннского времени⁴. Такие же костяные накладки большого сложного лука найдены А. Н. Бернштамом в погребениях Кенкольского могильника⁵. С. П. Толстовым обнаружен целый комплекс луков в одном из помещений дворца Топрак-Кала в Хорезме⁶.

Несмотря на хронологическое различие указанных погребений по отношению к авиловскому, а также территориальную их отдаленность, форма и технические особенности костяных накладок лука там и здесь повторяются до деталей. Несомненно, устойчивость формы лука свидетельствует о прочных технических традициях, сложившихся в первые века нашей эры у племен, заселявших не только степи северного Прикаспия, но и далее на восток.

¹ И. В. Синицын, Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья, Известия Саратовского Нижне-Волжского Института Краеведения, т. VII. 1936, стр. 81, рис. 9.

² И. В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Ученые записки СГУ, вып. XVII, 1947, стр. 130.

³ Т. М. Минаева, Погребения с сожжением близ г. Покровска. Ученые записки Сар. гос. университета, т. VI, вып. III 1927.

⁴ Г. П. Сосновский, Раскопки Ильмовой пади, Советская археология т. VIII, 1946, стр. 62, рис. 13.

⁵ А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, госуд. Эрмитаж, вып. II. 1940, стр. 12, 21, таб. XXVII, XXVIII. На неточность реконструкции лука указано в рецензии М. П. Грязнова, см. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 148.

⁶ Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции, под ред. С. П. Толстова, 1952 г., стр. 34 и след.

Среди других предметов, найденных в авиловском погребении, интересны бронзовые пряжки и обоймы, служившие, по видимому, застежками обуви (рис. 3). Аналогичные пряжки и обоймы найдены в покровском кургане № 36. Известны они и по другим находкам. Наконец, особый интерес представляют предметы вооружения — берестяной колчан и железные наконечники стрел. Колчан имел вид цилиндрической трубки до 60 см в длину, с расширенным нижним концом до 18 см. Подобные берестяные колчаны получают широкое распространение в Нижнем Поволжье в кочевнических погребениях, начиная с IX в. вплоть до Золотоордынского времени.

В коллекции авиловского погребения особенно интересными являются железные наконечники стрел — крупного размера черешковые трехгранные и плоские (рис. 4). Наконечники этого типа характеризуют новый этап в развитии вооружения кочевников позднесарматского времени. Подобные наконечники получают распространение не только в кочевнических погребениях, но и у племен в смежных районах, например в погребениях IV—VII вв. Армеевского могильника¹.

Важно отметить, что аналогичные наконечники стрел, так же как и костяные накладки лука, характерны в комплексе могильного инвентаря Нижне-Волжских погребений с сожжением².

Не касаясь детальных сопоставлений могильного инвентаря, можно отнести авиловское погребение, как и ряд аналогичных, к числу позднесарматских погребений, хронологические рамки которых должны определяться в пределах V—VIII вв. нашей эры.

К памятникам более позднего времени относится одно разрушенное погребение из кургана № 6 у хутора Авиловского. Характер устройства могильной ямы и ритуальные особенности, которые удалось установить в процессе раскопок (в частности, положение черепа и конечностей коня), сохранившиеся остатки шелковой ткани — все это является довольно обычным для кочевнических погребений, начиная от XI вплоть до XV в.

В заключение следует отметить, что несмотря на ограниченный район полевых исследований в низовьях Иловли, результаты раскопок дали интересные материалы, которые в комплексе с материалами археологических исследований, широко развернувшихся в пределах Нижнего Поволжья, позволят наиболее полно осветить основные вопросы истории степной полосы Северного Прикаспия.

¹ Коллекции Армеевского могильника хранятся в Саратов. обл. музее; отдельн. экземпляры см. А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикаспья, МИА, вып. 28, 1952, таб. XIV—4—8.

² Т. М. Минаева, указ. соч., стр. 91—93, таб. I и II.

ОПИСАНИЕ РАСКОПОК ¹

Исходным пунктом обследования явился район окрестностей хутора Яблочного начиная от Дона. Дальше маршрут обследования шел к станице Иловлинской и выше по реке Иловле, до хутора Боровкова.

Обследование показало, что в районе хутора Яблочного и станицы Иловлинской курганы в одиночку и группами встречаются в пойменной полосе. Выше Иловлинской курганы расположены преимущественно на надпойменной террасе правого берега реки Иловли.

Станица Иловлинская

Около станицы с западной стороны расположена большая курганная группа, насчитывающая до 40 насыпей. Курганы расположены группами и в одиночку по всей широкой пойме р. Иловли, вплоть до хутора Желтухинского. Площадь, на которой находятся курганы, покрыта ложбинами — лиманами. Низменные места поймы затопляются половодьем. Почва здесь весьма сырая и на глубине 1—1,50 м выступает вода. Крупных курганов мало; преобладают невысокие плоские насыпи. Только один курган имеет до 3 м в высоту, сильно раскопан кладоискателями. Здесь нами раскопано 4 кургана.

Курган № 1 расположен в центре группы, форма насыпи плоская, вокруг насыпи глубокий ровик. Диаметр 10 м, высота 40 см. В центральной части насыпи кургана, на глубине 35 см, обнаружены кости лошади — зуб, обломок ребра. По снятии насыпи в центре кургана обнаружена разрушенная могильная яма. Края могилы сильно разрыты, могила представляла воронкообразную яму. Глубина ямы до 1 м. На дне могилы 4 позвонка взрослого человека и птичья кость. Крупных костей человека не обнаружено.

Курган № 2 лежит в 40 м к северо-западу от кургана № 1. Диаметр кургана 10 м, высота 45 см. В центральной части насыпи на глубине 30 см обнаружены кости овцы — обломок ноги, альчик. Под насыпью в центре — грунтовая могила, ориентированная по линии СЗ-ЮВ. Длина могилы 1,90 м, ширина 60 см, глубина 1,20 м. В насыпи могилы найдены ножные кости овцы, обломок речной раковины, черепок от глиняного горшка сарматского типа — серой глины, лощеный. На дне могилы ничего не обнаружено. Погребение было разрушено. Почва на дне могилы сырая.

Курган № 3 расположен близ большого кургана. Диаметр 9 м, высота 35 см. В центре — могильная яма, ориентированная по линии СЗ-ЮВ. Длина могилы 1,80 м, ширина 50 см, глубина 1 м. В могиле ничего не обнаружено.

Курган № 4 раскопан в группе, расположенной ближе к огородам станицы Иловлинской. Диаметр кургана 9 м, высота 55 см. На глубине

¹ Весь материал из раскопок поступил в Сталинградский областной музей.

25 см в центре насыпи кургана обнаружены кости овцы, черепки глиняной посуды: один грубой выделки, один серый лощеный, сарматского типа. Могила в центре кургана, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Длина могилы 2 м, ширина 70 см, глубина 1,30 м. На краю могилы с юго-восточной стороны лежала куча створок раковин. В могиле ничего не обнаружено.

Хутор Авиловский

Хутор Авиловский расположен в пойменной долине на правом берегу реки Иловли. С южной стороны хутора обнаружено несколько курганов, расположенных между х. Авиловским и Таровским. Непосредственно около Авиловского хутора, с западной и северо-западной стороны, на высоком берегу на надпойменной террасе р. Иловли, имеются две курганные группы. В обеих группах раскопано десять курганов.

Первая группа

Первая группа расположена в $1\frac{1}{2}$ км к северо-западу от хутора, состоит из 12 курганов. Некоторые курганы сильно распаханы и имеют невысокую, плоскую насыпь. Один курган достигает 1,5 м высоты. В этой группе раскопано 2 кургана.

Курган № 1 Диаметр 10 м, высота 0,50 м. Курган раскопан продолговатой траншеей, проложенной с востока на запад 7×4 м. В западной стороне под насыпью кургана обнаружена подбойная могила, ориентированная по линии СЮ. На краю могилы с северной стороны лежала ножная кость овцы. Длина могильного входа 2,20 м, ширина 90 см, глубина 2,10 м. По дну могильного входа вдоль восточной стенки проходит ступенька до 10 см ширины, постепенно спускающаяся к подбою (рис. 1). Подбой устроен в западной стенке ниже могильного входа на 20 см. Размеры подбоя превышают могильный вход; длина его 2,35 м, ширина 85 см, высота 40 см. Подбой был закрыт плахами, поставленными вертикально. Размер плах — диаметр 10 — 12 см, длина до 60 см. В южном конце могильного входа на ступеньке лежали в порядке естественного сочленения кости лошади — череп, передние и задние ноги, обрубленные ниже колен.

В подбое стояла колода, выдолбленная из целого дерева мягкой породы. Колода была покрыта такою же долбленной крышкою. Длина колоды 1,90 м, ширина в головах до 60 см, в ногах она суживается до 30 см, имея ладьевидную форму. В колоде лежал костяк взрослого мужчины на спине с вытянутыми конечностями, головою на север. Головная часть колоды и туловище покойника потревожены сурками.

С правой стороны покойника лежали остатки сложного лука, имевшего в длину до 1,65 м. Местами сохранилась деревянная его основа, а по концам и посередине расположено девять костяных пластинок. Концевые накладки представляют собой несколько согнутые пластинки (по 2 на каждом конце) длиной 24 см при ширине от 1,5 см до 2 см (рис. 2—1). На всех пластинках сделаны вырезы для прикрепления тетивы. Между концевыми накладками находились две (по одной на каждом конце) пластинки, каждая длиной 11,5 см. Один конец несколько утолщен, имея 0,8 см в ширину, второй острый — сходит на нет (рис. 2—2). Средние костяные накладки лука состоят из трех пластинок; две боковые широкие и тонкие имеют в длину: одна — 30 см, другая — 27,5 см, при ширине в 3 см. Концы пластинок срезаны углом (рис. 2—3). Третья пластинка (передняя часть лука) ровная, имеет небольшой изгиб, лицевая сторона тщательно отполирована, концы несколько расширены, имея тонкий срез (рис. 2—4). Длина пластинки 19 см, ширина 1 см, толщина 3 мм.

Вдоль костяка, ниже локтя левой руки, лежал берестяной колчан. Верхний конец колчана разрушен сурками. Сохранившаяся часть колчана имела в длину 55 см, в ширину 12 см, нижний конец расширен до 18 см.

У верхнего края колчана найдена небольшая костяная фигурная пряжка (рис. 3—4). Внутри колчана лежало 14 железных наконечников стрел с

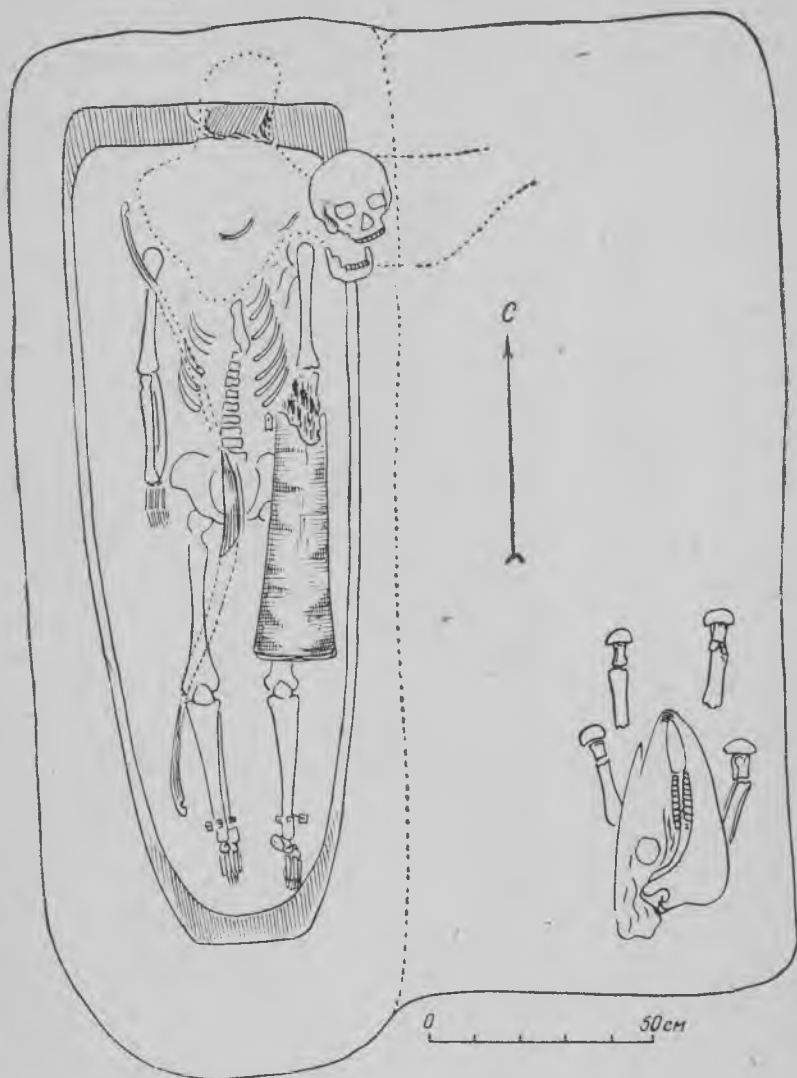

Рис. 1. Кургan № 1, группа 1.

сохранившимися (частично) нижними концами древков. Из найденных наконечников 13 черешковых, трехгранных и один плоский (рис. 4). Сверху колчана лежал кусок железной обоймы и железное кольцо (в обломках).

Около левого плеча вместе с потревоженными костями покойника лежал обломок железного предмета в виде однолезвийного ножа. На обеих ногах, несколько выше ступней, найдены бронзовые литые пряжки чеги-рехугольной формы с овальной облоймой (рис. 3—1). Здесь же находилась облойма от ремня с округлым концом и фигурной прорезью в середине (рис. 3—2). На ступнях обеих ног найдены бронзовые овальные облоймы от ремней (по две на каждой ступне). Облоймы сделаны из тонких бронзовых пластинок, согнутых вдвое; один конец округлый и соединен штифтиком,

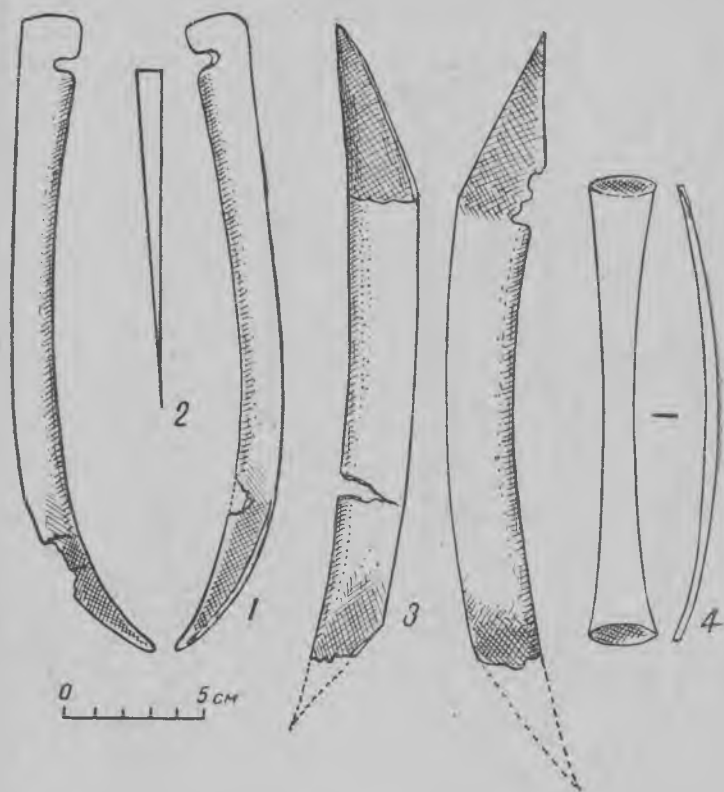

Рис. 2. Костяные обкладки лука.

скрепляющим облойму с ремнем (рис. 3—3). Лицевая сторона облойм по краю имеет рубчатый орнамент (насечка). Пряжки и облоймы показывают, что на ногах была надета невысокая кожаная обувь, застегнутая пряжками; кроме того, в области туловища, среди потревоженной части костяка, найден небольшой кусок кремня. Здесь же лежала маленькая четырехгранная бронзовая пластинка (скрепа) с загнутыми концами (рис. 3—5).

Курган № 2 расположен рядом с первым. Диаметр кургана по линии ВЗ—15 м, по линии СЮ—12 м, высота 50 см. В центре кургана обнаружена большая могила прямоугольной формы, в западной стороне стенки могилы сильно закруглены (рис. 5). Длина могилы по линии ВЗ—2,50 м, ширина по линии СЮ—2 м, глубина 2,65 м, считая от поверхности кургана.

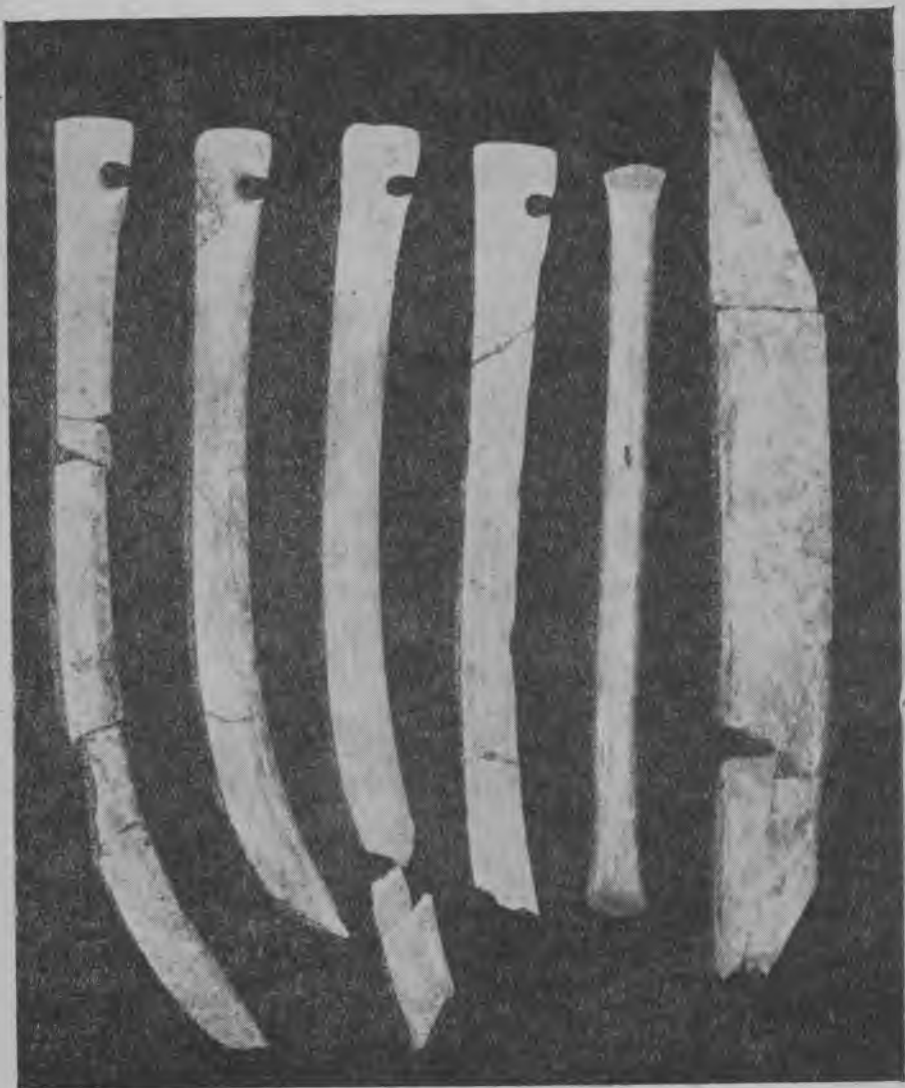

Рис. 2а. Курган № 1, группа 1.

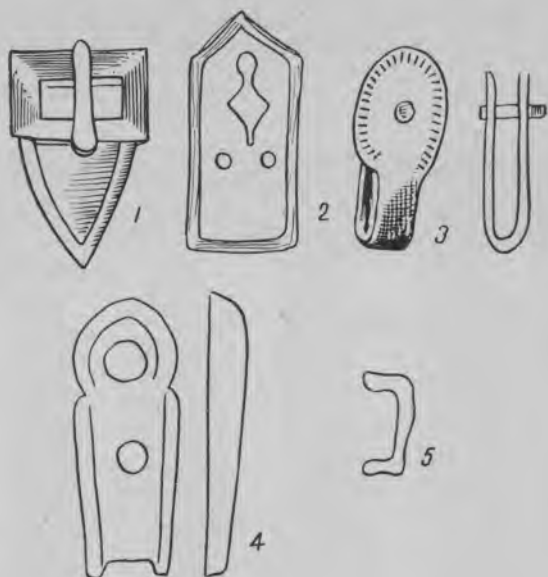

Рис. 3. Курган № 1,
группа 1.

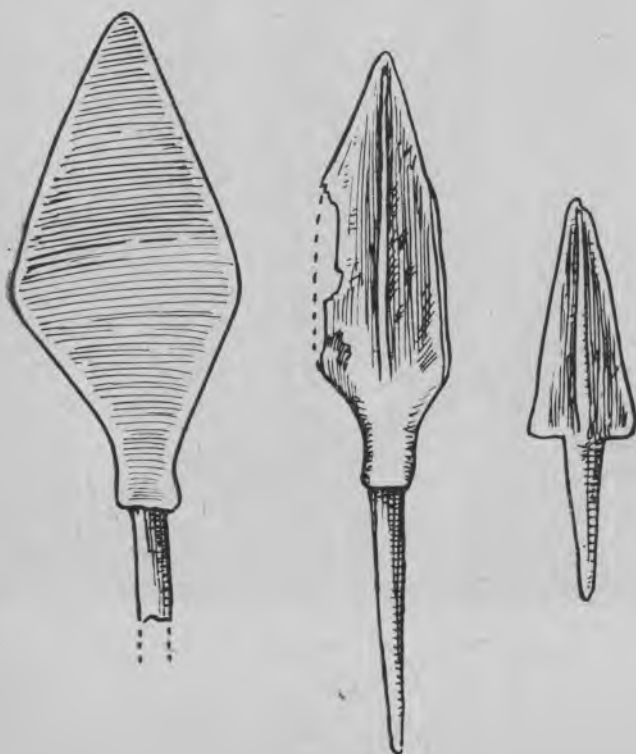

Рис. 4.
Курган № 1,
группа 1.
Железные на-
конечники
стрел.

На дне могилы лежал костяк женщины средних лет на левом боку в скорченном положении головою на В. Руки вытянуты впереди покойника

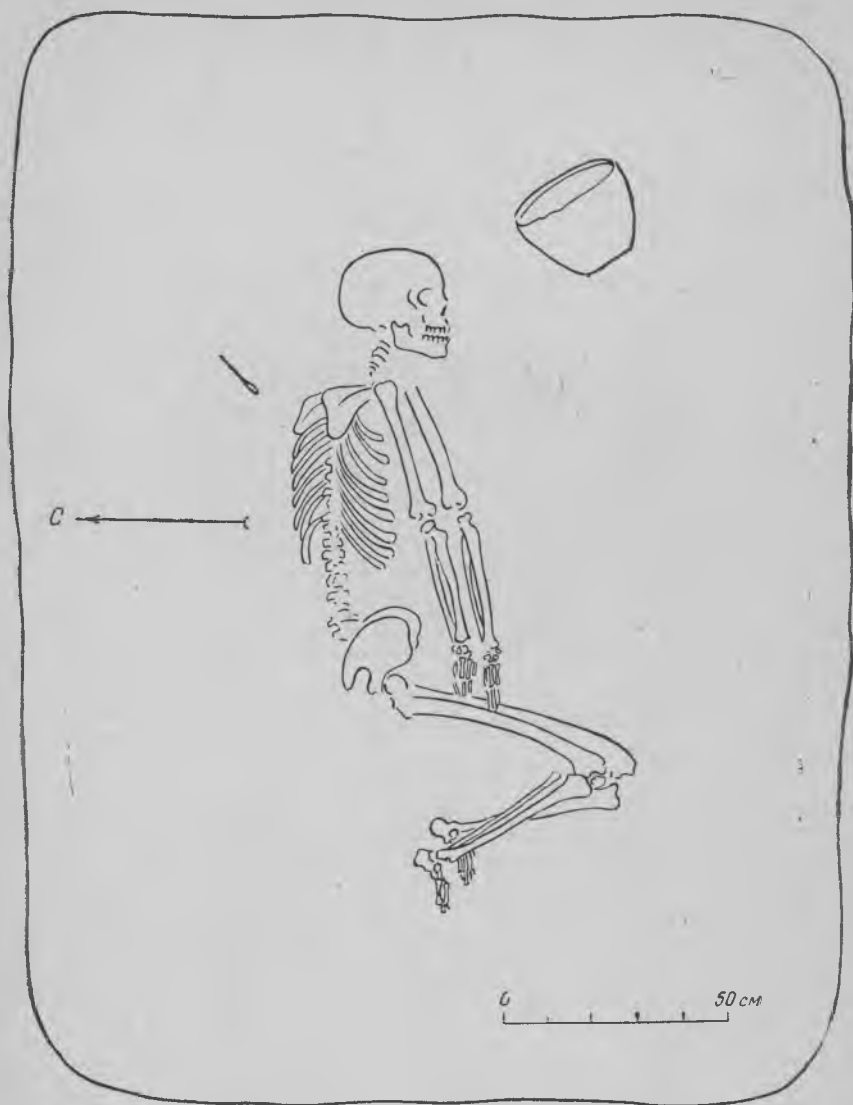

Рис. 5. Курган № 2, группа 1.
План погребения.

и кистями положены между ног. В головах стоял глиняный округлый горшок, орнаментированный в елочку мелким чеканом (рис. 6). Рядом с горшком лежал обломок от закрайка второго сосуда, орнаментированный

параллельными линиями, нанесенными веревочкой. Выше правого плеча, у черепа, лежало костяное шильце—проколка, тупой конец несколько обломан, рабочая часть хорошо заострена и имеет как бы отполированный вид. Длина проколки—10 см. В горшке заметны остатки какого-то желтовато-рассыпчатого вещества, перемешанного с нагаром. За спиной, около поясничных позвонков, находилась маленькая бронзовая буса. Кости плохой сохранности — при разборе они рассыпались.

Вторая группа

Вторая группа расположена также на возвышенном месте к Ю-З от хутора, на расстоянии 1 км от первой группы. Между первой и второй группой проходит большой овраг. В группе насчитывается до 30 курганов.

Рис. 6. Курган № 2, группа 1.

Большая часть курганов небольшого размера — от 8 до 12 м в диаметре, многие сильно распаханы и едва заметны. Среди группы — два кургана большого размера; один из них до 4 м высоты. Насыпи их сильно изрыты кладоискателями. В этой группе раскопано 8 курганов.

Курган № 1 диаметр кургана 9 м, высота 40 см, исследован снятием всей насыпи. Под насыпью, в центре кургана, расположена подбойная могила со входной ямой в виде удлиненного прямоугольника с закругленными концами (рис. 7). Длина могильного входа 1,85 м, ширина 60 см, глубина 1,10 м. Могила ориентирована с севера на юг с незначительным отклонением по линии СЗ на ЮВ. Засыпь могилы состоит из чистой сухой грунтовой глины.

На дне входной ямы, в южном конце, помещались три глиняных сосуда, в том числе глиняный кувшин с ручкой. Поверхность его лощеная, высота 32 см, диаметр по горлу 11 см, дно 9 см, (рис. 8). Рядом находился большой горшок — корчага грубой работы. Внутри на стенках сосуда черный нагар. Высота корчаги 30 см, диаметром по горлу 19 см, дно 11 см, (рис. 9). Здесь же лежал на боку глиняный серый лощеный кувшинчик с обломанной ручкой. Его размеры—высота 14 см, диаметр по горлу 7,5 см. В северной части могильного входа, на дне, лежали железные удила от узды с крупными толстыми кольцами. Диаметр колец 8 см. Удила сильно разложились и форму их восстановить не удалось.

Подбой устроен под западной стенкой, параллельно входной яме и углублен на 10 см. Форма подбоя в плане прямоугольная с закругленными углами, длина его 2 м, ширина в середине 70 см, высота 50 см. В подбое лежал костяк взрослого мужчины на спине, голову на север, с незначительным отклонением на северо-запад. Череп деформирован. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая кистью положена на тазовую кость. В ногах с левой стороны вдоль берцовых костей лежал железный кинжал с кольцевидным навершием и прямым перекрестием (рис. 10). В некоторых местах сохранились остатки дерева от ножен, покрытых яркочерной

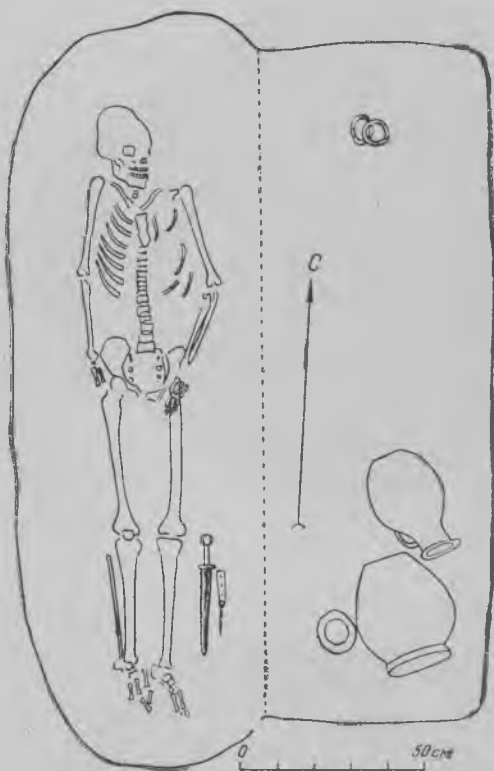

Рис. 7. Курган № 1, группа 2.

краской. Длина кинжала 34 см, длина клинка 21 см. Рукоять плохо сохранилась. Рядом лежал железный однолезвийный нож с костяной ручкой. Длина ножа с ручкой 22 см. (Под костяной ручкой ножа—бронзовый кругловыпуклый маленький предмет диаметром 8 мм.) Длина костяка 1,75 м, кости хорошей сохранности.

Курган № 2 расположен близ первого кургана. Диаметр 8 м, высота 35 см. Исследован раскопом 6×4 м. В центре кургана обнаружена детская подбойная могила, ориентированная по линии СЗ—ЮВ. Длина входной ямы 1,5 м, ширина 60 см, глубина 1 м. Подбой устроен под северо-западной стенкой, параллельно входной яме. Подбой углублен на 25 см ниже могильного входа. Длина подбоя — 1,15 м, ширина 60 см, высота до 40 см.

Рис. 8. Курган № 1, группа 2.

Рис. 9. Курган № 1, группа 2.

Рис. 10.
Курган № 1,
группа 2.
Железный
кинжал.

В могильной засыпке встречались остатки от перекрытия могилы, состоящие из тонких ветвей ивняка или шелюги.

В подбое лежал костяк ребенка, вытянутый на спине, головою на Ю-ЮВ, руки вытянуты вдоль туловища. Череп сильно деформирован и прекрасно сохранился. В головах, с правой стороны, лежал глиняный сосудик с коротким прямым горлом. Высота сосудика 15 см, диаметр по

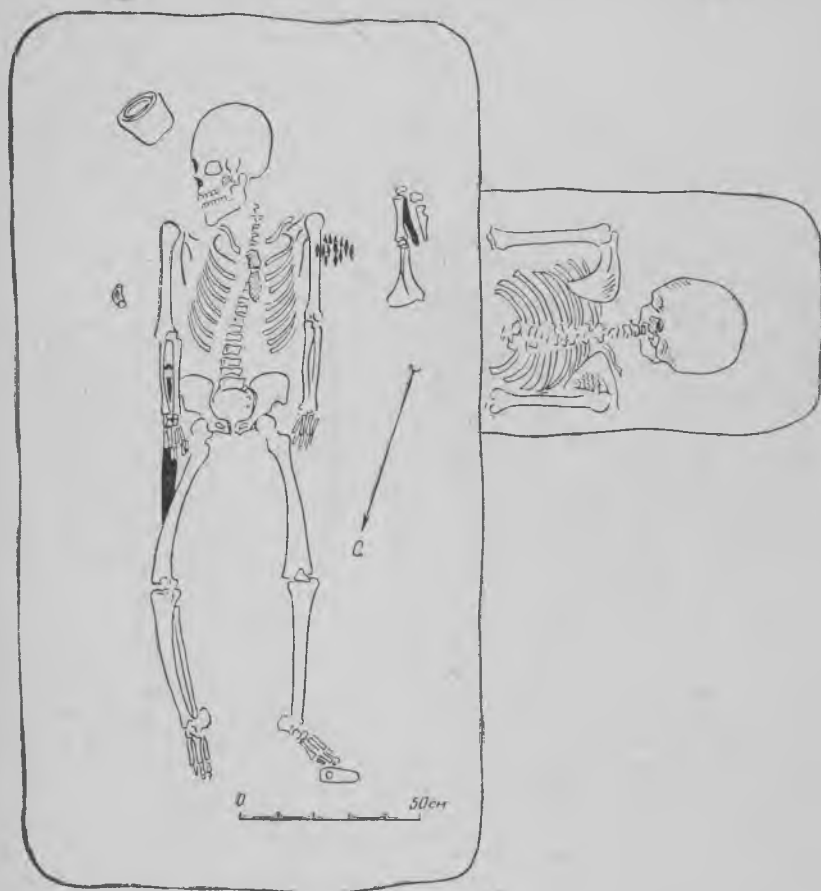

Рис. 11. Курган № 3, группа 2.
Погребение 1 и 2.

горлу 9 см. Внутри на стенках горшка следы черного нагара. Между сосудиком и черепом—маленькая бронзовая четырехгранная проволока-скрепа. Ниже кисти левой руки—небольшой кусок дерева с плохо сохранившейся бронзовой проволокой-скрепкой. Засыпка могильного входа и подбоя—мягкая сыпучая глина.

Курган № 3—округлая насыпь, диаметром 10 м, высотой 50 см. Исследован раскопом 6×8 м. Курган содержал два погребения.

Погребение 1-е (основное). На глубине 1 м от поверхности в центре кургана обнаружена прямоугольная с закругленными углами грунтовая могила, ориентированная по линии В-З, с небольшим отклонением к

С-З. Ширина могилы 65 см, глубина 1,10 м от поверхности кургана. Длина могилы не установлена, так как восточная ее часть срезана впускной сарматской могилой № 2. На дне—часть скелета мужчины пожилого возраста, положенного на живот вниз лицом, руки вытянуты (сохранились до локтей). Остальная часть костяка уничтожена могилой, устроенной позже (рис. 11). В сохранившейся западной половине могильной ямы никаких вещей при погребенном не обнаружено.

Погребение 2-е. Удлиненная грунтовая яма в форме прямоугольника 2,40 м длины, 1,10 м ширины и 1,35 м глубины (от поверхности кургана), ориентированная по линии СЗ-ЮВ. На дне — костяк мужчины средних лет, рост 1,70 м, лежал на спине, руки вдоль туловища (рис. 11) головою к ЮВ. Кости хорошей сохранности. С правой стороны около черепа стоял круглый сосудик с плоским дном и прямыми толстыми стенками. Высота сосудика—8 см, диаметр по верху и дну 9,5 см. Внутри находился такой же формы сосудик, но меньшего размера—высота 6 см, диаметр по верху

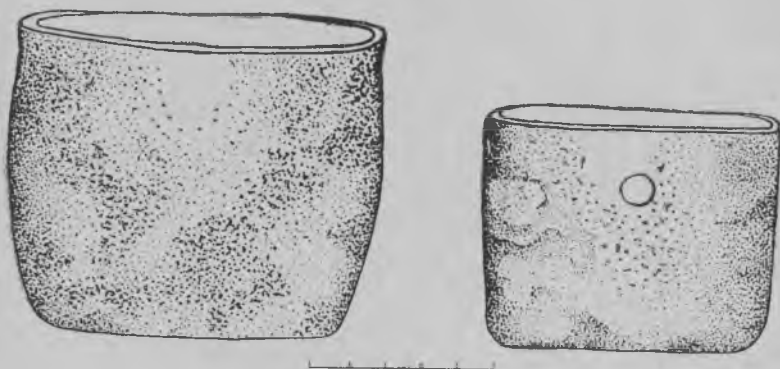

Рис. 12. Курган № 3, группа 2, погребение 2.
Глиняные курильницы.

и дну—8 см. С одной стороны сосудик имеет отверстие (рис. 12). Под черепом, с правой стороны—бронзовая бусинка небольшого размера. У локтя правой руки два куска мела. Под правой рукой (начиная от локтя) железный с кольцевидным навершием и прямым перекрестием кинжал (рис. 13). Длина кинжала 48 см, длина клинка 36 см, диаметр кольца 3 см. У правого плеча железные черешковые трехгранные наконечники стрел в количестве 38 штук (рис. 14). Рядом кости передней ноги овцы с лопаткой. Под костями однолезвийный железный нож (рис. 14) длиной 12,5 см. У ступни левой ноги плоский точильный брусок (оселок) с круглым отверстием на одном конце. Длина бруска 6 см (рис. 14). Здесь же небольшой кусок кремня. На дне прослежен темный слой от подстилки растительного характера.

Курган № 4. Диаметр 8 м, высота 50 см. В центре насыпи заметна небольшая яма до 1 м в диаметре, 25 см глубины. Курган исследован снятием всей насыпи. В центральной части насыпи на глубине 25 см обнаружен большой серый кувшин с ручкой, станковой работы, поверхность лощеная (кувшин раздавлен на мелкие черепки). Ниже кувшина на глубине 40 см обнаружены еще черепки глиняного сосуда, станковой же работы, и глиняное конусовидное пряслице.

Под насыпью — четырехугольная грунтовая яма с сильно закругленными углами, длиной 2,10 м, шириной 1,60 м и глубиной 90 см, ориентированная на СЗ-ЮВ. В могильной засыпке встречались остатки гнивших бревешков от перекрытия могилы, упавших в могилу во время обвала перекрытия.

Этим же можно объяснить и образовавшуюся яму — провал на поверхности кургана.

На дне могилы, ближе к западной стенке (рис. 15), лежал скелет женщины на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированный

Рис. 13.
Курган № 3,
погребение 2.
Железный
кинжал.

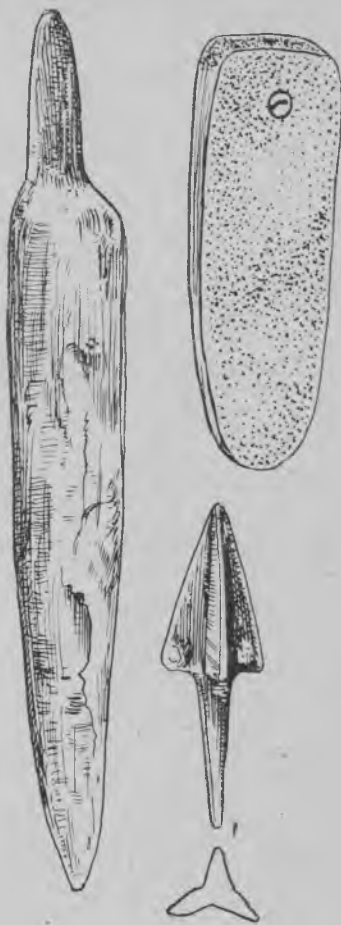

Рис. 14. Курган № 3, погребение 2.

головую на ЮВ. Череп деформирован. Рост 1,60 м, сохранность костей хорошая. В головах с левой стороны находился небольшой, грубой работы горшок с вытянутыми боками и невысоким прямым горлом и плоским дном. Высота — 13 см. На правом плече, под челюстью, бронзовая фибула—застежка подвижного типа (рис. 16). С правой стороны, на уровне кисти руки, большая черно-лощеная глиняная миска, с загнутыми внутрь краями. Высота 11 см, диаметр по верхнему краю 36 см. (рис. 17). Около миски положен обломок: боковая часть глиняного сосуда грубой работы. На обломке

лежал белемнит, служивший, повидимому, пестиком для растирания красок, мела и др. Тупой конец белемнита от употребления сильно отполирован. Здесь же были кости овцы: нога с лопаткой в сочленении.

В северо-восточном углу могилы находилась большая глиняная корчага, аккуратно поставленная вверх дном. Корчага сделана без гончарного круга, цвет глины темносерый. Высота 30 см, диаметр горла 20 см, диаметр дна 12 см (рис. 18). Рядом стоял глиняный горшок с округлыми боками и высоким прямым горлом, орнаментированный небольшими выпуклостями, симметрично расположенными по плечикам сосуда (рис. 19). В ногах скелета, в северо-западном углу лежал на боку станковой работы черно-

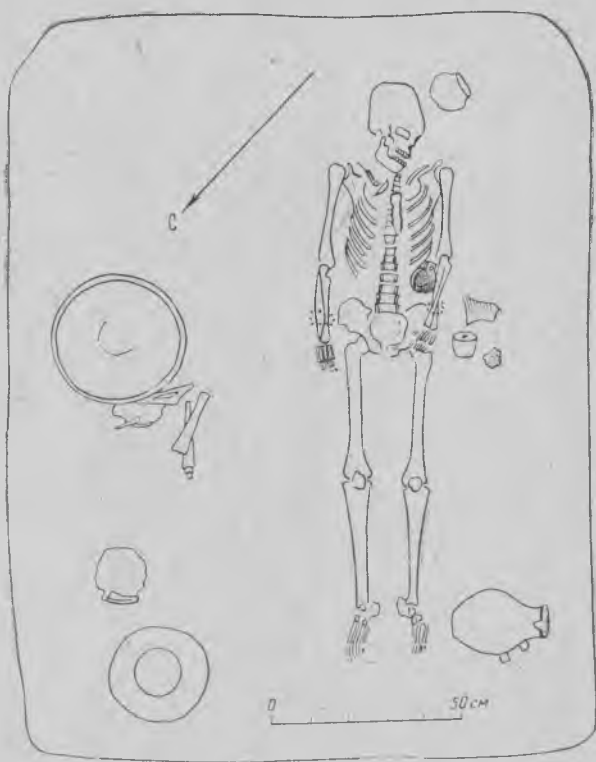

Рис. 15. Курган № 4.
План погребения.

глиняный лощеный кувшин с узким высоким горлом (ручка отломана). Высота его—28 см, диаметр горла—12 см, диаметр дна—9,5 см (рис. 20). У локтя левой руки бронзовое зеркальце с боковым ушком (рис. 16—3). На одной стороне имеется орнамент (слабо выражен), по краю проходит слегка выпуклый ободок. Диаметр зеркальца—4 см. Под зеркалом и вокруг него позолоченный бисер. На руках, выше кистей, браслеты из янтарных и темносиних стеклянных бус (рис. 16—2). У кисти левой руки лежала кость черепахи (нижний щиток) и глиняное коническое пряслице (рис. 16—4). Здесь же лежал кусок мела.

Курган № 5 расположен рядом с курганом № 4. Диаметр его 10 м,

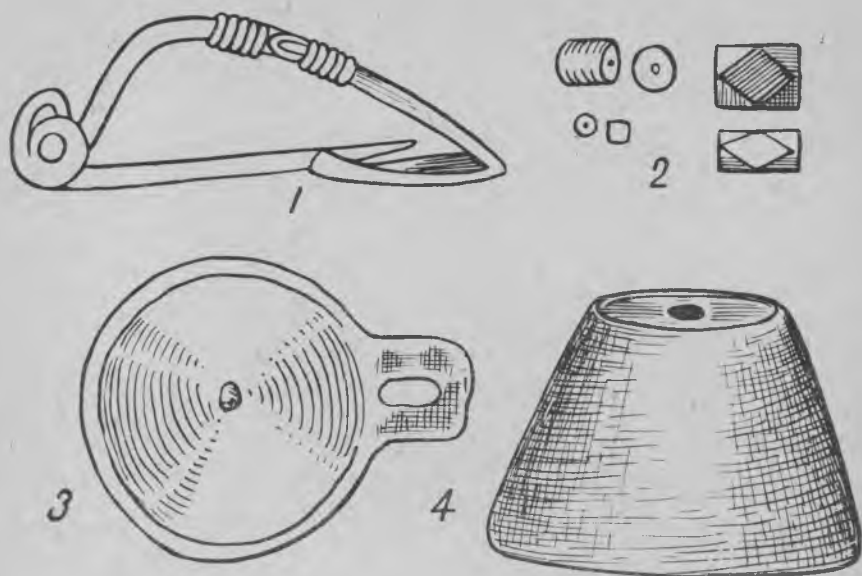

Рис. 16. Предметы из кургана № 4.

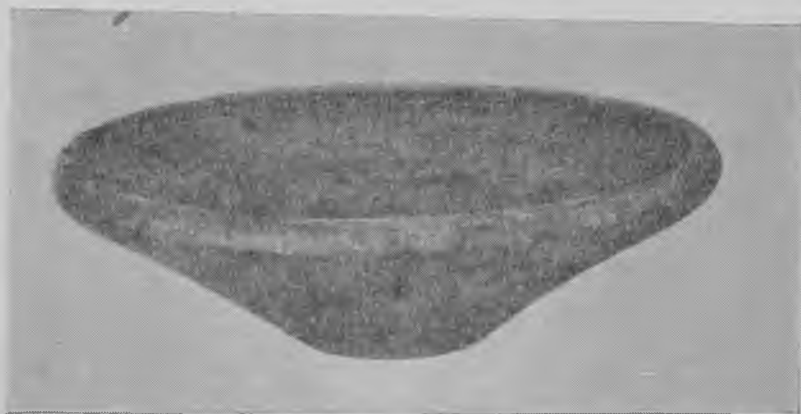

Рис. 17. Курган № 4.

Рис. 18. Курган № 4.

Рис. 19. Курган № 4.

высота 0,60 м. Курган исследован раскопом 6×8 м. В насыпи кургана и в грунте вскрыто шесть погребений (рис. 21), из них пять бронзовой эпохи и одно сарматского времени. В насыпи в разных местах встречались куски мела.

Погребение 1-е. В северо-западной части насыпи, ближе к центру, на глубине 50 см — детский костяк на левом боку в скорченном положении. Руки кистями положены между ног, головой на ЮЗ. Кости плохой сохранности, возраст ребенка 5—6 лет. В головах глиняный острореберный горшок

Рис. 20. Курган № 4.

ручной лепки, орнаментирован желобчатыми линиями, нанесенными по плечикам сосуда в виде треугольников (рис. 22). Поверхность горшка красноватая, обжиг слабый. Высота горшка 11 см, диаметр горла 13 см, диаметр дна 8 см.

Погребение 2-е расположено рядом с первым, ближе к центру, на глубине 0,45 м, также в насыпи кургана. Скелет ребенка 3—4 лет, в скорченном положении, на левом боку, руки кистями между ног, головой на юго-запад. Кости плохой сохранности, череп в мелких обломках, никаких вещей при погребенном не оказалось.

Погребение 3-е расположено под вторым, ближе к юго-восточной стороне, на глубине 0,55 м, на горизонте и частью в насыпи погребения № 4. Скелет ребенка лежал на левом боку, ноги подогнуты коленями к животу, руки положены между ног, ориентирован головой на Ю-З. Ноги скелета опустились в засыпку могилы № 4. Отсюда можно заключить, что по-

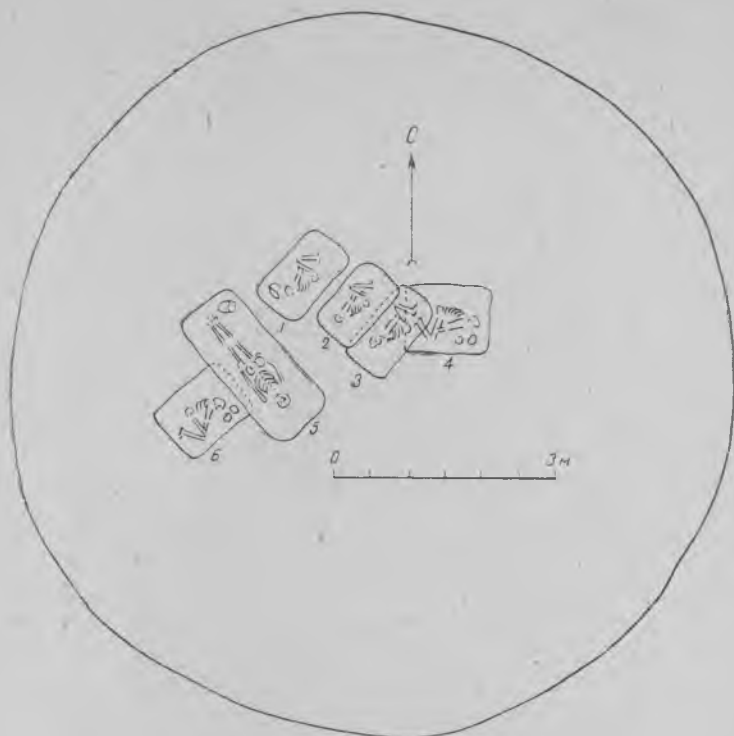

Рис 21. Курган № 5.
План расположения погребений.

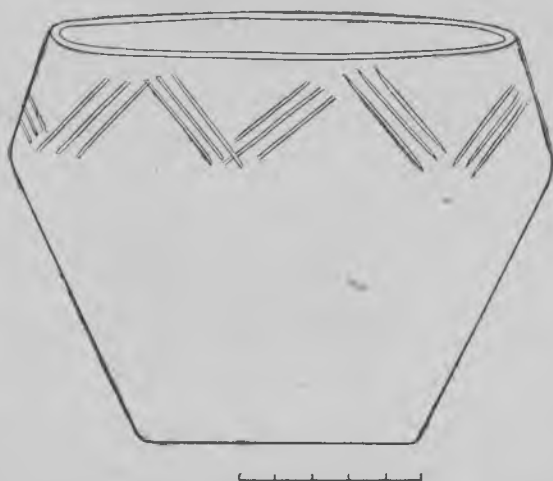

Рис. 22. Курган № 5, погребение 1.

Рис. 23. Кургan № 5, погребение 4.

Рис. 24. Кургan № 5, погребение 5.

гребение № 3 было совершено вскоре после погребения № 4, во всяком случае, до разрушения накатника, покрывавшего могилу № 4. Никаких вещей не обнаружено. Возраст ребенка 4—5 лет.

Погребение 4-е (основное). В центре кургана грунтовая яма в форме правильного прямоугольника 1,10 м длины, 0,80 м ширины и 1 м глубины, ориентированная по линии В-3 (рис. 21). Засыпь могилы — сухой чернозем, без комков. В засыпи остатки от деревянного перекрытия. На дне могилы скелет ребенка в возрасте 7—9 лет, лежал на левом боку в скорченном положении, головою на восток, руки положены между ног. Перед лицом стояло два глиняных горшка баночной формы, ручной лепки, без орнамента. Высота горшка 16 см, диаметр горла 18 см, диаметр дна 10 см. Поверхность грубо сглажена тряпкой или пучком травы. Сверху имеется

Рис. 25. Курган № 5, погребение 6.

две дырочки, служившие для скрепления треснувшей части (рис. 23). Второй горшок такой же формы меньшего размера; высота его 8 см, диаметр горла 12 см, диаметр дна 8 см, края несколько вогнуты внутрь.

Погребение 5-е (сарматское) расположено ближе к юго-западной половине насыпи кургана. Прямоугольная яма, ориентированная по линии СЗ-ЮВ. Длина могилы 2,20 м, ширина 80 см и глубина 15 см (в грунте). В могиле скелет мужчины, лежавший на спине, в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головою на юго-восток (рис. 21). Возраст средний, рост 1,75 м, кости плохой сохранности. У левого колена — ножная кость овцы. С правой стороны, у ступни правой ноги — красно-глиняный сосуд станковой работы, шаровидной формы, с плоским дном и отогнутым венчиком (рис. 24).

Погребение 6-е в юго-западной части кургана, рядом с погребением № 5. Могила ориентирована по линии СВ-ЮЗ, длина 1,20 м, ширина 70 см и глубина 20 см. Северо-восточный край могилы расположен под могилой № 5. В могиле костяк ребенка лет 8—9, на левом боку, в скорченном положении, головой на СВ, руки положены между ног. Перед лицом два глиняных горшка баночной формы, типа горшков из погребения № 4. Один горшок имеет высоту 17 см, диаметр по горлу 17 см, диаметр дна 9,5 см (рис. 25). Размер второго — высота 11 см, диаметр горла 11 см, дна 8,3 см. Бока горшков сглажены пучком травы, вследствие чего на стенках образовались глубокие штрихи, косо опускающиеся сверху вниз. Около

горшков лежали конские бабки в количестве 6 штук. Кости ребенка плохой сохранности.

Курган № 6 расположен на краю могильника с северо-западной стороны. Насыпь пологая, сильно распахана. Диаметр кургана 12 м,

Рис. 26. Курган № 7, погребение 2.

высота 50 см. Исследован раскопом размером 7×5 м. В насыпи кургана в разбросанном виде встречались кости человека — ребра, бедро, позвоночки и др.

Под насыпью, в центре кургана, грунтовая могила, ориентированная по линии В-З. В могильной засыпке всюду встречались кости человека и отдельные ножные кости лошади. На глубине 1 м в засыпке могилы найден обломок железного однолезвийного ножа, железные удила (в обломках) и обрывки шелковой ткани, характерной для золотоордынских погребений Нижнего Поволжья.

Форма могилы: западный конец имеет прямоугольную форму, восточный конец постепенно суживается и принимает округлый вид. Длина могилы — 2,40 м, ширина в западном конце — 1 м, в восточном доходит до 50 см, глубина 2,20 м. На дне могилы разрушенное погребение. Большая часть дна перекопана грабителями. Ненарушенным оказался восточный конец могилы. Сохранились ступни ног. На месте оказались правая бедренная кость и

Рис. 26-а. План кургана № 7.

кость правой руки. Сохранившиеся кости *in situ* показывают, что скелет взрослого человека лежал на спине в вытянутом положении, головой к западу. Покойник был положен на шелковую ткань, которая хорошо сохранилась под ступнями. Под кистью правой руки лежала тонкая золотая палочка длиной 5,8 см. Концы палочки четырехгранные, середина витая, назначение предмета неясно. На дне могилы найдены четыре тонкие золотые пластинки (длина их до 2 см, ширина 0,5 см) и обрывки шелковой ткани, а также нижняя челюсть лошади со следами на зубах ржавчины от железных удил.

Курган № 7 расположен рядом с четвертым, с западной стороны. Диаметр его 15 м, высота 1,15 м. В центре кургана замечен провал — яма диаметром до 1,50 м, глубина 15—20 см. На месте провала насыпь с трудом поддавалась раскопке, остальная часть насыпи мягкая. Курган исследован снятием всей насыпи, в которой встречались отдельные кости человека, животных (овцы), черепки глиняной посуды.

Всего в кургане вскрыто 8 погребений, из них 5 обнаружены в насыпи и на горизонте и три могилы грунтовых (рис. 26-а). В насыпи кургана, в юго-восточной половине площади раскопа, на глубине 50 см, положены кости овцы: череп и передние ноги в сочленении.

Погребение № 1 (в насыпи кургана). В юго-западной половине насыпи на глубине 80 см от поверхности обнаружены остатки разрушенного погребения. Непотроженными оказались берцовые кости и ступни ног. Сохранившаяся часть скелета позволяет установить, что погребение было скорченным; костяк лежал на левом боку, головой на СВ. Здесь же найдены обломки глиняного горшка обычной баночной формы. Как выяснилось, это погребение было разрушено во время устройства могилы сарматского погребения № 7.

Погребение № 2 (в насыпи). На глубине 90 см ниже первого погребения, с юго-восточной стороны, лежал скелет человека (мужчины) в насыпи на горизонте, в скорченном положении на левом боку, ноги сильно поджаты к животу, пятки находились возле таза, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и кистью направлена к лицу, головой на юго-восток. Кости хорошей сохранности. Возраст — 17—20 лет. Ступни ног первого погребения лежали на 10 см выше позвоночника погребения № 2. Такое положение костей позволяет заключить, что погребение № 1 является более поздним (рис. 26).

Погребение № 3 (в насыпи). В юго-западной же половине раскопа, рядом с погребением № 2, в насыпи на глубине 1 м найдены остатки разрушенного погребения. На месте оказались лишь тазовые и бедренные кости взрослого человека. Судя по расположению костей, скелет, повидимому, лежал на спине, ноги слабо скорчены в коленях, головой на северо-запад. Никаких вещей не оказалось. Погребение частично разрушено.

Погребение № 4. На расстоянии 1 метра от погребения № 2 с юго-восточной стороны находилось 4-е погребение. Могила устроена в грунте, на глубине 15 см. Длина ее 1,20 м, ширина 1 м. Скелет подростка (10—12 лет) лежал на правом боку, ноги согнуты, правая рука вытянута и кистью положена между ног, левая согнута под прямым углом, головой на северо-восток. В головах находился раздавленный глиняный горшок баночной формы с невысоким слегка согнутым краем. По плечикам горшка нанесен орнамент из двух параллельно расположенных линий мелкого загиба. Высота горшка 16 см, диаметр по верхнему краю до 19 см.

Погребение № 5. С северо-восточной стороны, рядом с 4-м погребением, обнаружена могила, ориентированная по линии СВ-ЮЗ. Длина могилы 1,40 м, ширина 1,10 м и глубина 10 см (в грунте). В могиле скелет подростка (12—14 лет), лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на северо-восток. Правая рука вытянута, и кисть руки положена между ног, левая согнута и положена на живот. Сохранность костей плохая. Никаких вещей при погребении не обнаружено.

Погребение № 6 (основная могила кургана). В центральной части кургана, на глубине 1,15 м от поверхности, обнаружена большая прямоугольная грунтовая могильная яма, ориентированная по линии В-З. Длина могилы с востока на запад — 2,20 м, ширина 2 м и глубина 1,50 м. В западной стороне стенки могилы сильно закруглены. Аналогичная по форме могила вскрыта во 2-м кургане 1-й группы. Засыпь могилы отличалась большой плотностью. В разных местах насыпи встречались разбросанные кости человека — череп, ребра, конечности и др. На глубине 50 см в засыпке могилы найден бронзовый нож. Могила была разрушена впускным сарматским погребением № 7.

Погребение № 7. В центр основной могилы № 6 врезалось впускное сарматское погребение № 7 — удлиненная узкая могила с закругленными углами, ориентированная по линии С-Ю. Длина могилы 2,40 м, ширина 80 см, глубина от поверхности грунта 2 м. При устройстве этой могилы было разрушено основное погребение (№ 6).

На дне могилы — скелет мужчины средних лет, на спине, руки вытянуты вдоль туловища, головой ориентирован на юг. С правой стороны, ниже локтя, лежал железный кинжал с прямым перекрытием и кольцевидным навершием. Длина кинжала — 33 см (рис. 27). Между рокояткой кинжала и тазовой костью лежало железное кольцо плохой сохранности и железный

Рис. 27.
Курган № 7,
погребение 7.
Железный
кинжал.

Рис. 28. Курган № 7, погребение 7.

предмет в виде небольшой трубочки — обоймы. Длина сохранившейся части — 4 см, диаметр до 2 см. Возле правой ноги, несколько ниже колен, находился железный тонкий прут с заостренным концом в виде длинного шила длиной 32 см. Назначение предмета неясно; возможно, он служил наконечником копья. С правой стороны, возле ног, стоял глиняный шаровидный горшок с невысоким горлом и отогнутым венчиком. Поверхность горшка местами докрасна обожжена. Высота его 23 см (рис. 28). Возле левой руки лежала передняя нога овцы. На дне могилы сохранился черный перегной от какой-то подстилки.

Погребение № 8. С северной стороны от погребения № 5, параллельно могильной яме № 6 расположена грунтовая могила № 8, прямоугольной формы, ориентированная по линии С-Ю. Длина могилы 2,15 м, ширина 1,50 м, глубина в грунте 80 см. Южный конец могилы находился под мо-

гилой № 5. На дне — костяк подростка лет 13—15. Скелет лежал на спине с наклоном на левый бок, ноги скорчены и коленями лежат к западной стенке. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и кистью лежит на животе. Ориентирован головой на север. На дне могилы и в засыпке встречались остатки дерева от перекрытия могильной ямы. Никаких вещей при погребении не обнаружено.

Курган № 8. Расположен рядом с большим курганом. Диаметр его 9 м, высота 40 см. В центре кургана обнаружена подбойная могила с входной ямой в виде удлиненного прямоугольника с закругленными концами. Длина могильного входа 2,20 м, ширина 80 см, глубина 1,40 м. Могила ориентирована по длине с С на Ю. В засыпке могильного входа на различной глубине найдены кости человека, а также черепки глиняной посуды: 2 больших обломка от серо-глиняной лощеной миски обычного сарматского типа, черепки от крупного темлощеного горшка (кувшина). Подбой устроен под западной стенкой параллельно входной яме и ниже входной ямы на 20 см. В южном конце длина подбоя превышает могильный вход на 25 см, ширина подбоя в средней части 60 см. Погребение разрушено. В южном конце подбоя сохранились ступни ног. Это позволяет заключить, что покойник лежал головой на север. Характер устройства могильного сооружения и сохранившиеся черепки посуды дают основание считать погребение сарматским.

II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

И. КАШКИН

ПОСОБНИЧЕСТВО ТУРЕЦКОЙ РЕАКЦИИ ФРАНКИСТСКОМУ МЯТЕЖУ И ФАШИСТСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ИСПАНИИ (1936—1939 гг.)

Накануне второй мировой войны империалистические правительства США, Англии и Франции проводили политику так называемого „невмешательства“, впоследствии получившую наименование „мюнхенской“ политики.

США, Англия и Франция отказались от принципов коллективной безопасности, от коллективного отпора агрессорам и перешли на позиции „невмешательства“, позиции „нейтралитета“.

Это обстоятельство стало одной из главных причин усиления агрессивных устремлений германского и итальянского фашизма, а также и японского милитаризма.

Сущность политики „невмешательства“ заключалась в попустительстве и прямом содействии итало-германским и японским агрессорам в осуществлении их авантюристических планов. Американско-английские и французские империалисты рассчитывали тем самым натравить гитлеровскую Германию и империалистическую Японию на Советский Союз, уничтожить или, по крайней мере, ослабить СССР, а также разгромить революционное рабочее и демократическое движение во всех странах, куда устремятся агрессоры.

„Формально, — говорил И. В. Сталин, — политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: „пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами“. На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не ме-

шать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, „в интересах мира“, и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия¹.

Политика „невмешательства“, таким образом, отражала две группы противоречий: с одной стороны, резкое обострение империалистических противоречий на почве общего кризиса капитализма и, с другой—стремление империалистов сокрушить могущественный Советский Союз.

Преступная политика „невмешательства“, непосредственно подготовившая вторую мировую войну, ярко проявилась во время захвата Манчжурии Японией в 1931 году, итало-эфиопской войны 1935 — 1936 гг., франкистского мятежа и итало-германской интервенции в Испании в 1936—1939 гг., японо-китайской войны 1937—1945 гг., захвата Австрии и оккупации Чехословакии гитлеровской Германией в 1938—1939 гг., захвата Албании фашистской Италией в 1939 г. и т. д.

Политику „невмешательства“ проводили не только главные империалистические державы, но и правительства некоторых малых буржуазных стран. Обычно изображают и оценивают лишь поведение так называемых „великих держав“ — США, Англии и Франции, являвшихся инициаторами и главными носителями политики „Мюнхена“. Между тем ответственность за проведение этой политики, за развязывание второй мировой войны лежит и на правящих кликах ряда держав „второго ранга“, в первую очередь на турецких реакционерах—верных прислужниках империалистических хозяев из Вашингтона, Лондона и Парижа.

Разница между позицией США, Англии и Франции и поведением Турции в отношении агрессоров была лишь та, что Турция, как страна слабая и зависимая от империалистических держав, не играла большой роли в международных делах, не определяла направлений международной политики, а потому и не могла оказывать решающего влияния на ход событий. Тем не менее, участвуя в политике „невмешательства“, помогая фашистским агрессорам и их американско-английским и французским покровителям, турецкая реакция нанесла серьезный ущерб делу мира и безопасности народов.

Факты, изобличающие турецких пособников Гитлера и Муссолини, Чемберлена и заправил Уолл-стрита в действиях против Советского Союза, против мира, весьма многочисленны.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 570—571.

Антисоветские происки турецкой дипломатии на Балканах и Ближнем Востоке в 1930 — 1939 гг., содействие итальянским агрессорам в годы итало-эфиопской войны, антисоветский сговор Турции с Англией по вопросу о черноморских проливах на конференции в Монтре в 1936 году, поведение турецких представителей в Лиге Наций и т. п.—убедительно показывают, чьим интересам служила политика Турции накануне второй мировой войны.

Характерным свидетельством участия Турции в политике „невмешательства“ является пособничество турецких реакционеров франкистскому мятежу и фашистской интервенции в Испании 1936—1939 гг. Как известно, в июле 1936 года, ободренные американско-английской и французской политикой попустительства и содействия агрессорам, германские и итальянские фашисты сделали очередной шаг на пути развязывания новой мировой войны. 18 июля в Испании вспыхнул фашистский мятеж, инспирированный и организованный германской и итальянской разведками. Спустя несколько дней к берегам Испании прибыли военные эскадры Германии и Италии, стали поступать военные и транспортные самолеты. Началась открытая интервенция фашистских государств.

„Развивая интервенцию против Испании, германо-итальянские фашисты уверяли всех, что они ведут борьбу с „красными“ в Испании и не преследуют никаких других целей. Но это была грубая и неумная маскировка, рассчитанная на глупость простаков. На самом деле они вели удар по Англии и Франции, ибо они перехватывали морские пути Англии и Франции к их громадным колониальным владениям в Африке и Азии“¹.

Несмотря на прямую угрозу со стороны фашистских держав интересам Англии и Франции, правительства этих стран, действуя в полном согласии с правящими кругами США, не только не оказали сопротивления агрессорам, но, наоборот, оказали им посильное содействие в деле ликвидации „красной опасности“ в Испании. Опасаясь укрепления народного фронта в Испании и считая, что победа Франко ускорит выступление гитлеровской Германии против Советского Союза, правящие круги США, Англии и Франции помогали фашистским мятежникам и итало-германским интервентам душить Испанскую республику.

Преступную помощь агрессорам империалисты США, Англии и Франции прикрывали грязным флагом политики „невмешательства“. 25 июля 1936 года глава французских правых социалистов Леон Блюм—лакей американско-английских и французских империалистов—объявил о „невмешательстве“ в испанские события. Политика, провозглашенная Блюмом, была одоб-

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 317.

рена и принята правящими кругами США и Англии. 7 августа 1936 года правительство США заявило о своем „нейтралитете“, а 8 января 1937 г. официально ввело в действие эмбарго на экспорт оружия и военного снаряжения из США в Испанию.

9 сентября 1936 года в английском министерстве иностранных дел начал работать „Международный комитет по вопросам невмешательства“, ставший орудием попустительства и пособничества франкистам и итало-германским интервентам.

Мятеж генерала Франко и итало-германская интервенция в Испании были встречены турецкой реакцией с чувством большого, хотя вначале и тайного, удовлетворения. Турецкое правительство не могло не понимать, что события в Испании угрожают всеобщему миру, безопасности всех народов, в том числе и турецкого народа. Однако турецкие реакционеры прежде всего учитывали, что мятеж и интервенция в Испании направлены против революционного и демократического движения. Поэтому турецкое правительство и оказывало всемерное содействие Франко и международной реакции в борьбе против испанского народа.

С первых дней франкистского мятежа турецкое правительство присоединилось к политике „невмешательства“.

2 января 1937 г. между Англией и Италией было заключено так называемое джентльменское соглашение. Оба государства признали, что „свобода входа и выхода и транзита в Средиземное море представляет собой жизненный интерес как для Италии, так и для различных частей Британской империи, и что эти интересы ни в каком отношении не противоречат друг другу“¹. Англо-итальянская декларация, выдержанная в духе „невмешательства“, фактически признавала за Италией право на транспортировку войск к берегам Испании в помощь Франко и тем самым являлась дальнейшим поощрением германской и итальянской агрессии в Испании.

Январское соглашение между Англией и Италией стало предметом обсуждения постоянного совета Балканской Антанты, в которой Турции принадлежала ведущая роль. На заседании постоянного совета, состоявшемся в феврале 1937 г., турецкий министр иностранных дел Арас выступил с речью, в которой приветствовал англо-итальянское соглашение. Под влиянием турецкой дипломатии Балканская Антанта одобрила соглашение между Англией и Италией. В специальной резолюции постоянный Совет Балканской Антанты даже расценил англо-итальянскую декларацию как „важный фактор в деле поддержания мира и сохранения статус-кво в Средиземном море“², нисколько не смущаясь тем, что в действительности декларация была фактором не мира, а войны.

¹ Documents on international affairs, 1937, p. 245.

² Documents on international affairs, 1937, pp. 349—350.

Наций дело мира и право испанского народа на демократическое, независимое существование.

Установление фашистского режима в Испании было толчком для разнуздывания всех сил агрессии, ненависти и разрушения в Европе, усиливалась угроза новой войны. Советский Союз последовательно проводил политику мира, которая и определяла отношение СССР к испанским делам.

В сентябре 1937 года происходили довыборы в Совет Лиги Наций. Срок полномочий республиканской Испании и Турции, являвшихся членами Совета, истек. В соответствии с решением конференции стран Ближневосточной Антанты Турция уступила свое место Ирану. Но Турция не отказалась от выдвижения и своей собственной кандидатуры в Совет Лиги Наций на новый срок. Сделала она это с той целью, чтобы отнять голоса у Испании. В результате во время выборов голоса разделились, и ни Испания, ни Турция не были избраны. Выдвигая свою кандидатуру в Совет Лиги Наций, Турция выступала не только против Испании, но и против Советского Союза, предложившего переизбрать Испанию на новый срок. Турция, действуя в угоду англо-французской политике, а также в интересах фашистских интервентов, ослабляла позиции законного испанского правительства на международной арене.

С усилением итало-германской интервенции в Испании способность турецкой реакции фашистским агрессорам и их американско-англо-французским покровителям приняло открытый характер.

В январе 1938 года в Мадриде раскрыли фашистский заговор, целью которого было свержение республиканского правительства в момент наступления Франко. Штаб заговорщиков помещался на территории турецкого посольства. Здесь была арестована большая группа испанских фашистских офицеров, в том числе два генерала, несколько полковников и др. На территории посольства обнаружили укрепления и окопы с пулеметными гнездами¹.

Таким образом, турецкое правительство вмешивалось в гражданскую войну в Испании на стороне франкистских мятежников и итало-германских интервентов.

Турецкая реакция оказывала и прямую военную помощь Франко. В этом отношении действия турецких реакционеров ничем не отличались от действий определенных групп американских, английских и французских империалистов, поставлявших оружие и боеприпасы для Франко и итало-германских интервентов.

В конце 1938 года была раскрыта скандальная афера, связанная с контрабандной поставкой самолетов для Франко германской агентурой в Турции.

¹ „Правда“, 2.2.1938.

Сущность этой аферы заключалась в следующем. В июле 1937 г. турецкий делец Экрем Кёниг заказал от имени турецкого правительства одному из американских авиазаводов 50 бомбардировщиков. Самолеты в действительности предназначались для франкистов. По договоренности с поставщиком самолеты доставлялись сначала в Марсель, а затем перебрасывались в один из испанских портов, находившихся в руках генерала Франко. Случайно третья партия самолетов попала не по назначению. Вместо Марселя американская фирма отправила самолеты прямо в Стамбул¹.

Дело получило широкую огласку. Турецкое правительство стало замечать следы преступной авантюры. Оно заявило, что никаких самолетов турецкое правительство не заказывало, что все это дело рук темного дельца Экрема Кёнига, который, дескать, подделал при помощи турецкого чиновника Рухи подпись военного министра Кязыма Эзала².

Будучи не в силах скрывать дальше факты пособничества Франко, турецкое правительство пошло на прямую фальсификацию. 10 января 1939 года, выступая в меджлисе по поводу поставок самолетов в Испанию, турецкий премьер-министр Джелаль Баяр заявил, что самолеты направлялись законному правительству Испании³.

19 января 1939 года турецкая еженедельная газета на французском языке „Анкара“, рупор министерства иностранных дел, пустила новую „утку“, заявив, что еще в июне 1938 года представитель Франко обратился в министерство иностранных дел Турции с протестом по поводу контрабанды самолетов, которые были доставлены в Испанию при содействии турок⁴.

Однако маневры турецкого правительства ни к чему не привели: скандал разрастался. В иностранной и турецкой печати стали появляться все новые и новые подробности „дела Экрема Кёнига“.

Чтобы успокоить общественное мнение, правительство Баяра заявило, что оно предпримет „тщательное“ расследование всех обстоятельств данного „дела“. Турецкое министерство иностранных дел обратилось к Франции с просьбой выдать бежавшего Экрема Кёнига⁵. Одновременно был инсценирован судебный процесс над соучастником Кёнига чиновником Рухи.

Все эти попытки турецкого правительства запутать дело с контрабандной поставкой самолетов для Франко потерпели неудачу. „Дело Экрема Кёнига“ приняло нежелательную для турецкого правительства окраску. Выяснилось, что Экрем Кёниг,

¹ „Great Britain and the East“, 2. 2. 1939, p. 124.

² „Great Britain and the East“, 2. 2. 1939, p. 124.

³ „Ulus“, 12.I. 1939.

⁴ „Ankara“, 19.I. 1939.

⁵ В своем ответе французское правительство сообщило, что Экрема Кёнига во Франции обнаружить не удалось.

Наций дело мира и право испанского народа на демократическое, независимое существование.

Установление фашистского режима в Испании было толчком для разнуздывания всех сил агрессии, ненависти и разрушения в Европе, усиливалась угроза новой войны. Советский Союз последовательно проводил политику мира, которая и определяла отношение СССР к испанским делам.

В сентябре 1937 года происходили довыборы в Совет Лиги Наций. Срок полномочий республиканской Испании и Турции, являвшихся членами Совета, истек. В соответствии с решением конференции стран Ближневосточной Антанты Турция уступила свое место Ирану. Но Турция не отказалась от выдвижения и своей собственной кандидатуры в Совет Лиги Наций на новый срок. Сделала она это с той целью, чтобы отнять голоса у Испании. В результате во время выборов голоса разделились, и ни Испания, ни Турция не были избраны. Выдвигая свою кандидатуру в Совет Лиги Наций, Турция выступала не только против Испании, но и против Советского Союза, предложившего переизбрать Испанию на новый срок. Турция, действуя в угоду англо-французской политике, а также в интересах фашистских интервентов, ослабляла позиции законного испанского правительства на международной арене.

С усилением итало-германской интервенции в Испании пособничество турецкой реакции фашистским агрессорам и их американско-англо-французским покровителям приняло открытый характер.

В январе 1938 года в Мадриде раскрыли фашистский заговор, целью которого было свержение республиканского правительства в момент наступления Франко. Штаб заговорщиков помещался на территории турецкого посольства. Здесь была арестована большая группа испанских фашистских офицеров, в том числе два генерала, несколько полковников и др. На территории посольства обнаружили укрепления и окопы с пулеметными гнездами¹.

Таким образом, турецкое правительство вмешивалось в гражданскую войну в Испании на стороне франкистских мятежников и итало-германских интервентов.

Турецкая реакция оказывала и прямую военную помощь Франко. В этом отношении действия турецких реакционеров ничем не отличались от действий определенных групп американских, английских и французских империалистов, поставлявших оружие и боеприпасы для Франко и итало-германских интервентов.

В конце 1938 года была раскрыта скандальная афера, связанная с контрабандной поставкой самолетов для Франко германской агентурой в Турции.

¹ „Правда“, 2.2.1938.

Сущность этой аферы заключалась в следующем. В июле 1937 г. турецкий делец Экрем Кёниг заказал от имени турецкого правительства одному из американских авиазаводов 50 бомбардировщиков. Самолеты в действительности предназначались для франкистов. По договоренности с поставщиком самолеты доставлялись сначала в Марсель, а затем перебрасывались в один из испанских портов, находившихся в руках генерала Франко. Случайно третья партия самолетов попала не по назначению. Вместо Марселя американская фирма отправила самолеты прямо в Стамбул¹.

Дело получило широкую огласку. Турецкое правительство стало замечать следы преступной авантюры. Оно заявило, что никаких самолетов турецкое правительство не заказывало, что все это дело рук темного дельца Экрема Кёнига, который, дескать, подделал при помощи турецкого чиновника Рухи подпись военного министра Кязыма Эзала².

Будучи не в силах скрывать дальше факты пособничества Франко, турецкое правительство пошло на прямую фальсификацию. 10 января 1939 года, выступая в меджлисе по поводу поставок самолетов в Испанию, турецкий премьер-министр Джелаль Баяр заявил, что самолеты направлялись законному правительству Испании³.

19 января 1939 года турецкая еженедельная газета на французском языке „Анкара“, рупор министерства иностранных дел, пустила новую „утку“, заявив, что еще в июне 1938 года представитель Франко обратился в министерство иностранных дел Турции с протестом по поводу контрабанды самолетов, которые были доставлены в Испанию при содействии турок⁴.

Однако маневры турецкого правительства ни к чему не привели: скандал разрастался. В иностранной и турецкой печати стали появляться все новые и новые подробности „дела Экрема Кёнига“.

Чтобы успокоить общественное мнение, правительство Баяра заявило, что оно предпримет „тщательное“ расследование всех обстоятельств данного „дела“. Турецкое министерство иностранных дел обратилось к Франции с просьбой выдать бежавшего Экрема Кёнига⁵. Одновременно был инсценирован судебный процесс над соучастником Кёнига чиновником Рухи.

Все эти попытки турецкого правительства запутать дело с контрабандной поставкой самолетов для Франко потерпели неудачу. „Дело Экрема Кёнига“ приняло нежелательную для турецкого правительства окраску. Выяснилось, что Экрем Кёниг,

¹ „Great Britain and the East“, 2. 2. 1939, p. 124.

² „Great Britain and the East“, 2. 2. 1939, p. 124.

³ „Ulus“, 12.I. 1939.

⁴ „Ankara“, 19.I. 1939.

⁵ В своем ответе французское правительство сообщило, что Экрема Кёнига во Франции обнаружить не удалось.

он же Экрем Хамди, — племянник известного турецкого реакционера Сулеймана Шефика паши, состоявшего в „черном списке 150“ и в свое время осужденного специальным трибуналом¹.

В годы первой мировой войны Экрем Хамди был тесно связан с немцами. Он служил переводчиком у немецкого офицера Кёнига. При введении фамилий в Турции в 1934 году Экрем Хамди избрал себе его фамилию. Выяснилось также, что Экрем Кёниг был тесно связан с международными спекулянтами, наживавшимися на военных поставках фашистским агрессорам; в то же время Экрем Кёниг являлся представителем германской компании „Люфтвагза“ в Турции.

Стремясь „прекратить“ дело, Баяр удалил скомпрометированного министра Кязыма Эзалпа. 17 января был назначен новый военный министр Наджи Тыназ. Вслед за тем чиновник Рухи был осужден, но только на три месяца тюремного заключения, ибо были найдены „смягчающие вину обстоятельства“².

Скомпрометированным оказался и сам турецкий премьер-министр Джелаль Баяр. 25 января 1939 года он ушел в отставку. Одним из поводов его отставки было „дело Экрема Кёнига“³.

Таким образом, турецкая реакция активно помогала испанским мятежникам и итало-германским интервентам, поставляя им военное снаряжение. Конечно, тогдашний президент Исмет Иненю и другие руководящие деятели были не только хорошо осведомлены об этой помощи, но и сами являлись ревностными пособниками франкистов и фашистских агрессоров.

„Дело Экрема Кёнига“ проливает свет и на ту весьма неблагоприятную роль, которую играли американские сторонники политики „невмешательства“. Американские монополисты прекрасно знали, кому в действительности они поставляли свои бомбардировщики. Американское оружие для Франко и итало-германских интервентов, шедшее по различным каналам, в том числе и через Турцию, помогло Франко и агрессорам задуть Испанскую республику.

Турецкая реакция оказывала содействие франкистам и итало-германским интервентам и в других вопросах, в частности покровительствовала пиратским действиям агрессоров.

В августе—сентябре 1937 года, ободренные политикой „невмешательства“, фашистские агрессоры усилили блокаду республиканской Испании. Участились случаи захвата судов, направлявшихся в Испанию. Начались прямые пиратские действия

¹ „Черный список“, составленный после окончания национально-освободительной войны, запрещал въезд в Турцию 150 наиболее активным махровым реакционерам. В июне 1938 года турецкий меджлис объявил политическую амнистию лицам, входившим в „черный список“.

² „Great Britain and the East“, 2.2, 1939, p. 124.

³ Les origines et les conséquences de l'accord anglo-turc. P. 1939, p. 3.

итало-германских интервентов. Итальянские подводные лодки потопили несколько нейтральных торговых кораблей. 15 августа 1937 года в 15 милях от острова Тенедоса, в турецких территориальных водах, итальянская подводная лодка потопила пароход республиканской Испании „Сиудад де Кадикс“. Через три дня после этого случая фашистские пираты потопили у входа в Дарданеллы другой испанский пароход „Армуру“. База подводных пиратов находилась на одном из островов в восточной части Средиземного моря.

Пиратские действия фашистских агрессоров являлись возмутительным нарушением элементарных норм международного права. Допуская пиратские акты в своих территориальных водах, в районе черноморских проливов, Турция тем самым содействовала подрыву торговой связи между Испанией и Советским Союзом и выступала в роли активного пособника итало-германских фашистов.

19 августа 1937 года испанский поверенный в делах в Турции сделал представление турецкому министерству иностранных дел. Правительство Испанской республики было вынуждено потребовать, чтобы турецкое правительство обеспечило защиту испанских правительственных пароходов в турецких территориальных водах от нападения со стороны подводных лодок¹.

24 августа состоялось заседание совета министров Турции, на котором был обсужден вопрос о действиях подводных пиратов.

После заседания турецкое министерство иностранных дел обратилось ко всем державам с нотой, в которой заверяло, что все случаи потопления испанских кораблей будут „расследованы“ и что турецкое правительство решило „принять“ все необходимые меры для борьбы с пиратскими действиями подводных лодок².

То был очередной маневр турецкого правительства, направленный на обман общественности, требовавшей обуздания агрессоров. В действительности турецкие реакционеры отнюдь не собирались выполнять принятые решения.

Еще 23 августа редактор близкой к правительственным кругам газеты „Джумхуриет“ Юнус Нади, известный своими симпатиями к фашистским государствам и враждой к Советскому Союзу, поместил статью под заголовком: „В турецких водах появилась какая-то подводная лодка“. Говоря о потоплении испанских торговых кораблей, он писал: „Это трудно приписать Италии Муссолини, которая, несмотря на все, не потеряла еще здравого смысла и благоразумия. Немцы? Но мы еще считаем Германию выше подобного рода безумств. Кто

¹ Survey of international affairs, 1937, vol. II, p. 342.

² „Ulus“, 26.8 1937.

же, в таком случае?" И далее Юнус Нади повторил клевету германской и итальянской фашистской печати о том, что испанские корабли потопила советская подводная лодка, так как Советский Союз, дескать, заинтересован в том, чтобы вызвать „шум“ и „замешательство“ в международной жизни.

Провокационная выходка турецкого журналиста не только не встретила отпора со стороны правительства, но была поддержана другими газетами. Особенно ратовал на попрание антисоветской клеветы реакционер Ялман, старый агент американского империализма, действовавший по указке своих вашингтонских хозяев.

Однако все попытки реакции бросить тень на Советский Союз потерпели позорный провал. Турецкие же реакционеры сами сорвали с себя маску и выболтали свое действительное отношение к событиям в Испании и свои симпатии к мятежникам и итало-германским интервентам.

Обращая внимание на роль Юнуса Нади и ему подобных, газета „Правда“ в статье „Кому служит Юнус Нади?“ писала: „фашистский разбой в Испании, нападения на иностранные корабли, засвидетельствованные официальной статистикой, наглый срыв всяких попыток прекратить разбойничью интервенцию господин Юнус Нади считает проявлением „здорового смысла“¹.

Действия фашистских подводных пиратов угрожали и англо-французским коммуникациям в Средиземном море. Под давлением общественного мнения своих стран английское и французское правительства были вынуждены предложить средиземноморским и черноморским государствам созвать конференцию для обсуждения вопроса относительно обеспечения безопасности плавания на открытых морских путях. Идя на созыв этой конференции, англо-французские империалисты преследовали двойную цель: обеспечить свои коммуникации в Средиземном море и еще раз дать понять фашистским агрессорам, что от них ожидают развития агрессивных действий не в зоне Средиземного моря, а в направлении СССР.

10 сентября в Нионе (Швейцария) открылась конференция, на которой были представлены Советский Союз, Англия, Франция, Турция, Египет, Греция, Румыния, Болгария и Югославия. Отказалась участвовать в работе конференции Италия, мотивировавшая свой отказ тем, что Советское правительство обвиняет ее в пиратских действиях. Отказалась участвовать и фашистская Германия, также получившая приглашение на конференцию, хотя она и не являлась средиземноморским государством. В то же время республиканская Испания, больше всех заинтересованная в безопасности плавания в Средиземном

¹ „Правда“, 26.8, 1937

море, являвшаяся к тому же средиземноморским государством, не была приглашена.

На заседаниях конференции делегация Советского Союза требовала принятия решительных мер, способных обеспечить безопасность плавания на открытых морских путях. Давая согласие на участие в конференции, правительство СССР указывало, что безопасность плавания на открытых морских путях представляет одну из основ мира.

После четырехдневной работы, 14 сентября 1937 года конференция приняла решение об охране средиземноморских путей.

Правительства государств—участников конференции должны были охранять свои территориальные воды. На английский и французский флоты возлагалась обязанность охранять морские пути в открытом море вплоть до черноморских проливов. Предложение советской делегации о том, чтобы охрана была распространена и на торговые корабли Испанской республики, было отклонено остальными делегациями под тем предлогом, что подобное мероприятие может быть расценено „как вмешательство“ в испанские дела.

Делегация Турции на Нионской конференции заняла позицию содействия фашистским пиратам. Именно через таких своих сателлитов, как Турция, Англия и Франция, намеревались воспрепятствовать принятию действенных мер против агрессоров.

Не осмеливаясь открыто возражать против советских предложений, решительно направленных к пресечению пиратских действий итало-германских интервентов в Испании, турецкая делегация в Нионе пыталась свести к нулю свои и без того весьма незначительные обязательства, которые предусматривал первоначальный проект Нионского соглашения.

По условиям этого проекта, в случае, если пират совершит нападение на торговое судно в территориальных водах того или иного государства и если в это время на месте преступления окажется военный корабль государства, в чьих водах произошло нападение, то этот корабль должен помочь англо-французскому морскому патрулю, а в случае отсутствия последнего на месте должен сам открыть огонь по преступнику.

Во время обсуждения этого пункта турецкая делегация, поддержанная греческой делегацией, поставила вопрос: „Как действовать в том случае, если пират, потопивший торговое судно, поднимает свой национальный флаг?“.

Казалось бы ответ на этот вопрос мог быть только один: немедленно уничтожить пирата. Обязанность уничтожения пиратского корабля, цинично поднявшего свой национальный флаг, естественно, делалась не менее настоящей.

Однако турецкое правительство стояло на иной точке зрения, соответствовавшей интересам агрессоров.

Представители Турции и Греции заявили, что в этом случае они отказываются выступить против пирата или оказать помощь англо-французскому патрулю. Английская и французская делегации поддерживали позицию Турции и Греции и добились того, что в соглашение была внесена оговорка, ограничивающая обязанности прибрежных государств в борьбе с фашистскими пиратами.

По настоянию турецкой дипломатии в соглашение был включен параграф, который позволял „военным судам прибрежных государств в их территориальных водах спокойно наблюдать, как пират топит любое торговое судно и при этом, издеваясь над всем миром, показывает свой национальный флаг“¹.

Нионская конференция проходила одновременно с ассамблеей Лиги Наций. После подписания Нионской конвенции в кулуарах Лиги Наций стало известно, что главу турецкой делегации министра иностранных дел Рюштю Араса срочно вызывают в Анкару. На запросы журналистов о причинах вызова Араса турецкие делегаты ответили, что, согласно турецкой конституции, всякий договор требует ратификации меджлиса. Если же договор вступает в силу без ратификации, то необходимо предварительное согласие и одобрение меджлиса. Договор в Нионе не подлежит ратификации, и поэтому для его подписания Арас должен был получить согласие турецкого парламента. Поскольку такое согласие не было испрашено, объясняли турецкие делегаты, создается впечатление, что Арас, подписавший конвенцию, нарушил конституцию, вследствие чего он и вызывается в Анкару.

Разъяснения турецкой делегации не соответствовали действительности. Арас еще до подписания конвенции вел телефонные переговоры с Анкарой, после которых он заявил французскому министру иностранных дел Дельбосу о получении им согласия на подписание конвенции.

Неожиданный вызов Араса в турецкую столицу был подвергнут широким комментариям на страницах советской и иностранной печати. В советской прессе было, в частности, отмечено, что „Вызов министра иностранных дел в Анкару во время ассамблеи Лиги Наций представляется явлением далеко не обычным. Поскольку нельзя предполагать, что эта поездка могла бы закончиться лишь формальным объяснением факта, который достаточно хорошо известен в Анкаре, можно предполагать, что следствием подобного вызова явится тот или иной акт турецкого правительства, направленный против конвенции“².

В иностранной печати высказывались мнения, что итальянское правительство произвело сильный нажим в Анкаре, пы-

¹ „Правда“, 27.9.1937.

² „Известия“, 16.9.1937 г.

таясь усилиями Турции сорвать конференцию в Нионе, что премьер-министр Иненю против того, чтобы Турция брала на себя какие-либо обязательства по борьбе с подводными пиратами и т. п.

Боясь дальнейших разоблачений, турецкое правительство отменило свое распоряжение о вызове Араса в Анкару.

Турецкое правительство не решилось выступить против Нионской конвенции, но ни у кого не осталось сомнений, что турецкие реакционеры являются активными пособниками Гитлера и Муссолини.

Следующий шаг турецкого правительства на стезе политики „невмешательства“ был связан с новым англо-итальянским джентльменским соглашением. В феврале 1938 года Турция в числе других государств Балканской Антанты одобрила переговоры Англии и Италии о заключении второго джентльменского соглашения¹. По этому соглашению, заключенному несколько позднее — 16 апреля, между Англией и Италией восстанавливались „добрососедские отношения“, причем Англия фактически признавала аннексию Эфиопии Италией. Между обеими странами была достигнута также договоренность о так называемой „пропорциональной“ эвакуации иностранных добровольцев из Испании и т. д. Как известно, это соглашение, а также благоприятный „нейтралитет“ (содействие мятежникам и интервентам) других капиталистических стран, в том числе и Турции, оказали большое влияние на ход фашистской интервенции и войны в Испании.

На том же заседании постоянного Совета Балканской Антанты в феврале 1938 года турецкий представитель прямо высказывался в пользу постановления Совета „сохранять политику невмешательства в дела Испании“².

При активном участии турецкой дипломатии Совет Балканской Антанты принял решение, в котором указывалось, что члены Балканской Антанты „могут направлять своих представителей для установления контакта с правительством генерала Франко“³.

Это было признанием де-факто бургосского „правительства“, представитель которого прибыл в Анкару как раз во время происходившего там заседания Совета Балканской Антанты, чтобы „ознакомиться“ с его резолюциями.

Постановления Совета, принятые в момент, когда героическая Испанская республика задыхалась в тисках блокады, проводимой итало-германскими интервентами и сторонниками „невмешательства“, были ударом не только по Испании, но и по системе коллективной безопасности, способствовали развязыванию второй мировой войны.

¹ Documents on international affairs. 1938, vol. I, p. 284.

² Там же.

³ Там же.

Еще более откровенной стала политика Турции в испанском вопросе после Мюнхена.

Мюнхенский сговор американско-английских и французских империалистов с Гитлером и Муссолини, непосредственно способствовавший поражению испанских республиканцев и приведший в конечном счете к мировой войне, был встречен турецкой реакцией с нескрываемым восторгом.

28 ноября 1938 года турецкий официоз с удовлетворением отметил, что „после Мюнхена и особенно после франко-германского соглашения политическая изоляция Советов стала совершенно очевидной“¹.

После Мюнхена турецкая реакция совершенно открыто выступает на стороне Франко и итало-германских интервентов. В числе других держав Турция участвует в постыдной кампании за признание франкистского „правительства“. 21 февраля 1939 г., раньше чем Англия, Франция и США, Турция признала генерала Франко, несмотря на то, что в Испании имелось законное правительство².

Признание Франко было результатом сговора международной реакции, в том числе и турецкой, с фашистскими агрессорами. Но как показали дальнейшие события, жертвой этого сговора явилась не только героическая республиканская Испания.

1 сентября 1939 года началась вторая мировая война, подтвердившая историческое предсказание И. В. Сталина о том, что „большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом“³.

Мюнхенская политика империалистов США, Англии и Франции потерпела крах. Германия направила свой удар в первую очередь против англо-франко-американского блока. „Борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма“⁴.

Серьезным провалом окончилась и мюнхенская политика турецкой реакции. В годы второй мировой войны Турция оказывала постоянную помощь гитлеровским агрессорам, а к концу войны и в послевоенные годы включилась в империалистический, антидемократический лагерь международной реакции.

В результате Турция утратила национальный суверенитет и превратилась в колонию Уолл-стрит.

¹ „Ulus“, 28.11. 1938.

² Англия и Франция признали Франко 27.2. 1939, а США 1.4. 1939.

³ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 572.

⁴ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 35.

М. ЯБРОВА

ПРОПАГАНДА КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ В АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

В результате широкого национально-освободительного движения в колониях, развернувшегося с особенной силой после разгрома немецкого фашизма и создания широкого демократического лагеря, рушится былая мощь Британской империи, поработившей за столетия своего существования народы во многих частях земного шара.

Для укрепления своих сильно пошатнувшихся позиций в колониальных и зависимых странах английский империализм наряду с разнообразными видами насилия, обмана и демагогии прибегает к фальсификации фактов, относящихся к истории колониальной экспансии Англии, хотя бы эти факты и относились к самому отдаленному прошлому.

В английской буржуазной историографии прочно укрепилось совершенно неправильное утверждение о том, что колониальная экспансия Англии начинается только с XVII в. Все экспедиции второй половины XVI в. буржуазные историки выдают за чисто научные путешествия, искажая или опуская моменты, которые раскрывают их подлинный грабительский характер.

Большинство этих историков умышленно игнорирует и пропаганду колониальной экспансии, которая широко развернулась во второй половине XVI века. А именно в этой пропаганде наиболее четко и ярко выступает истинный характер колониальных экспедиций. Пропагандистские произведения, чаще всего написанные специально по заказу участников какой-либо экспедиции, помогают выяснить характер последней. Вопросы пропаганды колониальной экспансии посвящена только одна сколько-нибудь значительная работа Норра — „Британские колониальные теории 1570—1850“¹. Но Норр опускает целый

¹ Кнорр, К. Е., *British Colonial Theories, 1570—1850*, Toronto, 1944.

ряд моментов, которые помогают правильно осветить начало колониальной экспансии Англии. Например, Норр совершенно не затрагивает такого важного вопроса, как методы колонизации, которые выдвигались первыми пропагандистами колониальной экспансии. Это не случайно, поскольку его книга — это типичная буржуазно-объективистская работа эпохи империализма, основанная на убеждении в законности колониальной экспансии. В буржуазной литературе и не приходится искать сколько-нибудь объективного раскрытия картины колониальной экспансии.

Научное понимание места колониальной экспансии в общем развитии капитализма дали классики марксизма-ленинизма.

Маркс считает колониальный грабеж одним из основных моментов первоначального накопления.

„Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, — писал он, — искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления“¹.

Колонии явились важнейшими источниками первоначального накопления. Буржуазия эпохи первоначального накопления нашла в колониальной системе своеобразное „золотое дно“.

В Англии во второй половине XVI в. уже существовали экономические предпосылки для развития колониальной экспансии.

XVI век был, как известно, переломным в социально-экономическом развитии Англии. Это период ломки старого, феодального способа производства и зарождения нового, капиталистического способа производства. В стране развивается первая форма капиталистической промышленности — мануфактура, выступающая двояко: в виде рассеянной деревенской мануфактуры и в виде концентрированной (централизованной).

Говоря о сущности первоначального накопления, Маркс указывал, что „экспроприация сельскохозяйственного производителя, обезземеление крестьянина составляет основу всего процесса“.

Массовые огораживания и насильственная экспроприация народных масс происходили на протяжении всего XVI в. В эту эпоху, как отмечает Маркс, в английской деревне произошел „аграрный переворот“, аграрная революция. Проникновение капиталистических отношений в деревню сопровождалось массовым обезземелением крестьянства. Для развивающейся мануфактуры была создана огромная резервная армия рабочих. Против этой массы пауперизированных, ограбленных людей

¹ К. Маркс, Капитал, издан. 1949 г., т. I, стр. 754.

английское правительство обратило законодательство, которое Маркс назвал „кровавым“. Маркс отмечает, что „Деревенское население, насильственно лишенное земли, изгнанное, в широких размерах превращенное в бродяг, старались, опираясь на эти чудовищно террористические законы, приучить к дисциплине наемного труда плетью, клеймами, пытками“¹.

XVI век был для Англии и периодом быстрого расширения международной торговли. Разворачивают свою деятельность купцы-авантюристы, появляется ряд новых торговых компаний: Московская, Левантийская, Восточная, Испанская и др. В связи с расширением торговли растет флот, увеличиваются кадры опытных моряков.

Рост торговли способствовал дальнейшему развитию мануфактурного производства. К. Маркс отмечает, что в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. „Отсюда та выдающаяся роль, которую в то время играла колониальная система“², — пишет Маркс. Рост мануфактурного производства, торговли и мореплавания стимулировал колониальные устремления нарождающейся английской буржуазии. „Колонии обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление“³.

Во второй половине XVI в. в Англии появляется уже значительный слой предприимчивых дельцов, с алчностью взирающих на новые земли, стремящихся к захвату и эксплуатации их.

Глубокие изменения, происшедшие в экономической жизни Англии XVI века, неизбежно привели к изменению классового состава английского общества. Наряду с огромной массой пауперов появляется крупная торгово-промышленная и банковско-ростовщическая буржуазия, новое дворянство, сельская буржуазия — фермеры и верхушка йоменов.

В руках определенной части этих слоев английского общества накапливаются значительные денежные средства, которые охотно вкладываются во всякое дело, сулящее прибыль, в том числе и в колониальные предприятия.

Своеобразным рупором этих кругов и были пропагандисты колониальной экспансии.

Пропаганда обычно осуществлялась при помощи множества памфлетов, посвященных специально этому вопросу, путем многочисленных описаний самых разнообразных путешествий, издания работ по географии, космографии и т. д.

В большом количестве издаются описания путешествий. Интересна в этом отношении публикация Ричарда Уилиса „Ис-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 741.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 757.

³ Там же.

тория путешествий в Вест- и Ост-Индию", 1577 г. Сам подбор материала этой книги говорит о ее направленности. Уилис берет часть материалов, собранных еще Эденом¹. Затем он включает в свой труд описания путешествий англичан в Персию, которые были совершены до этого времени. К этому были добавлены: 1) описание завоеваний Мексики Кортесом, 2) описание Японии, 3) сведения о Китае. Все эти описания Уилис заимствовал у итальянских и португальских авторов. Книга Уилиса завершается материалами, подтверждающими выгодность северо-западного пути в Китай.

Выход памфлета, призывающего к колониальной экспансии, новой работы по географии, космографии, или появление неизвестной до тех пор географической карты — немедленно находили отзвук в заинтересованных кругах.

По спискам книгопродавцев видно, что спрос на географические книги и карты в этот период значительно вырос. Соответственно со спросом увеличился и выход в свет новых работ. Особенно возросло их количество со второй половины 70-х гг. Это связано с путешествиями Фробишера и возросшим интересом к Северной Америке.

Если в 40—50 гг. в течение каждого года выходило не более 3-4 названий книг и публикаций, то в 1577 г. число их дошло до 10, а в 1578 г. до 15². Большая часть из них, естественно, касалась вопроса о Северной Америке. Выходят памфлеты, прославляющие отдельных колонизаторов. Уже в начале 70-х гг. Гаклюйт-младший, активнейший из пропагандистов, начал собирать и сличать описания путешествий. Он опубликовал в двух небольших томиках описание путешествий в Америку в 1534 и в 1535 гг. В них шла речь об открытии реки Св. Лаврентия в Канаде. Связанный по своему происхождению с купеческими кругами и вращаясь в их среде, Гаклюйт неустанно укреплял эти связи. Известно, что бристольские купцы не раз обращались к нему за практически советами, как и различные путешественники и организаторы колониальных экспедиций. С ним, например, неоднократно советовался Ралей. Гаклюйт хорошо был знаком с государственным секретарем Уолсингемом и многими другими видными лицами из правительственных кругов. Будучи одним из представителей английского купечества, Гаклюйт превосходно понимал и полностью разделял его стремления. Все, что он издавал и писал, было продиктовано интересами этих кругов, а также нового дворянства.

В 1582 г., когда интерес к Америке был особенно велик, Гаклюйт издал „Различные путешествия, касающиеся открытия Америки“. Эта публикация содержала много интересных

¹ Эден (1521—76)—переводчик и издатель многочисленных работ по географии и космографии.

² Taylor, Tudor Geography, 1415—1583, стр. 268.

документов: патент, дарованный Генрихом VII Каботу, с некоторыми другими указаниями на ранние бристольтские открытия, произведения Роберта Торна об Америке и переводы многих описаний иностранных путешествий. Книга была иллюстрирована двумя картами. Цель этого издания была явно пропагандистская.

Гаклюйт стремился привлечь внимание к северо-западу, выпуская другие книги о многочисленных путешествиях.

Однако, как пропагандист колониальной экспансии, как трубадур морского могущества Англии в мировых масштабах, Гаклюйт полностью проявляет себя после выхода публикации „Путешествия и открытия английской нации“, выдержавшей еще при его жизни два издания. В посвящении к 1-му изданию „Путешествий“, адресованном государственному секретарю Уолсингему, Гаклюйт, не смущаясь, заявляет, что цель его книги — показать превосходство английской нации, которая якобы во времена Елизаветы достигла небывалого морского могущества и „превзошла все остальные нации и народы на земле“¹.

Подбор произведений, которые Гаклюйт включил в свои „Путешествия“, имел определенную направленность. Они должны были подчеркнуть морскую мощь английского королевства и побуждать к дальнейшему ее укреплению. При этом одним из самых важных условий морского могущества Англии выдвигалась колониальная экспансия. В этом отношении интересно описание путешествия короля Эдгара вокруг королевства, составленное в царствование Елизаветы. Поместив его в своих „Путешествиях“ (т. 1), Гаклюйт дал следующую оценку короля Эдгара: „Миролюбивый король Эдгар был одним из монархов Британской империи и поэтому его слава осталась до сих пор запечатленной“². Несколько дальше говорится, что уже 600 лет назад король думал о том, что в сущности является основной мыслью в эпоху Елизаветы — создать из Англии Британскую империю.

Таких произведений, помещенных Гаклюйтом в „Путешествиях“, можно привести множество. Гаклюйт обычно давал описание какой-либо экспедиции, восхвалял ее и тут же ратовал за новую.

Как в памфлетах Гаклюйта, так и во всех его публикациях заключался призыв к созданию Британской империи. Его „Путешествия“ сыграли в этом отношении огромную пропагандистскую роль.

Как уже говорилось, наиболее важным видом пропаганды были памфлеты. В 70—80-е гг. XVI в. появлялось немало подобных произведений.

Содержание памфлетов дает возможность судить, какие моменты больше всего интересовали купечество и новое дво-

¹ Hakluyt, R. Voyages, 1810—12, т. I, стр. 6.

² Hakluyt, R. Voyages, т. I, стр. XV.

рянство Англии, ярко говорит о стремлениях и чаяниях представителей данных социальных групп. Впрочем, какие бы доводы в пользу колонизации ни приводились пропагандистами, в конечном счете все они сводились к одному — обогащению любым путем, любым методом.

Пропагандисты, основной целью которых было привлечь возможно большее количество акционеров в существующие компании, высказывались в достаточно неприкрытой форме и вполне определенно. В качестве примера можно привести хотя бы только пространное название памфлета одного из активных пропагандистов колониальной экспансии Карлейля, выражавшего интересы лондонских купцов, связанных с Московской компанией. Вот этот заголовок: „Краткий и суммарный план предполагаемого путешествия к отдаленным частям Америки, начертанный капитаном Карлейлем в апреле 1583 г., дабы создать большой стимул у купцов Московской компании и других вкладывать средства на снаряжение данной экспедиции; в дальнейшем они получат выгоды, хотя затраты каждого из них составят очень маленькую сумму; самая большая — 25 фунтов стерлингов, средняя — 12 фунтов 10 шиллингов, самая низшая — 6 фунтов 5 шиллингов“.

Значительное место и внимание пропагандисты, особенно ранние, уделяли вопросу открытия северо-западного пути в Китай.

Впервые интерес к северо-западному пути, а вместе с тем и к Америке, пробудился в Англии в связи с путешествиями Джона Кабота в 1497 г. к Ньюфаундленду и вдоль части североамериканской береговой линии. В 1524 г. в Англии появилась уже первая книга об Америке, а вместе с тем и о северо-западном пути.

В интересующий нас период особенно подробно этим вопросом занимался Джилберт, один из колонизаторов и пропагандистов колониальной экспансии. В 60-е годы XVI в. между Джилбертом и Дженкинсоном — членом Московской компании — шла ожесточенная „памфлетная война“. Дженкинсон доказывал выгодность плавания северо-восточным путем в Китай, Джилберт отстаивал преимущества северо-западного.

Это не было пустым схоластическим спором. За спиной каждого пропагандиста стояла определенная группа людей, в интересах которой он писал. Дженкинсон, будучи активным членом Московской компании, защищал ее интересы. Если бы ему удалось доказать существование и выгодность северо-восточного пути, влияние Московской компании значительно увеличилось бы, так как Северо-восток считался ее неоспоримой сферой торговли. Джилберт же представлял интересы остальной массы лондонского купечества, дальнейшему обогащению и процветанию которого мешала монополия старых торговых компаний.

Английских колонизаторов интересовал даже не столько сам северо-западный путь, сколько земли, прилегающие к нему. Вместе с тем, кроме упомянутой выше экспедиции Кабота и путешествий Дэвиса в 1585 г., не делалось ни одной сколько-нибудь существенной попытки исследовать северо-западный путь,—это было слишком тяжелым и невыгодным предприятием.

Во второй половине XVI в., когда в наличии еще были необозримые пространства свободных земель, колонизация чаще всего предполагала освоение вновь открытых стран. Но английские хищники уже и тогда жадно взирали на территории, захваченные другими колонизаторами: земли, вновь открытые, могут оказаться непригодными для освоения; колонизация же областей, уже известных и посещаемых кораблями других государств, менее рискованна. Несомненно, что такие захватнические замыслы должны были вызвать противодействие других государств. Памфлетисты, прекрасно понимая и учитывая возможность подобной реакции, пытаются подвести какую-то „теоретическую базу“, которая оправдала бы агрессивные действия англичан.

Так, в частности, обстояло дело с Ньюфаундлендом—международным местом рыбной ловли¹. В 1583 г. англичане объявили протекторат над островом. К сожалению, мы не располагаем данными для того, чтобы судить, как реагировали европейские государства на столь беззастенчивые действия со стороны Англии. Но несомненно, что англичане опасались серьезного сопротивления. В противном случае, Пекхаму², одному из активных пропагандистов колониальной экспансии, не понадобилось бы изощряться в обосновании „законности“ прав английской королевы на Ньюфаундленд.

Пекхам пользуется в данном случае обычным методом—он пытается доказать исконность прав Англии на эти земли. Утверждая, что это отнюдь не захват, а просто восстановление древних прав королевы, Пекхам приводит рассказ из Уэльсской хроники.

¹ Ньюфаундленд был открыт почти одновременно и независимо друг от друга англичанами и португальцами в конце XV в. Ни те, ни другие своего открытия административно не закрепили. Но с этого времени Ньюфаундленд стал широко известен как место рыбной ловли. Прибывали сюда корабли всех стран, причем по количеству отправляемых кораблей Англия занимала далеко не первостепенное место. Не считаясь с этим, Англия в 1583 г. объявила протекторат над Ньюфаундлендом. Но настоящая борьба за Ньюфаундленд началась только в XVII в., когда на остров предъявила свои претензии Франция. Борьба закончилась лишь в начале 1713 г. По Утрехтскому мирному договору Франция признала суверенитет Англии над Ньюфаундлендом, а Англия—подтвержденные впоследствии права французских рыбаков ловить рыбу вдоль части побережья.

² Дата рождения Пекхама неизвестна. Он происходил из семьи обуржуазившихся дворян, был близок к купеческим кругам, участвовал в торговых операциях, являлся участником экспедиции 1583 г. в Ньюфаундленд и издал описание ее.

Так, якобы еще в XII в., в 1170 году, некое знатное лицо королевской крови, Мадок, родом из Уэльса, прибыл в эту страну и основал здесь колонию. Затем он сам вернулся в Англию, оставив на острове часть своих людей и „как видно из древней Уэльсской хроники, он тогда дал некоторым островам, животным и всякой всячине уэльские названия, как остров Пингвинов, который до наших дней носит то же имя“¹.

Об этом событии говорит не только Уэльсская хроника, продолжает свои „доказательства“ Пекхам. В испанской хронике есть выдержки из речи Монтесумы, произнесенной в присутствии Кортеса в 1520 г. Монтесума говорил, что предки его народа прибыли откуда-то из другой страны, а их вождь затем возвратился на свою родину. Исходя из этих слов, Пекхам утверждает, что этим вождем был не кто иной, как Мадок, так как ни в одной другой стране нет указания на подобные события, а в Уэльсской хронике содержится рассказ о Мадоке, относящийся к 1170 г. и совпадающий со словами Монтесумы.

Пекхам, впрочем, и сам не удовлетворяется этими „доказательствами“, чувствуя, повидимому, их неубедительность. Поэтому, обосновывая в дальнейшем изложении „права“ англичан на Ньюфаундленд, он ссылается на путешествие Кабота — отца и сыновей, особенное ударение делая на сыновьях, так как последние родились в Англии.

В этих изощренных доказательствах „английского приоритета“ явно чувствуется призыв: захватывайте и осваивайте новые земли. Главное—утвердить свое господство силой, а за теоретическим обоснованием „прав“ дело не постоит.

Помимо того, пропагандисты пытаются обосновать выгоду колонизации. Доводы, выдвигаемые ими в этом смысле, примерно таковы:

1) в колониях может оказаться много золота и серебра, как это случилось в колониях Испании и Португалии;

2) колонии должны стать источниками сырья и рынками сбыта;

3) колонизация откроет возможность освободить Англию от катастрофически огромного числа бродяг и нищих;

4) колонии могут оказать чрезвычайно важную помощь в будущей войне с Испанией, неизбежность которой к 70-м гг. XVI в. была очевидна.

Одним из основных моментов, на которых прежде всего останавливались пропагандисты колониальной экспансии—вопрос о золоте. В эпоху первоначального накопления этот вопрос, как известно, играл чрезвычайно большую роль.

То был такой период, когда, как отмечает Энгельс, „*золота* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом,

¹ Hakluyt, Voyages, 1810, т. III, стр. 217.

которое гнало испанцев через Атлантический океан; *золото*— вот чего первым делом требовал белый; как только он ступал на вновь открытый берег“¹.

Вопрос о золотых рудниках в той или иной мере затрагивали все авторы памфлетов. Правда, кое-кто из них уже сомневался в реальности этого Эльдорадо, однако мысль о возможности открытия богатых россыпей или серебряных рудников все же широко пропагандировалась, служа одной из приманок для привлечения капиталов.

Грабеж английскими пиратами испанских портов в Америке, а также испанских и португальских кораблей приносил много золота, серебра, драгоценностей. Колонии в перспективе должны были сулить еще большие богатства. В противном случае, кто стал бы заниматься этим делом, кто рискнул бы вложить деньги в невыгодное предприятие?

Однако Англия вступила на арену колониального грабежа несколько позже Испании и Португалии, которые искали в новых землях прежде всего золота. В английской пропаганде колониальной экспансии появляются уже новые мотивы. Так, Гаклюйт-младший, самый страстный пропагандист колониальной экспансии, пишет, что колония ни в коем случае не может быть отдана в распоряжение золотоискателей². Гаклюйт, пропагандировавший в основном необходимость развития плантационного хозяйства, считал, что золотоискатели мешают планомерной колонизации. В 1621 г. Бекон в своих „Опытах“ отмечал вредную роль этой золотой лихорадки для систематической колонизации: „Но рудников не так много под землей. Надежда на рудники очень неопределенна и обыкновенно делает колонистов ленивыми в других отношениях“³.

В центре внимания каждого памфлета стоял вопрос о том, какие продукты смогут извлекать англичане из колоний. Так как пропагандисты основываются не на каких-либо точных данных, то перечень продуктов показывает, чего хотела бы буржуазия получить от колоний. Во второй половине XVI в. распространено было, например, мнение, что все страны, находящиеся на одних и тех же широтах, обладают одинаковым растительным и животным миром. Исходя из этого основывает свой перечень товаров Гаклюйт-младший. „Западные путешествия дадут нам все предметы торговли, которые мы получаем из Европы, Африки, Азии... Из Флориды, находящейся на 67° северной широты, климат которой соответствует климату Египта, Сирии, Персии, Турции, Греции, климату всех островов Средиземного моря, Италии, Португалии, Франции, Фландрии, Верхней Германии, Эстляндии, Польши и Московии, мы можем сразу или спустя короткое время получить безо-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. 1, стр. 442.

² Knorr, *British Colonial Theories*, 1570—1850, 1944, стр. 51.

³ Bacon, *Works*, т. VI, 1878, стр. 459.

пасно все или большую часть предметов, которые вышеназванные страны доставляли нам или по очень дорогой цене или с многочисленными опасностями¹.

Некоторые пропагандисты попросту приписывали новым землям те товары, которые до сих пор поставлялись из какой-либо другой страны. Так, Карлейль не сомневался, что английские колонизаторы найдут в Америке те товары, которые они прежде вывозили из Москвы². „Хотя мы еще не в состоянии обещать подобного количества, какое в самые хорошие времена нам доставляет московская торговля, но также не будет таких затрат, каких требует Московская компания и другие.

Но после того, как Америку будут посещать в течение тридцати лет, как другие страны, я не сомневаюсь, что милостью бога, вместо 10 кораблей в год, которые теперь плавают в Московию, будет плавать по 20 кораблей два раза в год по крайней мере“³.

Затем Карлейль дает длинный перечень того, что можно будет получить, по его мнению, из Америки. Это товары, „которые дают нам в настоящее время восточные страны: такие как смола, деготь, пенька, снасти, маты, кожи, ценные меха и другие товары, из-за которых мы обязаны королю Дании и другим государям и государствам, благодаря чему они могут командовать нашими торговыми кораблями по своему усмотрению“⁴. В сущности, весь список товаров, который дает Карлейль — это перечень материалов, необходимых для судостроения, которые англичане привозили из России.

Таким образом, по мнению абсолютно всех пропагандистов, колония должна быть источником сырья. Это ее основная функция (говоря о сырье, пропагандисты всегда имели в виду не промышленное сырье, как это было позднее в XVIII—XIX вв., а строительные материалы и колониальные продукты). Гаклюйт-старший⁵, например, говорит, что колония ни в коем случае не должна быть простым торговым пунктом, наподобие пунктов Московской компании⁶, т. е. мечтает о колониальной эксплуатации, а не о торговле. Через весь памфлет он проводит мысль о необходимости широкого использования естественных богатств данной страны, о развитии плантационного хозяйства.

В 24-й главе 1-го тома „Капитала“ Маркс указывает на различные этапы первоначального накопления, в том числе и на

¹ Knorr, *British Colonial Theories, 1570—1850*, 1944, стр. 52.

² Карлейль — купец, член Московской компании, активный пропагандист колониальной экспансии.

³ Hakluyt, *Voyages*, т. III, стр. 230.

⁴ Там же.

⁵ Гаклюйт-старший — представитель духовенства, являлся одновременно пропагандистом колониальной экспансии.

⁶ *The Three Voyages of M. Frobisher*, London, 1938, т. I, стр. 254.

различные этапы колониальной экспансии в эпоху первоначального накопления. Сначала на арену колониального грабежа выходят Испания и Португалия. Это — период господства военно-феодальных методов колонизации. Испанцы и португальцы вывозили из колоний золото, серебро, драгоценности, пряности. Примитивная разработка рудников была единственной отраслью производства в испанских колониях. Со второй половины XVI в. начинается следующий период колониального грабежа: на данном этапе ведущая роль принадлежит Голландии и Англии. К военно-феодальным методам колонизации присоединяются, а затем начинают преобладать, буржуазные, не менее гнусные и жестокие. Плантационное хозяйство со всеми ужасами плантационного рабства, игравшее прежде подсобную роль, теперь получает полное развитие. К 70—80-м годам XVI в. почти все английские пропагандисты колониальной экспансии имеют в виду развитие именно плантационного хозяйства. Следует, однако, отметить, что резкой грани между буржуазными и военно-феодальными методами колонизации не было.

Пропагандисты учитывали, что колонии могут явиться не только источниками сырья, но и рынком сбыта. Правда, это соображение играло второстепенную роль.

Вопрос о необходимости новых рынков был поставлен как в силу экономического развития внутри страны, в первую очередь в связи с ростом капиталистической мануфактуры, так и благодаря изменениям, которые произошли в международной обстановке.

Нидерландская революция лишила Англию основного потребителя грубых сукон. Враждебные отношения с Испанией, а с 1585 г. и война с ней, нарушили англо-испанскую торговлю. Франция была охвачена религиозными войнами. Взоры англичан обращаются к новым колониям в надежде найти там не только источники сырья, но и рынки, куда возможно будет сбывать свои товары, главным образом сукна.

Гаклюйт-старший говорит о необходимости торговли с колониями, в первую очередь подразумевая под этим сбыт туда английского сукна.

„Если они (Гаклюйт имеет в виду колонистов. — М. Я.) будут жить без морской торговли, они с самого начала почувствуют нужду в льне и сукне и будут очень несчастны от неопределенных нужд, которые последуют потом; это заставит их или уехать, или же их легко смогут покорить испанцы, французы или местные жители...“¹.

Гаклюйт проявляет совершенно несвойственную ему „заботу“: сукна необходимы колонистам. Несомненно, эта торговля должна была дать большие выгоды купцам.

¹ The Three Voyages of M. Frobisher, 1938, т. XII, стр. 255.

Гаклюйт-младший в своем „Трактате о западной колонизации“ более откровенен: „В их стране, — пишет он, подразумеваемая Северную Америку, — холодная и резкая зима, это будет способствовать тому, что мы найдем большой сбыт для наших сукон“¹.

Еще более определенно об этом пишет Джилберт: „...хорошо известно, что все дикари находят большое удовольствие в любой одежде, если она не такая простая, как рубашка, в накидках синих, желтых, красных или зеленых, в шляпах или подобных вещах и испытывают невероятную душевную боль из-за таких пустяков... это даст ход английским сукнам, которые будут отправлять туда, и принесет большие выгоды всем лицам (занимающимся сбытом сукон. — М. Я.) и ремесленникам“².

Помимо чисто экономических выгод, которые пропагандисты сулят владельцам капиталов в колониях, они видят в колонизации средство разрешения острых социальных противоречий, характерных для Англии в XVI в. Скопление в стране огромного количества бездомных людей и нищих создавало чрезвычайно напряженное положение и вызывало страх у правящих классов. „Кровавое законодательство“ не уничтожило пауперизма — неизбежного спутника капиталистического строя.

Авторы памфлетов видели выход из этого положения в приобретении новых земель и выселении туда безработных, нищих и бродяг. Точка зрения всех пропагандистов XVI в. в этом вопросе полностью совпадает: с одной стороны, такая мера избавила бы страну от экспроприированных, с другой — дала бы колониям дешевые рабочие руки.

Буржуазные историки эпохи империализма считают пауперизацию одной из самых важных причин колонизации, скромно называя это явление „перенаселением“ (Вильямсон, Норр). Между тем дело, конечно, не в росте народонаселения, а в росте нищеты, о чем они совершенно сознательно „забывают“. Хорошо известно, что все нынешние теоретики империалистического захвата кричат о перенаселении. Эта попытка оправдать империалистический грабеж не является новой. Их предки, как мы убедимся, тоже пытались замаскировать истинные причины необычайного роста числа бродяг и нищих, делая это с вполне определенной целью — скрыть те глубокие социальные противоречия, которые имели место в то время.

Джилберт в своем „Трактате“ полагает, что отдельные части вновь занятых земель можно будет заселить англичанами, „которые мешают общественному благосостоянию и из-

¹ Knorr, *British Colonial Theories, 1570—1850*, стр. 58.

² Джилберт был не только пропагандистом колониальной экспансии, но и колонизатором. В 1583 г. он объявил протекторат Англии над Ньюфаундлендом.

за нужды на родине вынуждены совершать возмутительные преступления, за что они ежедневно попадают на виселицу“¹.

Памфлетисты выдвигали также мысль о том, что важно не только выселить из Англии безработных и дать им работу, но найти какое-либо занятие для их жен и детей. Самым конкретным образом этот вопрос разрабатывал Пекхам. Он писал, что колонизация „...приносит большую пользу нашей стране, так как благодаря этому обстоятельству не только большое количество людей, которые праздно живут дома и тягостны, бесполезны для королевства, будут там поставлены на работу, но и также их дети от двенадцати до четырнадцати лет могут быть удержаны от лености, благодаря тому, что они будут делать дешевые украшения, которые являются хорошим товаром в этой стране. И более того, наши праздные женщины (без которых государство может обойтись) будут заняты“². Далее следует перечисление всякого рода занятий, которые можно будет предложить женщинам. Здесь и возделывание льна, и уход за коноплей, и ощипывание птицы, и собирание перьев и т. д. „Мужчины, — продолжает дальше Пекхам, — могут быть заняты добычей жемчуга, работой на рудниках, в поместьи, охотой на китов, кроме того, ловлей трески, форели, сельди и затем рубкой леса“³. Здесь Пекхам попутно решает и другую проблему. Обещая дворянам и купцам выгодные условия для земледелия, он указывает, кто будет работать в их поместьях. Работник найден в лице нищих, бродяг, в лице колонистов-бедняков, их жен и детей!

Пекхам вполне человек своего времени. Ничто не может пропадать зря. Двенадцатилетний ребенок не должен бездельничать — его труд необходимо использовать. Женщина не имеет права быть праздной — ее труд должен приносить доход имущим классам.

Пекхам пишет достаточно обнаженно. Труд бедняков-мужчин, их жен, детей интересует его только с точки зрения той прибыли, какую он может принести владельцам поместий и мануфактуристам. В памфлете ни слова не сказано о каком-нибудь, хотя бы минимальном, обеспечении, которое получают трудящиеся слои в колонии.

Речь идет в сущности об особой форме рабства, которая в XVII в. получила широкое распространение. В 1683 г., например, белые рабы составляли одну шестую часть всего населения Виргинии⁴.

Рабов набирали из числа бедняков, не находивших в метрополии применения своему труду. Это, во-первых, были так

¹ Hakluyt, Voyages, 1812, т. III, стр. 60.

² Там же, стр. 212.

³ Hakluyt, Voyages, 1812, т. III, стр. 212.

⁴ Вильямс, Капитализм и рабство, Москва, Издательство Иностранной Литературы, 1950, стр. 31.

называемые „законтрактованные слуги“, т. е. люди, подписавшие перед отъездом в колонию контракт, которым они забавлялись на определенный срок в счет оплаты за проезд. Другая категория людей договаривалась с капитаном судна заплатить за свой проезд через определенный срок после прибытия. Если они не в состоянии были этого сделать, капитан их просто продавал.

Наконец, важнейшим источником белого рабства являлись осужденные. В конце XVI в. пропагандисты колониальной экспансии в первую очередь имели в виду именно эту категорию людей. Бесплатный труд ссыльных избавлял плантаторов от расходов на ввоз рабочих.

Чтобы завербовать кого-либо для отправки в колонии, требовались невероятные усилия. Всякими правдами и неправдами люди старались избежать этой участи. Вербовка обычно производилась среди самых бедных слоев населения, которым на родине нечего было терять, кроме нищеты. Но колонии сулили им еще худшую долю: непосильный труд, недоедание, иногда даже отсутствие хорошей питьевой воды¹.

Этого иной раз не в состоянии были скрыть даже пропагандисты колониальной экспансии. Наиболее откровенно в этом смысле высказывался Гаклюйт-младший: „Правда, благодаря длительному периоду мира и уменьшению эпидемий, население выросло значительно больше, чем когда-либо прежде; и теперь ремесленников так много, что они едва могут жить рядом друг с другом, скорее они готовы съесть один другого; много тысяч праздношатающихся внутри королевства, которые лишены возможности получить работу, обращаются к общественной благотворительности и часто прибегают к мелким кражам, грабежам и другим вредным занятиям, из-за чего они ежедневно наполняют все тюрьмы страны... эти жалкие воры должны быть осуждены на некоторое количество лет в западные части...“².

Таким образом, очевидно, что условия жизни в новых колониях были настолько тяжелы, что в добровольном порядке туда ехали не очень-то охотно. Хорошо известно, как жестоко наказывали за бродяжничество в Англии XVI в., но тем не менее пауперы не желали отправляться в колонии. Вот почему придавалось такое значение отправке туда осужденных. Целью этого мероприятия было не столько освободить метрополию от опасных элементов, сколько приобрести дешевую рабочую силу для колоний.

В первой половине XVII в. Бэкон протестует против этого явления, видя в нем одну из причин неудачи многих колониальных предприятий елизаветинской эпохи. „Позорно и не-

¹ Вильямс, Капитализм и рабство, изд. 1950, стр. 37.

² Кногг, 1944, стр. 42.

простительно брать подонки общества, испорченных и осужденных людей для колонизации, — пишет Бэкон, — это портит колонии, так как они хотят жить, как мошенники, не работая, а желая оставаться праздными, они совершают бесчинства и транжирят продовольствие...¹ Бэкон — истинный представитель буржуазии — пытается во всем обвинить экспроприированных.

В действительности же дело заключалось в том, что ко времени Бэкона стало очевидно, что путем принудительного переселения пауперов все равно невозможно полностью обеспечить колонии рабочей силой.

Пропагандисты пытались представить колонизацию как предприятие, которое не только может дать большие экономические выгоды и спасти страну от социальных потрясений, но и как средство укрепления военно-морской мощи Англии.

Во второй половине XVI в. английское правительство издавало многочисленные ордонансы, целью которых было усиление флота. Например, уже в 1548 г. был издан ордонанс, устанавливающий специальные рыбные дни. В 1563 г. в соответствии с новым распоряжением мясо запрещалось есть не только в пост, в канун праздников и по пятницам, но также по субботам и средам. Все это стимулировало развитие рыболовства, что в свою очередь способствовало увеличению флота. Ордонанс 1559 г. запрещал продажу кораблей иностранцам. Можно привести еще целый ряд ордонансов подобного рода.

Уже в то время господствовало мнение, что главное условие могущества Англии — сильный военно-морской флот. Это служило немаловажным аргументом для привлечения внимания имущих слоев к колонизации.

В основном в памфлетах намечаются три возможности, которые должны способствовать усилению флота.

Прежде всего увеличение рыболовства. Это, убеждали пропагандисты, выгодно в двояком отношении. Во-первых, Англия освобождается от необходимости ввозить рыбу из других стран. Более того, излишки можно продавать, что сулит значительный доход. Главное же заключается в том, что при развитии рыболовства увеличивался флот, который, в случае необходимости, мог выполнять и другие задачи.

Вторая возможность строилась на предположении, что в новых колониях можно найти большое количество материалов для постройки кораблей. „Если вы найдете большое количество строительного материала на берегу моря или у какой-нибудь судоходной реки, то лучше будет его срубить той же зимой и употребить для постройки кораблей, барок, лодок и домов“², — дает конкретные указания Гаклюйт-старший. Он

¹ Bacon, F. Works, т. VI, стр. 457.

² The Three Voyages of M. Frobisher, 1938 г., т. 1. стр. 256.

вообще советует основывать новые поселения на морском берегу. Это даст возможность держать свой собственный флот в заливе. Гаклюйт особенно подчеркивает, что это будет не только торговый, но и военный флот, предназначенный для борьбы с врагами Англии.

Наконец, все памфлетисты утверждали, что дальние путешествия не только будут стимулом для постройки новых кораблей, но и помогут воспитать армию высококвалифицированных моряков. „Основание заморских колоний должно содействовать увеличению, усилению и сохранности нашего флота и особенно торгового флота, который является силой нашего королевства... Длительные путешествия закалят моряков и откроют им секреты навигации“¹, — пишет Гаклюйт-младший.

Иметь большое количество кораблей и испытанные, закаленные в плаваниях кадры моряков — таково было стремление английской буржуазии. Это позволило бы еще больше расширить торговлю и, кроме того, дало бы преобладание над основным конкурентом Англии — Испанией.

Увеличение флота было необходимо Англии и для предстоящей войны с Испанией.

Мысль о том, что колонизация может быть связана с непосредственным нападением на Испанию, выдвигалась пропагандистами как наиболее актуальная и важная для данного периода.

Впервые ее высказал в 1577 г. Джилберт в произведении, предназначенном специально для королевы. К сожалению, мы не располагаем этим документом и о содержании его можем судить только по заглавию, правда, довольно пространному. Однако уже одно это заглавие не оставляет сомнений относительно направленности всего произведения: „Как ее Величество может повредить королю Испании, снарядив флот военных кораблей под предлогом путешествия с целью открытия новых земель и напасть на торговый флот противника, нарушить его торговлю в Ньюфаундленде и Вест-Индии и захватить обе области“².

Джилберт предлагает колонизацию только как предлог для того, чтобы замаскировать истинные намерения англичан. Прикрываясь шумихой, поднятой вокруг освоения новых земель, следовало, по его мнению, снарядить военный флот и врасплох захватить испанские колонии.

По-иному разрешает этот вопрос Гаклюйт-младший. Он дает полную и подробную программу нападения на Испанию. Базой для этой агрессии будут новые колонии. Борьба с Испанией из-за английских колоний в Северной Америке будет, по мнению Гаклюйта, идти по трем направлениям:

¹ Кногг, 1944, стр. 39.

² Calendar of State Papers, domestic, XVIII, 12.

1) Отсюда можно будет нападать на испанские корабли и захватывать сокровища, которые они вывозят из Америки.

В сущности, таким образом, предполагались чисто пиратские действия. Гаклюйт превосходно понимал, что этот довод явится самым убедительным. Золото и драгоценности, награбленные пиратами, привлекали внимание не только купеческих слоев. Сама королева являлась одной из основных пайщиц в организации разбойничьих экспедиций. А по плану Гаклюйта этот грабеж мог быть значительно облегчен.

2) Из колоний легко будет помогать испанцам заниматься рыбной ловлей. Это лишит их одного из важных продуктов питания и, благодаря этому, их силы будут ослаблены.

3) Непосредственное нападение на испанские колонии в Вест-Индии легче организовать, имея базу в Северной Америке.

Все эти меры в совокупности должны были, по мнению Гаклюйта, в значительной степени ослабить мощь Испании. „Если вы затронете его (короля Испании — М. Я.) в Вест-Индии, вы затронете его глазное яблоко; захватывая его сокровища, которые являются нервом войны и которыми он почти полностью обязан Вест-Индии, вы доведете его до того, что он вынужден будет распустить войско; его планы потерпят крах, его мощь и сила ослабнут, его гордость будет уничтожена и его тирания совершенно подавлена“¹.

Итак, проекты колонизации были, несомненно, связаны с захватническими планами. Колонии, по мнению пропагандистов, должны быть не только источником сырья, колониальных товаров и рынком сбыта, они должны также сыграть большую роль в непосредственной борьбе с самым опасным конкурентом — Испанией и явиться одним из средств в завоевании Англией мирового морского владычества.

Что касается методов колонизации, то этот вопрос не получил у памфлетистов полного освещения. Большинство авторов вовсе не касается его или затрагивает только вскользь. Для памфлетистов важно было привлечь общественное внимание к проблеме колонизации, собрать как можно больше средств, заручиться поддержкой правительства. Нужно снарядить экспедицию, занять определенный участок территории, а каким методом будет производиться его колонизация — это уже дело будущего.

Из известных нам авторов наиболее подробно этим вопросом занимается лишь Пекхам. Объявление протектората над Ньюфаундлендом, свидетелем чего был Пекхам, поставило на очередь проблему о методах колонизации. Решение задачи, данное Пекхамом, настолько любопытно и показательны для английской колонизации того периода, что есть смысл остановиться на этом более подробно.

¹ Tylor L. D. England in America 1580—1652. London, 1904, стр. 6.

Основным орудием колонизации, по мнению Пекхама, должно явиться введение христианства. Этого можно достигнуть, по мнению Пекхама, двумя путями: 1) Первоначально следует попытаться мирным путем обратить туземное население в христианство. В качестве вспомогательного средства надо привозить из Англии различные безделушки, которые нравятся туземцам. Последующее уже ясно само собой: при помощи безделушек туземцев легко удастся обратить в христианскую веру, что даст возможность добиться их полного послушания. 2) Если местные жители все же станут оказывать сопротивление введению христианства, то следует применить силу.

„При подобных обстоятельствах,—пишет Пекхам,—я считаю, что не противоречит христианской религии защищаться, применять силу и делать все, что необходимо для достижения своей безопасности, так как все законы разрешают при подобных условиях сопротивляться насилию¹. И для большей безопасности следует увеличить их силу (силу поселенцев.—М. Я.) постройкой фортов для избежания каких-либо эксцессов. Если также они не позволят продолжать разумного спокойствия, то не будет преступным, как я полагаю, для христиан подчинить их, захватывать их города и поселения и (во избежание кровавой тирании) применять закон оружия так же, как при подобных обстоятельствах он применяется в эти дни всеми нациями“².

Мысль высказана совершенно ясно и недвусмысленно — жечь, убивать, применять любые формы насилия для достижения своей цели. Именно такие методы и применялись английскими захватчиками в колониях.

Образцом, достойным подражания, Пекхам считает опыт испанской и португальской колонизации³.

Методы колонизации, которые были выдвинуты в 80-е годы XVI в., прочно вошли в последующую практику английской колониальной политики. Это лишний раз подчеркивает хищнический, грабительский характер, который проявился с первых же шагов колониальной экспансии Англии. Туземцев беззастенчиво превращали в рабов.

Широкая пропаганда колониальной экспансии нашла косвенное отражение и в художественной литературе того периода.

Поэзия, роман и в особенности драматургия елизаветинской эпохи показывают, в какой степени английское буржуазное общество во второй половине XVI в. было охвачено идеей колонизации новых земель.

Обратимся, например, к творчеству самого выдающегося из драматургов елизаветинской эпохи — Вильяма Шекспира. Не говоря уже о том, что его произведения изобилуют срав-

¹ Насилием Пекхам считает ...сопротивление туземцев колонизации.

² Hakluyt, Voyages, 1810, т. III, стр. 213—214.

³ Там же.

нениями и терминами, взятыми из морского лексикона, Шекспир освещает ряд моментов, помогающих выяснить характер английской колониальной экспансии на данном этапе.

Его известная драма „Буря“ отражает целый ряд интересных для нас моментов. Кстати, следует отметить несомненное знакомство Шекспира с книгами о путешествиях, изданными в тот период. Например, Калибан описывает остров Просперо, как волшебное царство звуков. Так же описывает пустыню Лот в своих путешествиях Марко Поло (рассказ об этом путешествии был переведен на английский язык в 1579 г.).

Устами одного из своих героев в „Буре“ Шекспир рассказывает, насколько велик был интерес в Англии к заморским странам. Шут Тринкуло, увидев Калибана, местного жителя острова Просперо, восклицает: „Что это такое? Человек или рыба? Мертвый или живой? Рыба, и пахнет точно рыба, так и несет от нее старой тухлой рыбой, как будто от не совсем свежей трески. Странная рыба! Если б я был теперь в Англии,— я был там когда-то,— и если б я имел хотя бы рисунок этой рыбы, я уверен, что не осталось бы ни одного ротозея, который не отдал мне часть своих денег. Вот там-то это чудовище обогатило бы своего владельца! Там обогащает всякое страшное животное. Они не дадут медной монеты, чтобы помочь безногому нищему, и заплатят десять, чтобы взглянуть на мертвого индейца“¹.

Этот отрывок весьма показателен. От колонизации ждут огромных барышей, каждая диковинка, привезенная из неизвестных мест, возбуждает любопытство и надежды на получение несметных сокровищ. Ажиотаж вокруг освоения новых земель настолько велик, что англичанин, который „не даст медной монеты, чтобы помочь безногому нищему“, не поскупится на значительно большую сумму, чтобы только „взглянуть на мертвого индейца“.

В таком интересе к заморским странам, несомненно, большую роль сыграла пропаганда колониальной экспансии.

Шекспир далек от идеализации колонизаторов. Просперо упрекает Калибана в неблагодарности: он его обучил человеческому слову, старался приобщить к культуре цивилизованного мира, а Калибан все время стремится сделать какую-либо пакость. В чем же причина? Калибан сам говорит об этом в ответ на упреки Просперо:

Я сам себе был королем сначала,
Вы прибыли — я сделался рабом,—
И я один теперь у Вас в услугах.
Вы сделали утес моим жильем,
А остров мой присвоили себе².

¹ Шекспир, Изд. Брокгауз-Ефрона, С. - Петербург, 1902 г., т. IV, стр. 468.

² Там же, стр. 457—458.

Во что превратился Калибан после прибытия Просперо? В раба, которого заставляют выполнять всю черную работу. У него отняли землю. Это — первое, что делали всегда английские колонизаторы при захвате новых стран. Калибан, естественно, пытается оказать сопротивление порабощению (пассивное и активное), и Просперо применяет силу. Разве это не перекликается с методами колонизации, предложенными Пекхамом? Пекхам говорил о введении христианства, Просперо величайшим благом для Калибана считает обучение его речи. И там и здесь применялось насилие и результат был одинаков.

Несомненно, упрек, брошенный Калибаном, не является поэтическим вымыслом Шекспира. Это жизненная правда и, по всей вероятности, уже в тот период англичанам приходилось слышать подобные вещи от туземцев. Введение христианства, прямое насилие, грабеж — не единственные методы колонизации. Прибывшие после Просперо европейцы дают Калибану вино, и он превращается в их покорное орудие. Мы знаем, насколько широко этот метод применялся и в последующие века. Таким образом, Шекспир отражает не только интерес, который наблюдался по отношению к заморским странам, но показывает достаточно ярко, каким путем происходит захват их. „Буржуазия вводит фактически рабство в колониях, подвергает туземцев неслыханным издевательствам и насилиям, „цивилизует“ их распространением водки и сифилиса“¹, — писал В. И. Ленин. Произведения Шекспира являются превосходной иллюстрацией к этому положению. Слова В. И. Ленина относятся к значительно более позднему периоду, но уже и в эпоху первоначального накопления английская буржуазия применяла подобные методы.

Английская буржуазия и новое дворянство мечтали о приобретении новых богатств. Выше был отмечен этот специфический интерес к заморским странам. Богатства Индии и Америки, захваченные испанцами и португальцами, не дают английским купцам покоя. В драмах Шекспира имеется множество сравнений, позволяющих судить о подобных настроениях того периода.

„Не на челе, но в сердце он не блещет алмазами индийскими“...²

„А завтра англичане превращались
Вдруг в Индию: так каждый был похож
На золотой рудник...“³.

Или:

„Когда король ее в объятиях держит,
То Индии богатство в них лежит“⁴

Таких сравнений можно привести очень много.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 60.

² В. Шекспир, т. V, стр. 142 (Король Генрих VI).

³ В. Шекспир, т. IV, стр. 508 (Король Генрих VIII).

⁴ Там же, стр. 553.

Та же мысль проводится в драме современника Шекспира — Марло „Трагическая история доктора Фауста“. Фауст мечтает о том времени, когда все духи будут покорны ему.

„Загадки все мне будут разрешимы
И нет таких бездушных предприятий,
Которые при помощи духов
Мне будут невозможными казаться.
Я захочу, и в Индию те духи
За золотом слетают для меня,
Я прикажу — переплывут моря,
Чтоб мне доставить редкости Востока.
Они проникнут смело в Новый Свет
И явятся с сладчайшими плодами
И с чудесами новых, чудных стран“¹.

Произведения двух наиболее видных драматургов елизаветинской эпохи позволяют с полным правом судить о настроениях английского буржуазного общества того периода, особенно, если учесть, что драма в XVI в. быстро откликалась на важные события и настроения эпохи. Это был своего рода заменитель газеты. Драма не только отражала общественное мнение, но и в свою очередь воздействовала на него, т. е. частично имела пропагандистский характер.

В значительно меньшей степени идеи колониальной экспансии отражены в английской поэзии.

Спенсер нам известен по большей части своей лирикой. Однако и он, прославляя королеву в автобиографической поэме „Колин Клаут возвращается домой“, неизменно называет ее „владыцей моря“, а Ралея — „пастухом океана“.

Еще более показательно в этом отношении творчество Даниэля (1562—1619). В своей поэме „Misophilus or a General Defence of Learning“ Даниэль, восхваляя английский язык, считает, что необходимо его распространить среди еще необразованных народов. Под этим подразумеваются народы вновь открытых стран (Вспомним, что Просперо также обучал Калибана английскому языку). Это прославит, по мнению Даниэля, английскую нацию.

В действительности „просвещение“ предполагалось лишь в той мере, в какой это вызывалось требованиями эксплуатации туземцев. „Приобщать к европейской культуре“ на деле значило засылать в колонии определенное количество миссионеров и вина.

Маркс следующим образом определяет сущность буржуазной „культуры“ в колониях: „Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство предстают пред нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает респектабельные формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов“².

¹ „Дело“, 1871, № 5, стр. 5—6.

² Маркс и Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 315.

Несомненно, Даниэль высказывает мнение, которое получило уже тогда достаточное распространение. Ведь еще Пекхам писал, что самое большое благо, которое получали местные жители, — это истинная вера. С течением времени политике христианизации начнут придавать более широкий смысл.

Наконец, отношение английской буржуазии к колонизации во второй половине XVI в. отражает еще один вид литературного творчества — баллады.

Английская баллада в эпоху Елизаветы, как и драма, выполняла до некоторой степени функции современной газеты. Происшествия дня, преступления, необычайные эпизоды, осады и поражения — все облекается в строфы и преподносится слушателю. Обычно это делалось немедленно после события. Например, баллады о гибели Армады были написаны чуть ли не на другой день после того, как распространилась весть об этом событии.

Морские баллады второй половины XVI в. весьма многочисленны. Они освещают каждое значительное морское сражение, каждый удачный пиратский набег, каждое крупное путешествие. Основная цель баллады подобного типа — прославление морского могущества Англии.

Почти каждому путешественнику, каждому пирату посвящено по несколько баллад, восхваляющих их действия¹.

Наиболее известная баллада посвящена Фробишеру — „Восхваление Мартина Фробишера“². Автор выражает опасение, что его таланта не хватит для прославления путешественника, — настолько велики доблести последнего.

В балладе „Сэр Франсис Дрейк и королева Елизавета“ интересно место, передающее речь, якобы произнесенную Елизаветой при встрече Дрейка. Часть ее посвящена Джильберту. Примерное содержание таково: Елизавета спрашивает джентльменов, окружающих ее — почему они не следуют примеру Джильберта? Они ничто по сравнению с ним, потому что Джильберт путешествовал и проложил путь к Ньюфаундленду. Это явный призыв следовать примеру Джильберта, идти по его стопам. Интересно, что подобный призыв вкладывается в уста самой королевы.

Такие же призывы к дальним путешествиям содержатся в ряде других баллад.

Для полноты картины нельзя упускать из виду и роли духовенства в пропаганде колониальной экспансии. В последующие века она выступает вполне ясно и отчетливо, однако и в рассматриваемый нами период налицо были уже некоторые моменты, которые позволяют установить важное значение духовенства в разжигании жажды колониальных захватов.

¹ Баллад, посвященных пиратам, значительно больше, чем баллад о путешественниках. Пиратские набеги больше занимали английское общество.

² Early Naval Ballads, ed. Halliwell, 1847, стр. 45—46.

Это видно хотя бы по деятельности Гаклюйта-старшего, который всю жизнь прожил в монастыре. Монашеская жизнь не помешала ему живо интересоваться и принимать деятельное участие в таких чисто мирских предприятиях, как колониальная экспансия. Его „Записка“ носит чисто деловой практический характер.

Пекхам усиленно использует христово имя, чтобы прикрыть жестокость, гнусность колонизации.

На каждом корабле, который отправлялся в дальнейшее плавание, в том числе и во вновь открытые страны, всегда имелось духовное лицо. В молитвах неизменно повторялось, что дальние плавания и колонизация новых земель прославят Англию. Насаждая среди туземцев христианство, духовенство было первым помощником колонизаторов в закабалении и эксплуатации местного населения.

Итак, пропаганда колониальной экспансии соответствующим образом настраивала буржуазно-дворянское общественное мнение Англии. Отражение этого вопроса в литературе того периода — драматургии, поэзии, балладах показывает, насколько сильно складывающееся буржуазное общество было охвачено колониальным ажиотажем. Литературные памятники, с одной стороны, являются отражением общественного мнения развивающегося буржуазного общества, а с другой — чаще всего сами представляют пропагандистские произведения. Наиболее показательны в этом отношении баллады, которые почти всегда содержат прямой призыв к колонизации.

Пропагандисты колониальной экспансии при написании и издании своих произведений всегда имели в виду определенные социальные слои — английскую буржуазию и новое дворянство. Пекхам в то же время специально разграничивает интересы дворянства и купцов. Дворянам он обещает плодородные земли, а купцам „разные продукты и товары, из-за которых мы с немалым риском должны ездить в Испанию, Португалию, Францию, Московию, Италию“.

Пропаганда колониальной экспансии не осталась безрезультатной. Уже во второй половине XVI в. в Англии снаряжается ряд экспедиций, основной целью которых была колонизация новых земель. В 1574—1576 гг. экспедиция Фробишера отправилась к Баффиновой земле; в 1583 г. Джильберт объявил протекторат над Ньюфаундлендом; в 1585 г. началась серия экспедиций Ралея к Виргинии и т. д.

Более того, известно, как мы это отмечали, что ряд памфлетов писался по специальному заказу. „Записка“ Гаклюйта-старшего написана по заказу участников экспедиции Фробишера. Есть некоторые основания предполагать, что именно памфлет Джельберта вызвал к жизни план экспедиции Фробишера. Совершенно достоверен факт, что Гаклюйт-младший написал свой памфлет по специальному заказу Вальтера Ра-

лея, который хотел таким путем привлечь побольше капиталов для снаряжения экспедиции и, главным образом, расположить королеву к своему предприятию. „Трактат“ Карлейля написан специально для купцов Московской компании. То же можно сказать и о публикациях, географических работах и других видах пропаганды.

Совершенно очевидно, что руководители и участники экспедиций, по чьему заказу были написаны пропагандистские произведения, меньше всего интересовались „научными проблемами“, как это пытается изобразить буржуазная историография. Захват ценнейших колониальных товаров, получение сырья для судостроения и развивающейся мануфактуры, приобретение рынков для выгодного сбыта своих товаров — вот единственное, что интересовало английскую буржуазию XVI в. в процессе колониальных захватов. Памфлеты ясно говорят об этом. И недаром эти ценные документы английские историки стараются обойти молчанием. Характер экспедиций второй половины XVI в. с несомненностью свидетельствует, что все они снаряжались с целью колониального грабежа.

Пропаганда колониальной экспансии стояла в тесной связи с колониальными предприятиями, и идеи, выдвинутые в пропагандистских произведениях, всегда находили применение в практике английских колонизаторов.

С. СТАМ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ РЕФОРМАЦИИ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

В истории позднего средневековья, в истории революционной борьбы народных масс против феодального строя в пору его разложения выдающееся место занимает реформация и крестьянская война в Германии. Для истории самой Германии это были события решающего значения, исход которых на несколько столетий определил дальнейшие судьбы страны.

Естественно поэтому то внимание, которое проявляет к истории реформации и крестьянской войны советская историческая наука, живо интересующаяся народными движениями, революционными моментами в историческом прошлом каждой страны. Значительным шагом в дальнейшем изучении этих проблем явилась вышедшая несколько лет назад книга М. М. Смиринна „Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война“, обстоятельно осветившая целый ряд вопросов истории крестьянской войны и идеологии народной реформации. Учение Мюнцера получило в ней широкое и разностороннее освещение. М. М. Смирин подверг тонкому анализу идейные истоки и различные стороны этого учения. С большой убедительностью он показал активное, организующее значение идеологии народной реформации в ходе Великой крестьянской войны.

Тем не менее едва ли можно утверждать, что все принципиальные вопросы понимания реформации и крестьянской войны могут считаться вполне выясненными в нашей литературе. Ряд в высшей степени содержательных материалов из подготовительных работ Ф. Энгельса, помещенных в X томе „Архива Маркса и Энгельса“, позволяет гораздо полнее и глубже осмыслить сущность и взаимосвязь важнейших явлений этой революционной поры позднесредневековой истории Гер-

мании. Между тем эти материалы еще не привлекли к себе должного внимания советских историков-медиевистов.

Известно, какой большой интерес проявляли основоположники марксизма к истории реформации и крестьянской войны. В борьбе с буржуазной историографией, особенно искаженно изображавшей эту революционную эпоху в истории Германии, Маркс и Энгельс впервые создали подлинно научную концепцию реформации и крестьянской войны. Некоторые важнейшие моменты этой концепции были заложены Марксом и Энгельсом еще в их ранних работах¹. Энгельс разработал и на широком фактическом материале развернул эту концепцию в своей замечательной работе „Крестьянская война в Германии“, написанной в 1850 году. Эта концепция получила затем дальнейшее развитие в других работах Маркса и Энгельса, в особенности в известной статье Энгельса „Об историческом материализме“—предисловии к английскому изданию „Развития социализма от утопии к науке“.

Исходя из опыта первой русской революции и обращаясь к анализу исторического опыта революций старых времен, данному Энгельсом в этой статье, В. И. Ленин углубил марксистское понимание реформации и крестьянской войны в Германии и развил далее выводы Энгельса о решающей роли народных масс в буржуазных революциях.

Известно, что интерес к истории реформации и крестьянской войны, имевшей актуальное значение для немецкого (и не только немецкого) рабочего движения, Энгельс сохранил до конца своей жизни. Он хотел выпустить новое, переработанное издание „Крестьянской войны в Германии“ и еще в одном из своих последних писем в 1895 году мечтал: „...только бы дошли до этого руки!..“². Энгельсу не удалось осуществить своего намерения, но он продолжал работать над этими вопросами. Его подготовительные наброски опубликованы в X томе „Архива“. Они имеют неоценимое значение для уяснения марксистской концепции реформации и крестьянской войны.

Развивая свои взгляды в этом вопросе, Энгельс с предельной лаконичностью формулирует здесь некоторые коренные положения, которые углубляют и уточняют марксистское понимание исторической сущности реформации и крестьянской войны в Германии. В их свете еще богаче и полнее раскрывается смысл предшествующих работ и высказываний основоположников марксизма по этим вопросам. Не подлежит сомнению, что без учета важнейших положений, содержащихся

¹ См. К. Маркс, К критике гегелевской философии права; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том I; Ф. Энгельс, Прогресс движения за социальную реформу на континенте,—там же, том II; Ф. Энгельс, Положение в Германии, там же, том V.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 489, 490.

в „Заметках о Германии“ и „Заметках о реформации и крестьянской войне в Германии“ Энгельса, нельзя понять существования классовой борьбы в Германии начала XVI века.

Настоящая статья является попыткой рассмотреть некоторые существенные моменты марксистской концепции реформации и крестьянской войны в Германии.

Нет необходимости доказывать, что четкое уяснение марксистско-ленинской концепции реформации и крестьянской войны в Германии является непременным условием правильного решения и освещения всех отдельных проблем, относящихся к данному вопросу.

1

Эпоха реформации привлекала к себе внимание основоположников марксизма как один из наиболее революционных моментов в историческом прошлом Германии. Свою классическую работу в этой области—„Крестьянская война в Германии“ Энгельс начинает прославлением той революционной традиции, которую завещала немецкому народу эта эпоха:

„Немецкий народ также имеет свою революционную традицию. Было время, когда Германия выдвигала характеры, которые можно поставить рядом с лучшими революционерами других стран, когда немецкий народ развивал такую энергию и выдержку, которые у централизованной нации привели бы к самым блестящим результатам, когда немецкие крестьяне и плебеи носились с идеями и планами, которые довольно часто приводили в содрогание и ужас их противников“¹.

Но, с другой стороны, мы встречаемся у Энгельса с иной оценкой. Во введении к „Диалектике природы“ Энгельс пишет:

„Современное исследование природы... как и вся новая история, ведет свое летосчисление с той великой эпохи, которую мы, немцы, называем, по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью, реформацией...“². На первый взгляд может показаться, что эти характеристики взаимно отрицают друг друга. Но — только на первый взгляд. Внимательное рассмотрение вопроса покажет органическое единство обеих этих оценок, глубокую цельность, последовательность и стройность взглядов Маркса и Энгельса на реформацию и крестьянскую войну в Германии. Эти характеристики выражают глубокую внутреннюю противоречивость самого объекта рассмотрения, самой реформации. В правильном понимании этих двух оценок — ключ ко всей концепции реформации у Маркса и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том VIII, стр. 115.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, 1948, том II, стр. 51.

Энгельса, к более глубокому раскрытию социальной сущности и взаимосвязи важнейших явлений этой революционной эпохи в позднесредневековой истории Германии.

Чтобы раскрыть глубокий смысл этих энгельсовских характеристик реформации, необходимо прежде всего выяснить, как смотрел Энгельс на соотношение между реформацией и крестьянской войной.

Известно, что буржуазные историки, особенно лютеранского направления, всячески стараются разделить эти два явления, противопоставить их друг другу. С их точки зрения, реформация ограничивается „высокой“ областью теологических споров, культовых нововведений и церковных реформ. Что же касается крестьянской войны, то это — „мятеж“, революция, нечто, прямо противоположное реформации, но случайно совпавшее с нею и только помешавшее ее мирному осуществлению. Стараясь всячески откrestиться от революции, отвести малейшее подозрение в отношении связи лютеровской реформы с крестьянской войной, буржуазные историки лютеранского толка, как известно, особенно настойчиво развивали эту точку зрения в споре со своими католическими коллегами¹.

Как ни странно, указанная точка зрения находит еще известное отражение и в работах советских историков по этому вопросу. Разумеется, здесь нет и не может быть речи о крестьянской войне как о „мятеже“, помешавшем осуществлению реформации. Но и здесь — революция это только крестьянская война. Реформация же — это только теологические, социально-этические споры, вообще явление из области чисто идеологической. Реформационное движение, и даже в среде народных масс, еще рассматривается порой как движение в пределах религиозного сознания. Естественно, что при таком понимании крестьянская война отрывается от реформации и противопоставляется ей.

В своей вышеназванной монографии М. М. Смирин именно в этом смысле истолковывает известное высказывание Энгельса о трех крупных решающих битвах европейской буржуазии

¹ Здесь нет необходимости подробно доказывать, что не менее своих оппонентов искажали подлинную картину и католические историки реформации, утверждавшие, что крестьянская война была детищем Лютера. Несомненно, что выступление виттенбергского монаха само было следствием той накаленной атмосферы, той разгоравшейся классовой борьбы в предреформационной Германии, в которой важнейшей определяющей силой являлась нарастающая антифеодалная борьба немецкого крестьянства. Как много должно бы дать изучение борьбы крестьянства перед реформацией — не в качестве борьбы крестьян только, а в качестве важнейшей движущей силы всей общественной борьбы! И католическая и лютеранская „точки зрения“ — лишь две разновидности буржуазной фальсификации истории реформации и крестьянской войны в Германии.

против феодализма¹. Автор прямо утверждает, что Энгельс и Ленин считали крестьянскую войну первым актом европейской буржуазной революции², тогда как и Энгельс и Ленин в этих случаях говорят о реформации или—о реформации и крестьянской войне. Крестьянскую войну М. М. Смирин рассматривает, как нечто, возникшее „на фоне“ реформации³.

Как следует понимать это последнее выражение? Трудно допустить, чтобы автор усматривал здесь генетическую связь: идеи реформации (а он, очевидно, к реформации относит только идеологические явления) породили крестьянскую войну. Тогда остается одно понимание: совпадение двух различных явлений. Но в таком случае крестьянская война возникла „на фоне“ и мюнцеровской идеологии (она-то, несомненно, относится к реформации), лишь совпала с нею.

Неприемлемость такого толкования очевидна. Если к реформации относятся только идеологические явления, то учение Мюнцера—это реформация, а крестьянская война—это революция! И Мюнцер, вождь и идеолог крестьянско-плебейского лагеря, действительно оказывается, при таком толковании, в некоем „лагере реформации“⁴. Тогда-то Мюнцер, и его учение противоестественно отрываются от непосредственной антифеодальной борьбы народных масс, в чем, с полным основанием, М. М. Смирин усматривает общую черту всей буржуазной историографии⁵.

Идеология Мюнцера (часть „реформации“), вне всякого сомнения, стоит гораздо ближе к крестьянской войне, к непосредственной революционной борьбе народных масс, чем к идеологии Лютера. С крестьянской войной, с борьбой крестьянства и плебейства учение Мюнцера связано органически, неразрывно. Но что же тогда остается от „фона“? Только учение Лютера, к которому и сводится вся реформация. Но в таком случае автор, рассматривающий народную *реформацию* Томаса Мюнцера, приходит в неразрешимое противоречие с самим собой.

Выделение крестьянской войны из реформации приводит к толкованию борьбы крестьян как дела чисто крестьянского, постороннего и даже чуждого основному общественному движению времени, и необходимо ведет к принижению истори-

¹ См. М. М. Смирин, Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война, 1947, стр. 218—219.

² См. там же, стр. 3, 515.

³ См. там же, стр. 218—219. Такой тезис выглядит тем более странно, что несколькими строками выше автор утверждает: „В событиях 1524—1526 гг., в развернувшихся активных действиях народа Мюнцер, как это следует из его переписки того времени, видел осуществление социального преобразования, которое, по его мнению, составляло сущность реформации“, стр. 218.

⁴ См. там же, стр. 516.

⁵ См. там же, стр. 515.

ческой роли этой борьбы. В действительности антифеодальная борьба крестьян составляла подоснову, стержень и решающую силу всего того большого общественного движения, которое вошло в историю под именем реформации.

Но обратимся к Энгельсу. Как он решал вопрос о соотношении между крестьянской войной и реформацией? В подготовительных заметках к рукописи „О разложении феодализма и развитии буржуазии“, опубликованных в X томе „Архива Маркса и Энгельса“ под условным названием „О реформации и крестьянской войне в Германии“, Энгельс высказывается на этот счет с исчерпывающей четкостью и определенностью.

Вот что мы здесь читаем:

„Реформация,—лютеранская и кальвинистская,—это буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода“¹.

В этой лаконичной формуле—коренной пункт цельной концепции реформации и крестьянской войны в Германии, концепции, принципиально противоположной воззрениям буржуазных историков всех толков. Реформация, с точки зрения Энгельса,—это не только догматические споры и церковные преобразования, это—все общественное движение, взятое в целом, это—ранняя буржуазная революция. Крестьянская война не есть нечто постороннее, лишь „совпадающее“ с реформацией, „возникшее на ее фоне“. Борьба крестьянства и плебейства была стержнем всей общественной борьбы. Крестьянская война явилась кульминационным пунктом ранней буржуазной революции в Германии—так называемой реформации.

Неверно было бы думать, что приведенное определение является чем-то совершенно новым у Энгельса, что оно стоит особняком среди других его работ и высказываний по этому вопросу. Достаточно внимательно вчитаться в эти работы и высказывания, чтобы убедиться, что Энгельс всюду рассматривает вопрос с одних и тех же позиций (в приведенном определении они лишь формулированы с наибольшей четкостью), что у Энгельса и, как дальше увидим, у классиков марксизма-ленинизма вообще имеется единая стройная концепция реформации и крестьянской войны в Германии.

В известной статье „Об историческом материализме“ (Введение к английскому изданию „Развития социализма от утопии к науке“), которую В. И. Ленин ценил очень высоко, как замечательно глубокую и богатую мыслями², Ф. Энгельс ставит реформацию в Германии в один ряд с другими буржуазными революциями:

¹ „Архив Маркса и Энгельса“, том X, стр. 356.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 43.

„Великая борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения в трех крупных решающих битвах.

Первой была так называемая реформация в Германии¹.

Примечательно, что Энгельс говорит о „так называемой реформации“. Имя „реформация“ укоренилось за ранней буржуазной революцией в Германии. Но это, тем не менее, была настоящая буржуазная революция: борьба против феодализма, таков ее подлинный смысл.

Итак, первым актом буржуазной революции в Европе была реформация в Германии. Энгельс не говорит: крестьянская война. И это вполне понятно, так как самое понимание реформации у Энгельса коренным образом отличается от буржуазного. Это не только лютерова теологическо-церковная реформа, это—вся революция, в которой Великая крестьянская война была важнейшим событием, высшей точкой подъема. Вслед за приведенной выдержкой идет то известное место, где Энгельс в самых сжатых словах дает картину подъема и спада революции. Он указывает на нерешительность немецкого бюргерства как на важнейшую причину поражения крестьянского восстания и подчеркивает решающее значение этого поражения для исхода всей революции: „С этого момента борьба выродилась в грызню между отдельными князьями и имперской центральной властью и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы“².

Для Энгельса реформация в Германии—явление однотипное с английской буржуазной революцией XVII века. Эту мысль он развивает, анализируя в той же работе „второе крупное восстание буржуазии“³. Точно так же и в „Людвиге Фейербахе“ Энгельс рассматривает революцию XVII века в Англии как „второй акт буржуазной революции“, тогда как первым была „так называемая реформация“ в Германии⁴.

Таким образом, в отношении социальной сущности этих двух больших исторических событий Энгельс ставит в один ряд реформацию XVI века в Германии и революцию 40-х годов XVII века в Англии.

Как известно, анализ исторического опыта германской реформации, английской революции XVII века и французской революции XVIII века—позволил Энгельсу сделать очень важные обобщения относительно роли народных масс в буржуазных революциях:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, 1948, том II, стр. 94.

² Там же.

³ См. там же, стр. 95.

⁴ См. там же, стр. 379—380.

„Оригинальное явление: во всех трех великих буржуазных революциях боевой армией являются крестьяне... Для того чтобы буржуазия могла получить хотя бы те только плоды победы, которые тогда уже вполне созрели для сбора, необходимо было довести революцию значительно дальше этой цели; ... Повидимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества“¹.

Впоследствии В. И. Ленин указывал, что наблюдения и обобщения Энгельса блестяще подтвердились в русской революции 1905 года².

С той же точки зрения Энгельс подходит к рассматриваемому вопросу и в основной работе—„Крестьянская война в Германии“.

Известно, что эта замечательная работа Энгельса отнюдь не была плодом отвлеченного академического интереса. Как указывал сам Энгельс, она была написана „под непосредственным впечатлением только что завершившейся контрреволюции“³.

Буржуазная революция 1848 года в Германии потерпела поражение. Нужно было глубоко проанализировать ее опыт с тем, чтобы рабочий класс мог извлечь необходимые уроки для своей дальнейшей борьбы. Но чтобы глубже осмыслить этот недавний опыт, Энгельс обращается к анализу событий, весьма отдаленных по времени, но во многом близких по существу,—к анализу опыта буржуазной революции, развернувшейся в Германии в начале XVI века, и решающего акта этой революции—Великой крестьянской войны. Антифеодальная направленность совершавшегося переворота сближает эти столь отдаленные друг от друга революционные события: „...противники, с которыми приходится вести борьбу, большей частью остались теми же самими“⁴.

Чрезвычайно важно, что и в этой работе Энгельс рассматривает крестьянскую войну не отдельно, а в тесной связи со всем общественным движением того времени—с реформацией. Книга Энгельса называется „Крестьянская война в Германии“, и крестьянская война занимает в ней центральное место. Но, в сущности,—это книга о реформации в целом⁵. Энгельс дает сжатую, но глубокую и точную характеристику предпосылок ранней буржуазной революции—

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, 1948, том II, стр. 95.

² См. В. И. Ленин, Соч., том 15, стр. 43.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. том XIII, ч. 1, стр. 368.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 115.

⁵ Из семи глав книги Энгельса первые четыре (несколько больше половины работы) посвящены выяснению социально-экономических предпосылок и анализу важнейших явлений общественной борьбы и ее идеологии перед и во время реформации—до крестьянской войны; и последние три главы—истории самой крестьянской войны.

ярко очерчивает экономическое состояние Германии накануне реформации, расстановку классовых сил, политические устремления различных классов и социальных слоев. Коренные социальные противоречия, с естественной необходимостью ведущие Германию в начале XVI века к антифеодальной революции, предстают со страниц книги во всей своей силе и остроте. С помощью блестящего анализа социальной сущности различных еретических движений средневековья, и прежде всего коренного противоречия между бюргерской и крестьянско-плебейской ересью, Энгельс показывает внутреннюю связь борьбы классов и партий в период реформации с классовой борьбой на протяжении всего средневековья. Первая выступает как продолжение и высшее развитие второй.

Особенно подробно Энгельс рассматривает борьбу немецкого крестьянства перед реформацией, тем самым подчеркивая ее важнейшее значение в подготовке революции, показывает Лютера и Мюнцера как представителей двух противоположных классовых группировок — лагерей в революции и с полным основанием выводит на первый план крестьянскую войну 1525 года. Рассматриваемое не изолированно, а в неразрывной связи со всеми важнейшими явлениями эпохи, великое восстание крестьян предстает как решающая сила и кульминационный пункт всей ранней буржуазной революции в Германии.

Такой подход к вопросу обнаруживается в работе Энгельса как в целом, так и в частности. Очень показательна в этом отношении данная Энгельсом характеристика эволюции Лютера:

„За период от 1517 до 1525 г. Лютер проделал те же превращения, которые проделали современные немецкие конституционалисты от 1846 по 1849 г. и которые проделывает всякая буржуазная партия, очутившаяся на время во главе движения и опережаемая в этом движении стоящей позади нее плебейской или пролетарской партией“¹.

Таким образом, Энгельс имеет в виду единый революционный процесс, в котором на отдельных этапах ведущую роль играют то буржуазия, то народные низы. На первом этапе во главе движения очутилась буржуазная партия — бюргерская оппозиция со своим лидером Лютером. В 1525 году восставшие крестьянско-плебейские массы оттесняют бюргерство на задний план и на некоторое время становятся руководящей силой революции. Несмотря на все попытки Лютера задержать взрыв народной борьбы, крестьянское восстание охватило большую часть страны и „...быстро переросло бюргерскую „благоразумную“ реформу“². Общественная борьба вылилась в открытую гражданскую войну. Революция поднялась на новую ступень.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 132.

² Там же, стр. 135. Показательно, что Энгельс рассматривает крестьянскую войну и лютеровскую реформу как противоположные по своей классовой сущности, но однотипные — политические — явления.

Давая характеристику требований бюргерской оппозиции, Энгельс, совершенно очевидно, имеет в виду бюргерскую оппозицию в реформации в целом, а не только в самой крестьянской войне¹. Ее позиция в крестьянской войне — лишь наиболее яркое проявление ее общей позиции в реформации.

Энгельс постоянно, можно сказать, на протяжении всей своей работы, проводит сравнение событий 1525 года с событиями 1848 года. Достаточно вчитаться в эти сравнения, чтобы видеть, что Энгельс имеет в виду не только самую крестьянскую войну, но всю группировку общественных сил, весь комплекс событий, всю социальную борьбу в реформации. В отдельных случаях он употребляет выражение „революция 1525 года“, но из всего контекста следует с несомненностью, что имеется в виду крестьянская война как важнейшее явление революции. Энгельс сравнивал буржуазную революцию 1848 года с ранней буржуазной революцией XVI века, в которой крестьянская война была кульминационным пунктом, самым ярким проявлением ее сущности.

В связи с этим, как отмечалось выше, особенное значение приобретает вопрос о борьбе немецкого крестьянства накануне реформации. Антифеодальная борьба крестьянства в Германии в конце XV—начале XVI века отнюдь не была, так сказать, чисто крестьянским делом. Она явилась важнейшей силой, подготовившей реформацию. Без учета этой силы нельзя понять возникновения и развития не только крестьянской войны, но и бюргерского движения.

Началом реформации принято считать выступление Лютера в 1517 году. И действительно, это выступление имело большое значение. По выражению Энгельса, оно подействовало „как удар молнии на бочку пороха“². Но эта „бочка пороха“ была уже давно подготовлена. Давно уже в Германии назревала революция. Перед нею стояли задачи буржуазного преобразования страны: ликвидация феодального землевладения и политической власти феодалов. К ней непосредственно примыкала другая насущно важная задача: политическое объединение страны. Решающей силой в нараставшей революции, наряду с плебейскими массами городов, выступало крестьянство, основной класс непосредственных производителей в тогдашней Германии, более всех других слоев общества страдавший от феодального гнета и княжеского деспотизма. Резко усилившаяся в конце XV—начале XVI века борьба немецкого крестьянства явилась важным фактором формирования революционной ситуации. „Бурно разлившийся уже тогда поток крестьянских волнений“³ будил Германию; он явился непосредственным прологом реформации.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 123.

² Там же, стр. 156.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том XXV, стр. 260.

Именно крестьяне в этих восстаниях ближе всего подошли к формулированию основных задач революции. Уже в движении 1476 года под руководством Ганса Бегайма выдвигаются требования отмены всех феодальных повинностей и в сущности — ликвидации феодального землевладения. Позднее „Башмак“ выдвигает требования секуляризации церковных имений в пользу народа и создания единой германской империи. Таким образом, важнейшие национальные задачи, которые должна была решить ранняя буржуазная революция Германии, в сущности первыми выдвинули крестьяне.

Не обошли крестьяне и плебеи и задачи борьбы с феодальной церковью. Но антикатолические требования в крестьянских программах, в отличие от позднейших, лютеровско-бюргерских, не носили всеподчиняющего характера и не имели первенствующего значения. В соответствии с действительными общественными отношениями, а также и с реальными интересами народных масс, антицерковные требования были здесь подчинены основным — социальным и политическим требованиям.

Одновременно с крестьянами юго-западной Германии, и еще решительнее их, перед реформацией снова и снова поднимали восстания крестьяне Штирии, Каринтии и Крайны. В 1515—1516 годах здесь разгорелась настоящая крестьянская война. К сожалению, эта борьба очень мало изучена, но несомненно, что активной силой в ней было многочисленное славянское крестьянство этих австрийских областей.

Таким образом, к моменту выступления Лютера значительная часть Германии была охвачена крестьянскими восстаниями.

„В то самое время, когда в Шварцвальде был подавлен четвертый заговор Союзного башмака, Лютер дал в Виттенберге сигнал к движению, которое должно было увлечь все сословия в водоворот событий и потрясти всё здание империи“¹.

Энгельс не случайно подчеркивает это совпадение. Небывалый подъем общественной, прежде всего крестьянской, борьбы явился той основой, на которой только и могло возникнуть выступление Лютера. Только на этой до крайности раскаленной почве оно могло сделаться тем, чем оно стало — не очередной „монашеской склокой“, а сигналом к огромному общественному движению. Лишь благодаря этому вокруг Лютера мог „в одну ночь“ сложиться союз всех оппозиционных элементов. „Разница заключалась лишь в том, что движение было теперь гораздо более всеобщим и глубоким, чем до Лютера...“² Лютер не породил того социального движения, которое получило имя реформации, он лишь дал к нему сигнал.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 156.

² Там же, стр. 157.

Реформация была подготовлена борьбой народных масс. И дело в ней шло не только о той или иной реформе церкви или догматики, но о свержении всего феодального порядка, о буржуазной революции.

Энгельс называет реформацию революцией немецкого бюргерства, но тут же подчеркивает, что „без имперского рыцарства и крестьянства ее невозможно было осуществить“¹. В известной полемике с Лассалем Маркс и Энгельс со всей убедительностью показали, что, хотя рыцарская оппозиция имела некоторое значение, решающей силой в революционных событиях того времени было крестьянство². Бюргерство могло победить только в союзе с ним. Но, как указывает Энгельс, „бюргерство не было еще достаточно сильно и развито, чтобы объединить под своим знаменем все прочие мятежные сословия — плебеев в городе, низшее дворянство и крестьян в деревне“³. Это явилось важнейшей причиной поражения революции. „Прежде всех потерпело поражение дворянство; тогда поднялось крестьянское восстание, представляющее собой высшую точку всего этого революционного движения. Но города не поддерживали крестьян, и революция была подавлена войсками владетельных князей, которые и воспользовались всеми ее выгодными последствиями“⁴.

Перед нами сжатая, но цельная картина единого процесса ранней буржуазной революции. Высшей точкой ее развития было выступление крестьян и плебеев — Великая крестьянская война. Поражение крестьян, преданных бюргерством, означало, вместе с тем поражение и всей революции. Потому-то, по выражению Энгельса, реформация осуществилась так „паршиво“⁵.

В. И. Ленин, подводя итоги революции 1905 года в статье „К оценке русской революции“, обращается к историческому опыту буржуазных революций прошлого и, в частности, к опыту реформации и крестьянской войны в Германии. Несмотря на такую значительную отдаленность во времени, В. И. Ленин считал возможным сопоставить русскую революцию 1905 года с буржуазными революциями XVI, XVII и XVIII веков. Более того, подчеркивая выдающуюся роль крестьянства в русской революции, В. И. Ленин указывает на эту особенность, как на черту, сближающую революцию 1905 года с этими революциями прошлого:

„Указанный нами особый характер русской буржуазной революции выделяет её из числа других буржуазных революций

¹ „Архив Маркса и Энгельса“, том X, стр. 344.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том XXV, стр. 251—252 и 258—262.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, том II, стр. 379.

⁴ Там же.

⁵ См. „Архив Маркса и Энгельса“, том X, стр. 344.

нового времени, но сближает её с *великими* буржуазными революциями старых времен, когда крестьянство играло выдающуюся революционную роль“¹.

При этом В. И. Ленин совершенно ясно указывает, какие революции старых времен он имеет в виду. Обращаясь к данному Энгельсом анализу опыта прежних революций (статья Энгельса „Об историческом материализме“ — предисловие к английскому изданию „Развития социализма от утопии к науке“), В. И. Ленин прямо поясняет в скобках: „реформация в Германии и крестьянская война XVI века; английская революция XVII века; французская XVIII века“².

Развивая выводы Энгельса, обогащая их на основе анализа исторического опыта русской революции, В. И. Ленин указывает, что „...только вмешательство крестьянства и пролетариата, „плебейского элемента городов“, способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию (если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX века безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство—ничто)“³.

Решающее вмешательство крестьянства и городского плебейства — вот что составляло силу буржуазных революций прошлого, в том числе и революции XVI века в Германии.

Таким образом, у В. И. Ленина мы видим ту же концепцию реформации как буржуазной революции, в которой крестьянская война была неотъемлемой составной частью, важнейшим моментом.

В реформации в Германии со всей силой проявилась та решающая роль крестьянства в буржуазной революции, которая позволила И. В. Сталину определить буржуазную революцию как революцию крепостных крестьян, направленную на то, чтобы ликвидировать крепостников и отменить крепостническую форму эксплуатации⁴.

II

Чёткому уяснению марксистско-ленинского понимания реформации и крестьянской войны в нашей исторической литературе еще мешают остатки представлений о реформации как о чисто-религиозном, во всяком случае—идеологическом явлении. Представления эти идут от буржуазной историографии.

1 В. И. Ленин, Соч., том 15, стр. 43.

2 В. И. Ленин, там же. Как видим, В. И. Ленин говорит о реформации и крестьянской войне, а не о крестьянской войне только, как это утверждает М. М. Смирин. См. М. М. Смирин, ук. соч., стр. 3.

3 В. И. Ленин, там же, стр. 43—44.

4 См. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 412.

Они удивительно живучи, хотя уже Энгельс, как известно, решительно выступал против такой трактовки реформации:

„...ходячая историография,— писал он в „Людвиге Фейербахе“,— уже достаточно затемнила нам, особенно в Германии, понимание великих исторических классовых битв, и нам нет надобности делать его совершенно невозможным, превращая историю этой борьбы в простой придаток к истории церкви“¹.

Энгельс, как известно, указывает, что в эпоху реформации классовая борьба носила теологическую оболочку. Но отсюда отнюдь не следует, что она ограничивалась этой оболочкой, что к реформации относится только то, что не выходило за рамки теологии. Это значило бы повторять худшие заблуждения изучаемой эпохи. „Эти идеологи,— писал Энгельс о буржуазных историках реформации,— достаточно легковжны для того, чтобы принимать за чистую монету все иллюзии, создаваемые эпохой или идеологами этой эпохи относительно нее самой“².

Это легковерие не было чем-то случайным. Оно питалось классовыми интересами буржуазии так же, как в свое время и самые эти иллюзии. Немецкое бюргерство XVI века не желало решительной ломки феодального порядка. Поэтому его идеолог Лютер утверждал, что реформация— это только борьба с Римом, только реформа церкви и теологии. Немецкая буржуазия XIX и XX веков более всего боится народной революции, поэтому ее идеологи с полной преемственностью поддерживают и „научно обосновывают“ старую иллюзию их предков по классу: широкое общественное движение, открытая революционная борьба, охватившие Германию в первой половине XVI века, якобы не имеют никакого отношения к реформации; реформация— это только теологические раздоры.

Бюргерская реформация действительно прежде всего церковная и, у Лютера,— только церковная. Но бюргерской программой реформации не исчерпывалась вся реформация. Такое *pars pro toto* совершенно произвольно.

Бюргерская реформация была продолжением и развитием бюргерской ереси. Но последняя не была единственной ересью средневековья. Бок о бок и в постоянной борьбе с нею развивалась крестьянско-плебейская ересь, как подчеркивает Энгельс, „почти всегда соединявшаяся с восстанием“³. Это проистекало из самой сущности народной ереси. И здесь— водораздел между плебейской и бюргерской ересями. Но разве это дает основание для того, чтобы народную ересь, в отличие от бюргерской, вообще не считать ересью?

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, том II, стр. 361.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 127.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 130.

С точки зрения Энгельса, реформация по своей сущности отнюдь не была каким-то специфически церковным движением. То была борьба бюргерства против феодального дворянства, один из этапов этой борьбы.

„Когда это бюргерство достаточно окрепло, его борьба с феодальным дворянством, имевшая до тех пор по преимуществу местный характер, начала принимать национальные размеры. Первое крупное выступление произошел в Германии — так называемая реформация“¹.

Важно отметить, что во времена реформации самое это слово не имело специфически-церковного значения. Если церковные соборы XV века помышляли осуществить „реформацию всей церкви во главе и членах“ (*„reformatio totius ecclesiae in capite et in membris“*), то, с другой стороны, это же слово в то время широко применялось к явлениям отнюдь не церковным. „Реформациями“ назывались неоднократные в XV веке законодательные попытки императорской власти ограничить политическую самостоятельность князей, устаревший „земский мир“ и т. д., то есть ввести преобразования в политическом строе империи. Имя „реформаций“ носили весьма распространенные в то время проекты более или менее радикальных политических и социальных преобразований, исходившие из оппозиционных кругов немецкого общества. Таковы известные „Реформация императора Сигизмунда“ и „Реформация Фридриха III“. Как бы ни был сложен и спорен вопрос о времени появления и авторах этих „Реформаций“, о их социальных кругах, чьи интересы в них отразились, несомненно, что в этих проектах разворачивается программа более или менее радикальной перестройки общественных и политических порядков тогдашней Германии. То же относится и к наиболее смелому проекту буржуазного преобразования в Германии, на какой оказалось способным немецкое бюргерство в ходе реформации, подталкиваемое революционной волной восставшего крестьянства, — к Гейльброннской программе, которая как известно, также называлась „реформацией“.

Очевидно, что самое имя „реформация“ прилагается к этим документам лишь постольку, поскольку оно непосредственно относится к тому социально-политическому переустройству, которое ими выдвигается.

Во всех проектах преобразований церковные вопросы нашли известное отражение, но они отнюдь не были определяющими ни в отношении содержания, ни в отношении названия этих документов. Об известной радикальности Гейльброннской программы можно говорить прежде всего постольку, поскольку церковные вопросы отодвинуты в ней, в сущности, да-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, том II, стр. 379.

леко на второй план, подчинены основным, политическим задачам.

Очевидно, что как перед реформацией, так и во время нее под этим именем подразумевались какие-то более или менее основательные преобразования в социальной и политической области, а отнюдь не специально в церковной.

Народные массы ожидали от реформации свержения ненавистного феодального гнета, они в сущности понимали ее как социальную революцию.

Но революционные силы в реформации потерпели поражение. Разгром восставшего крестьянства привел к торжеству княжеской реакции. Поражение крестьянства, этой важнейшей силы революции, означало поражение и бюргерской церковной реформы. Если она уцелела, то только потому, что князья были в ней заинтересованы и поскольку они были в ней заинтересованы. Она должна была поэтому принять форму мелочной сделки с католицизмом, оставаясь неуступчивой только в одном пункте: секуляризации церковных имений в пользу князей.

Но как бы то ни было, в такой ублюдочной форме она, лютеровская умеренная реформация, вышла „победительницей“. И немецкое бюргерство превознесло её как единственно подлинную реформацию. Всё, что не соответствует этой бюргерско-княжеской реформации, — то от лукавого.

В противоположность буржуазным историкам, Энгельс, говоря о реформации, имеет в виду прежде всего не то, что получилось в результате, не ту бюргерско-княжескую реформу, что утвердилась в итоге, а то огромное общественное движение, которое охватывало отнюдь не только бюргерство и решающей силой которого было крестьянство. Лютеровская церковная реформа — лишь часть этого общего движения, причём часть наиболее умеренная. Она была в действительности только политической программой немецкого бюргерства в реформации, отразившей его трусливость и классовую незрелость, его предательскую роль в ранней буржуазной революции. А „победа“ лютеровской церковной реформы означала жалкий, ублюдочный конец потерпевшей поражение революции.

Ранняя буржуазная революция в Германии несет на себе неизгладимый отпечаток теологичности. Вообще говоря, теологическое облачение классовой борьбы не является исключительной чертой германской реформации. И в Нидерландах в XVI веке, и в Англии в XVII веке буржуазия выступала против феодализма под религиозным знаменем. Такова общая черта ранних буржуазных революций. В этом проявилась незрелость буржуазии того времени, ее неспособность сбросить со своей революции религиозные одежды и придать ей „нерелигиозную, исключительно политическую форму, которая

одна только и соответствовала развитому состоянию буржуазии"¹.

Но нигде в ранних буржуазных революциях теологическая ограниченность не проявилась с такой силой и не привела к таким плачевным результатам, как в Германии. Маркс и Энгельс отмечали это неоднократно. Так, говоря о реформации, Маркс указывает: „...тогда революция началась в мозгу *монаха*“². В лаконичных „Заметках о Германии“ Энгельс подчеркивает: „Специфический богословско-теоретический характер немецкой революции XVI века. Преимущественный интерес к вещам не от мира сего“³.

В этом сжатом тезисе — объяснение коренной слабости буржуазной революции XVI века в Германии, ничтожности ее результатов. Дело не только в том, что все участвовавшие в революции классы и общественные слои в большей или меньшей степени выражали свои политические устремления в религиозной форме. Буржуазные революции в Нидерландах и Англии также совершались в религиозной оболочке, но не свелись к переменам только в области религии и церкви. Дело прежде всего в том, что немецкое бюргерство, его заскорузлое большинство, не решалось на сколько-нибудь радикальную ломку феодального строя, не желало переустройства общественных отношений, стремилось оставить „сей мир“ в неизменном виде. Поэтому оно проявляло необычайный интерес к вещам „не от мира сего“. Оно стремилось, чтобы реформация не пошла дальше этих „вещей“, чтобы революция ограничилась богословскими новшествами и церковными преобразованиями.

Косное большинство немецкого бюргерства, идеологом которого выступил Лютер, было готово к борьбе против церковного феодализма, но не помышляло о ликвидации феодального порядка в целом — о свержении политического господства феодалов, об отобрании их земельных владений. Феодальная собственность на землю составляла основу феодализма, и ее ликвидация была необходимым условием свободного развития новых экономических отношений. Но бюргерство само было причастно к эксплуатации крестьянства и более всего опасалось „мятежа“, открытого восстания народных масс против их угнетателей-помещиков и против той светской — княжеской власти, перед которой само благоговело. К немецкому бюргерству полностью относится та замечательно верная характеристика европейской буржуазии позднего средневековья, которую дает ей И. В. Сталин. Эта, еще незрелая как

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, том II, стр. 380, также 97.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. том I, стр. 352.

³ „Архив Маркса и Энгельса“, том X, стр. 345.

класс, буржуазия не признавала необходимости завоевания власти и не осмеливалась на революцию „...против королевской власти, милости которой она так высоко ценила, и против дворян, в ряды которых нередко мечтали попасть ее лучшие представители“¹.

Подобно молодой буржуазии других стран Европы в эту пору,—а может быть в еще большей степени,—немецкое бюргерство стремилось приспособиться к феодальным порядкам и к феодальным господам.

Между тем к началу XVI века Германия сделалась очагом острейших социальных и политических противоречий и средоточием огромной революционной энергии народных, прежде всего — крестьянских масс. Назревавшая здесь ранняя буржуазная революция должна была превратиться в широкую народную революцию. Но трусливое немецкое бюргерство не видело и не хотело видеть больших революционных и национальных задач, поставленных перед ним историей. Экономически незрелое, политически робкое, оно видело только ближайшего врага, олицетворявшего и заслонявшего собой весь феодальный строй — католическую церковь.

Устранение римского верховенства, замена расточительной, обременительной для бюргерства католической церкви церковью дешевой, то есть приспособление церкви к интересам буржуазии,— вот что, с точки зрения большинства немецкого бюргерства, должно было составить содержание реформации и исчерпать все ее задачи.

Как отмечалось выше, выступление Лютера в 1517 году имело большое значение. С самого начала оно было бюргерски-ограниченным, направленным только против церковного феодализма. Но борьба против католической церкви была в тогдашних условиях важнейшим составным элементом и необходимым первым шагом в борьбе против феодализма. По классическому определению Энгельса, в средние века „церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя“². Чтобы разрушить этот строй, нужно было прежде всего его развенчать—сорвать с существующих общественных отношений покров святости³. Вот почему, как указывает Энгельс, антифеодальные движения средневековья носили религиозный отпечаток. Задача прежде всего состояла в том, чтобы опрокинуть католическое вероучение, уничтожить монополию церкви в области идеологии. Такой идейный переворот должен был способствовать развязыванию антифеодальных сил, облегчить их натиск на самую твердыню феодальных общественных отношений.

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 560.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 128.

³ См. там же.

Но римско-католическая церковь была не только хранилищем феодальной идеологии, но и крупнейшей политической силой в феодальной Европе, особенно в условиях политически раздробленной Германии. Ее иерархия была составной и при этом очень важной частью всей феодальной иерархии, всего господствующего класса. Выступление против ее господства имело, таким образом, непосредственно политическое значение.

Более того, владея примерно одной третью всех земель в стране, церковь имела также большое экономическое значение. Будучи наиболее безжалостным эксплуататором зависимого крестьянства, особенно активным в деле его „вторичного закрепощения“, церковь в глазах народных масс олицетворяла собою самые худшие черты феодального угнетения. Ликвидация земельной собственности церкви должна была явиться ощутительным ударом по феодальному землевладению вообще, могла стать первым шагом к ликвидации феодальной собственности на землю — как церковной, так и светской. Борьба против католической церкви в этих условиях должна была стать наиболее популярным лозунгом, способным повести за собой самые широкие слои немецкого общества. Вот почему „...объявление Лютером войны католической иерархии привело в движение все оппозиционные элементы Германии...“¹.

Выступление Лютера, как указывает Энгельс², в сущности не выходило из пределов бюргерской ереси, не шло дальше требования дешевой церкви, но оно не исключало ни одного более радикального направления. Не позитивная программа Лютера, а самое его выступление против католической церкви сыграло революционизирующую роль. Духовная диктатура католической церкви была подорвана. В казавшейся прежде столь прочной и нерушимой крепости феодального господства была пробита первая значительная брешь, в которую устремились все оппозиционные силы. Широчайшие народные массы увидели в борьбе против церковного феодализма первый шаг к ликвидации всего феодального порядка.

Но в том то и дело, что дальше этого первого шага Лютер не желал идти. Для него борьба против феодализма исчерпывалась борьбой против церковного феодализма. Борьба эта была направлена не против господствующего класса в целом, но лишь против одной его фракции. Она не только не должна была явиться прологом к общей ликвидации феодального землевладения, к общей расправе со всеми феодальными угнетателями народа, но, наоборот, борьба против церковного феодализма должна была пойти на пользу другой части фео-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 161.

² См. там же, стр. 132.

дального класса, должна была способствовать укреплению политической власти князей.

Так, явившись сначала сигналом к общему выступлению, силой, на первом этапе объективно способствовавшей развязыванию антифеодальной борьбы, лютерова реформация затем должна была оказаться тормозом в развитии буржуазной революции. Энгельс указывает¹, что в ходе реформации в действительности имел место не столько „поворот“ во взглядах Лютера, сколько их „более точное определение“, более полное обнаружение классовой сущности лютеровской реформации перед лицом развертывавшейся народной борьбы против феодализма в целом.

Лютер и шедшее за ним бюргерство всячески стремились навязать массам свое, куцое понимание реформации, пытались сдерживать поднимавшиеся силы народной революции, загнать широчайшую антифеодальную борьбу масс в узкое русло умеренной церковной реформы. Поэтому замечание Энгельса о специфически богословско-теоретическом характере немецкой революции XVI века, о ее преимущественном интересе к вещам не от мира сего относится к бюргерской, лютеровской реформации. Народную реформацию, вылившуюся в крестьянскую войну, нельзя упрекнуть в „отвлечении от убогой действительности“. Но поскольку народная реформация была разбита соединенными силами реакции, а итогом революции явилась убудочная бюргерско-лютеровская церковная реформа, ее специфические особенности наложили неизгладимый отпечаток на всю реформацию и в большой мере определили характер дальнейшего развития Германии.

Несомненно, отмечая специфическую теологичность реформации Лютера, Энгельс имеет в виду не только теологическую форму его учения, а церковную ограниченность его программ. Показательно в этом отношении, что, рассматривая идейное развитие Мюнцера и отмечая, что на первом этапе „Мюнцер всё ещё оставался прежде всего теологом“, Энгельс тут же поясняет: „он всё ещё направлял свои удары почти исключительно против попов“². Таким образом, покуда Мюнцер не выходил за рамки борьбы против церковного феодализма, он оставался прежде всего теологом; когда же он возвысился до борьбы против феодального порядка в целом, хотя его учение и продолжало облекаться в теологический наряд, он уже, в сущности, не может рассматриваться как теолог по преимуществу. Лютер не возвысился и по своей классовой природе был неспособен возвыситься до борьбы против феодализма в целом,—это было ему органически чуждо. Поэтому, а не просто потому, что его учение облекалось в теологический костюм,—Лютер до конца остался теологом и только теологом.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 133.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 157.

Лютер старательно избегал постановки насущных социальных и политических задач. Но именно в этом проявлялся политический смысл его теологической доктрины как политической программы немецкого бюргерства в реформации.

Повышенный интерес лютеровской реформации к вещам не от мира сего имел совершенно определенную политическую направленность. Лютер и не помышлял о ликвидации феодального гнета, от которого страдали широчайшие массы немецкого народа. „Он столь же твёрдо верил в божественное право князей и помещиков топтать народ, как верил в Библию“¹. Лютеровская реформация была формой приспособления буржуазных интересов к княжескому абсолютизму. Трусливое и своекорыстное немецкое бюргерство понимало реформацию на свой, узко-эгоистический лад: оно хотело избавиться от слишком дорогой феодальной церкви, ложившейся на бюргерство дополнительным бременем, хотело приспособить ее культ к своему карману, понятиям и вкусам; ликвидировать феодальные порядки оно не собиралось — оно к ним приспособилось и в княжеской власти привыкло видеть скорее „благодетельницу“ и „защитницу“, чем врага; народ же должен был удовлетвориться „духовным освобождением“.

Но лютерова реформация не несла массам и духовного освобождения. Не допуская социального освобождения народа от феодального гнета, она не могла допустить и освобождения его сознания от пут религии, освящавшей этот гнет.

Лютеровы догматы об оправдании верой и о „священном писании“, как о высшем источнике истины, имели двоякий социальный смысл. Они подрывали авторитет католической церкви и ее феодальной иерархии. Но вместе с тем они были призваны укрепить авторитет религии. Поскольку старые общественные отношения в основе своей не должны были быть поколеблены и массы обязаны были попрежнему повиноваться своим господам, нужно было сохранить над ними власть религии, требовавшей покорности. Более того, поскольку надежная хранительница этой идеологии — старая феодальная церковь — должна была быть подорвана, надо было восполнить недостаток принудительной силы усилением авторитета самой религии, авторитета Библии. „С помощью Библии были освящены и княжеская власть божией милостью, и пассивное повиновение, и даже крепостное право“².

Это вполне соответствовало и экономическим интересам самой буржуазии, как эксплуататорского класса, который в процессе производства не нуждается во внеэкономическом принуждении, но тем более заинтересован в религии, как в средстве „для того, чтобы обрабатывать сознание своих есте-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том II, стр. 403.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 136.

ственных подданных и делать их послушными приказам хозяев, которых поставил над ними неисповедимый промысл божий¹.

И в этом вопросе со всей силой подтверждается правильность того краеугольного положения марксизма-ленинизма, что, в отличие от революции пролетариата, „...революции других классов, уничтожая лишь ту или иную форму эксплуатации, ограничивались рамками их узко-классовых интересов, находящихся в противоречии с интересами большинства общества“².

Борясь с римско-католической церковью, Лютер стремился усилить влияние религии: возвысить веру и непререкаемый авторитет „священного писания“.

Так старые, грубые религиозные пути были заменены более утонченными. Эту сторону лютеровской реформации необычайно ярко обличил Маркс:

„...Лютер победил рабство *по обету*, потому что на его место он поставил рабство *по убеждению*. Он разбил веру в авторитет, потому что реставрировал авторитет веры. Он обратил попов в мирян, потому что обратил мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, потому что сделал религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, потому что надел оковы на сердце“³.

Таким образом, специфическая теологичность лютеровой реформации определялась двумя теснейшим образом связанными между собой политическими устремлениями консервативного немецкого бюргерства: во-первых, ограничить антифеодальную революцию борьбой только против церковного феодализма; и, во-вторых, что вытекает из предыдущего, — сохранить и возвысить религию, как духовную узду для непокорных народных масс.

Вместе с тем специфическая теологичность лютеровой реформации была проявлением и мерилom ее бюргерской ограниченности. Эта церковная ограниченность и умеренность лютеровско-бюргерской реформы делали ее вполне приемлемой для князей, увидевших в ней средство для захвата богатейших церковных земель и орудие укрепления своей власти. А союз с князьями содействовал еще большей умеренности лютеровской реформы, ее дальнейшей эволюции вправо.

Крестьянская война с предельной ясностью обнаружила подлинную сущность лютеровско-бюргерской реформации. Именно предательское поведение бюргерства, как указывает Энгельс, явилось важнейшей причиной поражения крестьян.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, том II, стр. 96.

² И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 50

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том I, стр. 393.

Что же касается Лютера, то он открыто взял на себя роль главного вдохновителя кровавых карателей-князей на „благочестивое“ дело истребления восставших. В своей ненависти к народу он едва ли не превзошел самих князей. Энгельс четко формулирует существо позиции бюргерства в крестьянской войне: когда поднимаются крестьяне, „бюргеры,— подчеркивает Энгельс,— *прямо выступают против них*“¹.

В страхе перед народной революцией бюргерство готово было отречься даже от той скупой церковной реформы, которую оно само выдвигало. К тому же, выступая против восставшего крестьянства, бюргерство лишало свою реформу той единственной силы, которая могла ее поддержать и отстоять. В результате ограниченная бюргерская реформация была, по выражению Энгельса, кастрирована в угоду князьям. Реформация вступила в последнюю фазу. Началось подавление революции, спад революционной волны.

Руководящую роль на этом этапе, как указывает Энгельс², захватывают князья, которые приспособляют бюргерскую церковную реформу к своим интересам и извлекают из нее все выгоды. В страхе перед народными массами лютеровско-бюргерская „реформация“ спешит приспособиться к княжеской реакции. С этого времени она вырождается в мелочное торгашество по поводу отдельных обрядов и догматов и становится послушным орудием княжеского абсолютизма и сепаратизма.

Таким образом, поскольку Лютер не желал идти с народными массами на свержение феодального гнета, он должен был стать апологетом светской власти, княжеским холопом. По той же причине его программа в реформации должна была стать специфически богословской.

Итак, умеренная церковная реформа была политической программой большинства немецкого бюргерства в реформации. И не только в том смысле, что в силу условий эпохи немецкое бюргерство ещё формулировало свои интересы в религиозной форме. Очень важно другое: поднимаясь на борьбу против феодальной католической церкви, бюргерство, шедшее за Лютером, только этой борьбой и ограничивалось. Стремясь разрушить католическую церковь, этот универсальный оплот феодальной системы, оно не собиралось разрушать самую систему. Более того, оно не желало допускать такого разрушения со стороны масс. Теологичность лютеровско-бюргерской реформации должна была отвлечь массы от земных дел, от ликвидации феодального гнета и княжеского самовластья, должна была ограничить размах антифеодальной революции, сведя ее лишь к борьбе против церковного феодализма. В

¹ „Архив Маркса и Энгельса“, том X, стр. 344.

² См. там же.

церковной ограниченности заключалась политическая направленность той программы, которую выдвинуло в реформации немецкое бюргерство. Специфическая теологичность лютеровской реформации была отражением его трусливой, предательской позиции в революции.

Эта теологичность бюргерской реформации была враждебна народным массам. Она явилась тормозом в революции. Она не смогла предотвратить открытого революционного выступления масс, но в огромной степени способствовала его поражению. Тем самым она загубила и все дело ранней буржуазной революции в Германии. К. Маркс показал самую суть коренного противоречия реформации в Германии, утверждая: „...Крестьянская война, этот самый радикальный факт немецкой истории, разбилась о теологию“¹.

Поражение крестьянства и победа бюргерско-княжеской реформации имели для Германии губительные последствия. Имея в виду раболопное приспособление бюргерской реформации к интересам княжеской власти, Энгельс с полным основанием отмечает: „...лютеранская реформация вырождалась, ведя эту страну к гибели...“².

Действительно, ни одна из коренных задач, стоявших перед буржуазной революцией в Германии, не была разрешена. Более того, старое зло еще усугубилось. Бюргерская реформация помешала немецкому крестьянству расправиться со своими угнетателями — феодальными сеньёрами. Феодальное землевладение не было ликвидировано. После разгрома крестьянского восстания помещики сделались полновластными господами жизни и имущества крестьян. Барщинная эксплуатация усилилась. Развернулось, начавшееся еще в конце XV века, так называемое „второе закрепощение“. „С этого момента вновь началось всеобщее преобладание крепостничества среди германских крестьян“³. Оно охватило также и районы, не принимавшие участия в крестьянской войне. „Не успели крестьяне на северо-востоке Германии принять лютеранство, как они были из состояния свободных людей низведены до состояния крепостных“⁴.

Новые производственные отношения — этот главный двигатель дальнейшего развития производительных сил — не возобладали, и производительные силы Германии еще в течение трех столетий прозябали в оковах старых крепостнических производственных отношений. Выключение Германии со второй половины XVI века из мировой торговли могло лишь усугубить это прозябание.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том I, стр. 393.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, том II, стр. 380.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том XV, стр. 641.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, том II, стр. 94.

Ранняя буржуазная революция в Германии имела одной из важнейших своих задач также действительное политическое объединение страны. Специфически-богословская, послушная князьям лютерова реформа стала величайшим препятствием в осуществлении этой задачи.

„Немецкое бюргерство,— пишет Энгельс в „Заметках о Германии“,— совершило свою революцию... Но как паршиво!...“¹ Рассматривая причины, помешавшие объединению Германии в конце средневековья, Энгельс прежде всего указывает на ублюдочную лютеровскую реформацию.

Бюргерско-княжеская церковная реформа была лишь карикатурой на реформацию. Она помешала осуществить то объединение страны, о котором столетиями мечтал немецкий народ, и самой энергичной и реальной попыткой осуществить которое в то время была Великая крестьянская война 1525 года.

Поражение крестьянского восстания, преданного бюргерством, и „победа“ лютеранства означали усиление и закрепление раздробленности Германии. „С тех пор на целых три столетия Германия исчезает из среды наций, самостоятельно и активно действующих в истории“².

В XVI веке политическая раздробленность была уже явлением нетерпимым, крайне опасным для дальнейших судеб немецкого народа. Лютеровская реформа, усилив князей и ослабив Германию, способствовала превращению страны в объект захватнической политики ее сильных соседей — централизованных феодально-абсолютистских государств, явилась источником бесчисленных страданий немецкого народа. Аугсбургский религиозный мир, это ублюдочное порождение реформации, явился прологом к Тридцатилетней войне.

Внутригерманские причины Тридцатилетней войны, которая довела страну до полного упадка, уходят, таким образом, своими корнями в поражение ранней буржуазной революции в Германии.

Национальное несчастье Германии состояло в том, что великое крестьянское восстание потерпело поражение и итогом реформации — ранней буржуазной революции — явилась жалкая бюргерско-княжеская церковная реформа.

III

Думается, что только при таком понимании этой оценки может быть правильно понята вся цельная марксистско-ленинская концепция реформации и крестьянской войны в Германии.

Но этим определяется постановка и ряда других существенных вопросов истории реформации в Германии, таких, как на-

¹ „Архив Маркса и Энгельса“, том X, стр. 344.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, том II, стр. 379.

родная реформация и идеология народной реформации, истоки и развитие этой идеологии у Мюнцера, сущность противоречия между учением Мюнцера и учением Лютера и т. д. Постановка этих вопросов, например в книге М. М. Смирина, не может не вызвать известных возражений.

Прежде всего, реформация — это не только идеология.

Лютер хотел подменить социальную революцию „религиозной революцией“, ограничить антифеодальный переворот реформой церкви и теологии. Поражение народной революции имело своим результатом, что были закреплены перемены только в этой, церковно-теологической, области. Всё, что, так сказать, осталось от революции, были явления по преимуществу идеологического свойства. Буржуазные историки, желая вслед за бюргерством XVI века выхолостить революционное, социальное значение реформации, стремятся свести её только к идеологическим вопросам. Но лютерово учение не есть реформация, а только бюргерская идеология реформации, политическая программа бюргерства в ранней буржуазной революции.

Одновременно и учение Мюнцера не есть вся народная реформация, иначе говоря — народная революция, которая в тех условиях необходимо облекала свою идеологию в теологический наряд, но которая совершалась прежде всего не в идеологической области, а в открытой антифеодальной борьбе. Народная реформация — это прежде всего непосредственный революционный натиск народных масс в буржуазной революции XVI века. Учение же Мюнцера, по выражению Энгельса, — это „теоретическое выражение“ борьбы плебейских и крестьянских масс¹, то есть программа и тактика народной борьбы в ранней буржуазной революции в Германии.

Нельзя поэтому рассматривать дело таким образом: учение Мюнцера — народная реформация — сложилось на основе переработки идейного материала предшествующих еретических учений, то есть является результатом чисто идейного творчества, затем, когда назрела и развернулась борьба крестьянства, Мюнцер определённым образом отнесся к ней и применил к ней свои, независимо от нее выработанные, социально-этические принципы.

Вырабатывая идеологию народной реформации, Мюнцер, несомненно, переработал тот идейный материал, который был накоплен предшествующим развитием радикальной еретической мысли. Но идеология народной реформации, как уже было сказано, это прежде всего политическая программа, наиболее полно выражавшая интересы народных масс в буржуазной революции XVI века. Поэтому учение Мюнцера следует выводить не из его более или менее близких идейных предшест-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том XXV, стр. 260.

венников, а прежде всего из реальных общественных потребностей, из тех социальных задач, которые стояли перед ранней буржуазной революцией в Германии, из борьбы масс, и в первую очередь крестьянства, перед реформацией и во время неё. Антифеодалная борьба народных масс была той социальной подосновой, на которой только и могла возникнуть и развиваться мюнцеровская идеология народной реформации.

Несомненно, что учение Мюнцера, каким оно выступает к моменту наивысшего подъема крестьянской войны, явилось не просто результатом применения к крестьянской войне ранее выработанных Мюнцером теологических принципов, их конкретизацией, а итогом развития взглядов Мюнцера под влиянием борьбы крестьянства и самой крестьянской войны. В сущности, то было наиболее яркое выражение великого крестьянского восстания в идеологии. Это, разумеется, отнюдь не означает, что идеи Мюнцера только „отражали“ борьбу народных масс Германии. Безусловно, они явились огромной организующей и мобилизующей силой в этой борьбе, активно помогали развёртыванию революционной энергии масс. Но эту роль они смогли выполнить только потому, что наиболее верно, последовательно и полно для своего времени выразили насущные потребности борющихся масс, коренные задачи развёртывавшейся в Германии ранней буржуазной революции.

Но не только идеология Мюнцера 1525 года, а и его социально-этические взгляды более раннего периода, когда он еще оставался теологом, не были плодом чисто идеологической, мыслительной деятельности, возникшим в стороне, независимо и до революционной борьбы масс эпохи реформации. Поскольку это были радикальные социально-этические взгляды, заключавшие в себе идею активного преобразования существующего миропорядка, то есть поскольку они содержали в себе революционное зерно, — постольку они отражали нараставшую антифеодалную борьбу народных масс. В то же время, поскольку это были теологические взгляды, поскольку социальные требования крестьянства и плебейства, реальные задачи антифеодалной революции не получили еще в них адекватного выражения и ясной формулировки, поскольку их революционное зерно было скрыто и затемнено религиозно-мистической оболочкой, — постольку они отражали неразвитость, слабость, ограниченность борьбы масс перед и в начале реформации.

Идеология Мюнцера развивалась вместе с подъемом борьбы масс. Энгельс указывает, что, по мере того как нарастало возбуждение народа, идеи Мюнцера становились все смелее, определеннее и резче¹.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том VIII, стр. 137.

Очевидно, было бы вернее рассматривать религиозно-этические взгляды Мюнцера и его отношение к крестьянской войне не как „применение“ социально-этических принципов к реальной борьбе масс и не как „конкретизацию“ этих принципов, а как развитие мюнцеровской идеологии в связи с крестьянской войной, как новый, более высокий этап развития идеологии народной реформации. Насколько бы обогатились наши представления о народной реформации и ее идеологии, если бы удалось показать рост этой идеологии, развитие учения Мюнцера вместе с развитием революционной борьбы масс перед реформацией и во время реформации.

Вместе с тем мюнцеровская идеология развивалась в борьбе с идеологией лютеровско-бюргерской. Они принципиально враждебны, как два противоположные направления в революции, которые они представляли. Правда, и тут и там классовые интересы выступают в теологической оболочке.

Но как понимать „религиозную оболочку“? Одно дело — идея полного социального переустройства в религиозном облачении, другое — идея чисто церковной реформы в подобном же облачении. И у Лютера и у Мюнцера религиозная оболочка их учений обусловлена особенностями эпохи. Но у Лютера теологична не только форма, — все его учение насквозь теологично и церковно ограничено. А это объясняется уже не общими чертами эпохи, а особенными чертами немецкого бюргерства, его политической позицией в ранней буржуазной революции. Несомненно, что за религиозной оболочкой скрывались классовые интересы, политические программы. Но в одном случае политическая программа лишь облекалась в богословскую терминологию, тогда как в другом она сводилась только к теологическо-церковным преобразованиям. Вот где коренной водораздел между теологией Лютера и теологией Мюнцера.

Революционная идеология Мюнцера в силу условий эпохи облекалась в религиозную оболочку. Но по мере развития этой идеологии, по мере того, как всё четче формулировалась идея коренного социального переворота, оболочка эта становилась всё более тонкой и всё определеннее, непосредственнее выступали из неё реальные требования масс, задачи антифеодальной революции. Это способствовало углублению самой идеологии, более полному раскрытию её подлинного смысла, активизации её общественно-организующей роли.

Противоречие между Мюнцером и Лютером у М. М. Смириня остается противоречием в теологической сфере, тогда как это прежде всего противоречие в сфере политической. Очевидно, что „специфическая теологичность“ лютеровской реформации есть черта не теологическая, а политическая.

Не потому Мюнцер стоял за социальную революцию, что он определенным образом понимал веру или божественное

право, но именно потому, что, выражая коренные интересы народных масс, он стоял за антифеодальную революцию,—он определенным образом толковал эти теологические вопросы. Теологические идеи были не источником той или иной политики в реформации, но лишь отвлеченным выражением этой политики.

Основное противоречие между Мюнцером и Лютером состояло, таким образом, в принципиальной противоположности их политических программ в развертывавшейся в Германии ранней буржуазной революции. Мюнцер стоял за полную ликвидацию феодального порядка; Лютер же не желал, чтобы народ шел дальше ограниченной ломки старой феодальной церкви, и вместо реального переворота в общественной жизни стремился произвести лишь некоторую реформу в заоблачной сфере богословских доктрин.

Если Лютер разделял в своей теологии область религии и область мирской жизни, а Мюнцер их не разделял, то это лишь отражение того политического факта, что Лютер ограничивал сферу преобразующей деятельности реформации церковно-теологической областью, тогда как Мюнцер включал в эту сферу всю общественную жизнь; что Мюнцер желал полной ломки феодального общественного порядка, тогда как Лютер стремился только несколько приспособить его к потребностям бюргерства. Иначе говоря, анализ теологических доктрин предполагает раскрытие политических идей, которые составляли их существо и являлись отражением живой классовой борьбы.

В противном случае, покуда противоречие между Лютером и Мюнцером рассматривается только в теологическом плане, перед нами два теолога, различных, но теолога, и только. При таком рассмотрении Мюнцер наравне с Лютером оказывается повинным в увлечении „вещами не от мира сего“, в том, что ранняя буржуазная революция в Германии разбилась о теологию. Но этот упрек относится только к Лютеру, теологическая доктрина которого отвлекала массы от решения насущных задач реформации, была препятствием для развития революции. Учение же Мюнцера, хотя оно и затемнялось его религиозной формой, не было „специфически-теологическим“ и таким препятствием отнюдь не являлось.

Энгельс причисляет Мюнцера к тем славным борцам немецкого народа в прошлом, „которые сражались за реальные вещи, а не за иллюзии“¹. Учение Мюнцера было силой, организующей революционный натиск масс.

Главное состояло не в том, что Лютер был теолог, а в том, что он желал оставаться только теологом и требовал, чтобы борьба не выходила из пределов теологии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., том V, стр. 17.

Мюнцера и Лютера нужно рассматривать прежде всего не как представителей противоположных теологических учений, а как представителей противоположных политических направлений, противоположных партий.

Подведем некоторые итоги.

Крестьянская война есть неотъемлемая, органическая и притом важнейшая часть реформации в единственно правильном и цельном ее понимании как ранней буржуазной революции.

Отрыв крестьянской войны от реформации с необходимостью ведет к отрыву идеологии Мюнцера от непосредственной антифеодальной борьбы крестьян и плебеев, к буржуазному пониманию реформации как движения чисто теологического и притом — только лютеровского.

Именно деятельность Мюнцера, неразрывно соединявшая в себе ярчайшее идейное творчество своей эпохи с активной революционной борьбой, с непосредственным руководством антифеодальной войной масс, — является самым убедительным опровержением буржуазной идеи отрыва и противопоставления религиозно-идейной борьбы в качестве реформации и крестьянской войны в качестве революции.

Реформация — это сложный и многообразный, исполненный глубоких противоречий, *единый* процесс ранней буржуазной революции в Германии.

В раскрытии единства и коренной противоречивости этого процесса — сила стройной, монолитной концепции реформации и крестьянской войны у классиков марксизма-ленинизма. Только рассматриваемые с этих позиций, могут получить правильное освещение все большие и малые явления в истории ранней буржуазной революции в Германии XVI века.

Э. ПУТНЫНЬ

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ КАК НАУКИ И ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ КУРСА ПО ИСТОРИОГРАФИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

(Некоторые вопросы из введения к курсу историографии)

Прислужники империализма — представители реакционной буржуазной „науки“ всячески стремятся отравить сознание трудящихся эксплуатируемых народов растленной, насквозь продажной буржуазной идеологией. Они не гнушаются никакими средствами, чтобы лакейски послужить своим хозяевам, вплоть до наглой фальсификации истории всех времен и народов.

Долгом всех советских ученых, а историков как представителей общественных наук в особенности, является беспощадное разоблачение буржуазной идеологии и её историографии, — одного из острейших орудий в политической борьбе.

История наук, разрабатываемая советскими учеными по всем отраслям знаний, имеет весьма важное значение в общей сумме разнообразнейших проблем, исследуемых в настоящее время в соответствии с потребностями социалистического строительства.

Вопрос о необходимости создания курсов историографии ставится нашей центральной печатью. В редакционной статье „Вестника древней истории“ изучение историографии выдвигается перед советскими историками древности как задача, которая должна быть разрешена в течение ближайших лет, и ставится вопрос о необходимости издания специальных курсов историографии. „Было бы целесообразно, — говорится в статье, — чтобы эти курсы издавались сначала вузами и в ограниченном тираже, а затем путем отбора на основе широкого

обсуждения лучших из них выпускались бы центральным издательством“¹.

Проблема разработки вопросов историографии не снята с очереди и в настоящее время. Обсуждение учебников и учебных пособий по истории древнего мира, развернувшееся на страницах „Вестника древней истории“, подтвердило актуальность данной тематики с научно-политической точки зрения и показало, что советская историческая наука по истории древнего мира имеет в области историографии значительные пробелы, которые должны быть ликвидированы в ближайшем будущем.

Говорится об этом и в руководящем органе советских историков — в журнале „Вопросы истории“: „Большое значение для укрепления методологических позиций советской исторической науки имеет разработка истории самой исторической науки, проблемы историографии. Эти проблемы должны быть в центре внимания исторической литературы...“².

Путь написания учебных курсов по историографии, указанный „Вестником древней истории“, может быть одобрен. Для создания же фундаментального труда историографии рабовладельческого общества усилий одного автора недостаточно. Вопросы истории древнего мира разрабатывались в течение многих веков, в результате чего возникла необозримая литература, изучить которую под силу только большому коллективу историков. В этой связи мы полностью присоединяемся к автору работы „Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.“ М. А. Алпатову, который утверждает, что задача создания марксистской историографии может быть решена усилиями коллектива советских историков³.

1. Методологические основы курса историографии

Для создания краткого учебного пособия по историографии рабовладельческого общества необходимо положить в основу указания классиков марксизма-ленинизма. В трудах Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина содержится неисчерпаемое богатство научной мысли, освещающее сложнейшие научные вопросы, решение которых не под силу буржуазной лженауке.

Историография является мало разработанной областью из числа исторических дисциплин. Однако она приобретает исключительно большое значение в современных условиях классовой борьбы между социализмом и империализмом.

¹ Задачи научно-исследовательской работы в области древней истории в предстоящем пятилетии, В. Д. И., 1950 г., № 3, стр. 19.

² О некоторых важнейших задачах советских историков. Журнал „Вопросы Истории“, 1953, № 6, стр. 10.

³ М. А. Алпатов, Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в., 1949 г., стр. 3.

Трудности на пути исследования вопросов историографии могут быть преодолены единственно правильной марксистско-ленинской методологией. Классики марксизма-ленинизма учат подходить к общественным явлениям исторически. Применяя это указание к историографии, необходимо показать путь, пройденный наукой в процессе своего становления и развития. Историческая наука, как и другие исторические явления, развивается в соответствии с законами материалистической диалектики, в соответствии с законами, внутренне им присущими, через борьбу противоположностей. Борьба ведется „между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся“¹. Следовательно, историческая наука не сумма нанизанных на стержень времени фактов, а сложное развивающееся общественное явление, совершенствующееся путем раскрытия противоречий, путем „...борьбы противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий“². Руководствуясь этим положением марксизма, необходимо определить основные этапы, через которые проходила наука в процессе своего развития. Историографию нужно изучать в тесной связи с развитием социально-экономических отношений в обществе.

В развивающемся обществе, в период различных социально-экономических формаций, у представителей отдельных классов создавались известные, присущие им и обусловленные классовыми интересами философские, исторические и иные взгляды, которые могли ускорять или замедлять темпы развития той или иной науки. Чтобы разобраться во всех историографических взглядах, необходимо обратить особое внимание на учение классиков марксизма-ленинизма о роли идей в развитии общества. „Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества“³.

Учение И. В. Сталина о передовых и старых, отживших свой век идеях имеет исключительно большое значение для представителей исторической науки. Оно разоблачает идеалистов, утверждающих, что идеи, мнения являются в общественной жизни основным, первичным. Марксизм-ленинизм доказал, что идеи представляют отражение материальной жизни обще-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 104.

² Там же.

³ Там же, стр. 111.

ства и поэтому первичными быть не могут. В. И. Ленин в своей работе „Карл Маркс“ в главе о „Материалистическом понимании истории“ пишет: „Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных „главенствующих“ идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил“¹.

Следовательно, корни всяких идей надо искать в материальных производительных силах, а не наоборот. Отсюда вытекает необходимость на конкретном историографическом материале показать разнообразные идеи, выдвигаемые историками в их произведениях, и не только показать, но и объяснить причины их появления и их историческое значение в общественном развитии.

Марксизм-ленинизм учит, что развивающаяся материальная жизнь народа постоянно выдвигает перед обществом все новые задачи, получающие свое выражение в идеях и теориях. Возникшие новые воззрения расширяют путь для своего дальнейшего развития в борьбе с отживающими идеями, которые являются отражением разлагающихся старых условий материальной жизни общества. К. Маркс и Ф. Энгельс указывают, что „...умственная деятельность преобразуется вместе с материальной“². Отсюда вытекает, что если идеи оторваны от общественной жизни и не отвечают реальным требованиям времени, то они бессильны и бесплодны. Чтобы определить прогрессивность или реакционность тех или иных идей, необходимо знать историю данного народа, его производство, историю трудящихся масс, являющихся создателями материальных благ общества.

При оценке исторического произведения надо учитывать, что деятельность историка, его взгляды, мировоззрение нельзя рассматривать в отрыве от социальной среды, в которой историк живет, от того класса, к которому он принадлежит и чьи интересы защищает.

Однако в историографической литературе встречаются утверждения, что были и такие представители культуры, которые исходили из неклассовых позиций и потому, как беспартийные, якобы способны объективно судить об историческом процессе. Такие взгляды марксистская историческая наука

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 40.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, Соч., т. V, стр. 500.

самым решительным образом отвергает, как не соответствующие исторической действительности.

В. И. Ленин по поводу подобного рода высказываний говорил: „Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных... Равнодушие к борьбе отнюдь не является, поэтому, на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, того, кто господствует“¹.

Такова марксистская точка зрения на так называемых представителей „нейтральных“, „беспартийных“ историков, политиков и различных других пропагандистов буржуазных идей. В антагонистическом классовом обществе нет нейтральных, беспартийных историков. В классовом обществе идет ожесточенная борьба. Здесь нельзя занимать середину, служить и тем и другим одновременно своим молчанием. Это указание В. И. Ленина представляет величайшую ценность для историков, и прежде всего для тех, кто занимается вопросами историографии. Оно помогает раскрывать классовую сущность историографии в период различных классово-антагонистических формаций.

Итак, методологической основой марксистской историографии является материалистическая диалектика в ее приложении к обществу—исторический материализм.

II. Определение историографии как науки

Прежде чем перейти к изучению историографии древнего мира и установлению периодизации, необходимо попытаться выполнить требование, которое выдвинул А. А. Жданов, критикуя учебник Г. Ф. Александрова „История западно-европейской философии“.

А. А. Жданов потребовал от составителей „Истории философии“, чтобы в учебнике был точно определен предмет истории философии как науки. Это требование можно отнести и к курсам по историографии. Правда, по историографии рабоче-владельческого общества пока еще нет специальных курсов, которым мы могли бы предъявить это требование, но в учебных пособиях имеются историографические главы. Однако историография не рассматривается в них как наука и начинаются они с изложения фактического материала, далеко не отвечающего требованиям марксистской науки.

Тем не менее мы имеем возможность обратиться к другим периодам историографии и подвергнуть изучению имеющиеся

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 61.

там определения науки. Чаще всего встречаются весьма примитивные определения, например: „историография есть история самой науки“. Это самое общее определение, никого ни к чему не обязывающее, так как здесь классовая сущность науки не раскрывается. Наряду с этим в литературе встречаются и попытки дать более точное определение историографии как науки. В первом издании БСЭ, в статье, написанной А. Щеголевым, говорится: „Наука историография изучает развитие исторической науки, её направления, школы и литературу“¹. Можно ли согласиться с таким определением? Нет, так как оно весьма аполитичное, объективистское.

В „Историографии средних веков“ О. Л. Вайнштейна также есть определение историографии: „Историография должна изучать в связи с развитием общества — развитие исторической науки, выражающееся в закономерной смене исторических школ, направлений и всей системы исторических представлений, а также влияние исторической науки на выработку важнейших общественных идей“². В данном определении подчеркивается, что следует изучать историографию в связи с развитием общества, говорится о закономерной смене исторических школ и т. д. Однако в нем не расшифровывается, что следует понимать под закономерностью развития общества, и поэтому каждому представляется возможность истолковывать закономерность по-своему, вплоть до божьего повеления. Классовая сущность, партийность в определении науки не дается.

Иное определение историографии пытается дать Н. Л. Рубинштейн в труде „Русская историография“. Автор пишет: „Задача русской историографии — дать историю развития русской исторической науки в условиях развития русской истории, в связи с общим развитием общественной и научной мысли и с непосредственным ростом конкретного исторического знания“³.

Отличается ли определение Н. Л. Рубинштейна от определения О. Л. Вайнштейна? Почти ничем. Н. Л. Рубинштейн говорит о необходимости изучать историографию в русских условиях. Но раскрывается ли в данном определении классовая сущность русских условий и партийность историографии? Этого мы здесь не находим. Дополнение о росте научной мысли и конкретных исторических знаний не изменяет сущность определения. Оно остается сугубо объективистским, приемлемым и для буржуазной историографии. Сам Н. Л. Рубинштейн, вероятно, почувствовал неудовлетворительность своего определения и счел нужным вернуться к этому вопросу на следующих страницах, добавив, что „современная маркси-

¹ А. Щеголев, История и историография, Б. С. Э., т. 30, стр. 19.

² О. Л. Вайнштейн, Историография средних веков, 1940 г., стр. 7.

³ Н. Л. Рубинштейн, Русская историография, 1941, стр. 13.

стская историческая наука является в какой-то мере действительным итогом пройденного" ¹.

Это дополнение не изменяет существа дела, скорее даже ухудшает. Оно напоминает нам дореволюционные буржуазные определения историографии, например В. П. Бузескула, который говорил: „На рубеже двух веков XIX и XX мне казалось особенно уместным и полезным... так сказать, подвести итог, показать, что сделал минувший век по разработке этой истории, как менялись точки зрения и направления её изучения“ ².

Естественно, что В. П. Бузескул—представитель буржуазной историографии—не был способен на большее, как только подвести итог пройденному. Если он еще рассуждает о веках и о подведении итогов по историографии, то другие историки, например Захаров, Нетушил, Герье, начинают свои очерки без какой-либо попытки дать определение историографии как науки.

Критикуя взгляды А. Шеголева, Н. Л. Рубинштейна и О. Л. Вайнштейна, мы понимаем, что дать определение историографии как науки—дело очень трудное. Правильного определения ее мы до сих пор не имеем, но не потому, что данная проблема является неразрешимой, а потому, что советские историки этой сложной и трудной задачей по существу еще не занимались.

Наука историография должна иметь точное и ясное определение предмета потому, что она обязывает автора излагать курс так, чтобы содержание дисциплины полностью соответствовало самому определению науки. Академик Г. Ф. Александров, автор „Истории западно-европейской философии“, несколько раз пытался сформулировать определение истории философии как науки, но все эти формулировки были разбросаны на разных страницах книги, не были сконцентрированы, обобщены, служили определением какой-то части, какого-то определенного вопроса, но не охватывали науку в целом. А. А. Жданов, критикуя Г. Ф. Александрова, говорил, что определения автора имеют частные значения, в них нет „исчерпывающего, обобщающего определения“, поскольку каждое частное определение освещает только отдельную сторону вопроса. Следовательно, определение той или иной науки должно быть исключительно четким.

А. А. Жданов подверг критике работу Г. Ф. Александрова и в том направлении, что автор не сумел использовать указания классиков марксизма-ленинизма по вопросу о предмете истории философии как науки.

Основываясь на указаниях классиков марксизма-ленинизма, А. А. Жданов дал следующее определение истории философии

¹ Н. Л. Рубинштейн, Русская историография, 1941, стр. 7—8.

² В. П. Бузескул, Введение в историю Греции, 1915, стр. XI.

как науки: „Научная история философии, следовательно, является историей зарождения, возникновения и развития научного материалистического мировоззрения и его законов. Поскольку материализм вырос и развился в борьбе с идеалистическими течениями, история философии есть также история борьбы материализма с идеализмом“¹.

Конечно, определение А. А. Жданова истории философии как науки нельзя механически перенести на историографию. Однако необходимо самым пристальным образом изучить его и посмотреть, какими качественными чертами оно отличается.

В определении А. А. Жданова прежде всего подчеркивается мысль, что история философии есть научная история, то есть марксистская история. Этот первый признак, выдвинутый А. А. Ждановым, отличает марксистскую историю философии от буржуазной ненаучной истории философии.

Во-вторых, подчеркивается, что изучается история зарождения, возникновения философии как науки. Таким образом, под историей философии следует понимать не только готовую науку, созданную Марксом и Энгельсом, а историю зарождения, возникновения философии как науки. Это указание А. А. Жданова является особенно важным моментом для истории всех наук.

В-третьих, указывается, что история философии непрерывно развивалась и развитие это шло по определенным законам.

В-четвертых, устанавливается, что история философии есть история борьбы материализма с идеализмом.

Если при определении истории философии А. А. Жданов ссылаясь на работу В. И. Ленина „Карл Маркс“, то при определении историографии как науки имеет большое значение другая работа В. И. Ленина — „О государстве“. „Самое надежное в вопросе общественной науки,—говорил В. И. Ленин,— и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь“².

В. И. Ленин учит рассматривать общественные исторические явления научно, подходить к ним с исторической точки зрения, устанавливать, каким образом то или иное явление за-

¹ А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова, Госполитиздат, 1952, стр. 7.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 436.

родилось, какие этапы оно прошло в своем поступательном движении, чем эти явления качественно отличаются друг от друга. Законы общественного развития носят объективный характер, они не являются продуктом творчества отдельных личностей. „Марксизм понимает законы науки,— говорил И. В. Сталин,— как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей“¹.

Руководствуясь приведенными методологическими основами, мы полагаем, что определение историографии как науки должно быть следующим: марксистская история исторической науки (историографии) есть наука, изучающая зарождение, возникновение и развитие различных исторических направлений и школ, которые слагались на базе классовой борьбы и подвергались закономерной смене в соответствии с развитием определенных социально-экономических формаций. Это — наука, ведущая ожесточенную борьбу против идеалистических и иных извращений в освещении объективных процессов общественного развития.

Анализируя данное определение, прежде всего следует отметить, что в нем указывается на необходимость всестороннего изучения процесса зарождения, возникновения историографии, говорится не просто об историографии, а о марксистской, научной историографии. Затем следует указание на этапы развития науки, подчеркивается закономерность смен школ и направлений, а закономерность смены школ и направлений объясняется социально-экономическими условиями развития общества в тех или иных формациях.

В ранее приведенных определениях, в том числе в определении Г. Ф. Александрова, эти моменты опущены, за что А. А. Жданов подверг Г. Ф. Александрова строгой критике. Он требовал, чтобы различные философские системы не отрывались от материальной основы, так как происхождение самих систем должно объясняться условиями жизни общества. В нашем определении предусматривается закономерность в смене различных школ и течений, причем подчеркивается, что школы и направления рассматриваются в борьбе и берутся в тесной связи с материальными основами общества, чем обуславливается закономерность их смен. А. А. Жданов говорит, что если исследователь отрывает историю философии от материальной основы, то „это лишает книгу научного характера и превращает ее в значительной мере в описание биографии философов и их философских систем, взятых вне исторической обстановки“².

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952 г., стр. 4.

² А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова, Госполитиздат, 1952 г., стр. 26.

Если такую ошибку допустить и в историографии, то так же можно говорить лишь об очерках биографий историков и характеристике их произведений, но не о научном курсе историографии.

Далее, в нашем определении указывается на процесс развития самой историографии как науки и отмечается, что развитие её идет не мирным, кабинетным путем, не в отрыве от окружающей социально-политической среды, а в жестокой борьбе с врагами марксизма, с буржуазной идеалистической „историографией“. Тем самым показывается перспектива науки, утверждается, что она не перестает развиваться и продолжает свое движение вперед, переходя на более высокую ступень и поднимая знамя борьбы со всеми буржуазными, фашистскими фальсификаторами науки, которые стремятся использовать исторические знания для увековечения рабства трудящихся.

Следовательно, в нашем определении марксистская историография не отрывается от предшествующего — подготовительного периода. Нет противопоставления домарксовскому периоду, но вместе с тем нет и слияния с ним. Марксистская историография является единственной подлинной наукой, которая не может быть поставлена наряду со взглядами буржуазных историков. „Историография вообще“ не существует, ибо нет такой надклассовой науки, которая бы включала в себя на правах равноправия самые различные исторические воззрения.

Марксистская историческая наука достигла полного расцвета только в нашей стране. Но и за рубежом есть много прогрессивно мыслящих историков, которые стоят на марксистских позициях или находятся под влиянием марксизма, что обеспечивает их работам научную ценность. Миллионы зарубежных коммунистов, вооруженных марксистско-ленинской теорией, ведут ожесточенную борьбу с буржуазной идеалистической идеологией, борьбу против буржуазии, за победу пролетариата, за торжество учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Советские историки должны полнее и глубже изучать произведения, создаваемые за рубежом, особенно в странах народной демократии, подвергая критике исследования прогрессивных историков и помогая им скорее стать на твердые позиции марксизма-ленинизма. В то же время уничтожающая критика взглядов буржуазных фальсификаторов истории пресечет возможность их влияния на широкие массы трудящихся.

Необходимо помнить, что исторические взгляды являются составной частью надстройки, а надстройка, порождаемая базисом, относится не безразлично „...к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно со-

действует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы"¹.

III. История происхождения исторических знаний и превращение знаний в марксистскую историческую науку

Правильное определение историографии как науки—первое требование, которое необходимо выполнить, чтобы научно построить курс. Однако этим еще не исчерпываются все стороны введения, подлежащие обстоятельному выяснению и детальной разработке.

Важным вопросом, вытекающим непосредственно из приведенного выше определения историографии, является история происхождения исторических знаний как по времени их возникновения, так и в отношении народа—носителя начала историописания.

А. А. Жданов критиковал Г. Ф. Александра за то, что он отнес возникновение греческой философии, как особой области знаний, к VI веку. „Но можем ли мы говорить о философии древних греков, как об особой, отдифференцировавшейся области знаний?—говорил А. А. Жданов.—Безусловно, нет. Философские взгляды греков были настолько тесно переплетены с их естественно-научными, политическими взглядами, что мы не должны и не имеем права переносить на греческую науку наше, позже возникшее разделение наук, их классификацию. По сути дела, греки знали лишь одну, не расчлененную науку, в которую входили и философские представления“².

Указание А. А. Жданова позволяет историкам правильно оценить существующие в литературе точки зрения по вопросу о происхождении истории как науки. Руководствуясь этим указанием, нам представляется, что утверждение А. Щеголева, автора ранее уже цитируемой статьи по историографии, о том, что историческая наука сложилась в рабовладельческом обществе в VI веке, не соответствует действительности³.

Историография древних греков в VI веке не отдифференцировалась от прочих видов знаний, она выступала как искусство, как литература. Значит, в древности история как наука еще не сложилась, а только начала зарождаться. Кроме того, можно предполагать, что начатки исторических знаний следует искать не только в произведениях древних греков, но и в письменных памятниках более отдаленного времени—у наро-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 7.

² А. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александра, Госполитиздат, 1952, стр. 10.

³ Б.С.Э., т. 30, стр. 15.

дов древнего Востока. Конечно, у народов древнего Востока исторические знания были менее совершенными, чем у греков, но это явление вполне закономерное. Ф. Энгельс, останавливаясь на вопросах идеологии, говорил: — „Что касается... религии, философии и т. д., то у них имеется предисторическое содержимое, находимое и усваиваемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей“¹. Такую оценку Ф. Энгельс дает идеологическим взглядам доисторического периода. Но следует ли считать философские исторические воззрения общества античного мира совершенными? Конечно, нет. „История наук,—продолжает Ф. Энгельс,— это есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены её новой, но все же менее нелепой бессмыслицей“². В данном случае Ф. Энгельс непосредственно говорит о развитии науки в классовом обществе, о домарксовском периоде, когда бессмыслица уменьшается, но не уничтожается. Следовательно, утверждать, что наука — история оформилась у древних греков, как это делает А. Щеголев, значит возродить бессмыслицу, вместо того чтобы её устранить.

Останавливаясь на вопросе об исторических теориях домарксовского периода, В. И. Ленин писал: „Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений, устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-первых, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская „социология“ и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса“³.

Указания Ф. Энгельса и В. И. Ленина с полной исчерпывающей ясностью раскрывают содержание домарксовской историографии—это были сырые, отрывочные данные, перепутанные, бессистемные свидетельства. Уточняя процесс становления исторической науки, Ф. Энгельс подчеркивает, что

¹ Письмо Ф. Энгельса Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г., Соч., К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XXVIII, стр. 259—260.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 40.

только с XVIII века исторические знания начали превращаться в науку, которая в своем дальнейшем развитии становилась совершеннее.

До К. Маркса и Ф. Энгельса историческая наука не могла сформироваться, ибо для этого не сложились все необходимые социально-экономические предпосылки. Существовали тогда исторические знания. Что же представляют из себя эти исторические знания, о которых говорил Ф. Энгельс?

Знания рассматриваются в развитии. Знание исторически обусловлено современными ему достижениями общественной человеческой практики и обобщает практику. Отсюда следует, что исторические знания до XVIII века, ограниченные данным местом и временем, в какой-то степени сражали практику, конкретную историческую действительность жизни, происходящую на данной территории и у данного народа. А когда разрозненные, отрывочные исторические знания стали приводиться в систему, обобщаться, то это и был процесс превращения знаний в науку. Чтобы исторические знания могли превратиться в подлинную науку, для этого должны были появиться соответствующие предпосылки, способствовавшие превращению знаний в науку.

Такие предпосылки начали слагаться в XVIII веке в форме острой борьбы между старыми и новыми влияниями, между отживающей свой век феодальной формой и элементами капитализма, зародившимися еще в недрах феодального общества. Представители новой формации стремятся к власти, к установлению своих порядков. Поэтому появилась острая потребность в использовании исторических знаний, как оружия борьбы для достижения классовых целей. Вот почему Энгельс говорит, что в XVIII веке история как наука становится совершеннее. Именно в этот период начинают обобщать разрозненные исторические знания.

Что же требовалось, чтобы историческая наука, ставшая совершеннее в XVIII веке, окончательно превратилась в подлинную науку? Прежде всего следует отметить, что подлинная наука, как и другие общественные науки, должна была иметь свою материальную базу в виде нового прогрессивного общественного класса, носителя объективных условий превращения знаний в науку. Таким классом являлся лишь рабочий класс. Он был неотъемлемой частью возникшего буржуазного общества. Капитализм включает в себя буржуазию и пролетариат. Это — антагонистическое единство: и одна из названных частей без другой существовать не может. Буржуазия через эксплуатацию наемных рабочих обогащается, пролетарии, лишённые средств производства, вынуждены наниматься к капиталистам. Материальному и политическому господству буржуазии рабочий класс противопоставил свою все более зреющую организованность. В отличие от буржуазии интересам

рабочего класса не противоречил объективный ход исторического развития общества, а познанные законы развития общества превращались в материальную силу в борьбе рабочего класса со своими врагами.

Конечно, законы сами не обнаруживаются, их открывают деятели, оказавшиеся способными подняться выше своих частных интересов, а *порой* и выше интересов класса, к которому они принадлежат.

В Манифесте коммунистической партии К. Маркс и Ф. Энгельс писали: „...в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, принимает такой сильный, такой резкий характер, что некоторая часть господствующего класса отделяется от него и примыкает к революционному классу, носителю будущего. Как часть дворянства соединилась некогда с буржуазией, так переходит теперь к пролетариату часть буржуазии, именно буржуа - идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения“¹.

Исторический подход к общественным явлениям показывает, что открытие законов развития общества в середине XIX века не является случайностью, а продиктовано самим ходом развития общества, развитием классовой борьбы между основными классами капиталистической формации. Это было бурное революционное время, когда пролетариат в процессе становления выдвинул своими идеологами К. Маркса и Ф. Энгельса, которые совершили подлинную революцию в развитии исторической науки, разработав стройную революционную теорию развития общества, основанную на материалистическом понимании истории.

Благодаря этому хаос, царивший во взглядах, был уничтожен. „Величайшим завоеванием научной мысли, — говорит В. И. Ленин, — явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий, — из крепостничества, например, вырастает капитализм“².

Если разрозненные, хаотичные исторические знания в период борьбы буржуазии с феодализмом превращались во всеобщую историю, а последняя стала принимать форму науки, что диктовалось потребностью социальной борьбы того времени, то обострившаяся классовая борьба пролетариата с бур-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, Соч., т. V, стр. 492—493.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 5.

жуазией предъявила идеологам пролетариата новые, более высокие требования — необходимость открытия законов общественного развития.

Ф. Энгельс в одном из своих писем указывает: „То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Но если мы этого человека устраним, то появляется спрос на его замену, и такой заместитель находится, — более или менее удачный, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим французской республике, истощенной войной, — это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что к этому стремились многие, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело, и это открытие должно быть сделано“¹.

Из сказанного Энгельсом следует, что стремление открыть законы общественного развития существовало и до Маркса, но домарксовские теоретики не сумели этого сделать, хотя потребности жизни это настойчиво диктовали. Они исходили из интересов буржуазии, поэтому не смогли раскрыть действительные противоречия капитализма, закономерности его развития. Буржуазные экономисты считали капиталистический способ производства вечным, неизменным. Их мировоззрение было ограничено интересами представляемого ими господствующего класса.

К. Маркс и Ф. Энгельс, являясь идеологами рабочего класса, открыли истинные объективные законы общественного развития, существовавшие независимо от сознания и воли людей. Это позволило по-научному обозреть историческое прошлое и настоящее и определить линии будущего развития общества.

Почему предшествующие эпохи и их идеологи оказались не в состоянии решить столь великие задачи, которые решены классиками марксизма-ленинизма? Порождали ли прошлые формации своих идеологов, способных дать теоретическое обоснование наступающему новому строю? Эпоха феодализма, как и эпоха капитализма, имела своих, требуемых эпохой теоретиков. Подчеркиваем — требуемых потому, что историческая необходимость, как было уже отмечено, порождает и соответ-

¹ Ф. Энгельс, письмо Г. Штаркенбургу от 25/1-1894 г., Соч., т. XXIX, стр. 284—285.

ствующих руководителей, вождей, являющихся идеологами того или иного класса.

Начало средневековья выдвинуло таких выдающихся по тому времени деятелей, как Иеронима, Августина — творцов идеологической основы феодализма, устанавливающей господство христианской церкви. Они же были основателями учения об историческом развитии общества по четырем монархиям. Последняя Римская монархия представлялась в их учении, как последнее земное государство, не подлежащее изменению. Теоретические взгляды Августина на общество являлись отражением интересов феодальной знати: надо было закрепить власть феодалов над огромным большинством эксплуатируемого народа не только с помощью государственного аппарата, но и при содействии идеологии.

Исторические воззрения Августина господствовали в течение всего средневековья.

В недрах средневековья происходило зарождение элементов капитализма. Борьба буржуазии за власть требовала наличия идеологов, которые должны были теоретически осмыслить суть исторического процесса и дать „научное“ обоснование будущему строю.

Ф. Энгельс писал Конраду Шмидту: „Английские деисты и их более последовательные продолжатели — французские материалисты были настоящими философами буржуазии, французы были даже философами буржуазной революции. В немецкой философии от Канта до Гегеля проглядывает немецкий буржуазный обыватель то положительно, то отрицательно“¹.

Однако мировоззрение всех этих идеологов было ограничено классовыми интересами. Поскольку феодальные и буржуазные идеологи старались доказать вечность существования возникших формаций, политических учреждений и порядков, то они, конечно, выступали против объективных законов развития общества, против хода исторического развития. Поэтому представляемые ими классы и господство последних вместе со всеми порожденными теориями свержались, уничтожались новыми силами, являвшимися революционными носителями прогресса общества, вопреки всем „теориям“ вечности и божьих законов.

Из всего сказанного совершенно ясно, что история как наука берет свое начало только с К. Маркса и Ф. Энгельса, что марксистская историческая наука является не очередным звеном, качественно тождественным прежнему, в развитии исторических знаний, а тем теоретически обоснованным новым, что совершило революцию в историографии. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса не могут быть включены в виде очередного

¹ Письмо Ф. Энгельса Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. Соч., т. XXVIII, стр. 260.

порядкового номера в списки произведений всемирной истории. С классиков марксизма-ленинизма в развитии историографии начинается новая эпоха.

Вопрос об исторической роли марксизма в развитии историографии приобретает тем большее значение, что в нашей учебной литературе встречаются ошибочные утверждения. Например, Н. А. Машкин, автор главы „Историография древней Греции“, в учебнике по истории древней Греции, по вопросу об изучении античной истории говорит: „...влияние (прямое и косвенное) передовых социальных теорий и прежде всего учения Маркса и Энгельса позволили поставить новые вопросы и дать новые обобщения“¹. В этом рассуждении марксизм выступает как одна из передовых социальных теорий, а не как учение, совершившее революцию в историографии. Получается, что лишь вместе с буржуазными теориями марксизм преобразовал исторические знания в науку.

Такое смешение марксизма с различными взглядами буржуазии недопустимо.

В вопросе о развитии историографии новым является не то, что до XIX века не было исторической науки, а в том, что исторические знания стали наукой лишь начиная с К. Маркса и Ф. Энгельса.

Автор краткого очерка развития истории Н. Задемитко еще в 1910 году писал, что истории как науки до XIX века не было. Он говорит: „Наукой, и при том самостоятельной, история стала лишь в XIX веке, благодаря выдающимся талантам целого ряда историков — Гизо, Тьерри во Франции, Бокля в Англии, Нибура, Ранке и других в Германии“².

Н. Задемитко считает, что история стала наукой благодаря перечисленным им выдающимся историкам. Однако не от указанных буржуазных деятелей зависело появление науки, а от эпохи, которая предъявляла свои требования к обществу, когда рабочий класс выдвинул таких требуемых идеологов, как К. Маркс и Ф. Энгельс, способных решить великие задачи восходящего класса — пролетариата и давших последнему острое оружие борьбы против своих угнетателей.

Но роль пролетарских идеологов этим не исчерпывается. Они были страстными революционерами как в теории, так и в практике — вождями международного рабочего движения. К. Маркс писал 30 апреля 1867 года З. Мейеру: „...Почему я Вам не отвечал? Потому что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать каждый момент, когда я бывал в состоянии работать, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье

¹ В. С. Сергеев, История древней Греции, ОГИЗ, 1948, стр. 48.

² Н. Задемитко. Краткий очерк развития истории как науки, Философические записки, Воронеж 1910, выпуск V, стр. 656.

жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми практичными людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине непрактичным если бы подох, не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс создавали свои труды не ради науки для науки. Они разработали свое учение, чтобы обеспечить трудящимся светлое будущее. Они были вождями трудящихся масс и непосредственными участниками революционных выступлений рабочего класса.

С появлением марксизма как научного мировоззрения пролетариата кончается старый период развития исторических знаний, когда труды писались замкнутыми одиночками, оторванными от жизни, от народа, писались для меньшинства, для господствующего эксплуататорского класса. Только учение марксизма явилось учением для народных масс, претворяемым в жизнь и развиваемым самим народом.

IV. Источники для историографии как науки

Историческая наука не может развиваться без наличия соответствующего количества разнообразнейших источников, изучение которых дает возможность с подобающей полнотой раскрыть содержание развивающегося общества. „История всего предшествующего общества есть история борьбы классов“², — пишут К. Маркс и Ф. Энгельс.

К этому марксистскому определению содержания истории общества Ф. Энгельс сделал в примечании к Манифесту коммунистической партии следующее пояснение: „Т. е. говоря точно, та история, о которой существуют *письменные* свидетельства“³. Это указание является весьма существенным дополнением, позволяющим историку определить время появления классового общества по одному из важных признаков, т. е. по наличию письменности, появившейся при соответствующем уровне развития производства.

Человечество в период классового общества, пользуясь письменными документами, создало различные произведения в области истории, посвященные как отдельным историческим явлениям, так и целым эпохам и формациям. Всю совокупность

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, „Письма о „Капитале“, Институт МЭЛ при ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1948, стр. 111.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, „Манифест коммунистической партии“, Соч., т. V, стр. 483.

³ Там же.

исторической литературы с древнейших времен и до наших дней принято называть историографией.

В настоящем разделе мы будем говорить не об историографии подобного рода, которая создавалась по отдельным конкретным историческим вопросам или обществам, а об истории самой исторической науки. Такое разграничение понятий кажется естественным и легко объяснимым, однако в литературе по данным вопросам у историков нет единства мнений.

Чтобы надлежащим образом аргументировать необходимость разграничения понятий: „история как наука“ и „история исторической науки“ следует рассмотреть вопрос об источниках для той и другой части науки.

Ни один исторический труд, ни большой, ни малый, не может быть написан без привлечения соответствующей суммы различных категорий источников (литературных, нумизматических, археологических и т. д.), которые сохранились от современников изучаемого периода, а также глубокого исследования историографии изучаемой проблемы. В данном случае историография не выступает как самостоятельная наука, а используется как вспомогательный материал в руках исследователя для того, чтобы не открывать то, что уже было открыто до него, не допускать ошибок, которые уже исправлены, а раскритиковать допущенные и неисправленные предшествующими историками ошибки и дать свое правильное решение вопроса на основе глубокого анализа источников.

Чтобы написать историю рабовладельческого общества с начала его зарождения и до его падения, надо прежде всего собрать и изучить все имеющиеся источники, в том числе и произведения источников древнего мира, которые входят в общий объем источников, как её составная и неотделимая часть.

Областью изучения источников занимается специальная отрасль исторической науки — „источниковедение“. Это не просто собрание документов или инвентарная книга материалов древнего мира, а партийная наука. Она не только свидетельствует, например, о наличии среди многих источников произведения того или иного древнего историка, скажем, „Греческой истории“ Ксенофонта, а всесторонне изучает её: вскрывает социальную направленность произведения, достоверность сообщаемых фактов, использованные автором источники, правильность объяснения общественных явлений и т. д. Чтобы составить правильное суждение о данном источнике, источниковедение привлекает всю возможную массу древних памятников: юридических, эпиграфических, археологических и т. д. При взаимном сопоставлении, критическом исследовании источника составляется правильное суждение, которым можно воспользоваться при изучении истории древнего мира.

Отсюда следует, что из области источниковедения древнего мира нельзя вырывать одну частицу, а именно—произведения древних историков и включать их в другую область науки—„историографию“. Конечно, это не исключает возможности, что некоторые работы по историографии из раннего средневековья попутно выполняют роль источника по древнему миру потому, что автор при написании труда мог пользоваться таким источником древности, который до нас не дошел. В данном случае произведение выполняет эту источниковедческую роль попутно, вследствие утери для нас тех источников, которыми автор пользовался. Основное же назначение труда остается историографическое, а не источниковедческое.

Какое содержание должна иметь история самой исторической науки и „каковы её источники?“

В имеющейся исторической литературе по этому вопросу существуют разные суждения. Есть мнение, что историография занимается изучением приемов, техники историописания (приемы собирания источников, критика источников, вопросы хронологии, научный аппарат и т. д.). Что же касается взглядов историков, то, согласно этому мнению, историография их не изучает. Такое утверждение нам представляется абсолютно неверным, так как оно сводит острую партийную науку к функции технического комментария, к технике историописания.

Весьма важное значение имеет вопрос об источниках „историографии как науки“. История исторической науки (историография) о рабовладельческом обществе, как одна из областей общественных наук, также должна иметь определенный круг источников, которые питают самую науку. По нашему мнению, для историографии как науки существуют два вида источников: 1) отдельные исторические исследования по различным конкретным вопросам истории древнего мира и крупные монографии, охватывающие те или иные общества древнего мира, существовавшие на протяжении всей рабовладельческой формации в целом или части её. Этот род исторических произведений, как уже было отмечено выше, базируется целиком на источниках по истории древнего мира: литературных, этнографических, нумизматических, археологических, т. е. на документах, которые были созданы народами древнего мира; 2) исследования, посвященные изучению самих исторических произведений, то есть тех произведений, которые нами отнесены к первой группе источников.

Как первая, так и вторая группа — это произведения, начавшие создаваться в период кризиса античного общества, когда происходила смена одной формации другой. Только этот революционный период мог породить острую общественную потребность в использовании исторического прошлого рабовладельческого общества для утверждения феодальных основ.

Затем процесс изучения истории древнего мира получил свое дальнейшее развитие при феодализме, капитализме и социализме. Отсюда вытекает, что начало истории исторической науки рабовладельческого общества следует искать в гибнущем рабовладельческом обществе как в Западной Римской империи, так и в Восточной, ибо в старой формации зарождаются ростки будущего строя, новые экономические отношения. Это новое неизбежно порождает соответствующие ему воззрения, идеи и теории, находящие свое проявление и в форме отдельных исторических произведений, которые подлежат изучению историографией.

Следовательно, говоря об историографии, возникает необходимость провести разграничение между развивающейся исторической наукой по изучению рабовладельческого общества и историографией, которая исследует поступательное движение самой исторической науки. Но если эти два понятия не следует смешивать, то их нельзя и разрывать, так как история и историография как науки неразрывно связаны между собою. Развитие исторических знаний в области древнего мира является объектом изучения историографии. Историография, понимаемая как история исторической науки, *могла* возникнуть одновременно с историческими знаниями о древнем рабовладельческом обществе. Подчеркиваем — „могла“, так как имела такую возможность, но это еще не значит, что возможность в данном случае превратилась в действительность. Историография из возможности стала превращаться в действительность лишь тогда, когда в силу развития общественных отношений появилась потребность в изучении истории развития исторических знаний как оружия борьбы за осуществление задач того или иного класса общества.

Участь у классиков марксизма-ленинизма бороться за передовую, истинную революционную науку, советские историки должны создать обстоятельные историографические труды, в том числе и историю развития исторической науки, изучающей рабовладельческое общество.

V. Периодизация историографии о рабовладельческом обществе

Одним из важных вопросов при построении курса историографии является периодизация. Все историографические очерки и главы, имеющиеся в нашей исторической литературе по древней истории, построены по принципу веков и полувеков. На наш взгляд, такой арифметический подход к периодизации не может считаться научным. Это равносильно тому, чтобы взять картину, прекрасно написанную, разрезать пополам и сказать: „Вот вам одна часть, а вот — другая, но учтите, что каждая часть, отдельно взятая, есть законченное целое“.

Например, изучается XIX век, а потом XX век, но совпадают ли исторические периоды с этими вековыми датами? Нет, не совпадают. Империализм берет свое начало в последней четверти XIX века, а не в начале XX века. Поэтому картину общественной жизни нельзя разрезать пополам, а надо изучать в цельном виде. Конечно, без периодизации не обойтись, так как она предусматривается самим объективным ходом исторического развития. Марксистскими этапами развития общества являются социально-экономические формации. В. И. Ленин в лекции „О государстве“ указывает, что: „...переход общества от первобытных форм рабства к крепостничеству и, наконец, к капитализму—вы всегда должны иметь в виду, ибо, только вспоминая этот основной факт, только вставляя в эту основную рамку все политические учения, вы в состоянии будете правильно оценить эти учения и разобраться, к чему они относятся, ибо каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет такую массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, что разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии,— особенно связанном с учениями политическими, философскими и прочими буржуазных ученых и политиков,— можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах — экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.“¹.

Указания классиков марксизма-ленинизма следует положить в основу периодизации курса. Мы должны исходить из факта существования социально-экономических формаций и не заменять это основное марксистское положение периодизацией по векам и полувекам. Однако наш отказ от подобной периодизации не следует рассматривать как абсолютное её отрицание. Вековая, полувековая периодизация может найти свое применение при изучении внутренней истории отдельных формаций, когда требуется дать общую характеристику какому-нибудь явлению, приходящемуся на тот или иной отрезок времени. Система счета времени по годам или векам служит лишь средством для выражения исторически складывающихся периодов в развитии общества, а не фактором, определяющим их содержание.

По историографии древнего мира в настоящее время мы не располагаем готовой программой или периодизацией курса, ибо имеются лишь историографические главы в учебниках. В них история рабовладельческого общества освещается по

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 439—440.

трем крупным разделам: история древнего Востока, древней Греции и древнего Рима. По каждому разделу в отдельности изучается и историография. При таком построении историографических глав неизбежны большие повторения, в силу чего подобная дробная планировка не может быть оправдана ни с методологической, ни с методической точки зрения, так как предмет историографии отличается от предмета истории.

Идеи, теории, являющиеся отражением экономических и социальных отношений в обществе, в одинаковой степени влияли как на изучение истории древнего Востока, так и истории Греции и Рима. Поэтому историографию следует освещать не в отрыве от социальных экономических отношений данного общества, в котором жили те или иные историки, давшие свои исследования, а в тесной связи с событиями социально-политической жизни общества. Необходимо показать причину появления интереса тех или иных исследователей к различным разделам истории древнего мира и обосновать этот интерес социально-классовыми мотивами авторов произведений. Поэтому курс историографии по истории древнего Востока, Греции и Рима нужно строить как единое целое, как один курс, а не три, и показать в нем исторические взгляды на древний мир в целом. Надо научно обосновать, почему на соответствующих этапах развития общества начал появляться интерес к изучению истории рабовладельческого общества в целом и к отдельным её частям, в частности, показать этапы развития интереса к изучению истории древнего мира. При изучении историографии рабовладельческого общества в целом, а не в отрыве одной его части от другой, достигается необходимая научность в подходе к исследованию предмета. Нужно брать рабовладельческую формацию в целом без отрыва Востока от античного мира, ибо такой отрыв лежит в плане высказываний буржуазных „теоретиков“, полагающих, что народы Востока жили особой жизнью и не подчинялись законам западной цивилизации. В. И. Ленин говорит, что „Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в *определённые* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи“¹. Эта же мысль подчеркивается В. И. Лениным в работе „О государстве“².

Отсюда вытекает, что историографию рабовладельческого общества следует рассматривать в целом, а не по отдельным частям её—Востока, Греции и Рима и с учетом социально-эко-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 373.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 439—440.

номических и политических особенностей и классовой принадлежности историка.

Руководствуясь вышеизложенным, мы считаем правильным построить курс историографии рабовладельческого общества по следующим разделам:

Введение

В нем необходимо осветить методологические вопросы курса, дать определение историографии как науки. Здесь же следует рассмотреть ряд других вопросов, раскрывающих содержание курса.

Первый раздел

Развитие исторических знаний по изучению рабовладельческого общества до возникновения марксизма

Как было отмечено выше, исторические знания по изучению истории рабовладельческого общества до открытия законов общественного развития К. Марксом и Ф. Энгельсом оставались разрозненными, необобщенными и отрывочно набранными фактами. В таком состоянии в основном они пребывали как в период феодализма, так и в период начала капиталистического общества, что позволяет выделить этот раздел из общего курса под одним, вышеприведенным заголовком. Весь историографический материал должен делиться на главы с учетом развития общества по социально-экономическим формациям.

Глава первая — Развитие исторических знаний о рабовладельческом обществе в период феодализма (начиная с поздней Римской империи и до зарождения буржуазии и буржуазной историографии).

Главу следует начать с изложения истории исторических знаний периода падения рабовладельческого общества и начала феодальной формации. В ней необходимо показать возникновение общественной потребности обратиться к историческому прошлому древнего мира.

Конечная дата данной главы не указывается потому, что не во всех странах, в силу неравномерного развития исторического процесса, одновременно зарождается буржуазия и буржуазная историография. Конечная дата для каждой страны должна быть установлена особо.

Глава вторая — Развитие исторических знаний о рабовладельческом обществе в период становления класса буржуазии и борьбы последней за власть.

Зародившаяся в недрах феодализма капиталистическая экономика порождает своих идеологов, борющихся за права и интересы своего класса. В этой главе необходимо показать прелом-

ление борьбы буржуазии за власть в вопросах изучения истории древнего мира. Одну датировку как начала, так и конца главы дать для всех стран и народов не представляется возможным, ибо исторический процесс, как было отмечено выше, развивался у различных народов неравномерно.

Глава третья — Развитие буржуазных исторических знаний о рабовладельческом обществе до революции 1848 года и возникновения марксизма.

В данной главе освещается развитие буржуазных исторических знаний в тех странах, где установился капитализм. Изложение доводится до революции 1848 года и возникновения марксизма. Революция 1848 года вызвала кризис в буржуазной идеологии, оставила глубокий след в развитии историографии.

С возникновением марксизма историография превращается в историческую науку и знаменует собою начало непримиримой борьбы исторического материализма с идеализмом во взглядах на развитие общества.

Истории развития марксистской историографии отводится следующий раздел курса.

Второй раздел

Возникновение марксизма и развитие марксистской историографии рабовладельческого общества до Великой Октябрьской социалистической революции в России 1917 года

К. Маркс и Ф. Энгельс совершили величайшее открытие, создав теорию исторического материализма, являющегося распространением положений материалистической диалектики на изучение общественных явлений. В отличие от буржуазных воззрений марксистская история стала наукой.

При изучении историографии рабовладельческого общества мы обязаны установить этапы борьбы марксизма с враждебными ему буржуазными воззрениями, которые видоизменялись в связи с развитием капиталистической формации.

Глава первая — К. Маркс и Ф. Энгельс — основоположники истории как науки.

Начало революционной деятельности основоположников марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса относится к бурному революционному времени 40-х годов прошлого века. Они создали новую философию, качественно отличающуюся от всех философских систем, ранее существовавших. В главе нужно подчеркнуть, что марксизм есть не просто очередное звено эволюционного развития исторических знаний, но просто преемник прогрессивных учений об обществе и его развитии. Возникновение марксистской историографии было революцией в изуче-

нии истории человеческого общества. Необходимо показать, что марксистская историография является полным отрицанием предшествующих исторических знаний, что она означает „...поглощение, критическую переработку и объединение в новом высшем синтезе всего того передового и прогрессивного, что уже достигнуто в истории человеческой мысли“ (Жданов). Все это данная глава должна содержать в отношении развития исторической науки вообще и историографии о рабовладельческом обществе, в частности.

Глава вторая — Марксистская историография в борьбе с идеалистической либеральной буржуазной историографией рабовладельческого общества.

Эта глава хронологически охватывает время от буржуазной революции 1848 года до Парижской Коммуны 1871 года. В главе необходимо выявить дальнейшее нарастание классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, стремление буржуазии различными средствами затормозить борьбу рабочего класса за свое освобождение. В этой связи надо показать, как марксистская революционная теория боролась против либерально-буржуазных идеалистических воззрений в области изучения истории древнего мира. С данной главы начинается изучение марксистской историографии, ведущей борьбу с буржуазными концепциями в области изучения истории древнего мира.

Парижская Коммуна — крупнейшее событие, первая попытка установления диктатуры пролетариата. Парижская Коммуна ознаменовала начало общего упадка промышленного капитализма, нового кризиса буржуазной идеологии и победы марксизма. Историография рабовладельческого общества этого периода не может изучаться без учета влияния на нее указанных политических событий.

Глава третья — Марксистская историография рабовладельческого общества в эпоху империализма и борьбы рабочего класса за власть.

Хронологически глава начинается с 1871 года и доводится до 1917 года, до победы русского пролетариата в Великой Октябрьской социалистической революции. 70-е годы — начало перехода промышленного капитализма в империализм. Дальнейший рост монополий и их сращивание с банковским капиталом образовали финансовую олигархию, которая стала осуществлять господство в хозяйственной и политической жизни не только внутри отдельной страны, но и в мировом масштабе. Империализм есть загнивающий капитализм, обреченный на гибель, но ведущий ожесточенную борьбу со всем новым, что угрожает его господству.

В этой главе необходимо показать, как буржуазия пользовалась историографией древнего мира для выступления против

марксизма, против рабочего класса, и как пролетариат, вооруженный марксистской революционной теорией, боролся против буржуазных воззрений, когда буржуазия „...позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе“¹.

Раздел заканчивается 1917 годом, когда произошел раздел мира на две системы: на мир старый, империалистический, приговоренный историей к гибели, и на мир новый, социалистический, которому принадлежит будущее. Октябрьская Социалистическая революция открыла в развитии общества новую эпоху, которая характеризуется новыми качественными изменениями по сравнению с дореволюционным временем.

Это обязывает нас при изучении историографии начать новый раздел.

Третий раздел

Развитие марксистской историографии рабовладельческого общества в СССР

Раздел советской историографии начинается с 1917 года и было бы неправильно объединять его под одним заголовком „Историография XX века“, потому что XX век — это век существования двух формаций, ведущих между собой непримиримую борьбу.

Изучение советской историографии по древнему миру, по нашему мнению, необходимо разделить на несколько периодов, материал которых размещается по следующим главам:

Глава первая: Советская историография в борьбе за господство марксистско-ленинской теории в области изучения истории рабовладельческого общества.

Глава вторая — „История ВКП(б), краткий курс“ — новый этап в развитии марксистской исторической науки в области изучения рабовладельческого общества.

Глава третья — Советская историография в авангарде сил, борющихся за торжество марксистско-ленинской теории в мировой исторической науке.

Первая глава хронологически начинается с 1917 года, и в ней исследование доводится до 1938 года, по год издания „Истории ВКП(б) краткого курса“, являющегося классическим произведением марксизма-ленинизма. В этой главе нужно показать, как советские историки под руководством партии Ленина—Сталина преодолевали буржуазные воззрения на развитие исторического процесса в изучении истории рабовладельческого общества.

Во второй главе (1938—1950) необходимо широко показать значение решения ЦК ВКП(б) об одобрении издания „Истории

¹ И. В. Сталин, Речь на XIX съезде партии, Госполитиздат, 1952, стр. 11.

ВКП(б). Краткий курс“, изданный под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Данный труд является образцом марксистского исторического исследования, обогатившим советскую науку во всех областях научных знаний; он послужил отправным пунктом мощного расцвета наук в СССР и особенно расцвета исторической науки.

В этой главе следует также сказать, что развитие советской исторической науки шло в острой борьбе со всякого рода пережитками буржуазной идеологии, с объективизмом, безродным космополитизмом и преклонением перед зарубежной культурой. Данная глава, как весь раздел советской историографии, должен носить наступательный характер против реакционной буржуазной лжеисторической науки.

Третья глава хронологически начинается с 1950 года. В ней необходимо подчеркнуть большое значение решений Центрального Комитета партии о проведении ряда дискуссий по вопросам развития наук в нашей стране. В связи с этим нужно показать огромную научную и политическую значимость трудов И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и „Экономические проблемы социализма в СССР“ и решений XIX съезда партии для развития советской исторической науки вообще и изучения истории древнего мира, в частности.

При анализе произведений советских историков следует проследить, насколько в них глубоко вскрываются исторические явления, насколько они проникают в самую суть процессов развития общества.

Наконец, во всем разделе советской историографии надо осветить ту упорную борьбу, которую вели и ведут советские историки против буржуазных реакционных фальсификаторов истории в области истории древнего мира, за торжество марксистско-ленинской теории в мировой исторической науке.

Четвертый раздел

Развитие марксистской историографии рабовладельческого общества за пределами СССР после Великой Октябрьской социалистической революции

Четвертый раздел при изучении историографии до наших дней нельзя рассматривать как единое целое, потому что зарубежный мир вновь раскололся на две части: от лагеря империализма отпали страны народной демократии. Это обязывает разделить четвертый раздел на соответствующие главы.

Глава первая—Борьба марксистской историографии против буржуазно-идеалистической, фашистской и англо-американской лжеисторической „науки“ в области древней истории в странах империализма.

Глава вторая — Марксистская историография рабовладельческого общества в странах народной демократии.

Существование Советского государства с первых же дней вызвало бешеную ненависть со стороны империалистического мира. Обострилась идеологическая борьба между марксизмом и реакционным идеалистическим буржуазным мировоззрением. Гибнущий лагерь империализма в условиях, „когда все дороги ведут к коммунизму“, стремится использовать все средства для продления своего существования. В его борьбе против марксизма фальсификация истории занимает не последнее место.

В первой главе четвертого раздела следует показать борьбу марксистской историографии рабовладельческого общества по разоблачению буржуазных фальсификаторов истории за истекшее тридцатилетие.

Во второй главе следует дать картину борьбы, ведущейся в странах народной демократии за упрочение марксистских позиций в области изучения рабовладельческого общества.

Вот та периодизация и краткое обоснование хронологических периодов, которую можно предложить для построения курса историографии рабовладельческого общества.

Во всех перечисленных разделах мы не выделяем отдельно какую-нибудь страну, а считаем, что тот или другой раздел касается всех стран и произведений авторов как русских, так и зарубежных. Русскую дореволюционную историографию древнего мира мы также не выделяем в особый раздел и считаем, что ее нужно изучать не в отрыве от всемирной историографии, а одновременно. Русская историография должна занять подобающее место в каждом из перечисленных разделов курса, изучающих дореволюционную историографию.

СОДЕРЖАНИЕ

1. История СССР

В. Соколов. Из истории борьбы за хлеб в 1918 году	3
Э. Герштейн. Н. В. Шелгунов — соратник Н. Г. Чернышевского	27
И. Порох. Восстание Черниговского полка	74
А. Ардабацкая. Из истории русско-английских отношений на- чала 40-х годов XVIII века	138
Л. Дербов. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский пре- стол (1572—1576)	176
И. Сеницын. Археологические памятники в низовьях реки Иловли	218

2. Всеобщая история

И. Кашкин. Пособничество турецкой реакции франкистскому мя- тежу и фашистской интервенции в Испании (1936—1939 гг.)	254
М. Яброва. Пропганда колониальной экспансии в Англии во второй половине XVI века	269
С. Стам. О некоторых вопросах истории реформации и крестьян- ской войны в Германии	293
Э. Путный. К вопросу определения историографии как науки и принципах построения курса по историографии рабовладельче- ского общества	323

Ученые записки, том XXXIV

Редактор *Б. Авилов*. Технич. редактор *В. Лукашевич*.
Корректор *С. Дмитриева*.

*

НГ19481. Сдано в набор 1/II-1954. Подп. к печати 22/VI-1954. Бумага 60×92¹/₁₆.
Б. л. 11. П. л. 22. Уч. изд. л. 24,58. Тираж 1000. Заказ № 764. Бесплатно.

*

Саратовское книжное издательство, Вольская, 81.

Саратов. Типография № 1 Облполиграфиздата.

БЕСПЛАТНО